СОЧИНЕНІЯ

ГЮИ де МОПАССАНА,

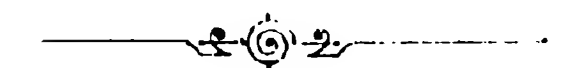
ИЗБРАННЫЯ

ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ.

ПЕРЕВОДЪ Л. П. НИКИФОРОВА

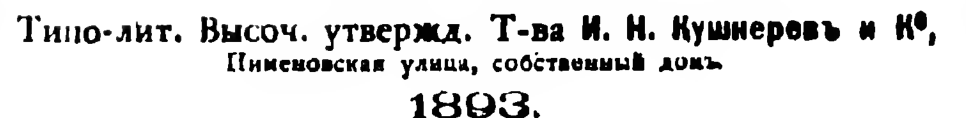
ПРОСМОТРѢННЫЙ

Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеровъ и К°,

Пименовская улица, собственный домъ.

1893.

СОЧИНЕНІЯ

ГЮИ де МОПАССАНА,

ИЗБРАННЫЯ

ЛЬВОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ ТОЛСТЫМЪ.

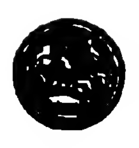
ПЕРЕВОДЪ Л. П. НИКИФОРОВА

ПРОСМОТРѢННЫЙ

Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская улица, собственный домъ.

1893.

Изъ всѣхъ сочиненій Гюи де-Мопассана выбраны мною, для изданія ихъ въ русскомъ переводѣ, слѣдующіе лучшіе, по моему мнѣнію, романы, повѣсти и разсказы.

Левъ Толстой.

1893 г. 20 января.

ОДИНОЧЕСТВО.

После веселаго обѣда въ холостой компаніи мой старый пріятель сказалъ мнѣ:

— Не хочешь ли пройтись по Елисейскимъ Полямъ?

И мы пошли, медленно шагая по длинной аллеѣ между деревьями, слабо одѣтыми листвой. Ни малѣйшаго шума кромѣ этого вѣчнаго глухого гула отъ непрерывнаго парижскаго движенія. Свѣжій вѣтерокъ дулъ намъ въ лицо и по темному небу разсыпалась золотистая пыль безчисленныхъ звѣздъ.

Товарищъ мой заговорилъ:

— Не знаю почему, но ночью мнѣ здѣсь дышется легче, чѣмъ гдѣ-либо. Мысль моя какъ будто растетъ. Минутами умъ мой озаряется яркими проблесками свѣта и мнѣ въ эти мгновенія кажется, что мы отгадаемъ божественную тайну жизни. Но окно захлопывается... И кончено.

Двойныя тѣни мелькали порой между деревьями; мы прошли мимо скамейки; рядкомъ сидѣвшая на ней парочка сливалась въ одно темное пятно.

Мой пріятель проговорилъ:

„Жалкіе люди! Не отвращеніе, а безпредѣльную жалость чувствую я къ нимъ. Изъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни я постигъ только одну: пытка нашего существованія въ томъ, что мы вѣчно одиноки, и все, что мы дѣлаемъ, мы дѣлаемъ, чтобы бѣжать отъ этого одиночества. Вонъ и эти влюбленныя парочки на скамейкахъ подъ открытымъ небомъ ищутъ возможности, какъ и мы, какъ и всѣ живыя существа, хотя бы на мгновеніе избѣжать своего одиночества, но они остаются и вѣчно останутся одинокими; и мы тоже.

Одни люди чувствуютъ это сильнѣе, другіе слабѣе, вотъ и все.

Съ нѣкотораго времени я испытываю невыносимую пытку: я понялъ, я постигъ мое страшное одиночество, и знаю, что ничто,—понимаешь ли?—ничто въ мірѣ не въ силахъ прекратить его. Всѣ наши попытки, старанія, порывы сердца, всѣ призывы нашихъ устъ, всѣ наши объятія тщетны и тщетны,—мы всегда одиноки.

Я увлекъ тебя сюда, на эту прогулку, чтобы не идти домой,—меня теперь невыносимо мучаетъ одиночество моей квартиры. Но и это ни къ чему. Я говорю, ты меня слушаешь, мы идемъ вдвоемъ, рядомъ, вмѣстѣ, но каждый изъ насъ одинъ. Понимаешь ли ты меня?

„Блаженны нищіе духомъ“, говоритъ писаніе. Эти не утратили призрака счастья. Они не вѣдаютъ нашего горя одиночества, они не бредутъ по жизненному пути, какъ я, соприкасаясь съ людьми только локтями, безъ иной радости, кромѣ эгоистическаго удовлетворенія тѣмъ, что понимаешь, видишь, угадываешь и безъ конца страдаешь отъ сознанія своего вѣчнаго одиночества.

Ты думаешь, что я сошелъ съ ума. Правда?

Но выслушай меня. Съ тѣхъ поръ, какъ я почувство-

валъ одиночество моего существованія, мнѣ кажется, что я съ каждымъ днемъ все больше погружаюсь въ какое-то мрачное подземелье, краевъ и конца котораго я не вижу и изъ котораго можетъ-быть нѣтъ и выхода. Я иду по немъ, но ни со мной, ни рядомъ нѣтъ ни одного живого существа. Подземелье—это наша жизнь. Порой я слышу шумъ, голоса, крики... Я ощупью спѣшу на нихъ. Но откуда они раздаются, я никогда навѣрное не знаю; я не встрѣчаю никого, не нахожу руки другого человѣка въ мракѣ, окружающемъ меня. Понимаешь ли?

Были люди, которые иногда угадывали это ужасное страданіе. Мюссе восклицаетъ:

Кто тамъ идетъ? Зоветъ меня? Никто.
Одинъ я, какъ всегда,—пробилъ часъ.
О одиночество! О нищета!

Но у него это было мимолетное сомнѣніе, а не полная достовѣрность, какъ у меня. Онъ былъ поэтъ, наполнялъ жизнь призраками, грёзами. Онъ никогда не былъ вполнѣ одинокъ, какъ я.

Густавъ Флоберъ, этотъ великій несчастный міра сего, потому что былъ изъ числа немногихъ великихъ провидцевъ, писалъ другу - женщинѣ слѣдующія отчаянныя слова: „Мы всѣ въ пустынѣ; никто никого не понимаетъ".

Да, никто никого не понимаетъ; что̀ бы мы ни думали, что̀ бы ни говорили, что̀ бы ни дѣлали,—никто никого не понимаетъ. Знаетъ ли земля, что творится на этихъ звѣздахъ, разбросанныхъ какъ огненныя зерна въ пространствѣ такъ далеко, что мы видимъ только самую незначительную часть ихъ, тогда какъ остальныя безчисленныя ихъ полчища теряются въ безконечности? А можетъ-быть эти звѣзды такъ близки другъ къ другу, что составляютъ одно цѣлое, какъ молекулы одного тѣла?

И какъ земля не знаетъ, что̀ творится на этихъ звѣздахъ, такъ и человѣкъ не знаетъ, что̀ происходитъ въ другомъ человѣкѣ. Мы дальше другъ отъ друга, чѣмъ эти свѣтила, а главное—болѣе разъединены, потому что мысль бездонна.

Что можетъ быть ужаснѣе этого постояннаго соприкосновенія существъ при невозможности слиться съ ними? Мы любимъ такъ, какъ будто мы прикованы близко другъ къ другу, и, простирая руки, мы не можемъ соединиться. Мучительная потребность единенія гложетъ насъ; но всѣ наши усилія тщетны, порывы безплодны, изліянія безполезны, объятія безсильны, ласки пусты. Мы хотимъ слиться, но, при всѣхъ нашихъ стремленіяхъ, мы только стукаемся другъ о друга. Я больше всего чувствую себя одинокимъ, когда отдаю свое сердце другому человѣку: тогда эта невозможность становится мнѣ еще очевиднѣе. Вотъ онъ—этотъ человѣкъ,—онъ смотритъ на меня своими ясными глазами, но душу его, позади ихъ, я не знаю. Онъ слушаетъ меня. А что онъ думаетъ? Да, что онъ думаетъ? Ты не понимаешь этой муки? Можетъ-быть онъ ненавидитъ, презираетъ меня, насмѣхается надо мной? Онъ взвѣшиваетъ всѣ мои слова, судитъ, глумится, осуждаетъ меня, считаетъ меня посредственностью или глупцомъ? Какъ знать, что̀ онъ думаетъ? Какъ знать, любитъ ли онъ меня такъ же, какъ я его, и что̀ шевелится въ его маленькой круглой головѣ? Какая страшная тайна—неизвѣстная мысль другого существа, мысль скрытая и свободная, которую мы не можемъ ни знать, ни направлять, ни обуздать, ни побѣдить.

А я?... Какъ я ни стараюсь отдаться, раскрыть всѣ двери моей души,—мнѣ это невозможно. Всегда на днѣ, на самомъ днѣ, остается тайный уголокъ моего „я“, куда никто не проникаетъ. Никто не въ силахъ открыть его, войти

туда, потому что никто не похожъ на меня и никто никого не понимаетъ.

По крайней мѣрѣ въ эту минуту понимаешь ли ты меня?— Нѣтъ. Ты считаешь меня безумнымъ! Ты меня разсматриваешь, ты остерегаешься меня! Ты задаешь себѣ вопросъ: что съ нимъ? Но если когда-нибудь тебѣ удастся понять мое ужасное и утонченное страданіе, о, приди тогда, чтобы сказать только: „я понялъ тебя",—и я хоть на мгновеніе буду счастливъ.

Женщины въ особенности заставляютъ меня сильнѣе чувствовать мое одиночество.

О горе, горе! Какъ я страдалъ отъ нихъ; онѣ чаще мужчинъ вызывали во мнѣ ложную надежду на то, что я не одинокъ.

Когда вступаешь въ любовь, кажется, что расширяешься, тебя охватываетъ нечеловѣческое блаженство. Знаешь ли отчего? Знаешь ли, откуда это ощущеніе огромнаго счастья? Единственно отъ того, что воображаешь себя уже не одинокимъ. Одиночество, отчужденіе человѣческаго существа, повидимому, кончилось. Какое жалкое заблужденіе!

Женщина еще сильнѣе насъ мучится тою вѣчною потребностью любви, которая гложетъ наше одинокое сердце; эта-то женщина и составляетъ главную ложь мечты.

Тебѣ знакомы сладостные часы лицомъ къ лицу съ этимъ существомъ, длинноволосымъ, плѣнительнымъ, одни взоры котораго сводятъ насъ съ ума. Безумный восторгъ туманитъ умъ! Чудная иллюзія охватываетъ насъ! Кажется, что вотъ-вотъ она и я сольемся въ одно. Но это только кажется, и послѣ недѣль ожиданій, надеждъ и лживыхъ радостей я еще сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствую себя одинокимъ.

Послѣ каждаго поцѣлуя, послѣ каждаго объятія одиночество растетъ. И какъ оно ужасно, какъ мучительно! Поэтъ Сюлли Прюдомъ говоритъ:

Всѣ ласки - одни безумные порывы,
Безплодныя попытки жалкой любви
Достигнуть союзомъ тѣлъ невозможнаго сліянія душъ.

И потомъ прощай. Все кончено! Мы едва узнаемъ ту женщину, которая на мгновеніе была для насъ всѣмъ и задушевную мысль которой, конечно пошлую, мы даже никогда не знали.

Даже въ тѣ минуты, когда намъ кажется, что въ таинственномъ согласіи нашихъ существъ, въ полномъ смѣшеніи желаній и всѣхъ стремленій мы проникли въ самую глубь ея души,—слово, одно слово, случайно сказанное ею, раскрываетъ нашъ самообманъ и, какъ молнія ночью, освѣщаетъ пропасть, лежащую между нами.

И все-таки ничего нѣтъ лучше этихъ вечеровъ съ любимою женщиной,—вечеровъ молчаливыхъ, когда чувствуешь себя почти счастливымъ отъ одного ея присутствія. Не будемъ требовать большаго, потому что никогда два существа не сольются вмѣстѣ!

Что до меня касается, то я теперь отъ всѣхъ замкнулъ мою душу. Я никому не говорю, во что я вѣрю, что думаю, что люблю. Зная, что я осужденъ на ужасное одиночество, я равнодушно гляжу на все и не высказываюсь. Что мнѣ за дѣло до чужихъ мнѣній, ссоръ, удовольствій и вѣрованій. Не будучи въ состояніи дѣлиться ничѣмъ съ людьми, я безучастенъ ко всему. Моя невидимая мысль остается неизвѣданной. У меня есть банальныя фразы въ отвѣтъ на обыденные вопросы и улыбка, когда мнѣ не хочется отвѣчать.

Понимаешь ли ты меня?“

Мы прошли всю длинную аллею до тріумфальной арки. Звѣзды спустились до площади Согласія; онъ говорилъ медленно и высказалъ еще многое другое, чего я даже не запомнилъ.

Наконецъ онъ остановился передъ высокимъ гранитнымъ обелискомъ, стоящимъ на парижской мостовой. При свѣтѣ звѣздъ едва обрисовывался длинный египетскій профиль этого памятника въ изгнаніи, на бокахъ котораго странными знаками начертана исторія его страны. И вдругъ движеніемъ руки мой пріятель указалъ на этотъ обелискъ и воскликнулъ:

— Всѣ мы—какъ этотъ камень!

И онъ ушелъ, не сказавъ больше ни слова.

Былъ ли онъ пьянъ, сумасшедшій или мудрый, я и теперь не знаю. Порой мнѣ кажется, что онъ правъ, порой—что онъ сошелъ съ ума.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Аббату Мариньянъ хорошо шло его воинственное имя. Это былъ человѣкъ высокій, худощавый, съ фанатичною, всегда восторженною, но правдивою душой. Вѣрованія его были тверды, безъ колебаній. Онъ искренно думалъ, что зналъ своего Бога, проникъ въ Его промыслы, волю и намѣренія.

Когда онъ большими шагами прогуливался по аллеѣ своего сада, въ его душѣ иногда возникалъ вопросъ: „Зачѣмъ Богъ сдѣлалъ то-то и то-то?“ И онъ настойчиво искалъ отвѣта, ставилъ себя на мѣсто Бога и почти всегда находилъ разрѣшеніе вопроса. Онъ не воскликнулъ бы въ порывѣ набожнаго смиренія: „Неисповѣдимы судьбы Твои, Господи!“ Нѣтъ, онъ говорилъ себѣ: „Я—служитель Бога и долженъ знать Его намѣренія, а если не знаю, то обязанъ ихъ разгадать“.

Ему казалось, что все сотворено въ природѣ съ совершенною и удивительною послѣдовательностью. Всѣ „почему“ находили свои соотвѣтствующія „потому“. Утренняя заря создана для пріятнаго пробужденія, дни—для созрѣванія жатвы, дожди—для поливки ея, вечера—для приготовленія ко сну, а темныя ночи—для сна.

Четыре времени года вполнѣ соотвѣтствовали всѣмъ нуждамъ земледѣлія; и никогда у него не могла зародиться мысль, что можетъ-быть природа не вѣдаетъ цѣли, и все живущее, напротивъ, само приспособилось къ суровымъ требованіямъ времени, климата и вещества.

Но женщину онъ ненавидѣлъ, ненавидѣлъ и презиралъ безсознательно и инстинктивно. Онъ часто повторялъ слова Спасителя: „Жено, что мнѣ до тебя?“ и прибавлялъ: „Кажется, и самъ Богъ недоволенъ этимъ твореніемъ“. Женщина была для него трижды нечистымъ дѣтищемъ, о которомъ говоритъ поэтъ. Она была соблазнительницей, увлекшей перваго человѣка, и понынѣ продолжала свое проклятое дѣло. Она—это существо слабое, опасное, необъяснимо-волнующее. Но сильнѣе ея соблазнительнаго тѣла ненавидѣлъ онъ ея любящую душу.

Часто онъ чувствовалъ на себѣ нѣжность женщинъ, и хотя и сознавалъ себя неуязвимымъ, тѣмъ не менѣе раздражался этою постоянно трепещущею въ нихъ потребностью любви.

Богъ, по его мнѣнію, сотворилъ женщину только для соблазна и для испытанія человѣка. Къ ней надо приближаться не иначе, какъ съ оборонительными предосторожностями и съ тѣми страхами, которые внушаютъ западни. Онѣ дѣйствительно такъ похожи на западню съ распростертыми къ мужчинѣ объятіями, съ раскрытыми устами.

Онъ былъ снисходителенъ только къ монахинямъ, безобиднымъ въ силу ихъ обѣта; но и къ нимъ онъ относился жестко, потому что чувствовалъ, что въ глубинѣ ихъ скованнаго, смиреннаго сердца еще таилась эта вѣчно живая нѣжность, обращенная и на него, несмотря на то, что онъ былъ священникомъ.

Онъ чувствовалъ эту нѣжность въ ихъ взглядахъ, болѣе

увлаженныхъ благочестіемъ, чѣмъ взгляды монаховъ, въ ихъ экстазѣ, въ ихъ порывистой любви ко Христу, возмущавшей его, какъ женская любовь. Онъ чувствовалъ эту проклятую нѣжность въ самомъ ихъ смиреніи, въ кротости ихъ голоса, въ опущенныхъ глазахъ, въ ихъ безропотныхъ слезахъ, когда онъ сурово порицалъ ихъ.

Выходя изъ монастыря, онъ отряхивалъ рясу и ускорялъ шаги, какъ бы убѣгая отъ опасности.

У него была племянница, жившая съ матерью въ сосѣднемъ домикѣ. Ему страстно хотѣлось сдѣлать изъ нея сестру милосердія.

Она была красива, рѣзва и насмѣшлива.

Когда аббатъ дѣлалъ ей наставленія, она смѣялась; когда же онъ сердился, она горячо цѣловала его, прижимала къ своему сердцу, и онъ невольно старался освободиться отъ этихъ объятій, хотя и испытывалъ при этомъ нѣжную радость, пробуждавшую въ глубинѣ его души отцовское чувство, дремлющее въ каждомъ мужчинѣ. Онъ часто говорилъ ей о Богѣ, о своемъ Богѣ, гуляя съ ней по полевымъ дорогамъ. Она не слушала его и смотрѣла на небо, на траву и цвѣты, и радость жизни сквозила въ ея взорѣ.

Иногда она бросалась ловить летящее насѣкомое и, поймавъ его, говорила: „Посмотри, дядя, какое оно хорошенькое; мнѣ хочется его поцѣловать“. И эта потребность „цѣловать“ мухъ, цѣловать сѣмена сирени безпокоила, волновала, возмущала священника, который и въ этомъ находилъ опять ту же неискоренимую нѣжность, всегда распускающуюся въ сердцѣ женщинъ.

И вотъ, однажды, жена пономаря, занимавшаяся хозяйствомъ аббата Мариньяна, сообщила ему, что у его племянницы есть возлюбленный.

Онъ почувствовалъ ужасающее волненіе и, задохнувшись,

замеръ съ намыленнымъ лицомъ, такъ какъ собирался бриться.

Когда онъ пришелъ наконецъ въ себя и былъ въ состояніи размышлять и говорить, онъ вскричалъ: „Не правда, ты лжешь, Мелани!“ Но крестьянка положила руку на сердце и сказала: „Суди меня Богъ, коли я лгу, господинъ кюре. Она ходитъ къ нему каждый вечеръ, когда сестрица ваша ложится спать. Они встрѣчаются на берегу рѣки. Вамъ стóитъ только самому пойти туда между десятью и двѣнадцатью часами“.

Онъ пересталъ скоблить подбородокъ и быстро зашагалъ по комнатѣ, какъ дѣлалъ обыкновенно въ минуты глубокихъ размышленій. Принявшись уже снова за бритье, онъ три раза порѣзалъ себѣ щеку отъ носа до уха.

Весь день онъ не говорилъ ни слова, полный негодованія и злобы.

Къ гнѣву священника на непобѣдимую любовь эдиноединялось еще раздраженіе духовнаго отца, опекуна, наставника, проведеннаго, обманутаго, обворованнаго, поднятаго на-смѣхъ ребенкомъ; онъ чувствовалъ эгоистическое захватываніе духа родителей, которымъ дочь объявляетъ, что выбрала себѣ мужа безъ ихъ вѣдома и вмѣшательства.

Послѣ обѣда онъ пробовалъ читать, но не могъ и раздражался все больше и больше. Когда же пробило десять часовъ, онъ взялъ свою трость, здоровую дубовую палку, неразлучную съ нимъ при его ночныхъ посѣщеніяхъ больныхъ. Съ улыбкою посмотрѣлъ онъ на огромную дубину, съ угрозой повертѣлъ ее въ своемъ сильномъ кулакѣ и потомъ вдругъ поднялъ ее, стиснувъ зубы, ударилъ о стулъ, и сломанная спинка упала на полъ.

Онъ отворилъ дверь, чтобы выйти, но остановился на порогѣ, пораженный блескомъ удивительной лунной ночи.

И такъ какъ онъ былъ одаренъ впечатлительною душой, такою же, какъ мечтательные поэты, отцы церкви, онъ былъ смущенъ, взволнованъ грандіозною и чистою красотой блѣдной ночи.

Фруктовыя деревья его маленькаго сада, облитаго нѣжнымъ свѣтомъ, бросали тѣнь отъ тонкихъ вѣтвей, едва одѣтыхъ зеленью; гигантская жимолость, взбираясь по стѣнѣ дома, изливала сладкій, упоительный ароматъ, и въ тепломъ, свѣтломъ вечерѣ чувствовалось какъ бы дуновеніе благоухающей души.

Онъ глубоко дышалъ, упивался воздухомъ, какъ пьяница виномъ, и шелъ медленно, восхищенный, очарованный, позабывъ почти о племянницѣ.

Очутившись въ полѣ, онъ остановился, чтобы полюбоваться на долину, залитую этимъ ласкающимъ свѣтомъ, погруженную въ эту нѣжную и томительную прелесть ясной ночи. Жабы, не переставая, издавали короткій, металлическій звукъ, а издали къ нему примѣшивалась мелодія соловьиной пѣсни, легкая, живая, созданная для поцѣлуевъ, заставляющая мечтать не зная о чемъ, увеличивающая чары луннаго свѣта.

Аббатъ пошелъ дальше. Сердце его замирало, онъ самъ не зналъ отчего. Онъ чувствовалъ слабость, изнеможеніе; ему хотѣлось сѣсть, остаться тутъ и смотрѣть, созерцать Бога въ Его твореніи.

Тамъ, дальше, по изгибамъ рѣки извивался длинный рядъ тополей. Тонкій бѣлый туманъ, пересѣкаемый лунными лучами, серебристый и блестящій, висѣлъ надъ берегами, окутывая извилистое теченіе рѣки какъ бы легкою и прозрачною дымкой.

Священникъ остановился еще разъ, проникнутый до глубины души непреодолимымъ и все растущимъ умиленіемъ.

Его охватило сомнѣніе, смутная тревога; онъ чувствовалъ, что въ немъ зарождается одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ когда-то задавалъ себѣ.

Зачѣмъ Богъ сдѣлалъ это? Если ночь предназначена для сна, для безсознательнаго покоя, для забвенія всего, то зачѣмъ дѣлать ее прекраснѣе дня, сладостнѣе утренней и вечерней зари? Зачѣмъ это тихое, плѣнительное свѣтило поэтичнѣе солнца? Оно такъ скромно, что ему предназначено, повидимому, освѣщать вещи слишкомъ нѣжныя и таинственныя для яркаго свѣта. Зачѣмъ оно придаетъ такую ясность мраку? Почему самая искусная пѣвчая птица не отдыхаетъ подобно другимъ, а поетъ въ тревожномъ полумракѣ? Зачѣмъ на міръ наброшено это прозрачное покрывало? Зачѣмъ это замираніе сердца, это волненіе души, это томленіе плоти? Къ чему расточается такой соблазнъ, когда люди не видятъ его, предаваясь отдыху въ своихъ постеляхъ? Для кого предназначено это величественное зрѣлище, это обиліе поэзіи, изливаемой съ неба на землю?... Аббатъ не понималъ.

Но вотъ тамъ, въ концѣ луга, подъ сводомъ деревьевъ, пропитанныхъ блестящимъ туманомъ, показались рядомъ двѣ тѣни.

Мужчина былъ выше и держалъ за шею свою подругу, по временамъ цѣлуя ее въ лобъ. Они вдругъ оживили эту неподвижную картину, служившую какъ бы божественною рамкой, созданной для нихъ. Они оба казались однимъ существомъ,—существомъ, для котораго предназначалась эта тихая, безмолвная ночь; и они шли по направленію къ священнику, какъ живой отвѣтъ, который бросалъ Господь своему вопрошателю.

Онъ стоялъ, сердце его билось все сильнѣе и сильнѣе, и ему казалось, что передъ нимъ развертывается какая-то биб-

лейская сцена, нѣчто вродѣ любви Руфи и Вооза,—исполненіе воли Творца среди величественной обстановки, описываемой въ священныхъ книгахъ... Ему невольно стали вспоминаться стихи изъ Пѣсни пѣсней, страстные крики, призывы плоти, горячая поэзія этой поэмы жгучей нѣжности.

И онъ подумалъ: „Можетъ-быть Богъ создалъ эти ночи, чтобы скрыть идеальнымъ покровомъ земную любовь людей".

Онъ сталъ пятиться отъ обнявшейся пары, приближавшейся къ нему, а это была его племянница, но онъ уже теперь спрашивалъ себя, не хотѣлъ ли онъ поступить противно воли Бога? И не разрѣшаетъ ли Богъ любовь, явно окружая ее такими чарами?

И онъ поспѣшилъ уйти, растерянный, почти пристыженный, какъ будто онъ проникъ въ храмъ, куда не имѣлъ права вступать.

ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ

(скромная правда).

Жанна увязала свои чемоданы и подошла къ окну, но дождь не переставалъ.

Ливень всю ночь колотилъ по окнамъ и крышамъ. Низкія, тяжелыя дождевыя тучи изливали цѣлые потоки на землю, обращая ее въ жидкую кашу и растворяя какъ сахаръ. Носились тяжелые, жгучіе порывы вѣтра. Ревущіе ручьи, выйдя изъ береговъ, заливали пустынныя улицы, гдѣ стѣны домовъ, какъ губки, впитывали въ себя сырость и потѣли отъ подваловъ до чердаковъ.

Жанна, вышедшая наканунѣ изъ монастыря, наконецъ, навсегда свободная, съ нетерпѣніемъ желала поскорѣй насладиться всѣми благами жизни, о которыхъ мечтала такъ давно. Она опасалась, что отецъ не рѣшится ѣхать, если погода не разгуляется, и въ сотый разъ въ это утро подбѣгала къ окну.

Тутъ она замѣтила, что забыла уложить календарь въ свой сакъ-вояжъ. Она сорвала со стѣны маленькій кусокъ картона, раздѣленный на мѣсяцы съ 1819 годомъ, красо-

вавшимся золотыми буквами среди рисунка, и зачеркнула карандашомъ четыре первыхъ столбца вплоть до 2-го мая, дня выхода ея изъ монастыря.

Голосъ изъ-за двери позвалъ:—„Жаннета!“

Жанна отвѣтила:—„Войди, папа“.—И отецъ вошелъ.

Баронъ Симонъ-Жакъ ле Пертюи де Во былъ дворянинъ прошлаго столѣтія, маніакъ съ доброй душой. Горячій поклонникъ Жанъ-Жака Руссо, онъ со страсностью любовника обожалъ природу, поля, лѣса, животныхъ.

Аристократъ по рожденію, онъ инстинктивно ненавидѣлъ девяносто третій годъ; но, философъ по темпераменту и либералъ по воспитанію, онъ ненавидѣлъ тираннію самою безобидною ненавистью, ограничиваясь только высокопарными рѣчами.

Доброта составляла главную его силу и слабость,—доброта, готовая приласкать каждаго, каждому подать, каждаго обнять,—дѣятельная доброта, дѣятельная, разсѣевающаяся, не сопротивляющаяся, какъ бы лишенная задерживающаго волевого центра, энергіи, доброта, близкая къ пороку.

Человѣкъ теоріи, онъ мысленно составилъ себѣ цѣлый планъ воспитанія дочери, желая, чтобъ она была счастливой, доброй, искренней и нѣжной.

Она оставалась дома до двѣнадцати лѣтъ, а затѣмъ, невзирая на слезы матери, онъ помѣстилъ ее въ Сакре-Кёръ.

Тамъ онъ держалъ ее въ строгомъ заключеніи, въ полной замкнутости, вдали отъ взоровъ людскихъ и въ полнѣйшемъ невѣдѣніи жизни. Онъ хотѣлъ, чтобъ она вернулась къ нему въ семнадцать лѣтъ чистой и непорочной, чтобы самому погрузить ее въ источникъ разумной поэзіи, и среди полей, среди плодородной земли, раскрыть ея душу, разсѣять ея невѣдѣніе зрѣлищемъ чистой любви, безхитростныхъ ласкъ животныхъ и свѣтлыхъ законовъ жизни.

Она выходила теперь изъ монастыря жизнерадостная, полная силъ и жажды счастья, готовая насладиться всѣми радостями, всѣми чудными случайностями, которыя она предвкушала уже въ свободные часы дня, въ тишинѣ безсонныхъ ночей, въ одинокихъ мечтахъ.

Она походила на портреты Веронеза; тѣ же бѣлокурые, блестящіе волосы, почти такого же цвѣта, какъ и ея тѣло, тѣло аристократки, слегка розоватое, оттѣненное легкимъ пушкомъ, какъ бы блѣднымъ бархатцемъ, замѣтнымъ только при блескѣ солнечныхъ лучей. Глаза голубые, темные, какъ у статуэтокъ изъ голландскаго фаянса.

Маленькое родимое пятнышко на лѣвой ноздрѣ, другое на правой сторонѣ подбородка съ нѣсколькими волосками, цвѣта ея кожи, такъ что ихъ съ трудомъ можно было разглядѣть. Рослая, съ созрѣвшею грудью, съ гибкимъ станомъ. Чистый, порою даже рѣзкій голосъ, но такой задушевный смѣхъ, что всѣмъ отъ него становилось весело! У нея была привычка часто подносить обѣ руки къ вискамъ, какъ бы для того, чтобы пригладить волосы.

Она подбѣжала къ отцу и крѣпко обняла его.

— Ну что, ѣдемъ?—спросила она.

Онъ, улыбаясь, покачалъ своими длинными, уже бѣлыми волосами и, указывая на окно, сказалъ:

— Какъ можно ѣхать по такой погодѣ?

Но она просила, нѣжно ласкаясь:

— Поѣдемъ, папа, умоляю тебя. Послѣ обѣда погода разгуляется.

— Но твоя мать ни за что не согласится.

— Нѣтъ, согласится; я ужь берусь уговорить ее.

— Если уговоришь, я охотно поѣду.

И она бросилась въ комнату баронессы. Она давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала этого дня.

Со времени своего поступленія въ Сакръ-Керъ она не покидала Руанъ. Отецъ не допускалъ для нея никакого развлеченія до назначеннаго имъ возраста. Два только раза ее возили на двѣ недѣли въ Парижъ; но Парижъ городъ, а она вѣчно мечтала о деревнѣ.

Теперь она отправлялась на лѣто въ ихъ помѣстье *Тополя*, древній фамильный замокъ, ютившійся на скалѣ близъ Ипорта; она предвкушала безпредѣльную отраду отъ этой свободной жизни на берегу волнъ. При этомъ она знала, что этотъ замокъ будетъ ея, и она станетъ въ немъ жить постоянно по выходѣ замужъ.

Дождь, не переставая лившій со вчерашняго вечера, былъ первымъ серьезнымъ огорченіемъ въ ея жизни.

Но черезъ три минуты она выбѣжала изъ комнаты матери, и по всему дому раздался ея голосъ: „Папа, папа! мама согласна; вели запрягать“.

Ливень не переставалъ; казалось даже, что онъ сталъ вдвое сильнѣе, когда карета подъѣхала къ подъѣзду. Жанна готова была уже вскочить въ экипажъ, въ то время какъ баронесса спускалась еще съ лѣстницы, поддерживаемая съ одной стороны мужемъ, а съ другой рослой горничной, сильной и крѣпко сложенной, какъ мужчина. Она была нормандка изъ Ко, и на видъ ей было по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ, хотя въ дѣйствительности было не болѣе восемнадцати. Въ семействѣ къ ней относились отчасти какъ къ дочери, потому что она была молочной сестрой Жанны. Звали ее Розаліей.

Главная ея обязанность состояла въ томъ, чтобы во время ходьбы поддерживать свою госпожу, которая за послѣдніе годы невѣроятно растолстѣла вслѣдствіе гипертрофіи сердца, на которую она безпрестанно жаловалась.

Баронесса, сильно запыхавшись, сошла къ подъѣзду ста-

рой гостиницы, взглянула на дворъ, по которому бѣжали ручьи, и прошептала:

— Право, это совсѣмъ неблагоразумно.

Ея мужъ, продолжая улыбаться, возразилъ:

— Но такова была ваша воля, мадамъ Аделаидъ.

Ея пышное имя Аделаиды онъ произносилъ всегда, прибавляя „мадамъ“ тономъ почтительнымъ и немного насмѣшливымъ.

Она продолжала итти и съ трудомъ влѣзла въ карету, причемъ всѣ рессоры подались. Баронъ сѣлъ рядомъ съ ней, а Жанна и Розалія помѣстились на передней лавочкѣ.

Кухарка Людовина принесла кучу плащей, которыми прикрыла колѣни, и двѣ корзинки подъ ноги; затѣмъ она взобралась на козлы рядомъ съ дядей Симономъ и вся окуталась большимъ одѣяломъ. Консьержъ и его жена, явившіеся проститься, захлопнули дверцу и выслушали послѣднія распоряженія относительно сундуковъ, которые должны были слѣдовать за ними въ телѣжкѣ; затѣмъ экипажъ тронулся.

Кучеръ, дядя Симонъ, опустивъ голову и согнувъ спину подъ дождемъ, исчезалъ въ своемъ плащѣ съ тройнымъ воротникомъ. Дождь, сопровождаемый порывистымъ вѣтромъ, билъ въ окна и затоплялъ дорогу.

Карета, запряженная парою лошадей, рысью обогнула набережную, мимо ряда большихъ кораблей, мачты, реи и снасти которыхъ, какъ обнаженныя деревья, печально возвышались на фонѣ темнаго неба; затѣмъ она покатилась по длинному бульвару Рибудэ.

Выѣхали на луга; по временамъ затопленныя ивы съ опущенными вѣтвями, какъ всѣми покинутые трупы, печально глядѣли сквозь дождевой туманъ. Подковы шлепали и колеса обдавали грязью.

Всѣ молчали; мысли, казалось, не вязались, такъ все про-

низано было сыростью. Мама откинулась головой на спинку кареты и закрыла глаза. Баронъ угрюмо смотрѣлъ на однообразныя поля, залитыя дождемъ. Розалія, придерживая на колѣняхъ узелъ, мечтала животной мечтательностью, свойственною рабочему народу. Но Жанна, подъ этимъ безпрерывнымъ потокомъ, какъ бы ожила, подобно растенію, выставленному, наконецъ, изъ запертой комнаты на свѣжій воздухъ, и слой ея радости, подобно листвѣ, защищалъ ея сердце отъ печали. Она молчала, но ей хотѣлось пѣть, высунуть изъ окна руку, набрать воды и выпить ее; ее радовалъ быстрый бѣгъ лошадей и печальныя деревенскія картины, и сознаніе, что, находясь среди наводненія, она защищена отъ него.

А подъ неистовымъ дождемъ отъ блестящихъ спинъ лошадей клубами валилъ густой паръ.

Баронесса мало-по-малу задремала. Ея лицо, окаймленное шестью правильными буклями колыхающихся волосъ, постепенно опускалось, поддерживаемое тремя жирными волнами шеи, послѣдніе извивы которой терялись въ полномъ морѣ ея груди. Голова, приподнимавшаяся при каждомъ дыханіи, опускалась затѣмъ опять; щеки надувались, а изъ ея полураскрытыхъ губъ вылеталъ звучный храпъ.

Мужъ наклонился и бережно положилъ маленькій кожанный портфель въ ея руки, скрещенныя на толстомъ животѣ.

Это прикосновеніе пробудило ее, и она взглянула на предметъ растеряннымъ, глупымъ взглядомъ. Портфель упалъ и раскрылся. Золото и банковые билеты разсыпались по каретѣ. Она совсѣмъ проснулась, а веселость ея дочери разразилось взрывами смѣха.

Баронъ собралъ деньги и положилъ ихъ ей на колѣни.

— Вотъ, милый другъ,—сказалъ онъ,—все, что намъ оста-

лось отъ продажи фермы Эльто. Я продалъ ее, чтобы привести въ порядокъ наши Тополя, гдѣ мы теперь будемъ постоянно жить.

Она насчитала шесть тысячъ четыреста франковъ и спокойно положила ихъ въ карманъ. Тридцать одна ферма досталась имъ отъ родителей. Это уже продавалась девятая. Оставшаяся земля приносила имъ двадцать тысячъ годовой ренты, и эта цифра легко могла бы возрости до тридцати тысячъ при разумной администраціи.

Такъ какъ они жили довольно просто, то этого дохода было бы вполнѣ достаточно, еслибы въ домѣ не было бездонной дыры. Благодаря ихъ добротѣ, деньги изсякали въ ихъ рукахъ такъ же, какъ изсякаетъ вода въ болотѣ подъ лучами солнца. Они плыли, утекали, исчезали. Какъ? Никто не зналъ. Безпрестанно каждый изъ нихъ говорилъ: „не знаю, какимъ образомъ, но я сегодня истратилъ сто франковъ, не сдѣлавъ никакихъ крупныхъ покупокъ."

Эта щедрость составляла едва ли не главное счастье ихъ жизни, и въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходились.

Жанна спросила:

— А красивъ ли мой замокъ теперь?

— Увидишь, дочурка,—весело отвѣтилъ баронъ.

Ливень понемногу утихъ. Осталось нѣчто вродѣ тумана, мелкая дождевая пыль. Сводъ тучъ какъ-будто подымался, блѣднѣлъ; и вдругъ въ незамѣтное отверстіе проскользнулъ косой лучъ солнца и освѣтилъ луга.

Туча разступилась и показалось голубое небо. Облака разрывались, какъ легкая газовая вуаль, свѣтъ становился все шире и чудное, лазурное небо, чистое и яркое, раскинулось надъ землей.

Пробѣжалъ свѣжій, легкій вѣтерокъ, какъ счастливый вздохъ земли; и когда они проѣзжали мимо сада или лѣса,

до нихъ долетало веселое чириканье птицъ, сушившихъ свои крылышки.

Насталъ вечеръ. Всѣ теперь спали въ экипажѣ, кромѣ Жанны. Два раза останавливались они у постоялыхъ дворовъ, чтобы покормить лошадей овсомъ, напоить и дать имъ передохнуть.

Солнце сѣло; вдали раздавался звонъ колоколовъ. Въ маленькой деревушкѣ зажгли фонари, и небо въ свою очередь засвѣтилось безчисленными звѣздами. Кое-гдѣ появились освѣщенные дома, огненными точками прорѣзая темноту, и вдругъ изъ-за косогора сквозь вѣтви елей выплыла луна, красная, громадная, какъ бы отяжелѣвшая отъ сна.

Было такъ тепло, что окна оставались опущенными.

Жанна, усталая отъ грезъ, насладившись счастливыми видѣніями, отдыхала.

Иногда, утомившись сидѣть въ одномъ и томъ же положеніи, она открывала глаза, глядѣла въ окно, видѣла въ свѣтящейся ночи деревья фермы или коровъ, лежавшихъ тамъ и сямъ въ полѣ, поднимавшихъ головы. Затѣмъ она принимала новую позу, стараясь вернуться къ прежнимъ сновидѣніямъ, но шумъ экипажа утомлялъ ея слухъ и мысль, и она закрывала глаза, разбитая и тѣломъ, и душой.

Между тѣмъ остановились. Мужчины и женщины съ фонарями въ рукахъ подошли къ дверцамъ. Они пріѣхали. Жанна вдругъ проснулась и быстро выпрыгнула. Фермеръ свѣтилъ, и при свѣтѣ его фонаря отецъ и Розалія почти внесли баронессу. Она совсѣмъ разслабла, охала отъ усталости и тихимъ, умирающимъ голосомъ постоянно повторяла: „Ахъ, Боже мой, бѣдняжки, бѣдняжки“. Она не захотѣла ни ѣсть, ни пить, легла въ постель и тотчасъ же заснула.

Жанна и баронъ поужинали вдвоемъ.

Они улыбались, глядя другъ на друга, пожимали черезъ

столъ руки и, охваченные дѣтской радостью, отправились осматривать вновь отдѣланный домъ.

Это было высокое и обширное зданіе въ нормандскомъ вкусѣ, нѣчто среднее между фермой и замкомъ, построенное изъ бѣлаго, уже посѣрѣвшаго камня. Громадныя, сквозныя сѣни съ большими дверями, выходившими на оба фасада, дѣлили весь домъ на двѣ половины. Двойная лѣстница подымалась надъ этимъ входомъ, оставляя средину свободной и, на подобіе моста, соединяя обѣ половины перваго этажа.

Въ нижнемъ этажѣ справа находилась громадная гостиная, обтянутая матеріей съ изображеніемъ деревьевъ, по которымъ порхали птицы. Вся мебель, обитая вышитой матеріей, служила иллюстраціей баснямъ Лафонтена. Жанна затрепетала отъ восторга, найдя кресло, которое она любила ребенкомъ, изображавшее исторію Лисицы и Аиста.

Рядомъ съ гостиной находилась библіотека съ массой старинныхъ книгъ и двѣ не употребляемыя комнаты, а слѣва столовая, вновь отдѣланная рѣзьбой, кладовая для бѣлья, буфетная, кухня и маленькая комната съ ванной.

Корридоръ тянулся вдоль всего перваго этажа. Десять дверей комнатъ, вытянутыя въ рядъ, выходили въ него. Въ самомъ углубленіи справа находилась комната Жанны. Они вошли въ нее. Баронъ велѣлъ отдѣлать ее заново, т.-е. оклеить обоями и уставить мебелью, хранившеюся на чердакѣ.

Обои, древней фламандской работы, населяли эту комнату странными лицами.

При видѣ своей постели у молодой дѣвушки вырвался радостный крикъ. По четыремъ угламъ четыре огромныя дубовыя птицы, черныя и блестящія, натертыя воскомъ, поддерживали ложе и, казалось, стерегли его. Съ боковъ двѣ широкія рѣзныя гирлянды цвѣтовъ и плодовъ, и четыре ко-

лонны, тонко выточенныя, съ капителями въ коринѳскомъ стилѣ, поддерживали карнизъ, состоящій изъ переплетающихся розъ и амуровъ.

Она возвышалась величественно и очень граціозно, несмотря на почернѣвшее отъ времени дерево.

Одѣяло для ногъ и отдѣлка балдахина надъ кроватью блистали какъ звѣздное небо. Они были сдѣланы изъ старинной шелковой матеріи темноголубого цвѣта съ большими лиліями, вышитыми золотомъ.

Налюбовавшись постелью, Жанна, поднявъ свѣчу, начала разсматривать обои.

Молодой человѣкъ и молодая дама, разодѣтые самымъ страннымъ образомъ, въ зеленое, красное и желтое, бесѣдовали подъ голубымъ деревомъ съ зрѣющими бѣлыми плодами. Толстый кроликъ, такого же цвѣта, щипалъ сѣрую траву.

Надъ ними въ приличномъ отдаленіи виднѣлись пять маленькихъ круглыхъ домиковъ съ остроконечными крышами, а выше ихъ, почти на небѣ, вѣтреная мельница, вся красная.

И по всему этому шли большіе разводы, изображавшіе цвѣты.

Два другіе панно сильно напоминали первое, но съ тою разницей, что здѣсь изъ домовъ выходили четыре маленькихъ толстяка, одѣтые по-фламандски, и въ страшномъ удивленіи и гнѣвѣ подымали руки къ небу.

Но на послѣднемъ панно была цѣлая драма. Близъ кролика, продолжавшаго щипать траву, лежалъ молодой человѣкъ и казался мертвымъ. Молодая дама, глядя на него, пронзала себѣ грудь шпагой, а плоды на деревьяхъ сдѣлались черными.

Жанна ничего не понимала, пока не замѣтила въ уголкѣ микроскопическое животное, которое кроликъ, будь онъ

живой, могъ бы проглотить какъ былинку, а между тѣмъ то былъ левъ.

Тогда она узнала злополучную исторію Пирама и Тисбеи, и хотя она улыбалась простотѣ и наивности рисунковъ, но чувствовала себя счастливой, что будетъ окружена картиной этой любовной исторіи, которая безпрестанно будетъ говорить ей о дорогихъ ей надеждахъ и каждую ночь навѣвать ей грезы, соотвѣтствующія этой древней и легендарной нѣжной любви.

Вся остальная мебель была смѣсью всевозможныхъ стилей. Это была та мебель, которую каждое поколѣніе оставляетъ въ семьѣ и обращаетъ старинные дома въ подобіе музеевъ, гдѣ все смѣшано. Тутъ прекрасный комодъ въ стилѣ Людовика XIV, съ блестящею мѣдною отдѣлкой, а по бокамъ его два кресла Людовика XV, обитыя еще шелковою матеріей съ крупными букетами. Бюро изъ розоваго дерева стояло напротивъ камина, гдѣ подъ круглымъ колпакомъ красовались часы временъ Имперіи.

Это былъ бронзовый улей, поддерживаемый четырьмя мраморными колоннами надъ садомъ золотыхъ цвѣтовъ. Тонкій маятникъ, выходившій изъ продолговатой расщелины улья, водилъ по цвѣтнику маленькую пчелку съ эмалевыми крылышками.

Циферблатъ былъ изъ раскрашенаго фаянса и вдѣланъ въ боку улья.

Часы пробили одиннадцать. Баронъ поцѣловалъ дочь и удалился.

Тогда Жанна съ сожалѣніемъ легла въ постель.

Окинувъ еще разъ взоромъ комнату, она потушила свѣчу. Налѣво отъ кровати, которая изголовьемъ касалась стѣны, было окно, черезъ которое мѣсяцъ бросалъ на полъ яркую лужу свѣта.

Лучи свѣта падали и на стѣны и ласкали слегка неподвижную картину любви Пирама и Тисбеи.

Въ другое окно, напротивъ, Жанна видѣла большое дерево, купавшееся въ мягкихъ лучахъ луннаго свѣта. Она повернулась на бокъ, закрыла глаза, но чрезъ нѣсколько минутъ снова открыла ихъ.

Ей все казалось, что она колышется въ каретѣ, и шумъ колесъ раздавался еще въ ея ушахъ. Она лежала неподвижно, надѣясь заснуть, но нетерпѣніе ея мыслей передавалось ея тѣлу.

Она чувствовала тоску въ ногахъ и лихорадку. Наконецъ, она встала и босая, съ голыми руками, въ своей длинной сорочкѣ, похожая на привидѣніе, перешла лужу свѣта, пролитую на полъ, открыла окно и принялась смотрѣть.

Ночь была свѣтла какъ день, и молодая дѣвушка узнавала всю эту деревенскую картину, любимую ею въ раннемъ дѣтствѣ.

Прежде всего передъ ней разстилался широкій газонъ, желтый какъ масло, подъ ночнымъ освѣщеніемъ. Два гигантскихъ дерева возвышались передъ замкомъ: платанъ—съ сѣвера, липа—съ юга.

На краю газона маленькая рощица изъ отдѣльныхъ группъ завершала эту часть владѣній, защищенную отъ ураганов открытаго моря пятью рядами старинныхъ вязовъ, изогнутыхъ, срѣзанныхъ, изгложенныхъ, стертыхъ наискось, какъ крыши, отъ вѣчно свирѣпствовавшихъ морскихъ вѣтровъ.

Этотъ своеобразный паркъ окаймлялся и слѣва, и справа двумя аллеями высокихъ тополей, отдѣлявшихъ резиденцію господъ отъ двухъ примыкавшихъ фермъ, въ одной изъ которыхъ жило семейство Кульяръ, а въ другой—семья Мартенъ.

Отъ этихъ тополей и замокъ получилъ свое названіе. По другую сторону ихъ тянулась обширная невоздѣланная равнина, заросшая дикимъ терномъ, гдѣ морской вѣтеръ свистѣлъ и гулялъ день и ночь. Равнина эта круто спускалась къ морю, образуя берегъ длиною въ сто метровъ, прямой и бѣлый, край котораго купался въ морскихъ волнахъ.

Жанна видѣла вдали обширную чешуйчатую поверхность волнъ, дремавшихъ при свѣтѣ яркихъ звѣздъ.

Въ тишинѣ ночей особенно сильно чувствуются всѣ благоуханія земли. Вокругъ нижнихъ оконъ вился жасминъ и его рѣзкій запахъ смѣшивался съ болѣе слабымъ ароматомъ почекъ. Слабые порывы вѣтра приносили запахъ соли и гніющихъ водорослей.

Молодая дѣвушка съ наслажденіемъ дышала полною грудью, и деревенская тишина успокоила ее какъ свѣжее купанье.

Всѣ твари, пробуждающіяся съ наступленіемъ вечера и скрывающія свое мрачное существованіе въ тишинѣ ночей, наполняли полумракъ молчаливою суетой. Большія птицы беззвучно проносились по воздуху какъ пятна, какъ тѣни; жужжаніе невидимыхъ насѣкомыхъ чуть касалось слуха; тихо пробѣгали животныя по росистой травѣ или по песчанымъ пустыннымъ дорожкамъ. Только печальныя жабы взывали къ лунѣ своимъ короткимъ и однообразнымъ уханьемъ.

Жаннѣ казалось, что сердце ея расширялось, полное неяснаго шепота, какъ и эта свѣтлая ночь. Тысячи неопредѣленныхъ желаній, какъ звѣри ночные, шевелились въ немъ.

Живая поэзія ночи находила откликъ въ ея душѣ. и неуловимыя надежды, какъ дуновеніе счастья, охватывали ее.

Она принялась мечтать о любви.

Любовь! Она послѣдніе два года наполняла ея душу все

возрастающимъ страхомъ. Теперь она могла свободно любить, ей оставалось только встрѣтить *его!*

Каковъ онъ будетъ, она въ точности не знала и не спрашивала этого. Это будетъ онъ—вотъ и все.

Она знала, что будетъ обожать его всею душой, а онъ будетъ любить ее всѣми силами. Они будутъ гулять съ нимъ въ такія же чудныя ночи подъ свѣтящимся пепломъ, падающимъ со звѣздъ. Они будутъ идти рука объ руку, прижимаясь другъ къ другу, слыша біеніе сердецъ другъ друга, чувствуя теплоту плечъ, смѣшивая любовь съ нѣжной прозрачностью лѣтнихъ ночей и сливаясь такъ, что силой одной нѣжности они легко проникнутъ въ самыя сокровенныя мысли другъ друга. И это будетъ продолжаться вѣчно, вѣчно, и чистота ихъ привязанности не нарушится ничѣмъ.

Вругъ ей показалось, что онъ тутъ, возлѣ нея, и смутная чувственная дрожь пробѣжала по ней. Она инстинктивно прижала руки къ груди, какъ бы для того, чтобъ удержать въ ней эти грезы, и по ея губамъ, протянутымъ къ неизвѣстному, скользнуло что-то такое, что заставило закружиться ея голову: дыханіе весны слало ей какъ бы поцѣлуй любви.

Внезапно тамъ, позади замка, по дорогѣ раздались чьи-то шаги. И въ порывѣ безумной мечты и вѣры въ невозможное, въ роковыя случайности и предчувствія, въ романтическія комбинаціи судьбы, она подумала: „а что если это онъ?“ Она съ замираніемъ сердца прислушивалась къ мѣрнымъ шагамъ, въ полной увѣренности, что незнакомецъ остановится у рѣшотки и попроситъ позволенія войти.

Когда онъ прошелъ мимо, она почувствовала тоску разочарованія. Но она тотчасъ же поняла все безуміе своихъ надеждъ и улыбнулась надъ ними.

Нѣсколько успокоенная, она предалась болѣе благоразумнымъ мечтамъ, стараясь проникнуть въ будущее и нарисовать себѣ картину его.

Она будетъ жить съ нимъ здѣсь, въ этомъ тихомъ замкѣ, надъ моремъ. У нихъ, конечно, будетъ двое дѣтей: ему сынъ, ей—дочь.

Она уже видитъ, какъ эти дѣти бѣгаютъ, тамъ по травѣ, между платаномъ и липой, между тѣмъ какъ онъ и она слѣдятъ за ними восторженными глазами, обмѣниваясь страстными взглядами.

И долго, долго она мечтала, между тѣмъ какъ луна, заканчивая свой ночной путь, скрывалась въ волнахъ моря. Воздухъ становился свѣжѣе.

На востокѣ бѣлѣла заря. Пѣтухъ пропѣлъ на фермѣ справа,—ему отвѣчали на фермѣ слѣва. Ихъ хриплые голоса, казалось, раздавались гдѣ-то далеко изъ-за перегородки птичника, а на безпредѣльномъ сводѣ неба, незамѣтно блѣднѣвшемъ, исчезали понемногу звѣзды.

Гдѣ-то чирикнула птичка. Щебетанія, вначалѣ скромныя, пронеслись по листьямъ; затѣмъ стали смѣлѣе, пронзительнѣе, веселѣе, передаваясь съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево.

Вдругъ Жанна почувствовала свѣтъ. Поднявъ голову, которую она скрывала въ своихъ рукахъ, она невольно закрыла глаза, ослѣпленная яркою утреннею зарей.

Горы пурпуровыхъ облаковъ, частью скрывавшихся за аллеей тополей, кровавымъ блескомъ освѣщали пробудившуюся землю.

И медленно, пронизывая яркія облака, обливая огнемъ деревья, равнины, океанъ и весь горизонтъ, появился громадный пылающій шаръ.

Жанна была внѣ себя отъ счастья. Безумная радость,

безпредѣльный восторгъ охватилъ ея душу. Это было ея солнце, ея заря, начало новой жизни, осуществленіе ея надеждъ! Она протянула руки къ этому лучезарному пространству, желая обнять это солнце; ей хотѣлось сказать, крикнуть что-нибудь столь же божественное, какъ и этотъ зарождающійся день; но она стояла не двигаясь, какъ бы парализованная восторгомъ.

Закрывъ лицо руками, она почувствовала, какъ глаза ея наполнялись слезами, и она радостно заплакала.

Когда она приподняла голову, дивная картина зарождавшагося дня уже исчезла. И сама она чувствовала себя успокоенной, нѣсколько усталой, какъ бы охлажденной.

Не закрывая окна, она легла въ постель, немного помечтала и такъ глубоко заснула, что въ восемь часовъ не слышала голоса отца и только проснулась, когда онъ вошелъ въ ея комнату.

Онъ хотѣлъ показать ей улучшенія, сдѣланныя въ замкѣ,— въ ея замкѣ.

Фасадъ, выходившій на поля, отдѣлялся отъ дороги обширнымъ дворомъ, засаженнымъ яблонями. Эта дорога, проселочная, пролегала вдоль крестьянскихъ изгородей и черезъ полмили сходилась съ большою дорогой изъ Гавра въ Феканъ.

Прямая аллея тянулась отъ деревянной ограды до крыльца. Обыкновенныя небольшія надворныя постройки изъ булыжника, крытыя соломой, расположены были съ обѣихъ сторонъ двора вдоль рвовъ двухъ фермъ.

Крыши были перекрыты наново, всѣ деревянныя части возобновлены, стѣны починены, комнаты оклеены новыми обоями и внутри все выкрашено заново. И на старомъ почернѣвшемъ домѣ новыя бѣлыя ставни казались пятнами, какъ и подмазки на сѣроватыхъ стѣнахъ.

Другой фасадъ, тотъ, въ которомъ были окна Жанны, стоялъ лицомъ къ морю надъ рощей и стѣной вязовъ, изуродованныхъ вѣтромъ.

Жанна и баронъ подъ руку обошли всѣ уголки, затѣмъ они медленно прошлись по длиннымъ аллеямъ тополей, замыкавшихъ то, что называлось паркомъ. Подъ деревьями росла трава, разстилая свой зеленый коверъ. Лѣсокъ въ концѣ парка, съ множествомъ извилистыхъ дорожекъ, былъ очарователенъ.

Заяцъ, выпрыгнувшій изъ кустовъ, испугалъ молодую дѣвушку; онъ помчался по откосу и скрылся въ высокихъ тростникахъ морского берега.

Послѣ завтрака мадамъ Аделаида, все еще усталая, пожелала отдохнуть, и баронъ предложилъ дочери пройтись до Ипора.

Они отправились и прошли по деревнѣ Этуванъ, примыкавшей къ Тополямъ. Три крестьянина поклонились имъ, какъ старые знакомые.

Они вошли въ лѣсъ, спускавшійся извилистою долиной къ самому берегу моря.

Вскорѣ показалась деревня Ипоръ. Женщины, чинившія платья, сидя на порогѣ своихъ жилищъ, глядѣли на нихъ.

Покатая улица съ ручейкомъ, протекавшимъ посрединѣ, и множествомъ всякихъ отбросовъ передъ дверями избъ издавала рѣзкій запахъ разсола. Почернѣвшія сѣти, съ блестящей какъ серебряныя монеты чешуей, сушились у дверей жилищъ, изъ которыхъ слышался запахъ, свойственный большимъ скученнымъ семьямъ.

Голуби прохаживались вдоль ручья, отыскивая себѣ кормъ.

Жанна смотрѣла, и все ей казалось интереснымъ и новымъ, какъ театральныя декораціи.

Но вдругъ, обогнувъ одинъ изъ домовъ, она увидѣла море,

темно-голубое и гладкое; оно растилалось далеко, до предѣла зрѣнія.

Они остановились у берега и стали смотрѣть. Паруса, бѣлыя какъ крылья птицъ, двигались вдалекѣ. Слѣва и справа поднимался огромный берегъ. Съ одной стороны взглядъ останавливался передъ чѣмъ-то вродѣ мыса, а съ другой ровная береговая линія тянулась все дальше и дальше и переходила, наконецъ, въ едва замѣтную черту.

Гавань и домики виднѣлись въ одномъ изъ ближайшихъ углубленій, и крохотныя волны, въ видѣ пѣнистой бахромы, съ легкимъ шумомъ катились по мелкимъ камнямъ.

Мѣстныя лодки, вытянутыя на отлогій берегъ моря, унизанный круглыми голышами, покоились на боку, подставляя яркому солнцу свои круглыя щеки, просмоленныя дегтемъ. Рыболовы готовили ихъ къ вечернему приливу.

Подошелъ матросъ съ рыбой. Жанна купила камбалу, которую сама хотѣла донести до дому.

Матросъ этотъ предложилъ имъ свои услуги, если они пожелаютъ когда-нибудь проѣхаться по морю, и нѣсколько разъ повторялъ свое имя, чтобъ они могли лучше запомнить его: „Ластикъ, Іосифъ Ластикъ!“—твердилъ онъ. Баронъ обѣщался не забыть.

Они повернули домой.

Большая рыба утомила Жанну; она взяла палку отца, продѣла ее въ жабры, и они понесли вдвоемъ. Весело поднимались они вдоль берега, болтая какъ дѣти, освѣжаемыя свѣжимъ вѣтеркомъ, между тѣмъ какъ камбала, утомившая подъ конецъ ихъ руки, мела по травѣ своимъ жирнымъ хвостомъ.

II.

Радостная, свободная жизнь настала для Жанны. Она читала, мечтала и гуляла одна по окрестностямъ. Она бро-

дила медленными шагами по дорожкамъ, предаваясь своимъ мечтамъ, или, прыгая, спускалась по извилистымъ оврагамъ, склоны которыхъ были покрыты какъ бы золотымъ руномъ цвѣтущаго терна. Ихъ нѣжный запахъ, усиленный жарою, опьянялъ ее, какъ душистое вино, и при шумѣ далекихъ волнъ, катившихся по морскому берегу, волненіе овладѣвало ею.

Порой ей хотѣлось понѣжиться, и она ложилась на мягкую траву откоса. Порой же, когда при поворотѣ оврага ей случалось вдругъ увидать передъ собой треугольникъ синяго моря, блиставшаго на солнцѣ съ парусомъ вдали, ее охватывала безумная радость, какъ таинственное приближеніе счастья, парившаго надъ нею.

Любовь къ одиночеству овладѣвала ею въ прелести этой свѣжей страны и въ спокойствіи округленныхъ небосклоновъ; она такъ долго просиживала на вершинѣ холмовъ, что случалось, что дикіе кролики, прыгая, мчались мимо ея ногъ.

Часто она принималась бѣгать вдоль кручи, подгоняемая легкимъ береговымъ вѣтеркомъ, вся трепещущая отъ наслажденія тѣмъ, что она могла двигаться безъ устали, какъ рыба въ водѣ или ласточка въ воздухѣ.

Всюду, какъ сѣятель, она разсѣвала воспоминанія,—такія воспоминанія, корни которыхъ сохраняются до самой смерти. Ей казалось, что частицы ея сердца оставались во всѣхъ изгибахъ этихъ овраговъ.

Она со страстью начала купанья. Она уплывала далеко, теряясь изъ вида, сильная, смѣлая, не думая объ опасности. Ей было хорошо въ этой водѣ, холодной, прозрачной и синей, колыхавшей ее, унося вдаль. Она ложилась на спину, скрещивала руки на груди и устремляла взоры въ голубую синеву неба, быстро пересѣкаемую ласточкой или бѣлымъ

силуэтомъ морской птицы. Слышался только отдаленный шепотъ волнъ, ударявшихся о валуны, и смутный, почти неуловимый ропотъ земли, скользящей по хребтамъ волнъ. Жанна выпрямлялась и въ порывѣ безумной радости визжала и ударяла руками по водѣ.

Иногда, когда она уплывала слишкомъ далеко, за ней приплывала лодка.

Она возвращалась въ замокъ блѣдная отъ голода, но легкая, живая, съ улыбкой на губахъ и съ глазами, сіявшими отъ радости.

Баронъ, въ свою очередь, мечталъ о крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ; онъ намѣревался дѣлать различные опыты, способствовать прогрессу земледѣлія, испытывать новыя орудія, заводить иностранныя породы скота, и потому часть времени проводилъ въ разговорахъ съ крестьянами, которые качали головой, недовѣрчиво относясь къ его попыткамъ.

Часто онъ отправлялся въ море съ матросами Ипорта. Осмотрѣвъ окрестные гроты, водопады, вешняки, онъ принимался ловить рыбу, какъ простой морякъ.

Въ тѣ дни, когда дулъ береговой вѣтеръ и полныя паруса мчали по хребтамъ волнъ толстощекія скорлупки лодокъ, длиннымъ сплошнымъ рядомъ преслѣдующія стада макрелей, онъ, дрожащею отъ нетерпѣнія рукой, держалъ лесу, сотрясеніе которой легко чувствуется, какъ скоро попавшаяся рыба начинаетъ биться.

Онъ отправлялся въ лунныя ночи осматривать разставленныя имъ наканунѣ сѣти.

Ему нравился скрипъ мачты, свистящіе шквалы свѣжихъ ночей, и долго пролавировавъ, отыскивая поплавки и оріентируясь то гребнемъ скалы, то шпицемъ колокольни или маякомъ Фекана, онъ любилъ неподвижно слѣдить за пер-

вими лучами восходящаго солнца, при свѣтѣ которыхъ на палубѣ лодки блистала гладкая спина громаднаго перистаго ската или жирное брюхо торбета.

За столомъ онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ прогулкахъ, а мама въ свою очередь сообщала ему, сколько разъ она прошлась по длинной правой аллеѣ тополей, той, которая примыкала къ фермѣ Кульяровъ, такъ какъ лѣвая не была достаточно солнечна.

Ей былъ прописанъ моціонъ, и она старательно гуляла. Какъ только разсѣивалась ночная свѣжесть, она выходила, опираясь на руку Розаліи, укутанная мантиліей и двумя шалями, прикрывъ голову шляпой и красивымъ платкомъ.

Волоча лѣвую ногу, нѣсколько болѣе тяжелую, которою по всей длинѣ дорожки она успѣла провести двѣ пыльныхъ борозды, на которыхъ трава уже завяла, она безъ конца начинала свою вѣчную прогулку взадъ и впередъ, отъ угла замка до первыхъ деревцовъ рощи. На обоихъ концахъ этой тропинки она велѣла поставить скамьи, и черезъ каждыя пять минутъ она останавливалась и, обращаясь къ бѣдной терпѣливой дѣвушкѣ, поддерживавшей ее, говорила: „присядемъ, милая, я немного устала".

И при каждой остановкѣ она оставляла на одной изъ скамей то головной платокъ, то одну, то другую шаль, то, наконецъ, свою мантилію; и все это составляло на обоихъ концахъ аллеи двѣ кучи одежды, которыя Розалія должна была тащить на свободной рукѣ, когда барыня отправлялась завтракать.

Послѣ завтрака баронесса возобновляла свою прогулку болѣе медленнымъ шагомъ и съ болѣе продолжительными отдыхами, причемъ иногда даже засыпала на часокъ въ длинномъ креслѣ, которое ей выкатывали.

Она называла это „своимъ моціономъ“, выраженіе, такъ же любимое ею, какъ и „моя гипертрофія“.

Врачъ, къ которому она, страдая удушьемъ, обратилась лѣтъ десять тому назадъ, сказалъ ей о гипертрофіи. Съ тѣхъ поръ этотъ терминъ, значеніе котораго она не понимала, засѣлъ у нея въ головѣ. Она упорно заставляла барона, Жанну и Розалію прощупывать біеніе ея сердца, что было совершенно невозможно,—такъ оно заросло жирною грудью; но она ни за что не согласилась дать себя выслушать врачу, изъ опасенія, чтобъ онъ не нашелъ въ ней другія болѣзни; и она говорила о „своей гипертрофіи“ на каждомъ шагу и такъ часто, что казалось, будто эта болѣзнь составляла ея исключительную собственность, на которую остальные смертные не имѣли никакого права.

Баронъ говорилъ „гипертрофія моей жены“, Жанна—„гипертрофія мамы“ какъ бы они говорили „о ея платьѣ, шляпкѣ или зонтикѣ“.

Въ молодости она была очень красива и тоньше тростинки. Провальсировавъ въ объятіяхъ всѣхъ мундировъ Имперіи, она прочла Коринну, вызвавшую у нея слезы, и съ тѣхъ поръ она какъ бы была отмѣчена этимъ романомъ.

По мѣрѣ того, какъ талія ея толстѣла, она предавалась все болѣе поэтическимъ мечтамъ, а когда тучность приковала ее къ креслу, мысль рисовала ей картины нѣжныхъ похожденій, героиней которыхъ была она. У нея были излюбленныя мечты, вѣчно повторявшіяся, подобно тому, какъ музыкальный ящикъ безъ конца повторяетъ одну и ту же арію. Всѣ печальные романсы объ узникахъ и ласточкахъ неизбѣжно вызывали у нея слезы, и она любила даже нѣкоторыя гривуазныя пѣсни Беранже, потому что въ нихъ звучала жалость.

Часто по цѣлымъ часамъ она сидѣла неподвижно, пре-

даваясь мечтамъ. И Тополя безконечно нравились ей потому, что представляли подходящую декорацію для романовъ ея души; а сосѣдніе лѣса, пустынная равнина и близость моря напоминали ей книги Вальтеръ Скотта, которыя она читала уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ ненастные дни она оставалась въ своей комнатѣ и пересматривала свои „реликвіи“: старыя письма, письма отца, матери, барона, когда онъ былъ женихомъ, и многія другія.

Она хранила ихъ въ конторкѣ изъ краснаго дерева съ мѣдными сфинксами по угламъ, и особеннымъ голосомъ говорила: „Розалія, дитя мое, принеси мнѣ ящикъ съ моими воспоминаніями“.

Горничная отпирала конторку, вынимала ящикъ, ставила его на стулъ рядомъ съ барыней, которая начинала медленно перечитывать эти письма, одно за другимъ, причемъ по временамъ капли слезъ падали на нихъ.

Иногда Жанна замѣняла Розалію и гуляла съ мамой, которая разсказывала ей воспоминанія своего дѣтства. Молодая дѣвушка узнавала себя въ нихъ, удивляясь сходству мыслей и желаній; каждое сердце воображаетъ, что оно первое трепещетъ отъ наплыва тѣхъ чувствъ, которыми уже бились сердца первыхъ людей и которыя заставятъ биться сердца послѣднихъ мужчинъ и послѣднихъ женщинъ.

Ихъ шаги замедлялись по мѣрѣ разсказа и часто, подъ наплывомъ сильныхъ чувствъ, онѣ останавливались и замолкали на нѣсколько минутъ, и тогда мысль Жанны доканчивала начатыя приключенія, предвкушая будущее, полное радости и надеждъ.

Однажды послѣ обѣда, отдыхая на скамейкѣ въ глубинѣ аллеи, онѣ вдругъ увидѣли толстаго священника, направлявшагося къ нимъ.

Онъ улыбаясь кланялся издали, поклонился еще разъ,

когда былъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ, и воскликнулъ: „Ну-съ, госпожа баронесса, какъ поживаешь?“ Это былъ мѣстный кюре.

Мама, родившаяся въ вѣкъ философовъ, воспитанная отцомъ мало вѣровавшимъ, въ дни революціи, не посѣщала церковь, хотя любила священниковъ по какому-то религіозному инстинкту, чисто женскому.

Она совсѣмъ забыла аббата Пико, своего кюре, и теперь, увидавъ его, покраснѣла. Она извинилась, что не сообщила раньше о своемъ пріѣздѣ. Но добродушный человѣкъ, повидимому, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ взглянулъ на Жанну и замѣтилъ ей, что она очень поздоровѣла. Сѣлъ, положилъ шляпу на колѣни и вытеръ лобъ. Онъ былъ очень толстъ, очень красенъ и страшно потѣлъ. Онъ ежеминутно вытаскивалъ изъ кармана громадный клѣтчатый платокъ, пропитанный пóтомъ, и проводилъ имъ по лицу и шеѣ, но едва платокъ успѣвалъ погрузиться въ черныя нѣдра одежды, какъ новыя капли появлялись на кожѣ и, падая на черную сутану, обтягивавшую полный животъ, запечатлѣвали маленькими круглыми пятнышками осѣвшую дорожную пыль.

Онъ былъ человѣкъ веселый, терпимый, болтливый,—словомъ, настоящій деревенскій священникъ. Онъ разсказалъ различныя исторіи изъ жизни мѣстныхъ жителей и какъ бы умышленно не замѣтилъ, что эти двѣ его прихожанки не были еще въ церкви, баронесса—по свойственной ей безпечности и индифферентизму, а Жанна—потому, что была очень рада вырваться изъ монастыря, гдѣ религіозные обряды успѣли надоѣсть ей.

Пришелъ баронъ. Въ силу своего пантеизма, онъ былъ равнодушенъ къ догматамъ. Съ аббатомъ, котораго едва зналъ, онъ былъ любезенъ и пригласилъ его отобѣдать съ ними.

Кюре умѣлъ нравиться, благодаря тому безсознательному лукавству, которое даетъ руководство надъ человѣческою душой даже самому ограниченному человѣку, призванному случайностью обстоятельствъ властвовать надъ своими ближними.

Баронесса обласкала его, вѣроятно, въ силу одного изъ тѣхъ сходствъ, которыя сближаютъ родственныя натуры; въ данномъ случаѣ полнокровная фигура и затрудненное дыханіе толстяка нравились ея задыхавшейся тучности.

Къ дессерту онъ началъ весело разсказывать различныя забавныя вещи, свойственныя концу веселыхъ пировъ.

И вдругъ, какъ будто осѣненный счастливою мыслью, онъ воскликнулъ:

— Да, у меня есть новый прихожанинъ, котораго мнѣ нужно представить вамъ; это—виконтъ де Ламаръ.

Баронесса, знавшая по пальцамъ всю мѣстную знать, спросила:

— Онъ изъ семьи Ламаровъ де л'Эра?

Священникъ наклонился:—Да, мадамъ, это сынъ виконта Жана де Ламара, умершаго въ прошломъ году.

Тутъ мадамъ Аделаида, особенно любившая аристократію, осыпала его цѣлымъ потокомъ вопросовъ и узнала, что для уплаты долговъ отца молодой человѣкъ продалъ свой фамильный замокъ и устроился на одной изъ трехъ фермъ, которыми владѣлъ въ Этуванѣ. Его владѣнія доставляли ему всего отъ пяти до шести тысячъ ливровъ годового дохода; но виконтъ былъ экономенъ, благоразуменъ и намѣревался прожить просто два или три года въ этомъ скромномъ домикѣ, чтобы скопить необходимыя средства для свѣтской жизни и женитьбы, не входя въ долги и не закладывая своихъ фермъ.

Кюре прибавилъ:—Это очень хорошій молодой человѣкъ,

вполнѣ приличный и скромный. Но онъ здѣсь сильно скучаетъ.

Баронъ сказалъ:—Приведите же его къ намъ; можетъ-быть это можетъ его развлечь.

И заговорили о другомъ.

Когда, послѣ кофе, перешли въ гостиную, священникъ попросилъ позволенія пройтись по саду, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе всегда послѣ обѣда дѣлать моціонъ. Баронъ пошелъ съ нимъ, и они медленно принялись ходить взадъ и впередъ вдоль длиннаго бѣлаго фасада замка. Ихъ тѣни, одна тонкая, другая толстая съ грибомъ на головѣ, то росли, то уменьшались, забѣгая и отставая, смотря по тому, шли ли они лицомъ или спиной къ лунѣ. Кюре жевалъ нѣчто вродѣ сигаретки, которую вынулъ изъ кармана. Пользу этого онъ съ откровенностью деревенскихъ жителей объяснялъ тѣмъ, что она помогаетъ отрыжкѣ, а у него пищевареніе довольно тяжелое.

Затѣмъ, взглянувъ на небо, по которому плыла яркая луна, онъ сказалъ: „зрѣлище это никогда не утомляетъ“.

И вернулся проститься съ дамами.

III.

Въ слѣдующее воскресенье баронесса и Жанна отправились въ церковь, изъ деликатнаго чувства уваженія къ кюре.

Послѣ обѣдни онѣ подождали его, чтобы пригласить на завтракъ въ ближайшій четвергъ. Онъ вышелъ изъ алтаря съ высокимъ элегантнымъ молодымъ человѣкомъ, который фамильярно шелъ съ нимъ подъ руку. При видѣ дамъ кюре съ выраженіемъ радостнаго удивленія воскликнулъ:

— Вотъ какъ удачно! Позвольте же мнѣ, баронесса и мадему-

азель Жанна, представить вамъ вашего сосѣда, господина виконта де Ламаръ.

Виконтъ поклонился, сказалъ, что онъ давно желалъ имѣть удовольствіе познакомиться съ ними, и принялся развязно говорить, какъ человѣкъ приличный и пожившій въ свѣтѣ. У него была одна изъ тѣхъ счастливыхъ наружностей, о которыхъ мечтаютъ всѣ женщины и которыя непріятны всѣмъ мужчинамъ. Черные вьющіеся волосы обрамляли его гладкій загорѣвшій лобъ; большія брови, правильныя настолько, что казались искусственными, сообщали особенную глубину и нѣжность его темнымъ глазамъ, бѣлокъ которыхъ былъ слегка синеватъ.

Длинныя густыя рѣсницы придавали взгляду то краснорѣчивое выраженіе страстности, которое въ гостиной смущаетъ высокомѣрную красавицу, а на улицѣ заставляетъ дѣвушку въ платкѣ невольно остановиться съ своей корзинкой и обернуться.

Томная прелесть такого взора заставляетъ невольно предполагать глубину мысли и придаетъ особенное значеніе каждому его слову.

Густая борода, блестящая и мягкая, скрывала немного слишкомъ грубую челюсть.

Послѣ обоюдныхъ любезностей они распрощались.

Черезъ два дня Ламаръ сдѣлалъ имъ первый визитъ.

Онъ пріѣхалъ въ то время, когда они пробовали скамейку, устроенную утромъ подъ высокимъ платаномъ передъ окнами гостиной. Баронъ хотѣлъ, чтобы поставили для симметріи такую же скамейку и подъ липой, но мама, врагъ всякой симметріи, не желала этого. Виконтъ склонился на сторону баронессы.

Затѣмъ онъ заговорилъ о мѣстности, считалъ ее очень „живописной“, такъ какъ въ своихъ одинокихъ прогулкахъ,

не разъ встрѣчалъ очаровательные „ландшафты“. Иногда его взоръ какъ бы случайно встрѣчался со взоромъ Жанны, и она испытывала странное ощущеніе отъ этого рѣзкаго, минутнаго взгляда, въ которомъ сказывалось и ласковое восхищеніе, и пробуждающаяся симпатія.

Оказалось, что Ламаръ-отецъ, умершій въ предыдущемъ году, зналъ одного изъ близкихъ друзей Культо, родителей мамы; такое открытіе повело къ нескончаемымъ разговорамъ о бракахъ, рожденіяхъ и родствахъ. Баронесса проявила необыкновенную память, возстановляя предковъ и потомковъ различныхъ фамилій и ни на минуту не теряясь въ сложномъ лабиринтѣ родословныхъ.

— Скажите, виконтъ, вы вѣроятно слышали о Сануа де Варфлёръ; старшій сынъ Гонтранъ женился на дѣвицѣ Курсиль, Курсиль де Курвиль, а младшій на моей кузинѣ де ла Рошъ-Оберъ, родственницѣ Крисанжъ. Крисанжъ же былъ другомъ моего отца и, вѣроятно, знакомъ и съ вашимъ батюшкой.

— Да, мадамъ. Это кажется тотъ самый Крисанжъ, который эмигрировалъ, а сынъ его разорился?

— Да, онъ самый. Онъ дѣлалъ предложеніе моей теткѣ, послѣ смерти ея мужа графа д'Эретри, но она отказала ему, потому что онъ нюхалъ табакъ. Кстати, не знаете ли, что сталось съ Вилуазами? Они въ 1813 году покинули Турингію вслѣдствіе различныхъ денежныхъ неудачъ и отправились въ Овернъ, и съ тѣхъ поръ я потеряла ихъ изъ виду.

— Мнѣ помнится, мадамъ, что старый маркизъ умеръ, упавъ съ лошади; одна изъ его дочерей вышла замужъ за англичанина, а другая за нѣкоего Бассоль, купца богатаго, который, говорятъ, соблазнилъ ее.

Такъ и сыпались имена, заученныя съ дѣтства, подслушанныя въ разговорахъ родителей. Браки этихъ одинакихъ

по происхожденію фамилій въ ихъ глазахъ получали значеніе крупныхъ общественныхъ событій. Они говорили о людяхъ, которыхъ никогда не видѣли, какъ о хорошихъ знакомыхъ, и эти люди, въ свою очередь, проживая даже въ другихъ странахъ, говорили точно такъ же о нихъ, чувствовали ихъ людьми близкими, друзьями, родственниками въ силу только ихъ принадлежности къ тому же классу, къ той же кастѣ, къ крови одинаковаго достоинства.

Баронъ, довольно дикій по природѣ и по воспитанію, чуждый традицій и предразсудковъ его среды, не зналъ даже сосѣднихъ аристократовъ и освѣдомился на этотъ счетъ у виконта.

— О, въ нашемъ округѣ очень мало дворянъ, — отвѣтилъ Ламаръ такимъ тономъ, какъ будто говорилъ, что по побережью мало кроликовъ, и при этомъ онъ пустился въ подробности. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ было только три дворянскихъ семьи: маркизъ де Кутлье, нѣчто вродѣ главы нормандской аристократіи, виконтъ и виконтесса де Бризвиль, чистокровные дворяне, но живущіе очень уединенно, и, наконецъ, графъ де Фурвилль, какой-то чудакъ, про котораго говорили, что онъ заставляетъ свою жену умирать съ тоски, а самъ предается всецѣло охотѣ въ своемъ замкѣ Врилетъ, построенномъ на пруду.

Были еще различныя выскочки, которыя терлись между ними и накупили себѣ помѣстья въ разныхъ мѣстахъ, но ихъ виконтъ не зналъ.

Онъ раскланялся и послѣдній взоръ его былъ для Жанны, какъ будто онъ слалъ ей отдѣльное прости, болѣе дружеское и нѣжное.

Баронесса нашла его прелестнымъ и въ особенности очень приличнымъ. На это папа замѣтилъ: „да, конечно, онъ очень хорошо воспитанъ“.

Его пригласили къ обѣду на слѣдующей недѣлѣ. И онъ сталъ часто посѣщать ихъ.

Чаще всего онъ пріѣзжалъ къ четыремъ часамъ, отправлялся къ мамѣ въ ея аллею и предлагалъ ей руку для „ея моціона". Если Жанна была дома, она поддерживала баронессу съ другой стороны, и они втроемъ медленно шагали взадъ и впередъ по длинной и прямой аллеѣ. Онъ не говорилъ съ молодою дѣвушкой, но его бархатистые черные глаза часто встрѣчались съ глазами Жанны, голубыми какъ лазурный агатъ.

Нѣсколько разъ онъ съ барономъ ходилъ въ Ипортъ.

Однажды вечеромъ на морскомъ берегу къ нимъ подошелъ дядя Ластикъ и, не покидая своей трубочки, отсутствіе которой было бы удивительнѣе даже пропажи самаго его носа, онъ сказалъ:

— По такому вѣтру, господинъ баронъ, можно было бы завтра махнуть до Этрета и легко вернуться обратно.

Жанна всплеснула руками:

— О, папа, пожалуйста, поѣдемъ!

Баронъ обратился къ Ламару:

— Поѣдете ли и вы съ нами, виконтъ? Мы съѣздили бы туда позавтракать.

И прогулка была рѣшена.

Съ зарей Жана была уже на ногахъ. Она подождала отца, одѣвавшагося дольше ея, и они пошли по росѣ, сперва черезъ равнину, а затѣмъ черезъ лѣсъ, оглашаемый пѣснями птицъ. Виконтъ и дядя Ластикъ сидѣли на кабестанѣ.

Два другихъ матроса помогали при отъѣздѣ. Упираясь плечомъ въ край лодки, мужчины толкали ее изо всѣхъ силъ. Она съ трудомъ двигалась по насыпи голышей. Ластикъ подбрасывалъ подъ киль деревянные катки, пропитанные саломъ, и затѣмъ, занявъ свое мѣсто, протяжно тянулъ

свое нескончаемое: „оэ, хопъ“, подъ звуки котораго всѣ принимались толкать лодку.

Когда лодка добралась до склона берега, она вдругъ пошла, чертя дномъ по круглымъ камешкамъ, съ такимъ же шумомъ, какой бываетъ когда рвутъ полотно. Она остановилась какъ разъ у пѣны мелкихъ волнъ, и всѣ размѣстились на лавкахъ; затѣмъ два матроса спустили ее на воду.

Легкій, не перестающій вѣтерокъ скользилъ по поверхности воды и бороздилъ ее. Подняли парусъ, онъ слегка надулся и лодка мирно поплыла, едва качаемая моремъ.

Они начали удаляться. У горизонта небо сливалось съ моремъ. Высокій утесъ справа бросалъ большую тѣнь у своего подножья на склоны, покрытые травой и ярко освѣщенные солнцемъ.

Тамъ, сзади, темные паруса выплывали изъ бѣлой насыпи Фекана, а тамъ, спереди, скала странной формы, закругленная и пробитая насквозь, напоминала своею фигурой громаднаго слона, погружающаго свой хоботъ въ волны. Это—Этрета.

Жанна держалась одною рукой за край лодки; голова ея слегка кружилась отъ качки волнъ, и она глядѣла въ даль; ей казалось, что во всемъ мірѣ только три вещи дѣйствительно прекрасны: свѣтъ, даль и вода.

Всѣ молчали. Дядя Ластикъ, державшій румпель и шкотъ, по временамъ дѣлалъ глотокъ изъ бутылки, которую хранилъ подъ лавкой и не переставая тянулъ свою крохотную трубочку, казавшуюся неистощимой. Изъ нея вѣчно выходила тонкая струя голубоватаго дыма, тогда какъ другая такая же струйка вылетала изъ края его губъ. Никогда не видно было, чтобъ этотъ матросъ зажигалъ свою глиняную трубочку, чернѣе чернаго дерева, или наполнялъ бы ее табакомъ.

Иногда онъ бралъ ее въ руку, вынималъ изо рта и изъ того же края губъ, откуда вылеталъ дымъ, выплевывалъ въ море длинную струю темной слюны.

Баронъ, сидѣвшій спереди, занималъ мѣсто матроса и слѣдилъ за парусомъ. Жанна и виконтъ помѣстились рядомъ, оба нѣсколько смущенные. По какой-то непонятной силѣ они приподнимали одновременно глаза и встрѣчались ими, какъ бы предупреждаемые родствомъ душъ; между ними уже витала та неуловимая и неопредѣленная нѣжность, которая такъ быстро зарождается между двумя молодыми людьми, когда онъ не дуренъ, а она красива. Они чувствовали себя счастливыми, сидя рядомъ, можетъ-быть, потому что думали другъ о другѣ.

Солнце подымалось, чтобы съ высоты лучше осмотрѣть разстилавшееся подъ нимъ море, но оно какъ бы изъ кокетства покрылось легкимъ туманомъ, заволакивавшимъ его отъ лучей солнца. Это былъ прозрачный туманъ, низкій, золотистый, ничего не скрывавшій, но смягчавшій дали. Потомъ солнце кинуло свое пламя и растопило эту блестящую дымку, и когда оно было въ полной силѣ, туманъ испарился и исчезъ, и море, гладкое какъ зеркало, ярко заблистало.

Жанна взволнованная прошептала:—Какъ красиво!—Виконтъ отвѣтилъ:—О, да, очень красиво, прелестно!—Ясная чистота утра пробуждала какъ бы отликъ въ ихъ сердцахъ.

И вдругъ открылась громадная арка Этрета: какъ бы двѣ ноги утеса, ступившія въ море и настолько высокія, что могли служить воротами для прохода кораблей, а впереди возвышался край бѣлой остроконечной скалы.

Они причалили, и въ то время, какъ баронъ, выпрыгнувъ, притягивалъ лодку къ берегу, виконтъ, ухвативъ въ свои объятія Жанну, перенесъ ее на берегъ, такъ чтобъ она не замочила себѣ ногъ, затѣмъ они начали подыматься по твер-

дому каменистому берегу, взволнованные этой внезапной близостью, и слышали, какъ дядя Ластикъ говорилъ барону:— По-моему, все-жь изъ нихъ вышла бы славная парочка.

Въ маленькой гостиницѣ на берегу моря завтракъ былъ очарователенъ. Море приводило въ оцѣпенѣніе голосъ и мысль, и они молчали; но теперь за столомъ они болтали, болтали какъ дѣти на волѣ.

Самыя простыя вещи вызывали въ нихъ нескончаемую веселость.

Дядя Ластикъ, садясь за столъ, бережно положилъ въ шапку свою трубочку, еще дымившуюся, и всѣ засмѣялись. Муха, привлекаемая, вѣроятно, его краснымъ носомъ, не разъ садилась на него; когда онъ прогонялъ ее движеніемъ слишкомъ медленнымъ для того, чтобы поймать, она отправлялась на кисейную занавѣсь, уже испачканную ея сестрицами; и сидя тамъ, она жадно слѣдила за багровымъ выступомъ на лицѣ матроса, и немедленно снова возвращалась на него.

При каждомъ полетѣ мухи раздавался безумный смѣхъ, и когда старикъ, раздосадованный ея щекотаніемъ, воскликнулъ: „ишь какая упрямая“, Жанна и Виконтъ смѣялись до слезъ, задыхаясь и корчась, прикрывая ротъ салфеткой, чтобы не кричать.

Послѣ кофе Жанна замѣтила: —А что, еслибы пойдти прогуляться?—Виконтъ всталъ, но баронъ предпочиталъ отдохнуть здѣсь, на берегу.—Идите, дѣти, погуляйте съ часокъ,—сказалъ онъ.

Они пошли на-прямикъ. Пройдя мимо хижинъ крестьянъ и маленькаго замка, похожаго на большую ферму, они вышли на открытую продолговатую долину.

Движеніе лодки ихъ нѣсколько закачало, нарушило ихъ обычное равновѣсіе, свѣжій соленый воздухъ вызвалъ голодъ, завтракъ развлекъ ихъ и веселость расшевелила ихъ нер-

вы. Они были теперь нѣсколько опьянены и имъ хотѣлось безъ ума бѣгать по полямъ. Въ ушахъ Жанны шумѣло, и она чувствовала себя охваченной новыми, быстро смѣняющимися ощущеніями.

Солнце палило. По обѣимъ сторонамъ дороги спѣлыя хлѣба склонялись подъ жгучими лучами. Кузнечики, безчисленные какъ былинки травъ, надсаживались всюду: и во ржи, и въ пшеницѣ, и въ прибрежныхъ тростникахъ раздавался ихъ однообразный, оглушающій трескъ.

Никакого другого звука не слышалось подъ этимъ небомъ, жаркимъ, желтовато-голубымъ и съ такимъ красноватымъ отливомъ, какой бываетъ у металловъ, слишкомъ близко подносимыхъ къ жаровнѣ.

Увидавъ справа лѣсокъ, они направились туда.

Сжатая двумя откосами, тянулась узкая дорожка, окаймленная высокими деревьями, не проницаемыми для солнца. При входѣ въ лѣсъ ихъ охватила затхлая свѣжесть плѣсени, та сырость, отъ которой пробѣгаетъ дрожь по кожѣ и проникаетъ въ легкія. За недостаткомъ свѣта и движенія воздуха, трава здѣсь не росла и мохъ покрывалъ землю.

Они шли все впередъ.

— Вонъ тамъ можно немножко посидѣть,—сказала она. Два дерева были повалены и потокъ свѣта, пользуясь этимъ промежуткомъ зелени, пригрѣлъ землю, вызвалъ къ жизни траву, одуванчики, ліаны; заставилъ распуститься маленькіе бѣлые цвѣточки, нѣжные какъ легкій туманъ, и наперстянки, толстыя какъ ноготки. Бабочки, пчелы, коренастые шершни, тощіе комары, похожіе на скелеты, мухи, тысячи летающихъ насѣкомыхъ, божьи коровки красныя съ черными пятнами, кузнечики зеленые и черные, рогатые, наполняли, населяли этотъ теплый, свѣтлый уголокъ среди ледяной тѣни массивныхъ деревьевъ.

Они сѣли такъ, что головы ихъ были въ тѣни, а ноги на солнцѣ. Они смотрѣли какъ кишила эта жизнь, вызванная пробившимся лучемъ, и Жанна растроганная повторяла:

— Какъ хорошо, хорошо въ деревнѣ; бываютъ минуты, когда мнѣ хочется стать мухой, бабочкой, чтобы спрятаться въ цвѣтахъ.

Они заговорили о себѣ, о своихъ привычкахъ, вкусахъ, тѣмъ тихимъ, интимнымъ голосомъ, которымъ люди высказываютъ свои задушевныя мысли. Онъ говорилъ, что свѣтъ ему надоѣлъ и онъ усталъ отъ этой пустой жизни, все то же и то же, ничего тамъ не встрѣтишь правдиваго, искренняго.

Свѣтъ! Она желала бы его узнать, хотя заранѣе была увѣрена, что въ немъ хуже, чѣмъ въ деревнѣ.

И чѣмъ сильнѣе сближались ихъ сердца, тѣмъ церемоннѣе они называли другъ друга „monsieur et mademoiselle“, тѣмъ взгляды ихъ болѣе улыбались и смѣшивались; имъ казалось, что новый лучъ доброты проникалъ въ нихъ, любовь ихъ росла, а они интересовались тысячами вещей, о которыхъ они прежде никогда не заботились.

Они вернулись; но оказалось, что баронъ дошелъ пѣшкомъ до пещеры chambre-aux-Demoiselles, находящейся въ скалѣ; они подождали его въ гостиницѣ.

Онъ вернулся только къ пяти часамъ вечера, послѣ продолжительной прогулки по морскому берегу.

Вернулись въ лодку, которая тихо поплыла безъ толчковъ, безъ вѣтра; только изрѣдка налеталъ вѣтерокъ, надувалъ парусъ на минуту, а затѣмъ онъ снова падалъ, какъ тряпка, вдоль мачты. Темная волна казалась мертвой и солнце, истощая весь свой зной, слѣдуя своему пути, медленно приближалось къ ней.

Оцѣпенѣлость моря заставила опять всѣхъ молчать.

Наконецъ, Жанна сказала:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось путешествовать.

Виконтъ замѣтилъ:

— Да, но какъ грустно путешествовать одному, надо быть по крайней мѣрѣ вдвоемъ, чтобъ обмѣниваться впечатлѣніями.

Она съ минуту подумала:

— Это правда... Однако, я люблю бродить одна... какъ хорошо мечтать одной!

Онъ продолжительнымъ взглядомъ поглядѣлъ на нее.

— Но можно мечтать и вдвоемъ.

Она опустила глаза. Былъ ли то намекъ? Можетъ быть. Она взглянула на небосклонъ, какъ бы желая проникнуть взоромъ дальше его, и медленнымъ голосомъ сказала:

— Мнѣ хотѣлось бы въ Италію... въ Грецію,—да, въ Грецію... въ Корсику. Тамъ должно быть и дико, и красиво!

Онъ предпочиталъ Швейцарію, за ея озера и шалэ.

Она не соглашалась.

— Нѣтъ, я предпочитаю совсѣмъ новыя страны, какъ Корсика, или же очень древнія, полныя воспоминаній, какъ Греція. Отрадно находить слѣды народовъ, исторію которыхъ мы знаемъ съ дѣтства, видѣть мѣста великихъ событій.

Виконтъ, менѣе экзальтированный, объявилъ:

— Англія привлекаетъ меня больше; это страна очень поучительная.

Затѣмъ они принялись перебирать всѣ страны, отъ полюсовъ до экватора, перечислять ихъ удовольствія, восторгаясь воображаемыми пейзажами и невѣроятными нравами нѣкоторыхъ народовъ, какъ китайцевъ и лапландцевъ; и въ концѣ концовъ они пришли къ тому заключенію, что самая прекрасная страна въ мірѣ—Франція, съ ея умѣреннымъ

климатомъ, свѣжимъ лѣтомъ и мягкою зимой, богатыми полями, зелеными лѣсами, тихими большими рѣками и ея поклоненіемъ искусству, не существовавшимъ нигдѣ съ цвѣтущимъ временемъ господства Аѳинъ.

Затѣмъ они умолкли.

Низкое солнце казалось кровавымъ, и длинная, яркая, ослѣпительная полоса тянулась отъ края моря до борозды, оставляемой лодкой.

Вѣтеръ утихъ, малѣйшая рябь исчезла, неподвижный парусъ краснѣлъ. Безпредѣльная тишина, казалось, охватила всю природу, при этой встрѣчѣ двухъ стихій, и море, эта необъятная, чудовищная невѣста, вздымая свое блестящее гибкое чрево, поджидало пламеннаго жениха, спускавшагося къ ней. Онъ ускорилъ свое паденіе, багровѣя какъ бы отъ жажды объятій. И они соединились и мало-по-малу море поглотило его.

Тогда съ края небосклона повѣяло свѣжестью; дрожь пробѣжала по подвижной груди волнъ, какъ будто солнце, исчезая, слало міру прощальный вздохъ успокоенія.

Сумерки тянулись не долго; ночь развернулась полная звѣздъ. Дядя Ластикъ взялся за весла, и при этомъ замѣтили, что море издавало фосфорическій свѣтъ. Жанна и виконтъ, сидя рядомъ, любовались этимъ мерцаніемъ слѣда, оставляемаго лодкой. Они ни о чемъ не думали, безсознательно глядѣли и вдыхали радостно въ себя полною грудью эту чудную ночь. Жанна одною рукой опиралась о скамейку и почувствовала, что ея сосѣдъ, какъ бы случайно, положилъ палецъ на ея руку; она не шевелилась, удивленная, счастливая и смущенная этимъ легкимъ прикосновеніемъ.

Вернувшись вечеромъ въ свою комнату, она почувствовала себя странно взволнованной и такой растроганной, что готова была плакать рѣшительно отъ всего. Она взглянула

на свои часы и подумала, что эта маленькая пчелка бьется какъ сердце, сердце друга, что она будетъ спутницей всей ея жизни и своимъ быстрымъ и правильнымъ тикъ-такъ будетъ сопровождать всѣ ея радости и горести; она остановила золотую пчелку и поцѣловала ея крылышки. Она готова была цѣловать все безразлично. Она вспомнила, что спрятала на днѣ одного ящика коммода свою старую куклу; отыскала, ее и увидѣла съ тою радостью, которую мы испытываемъ, встрѣтивъ стараго дорогого друга; она прижимала ее къ груди и осыпала горячими поцѣлуями размалеванныя щеки и завитыя льняныя кудри игрушки.

И, продолжая держать ее въ своихъ рукахъ, она думала:

— Онъ ли тотъ суженый, о которомъ тысячи тайныхъ голосовъ нашептывали ей, котораго всеблагое Провидѣніе поставило на ея пути? Онъ ли тотъ, кому она посвятитъ всю свою жизнь, какъ существу, созданному для нея? Они ли тѣ два избранника судьбы, чьи ласки, слившись, должны сплотиться, слиться неразрывно и породить любовь?

Она еще не испытывала мятежныхъ порывовъ всего существа, безумныхъ восторговъ, глубокихъ волненій, которыя принимала за страсть; но ей казалось, что она начинаетъ любить его; думая о немъ, она порой чувствовала, что у нея кружится голова, а думала она о немъ безпрестанно. Его присутствіе волновало ее; встрѣчая его взоръ, она краснѣла и блѣднѣла, и дрожь пробѣгала по ея тѣлу при звукѣ его голоса.

Эту ночь она мало спала.

Тревожная жажда любви все сильнѣе овладѣвала ею. Безпрестанно она заглядывала въ свою душу, гадала по маргариткамъ, облакамъ, монетамъ, бросаемымъ въ воздухъ.

Однажды вечеромъ отецъ сказалъ ей:—Завтра утромъ принарядись.

Она спросила:—Зачѣмъ, папа?

— Это секретъ,—отвѣтилъ онъ.

На слѣдующее утро, спустившись внизъ, свѣжая и вся въ бѣломъ, она нашла столъ гостиной весь покрытый коробками конфектъ, а на стулѣ лежалъ громадный букетъ.

Во дворъ въѣхалъ экипажъ съ надписью: „Лера, кондитеръ въ Феканѣ. Свадебныя угощенія“, и Людивина при помощи поваренка вытаскивала изъ задней дверцы экипажа множество большихъ плоскихъ корзинокъ, отъ которыхъ хорошо пахло.

Появился и виконтъ де Ламаръ въ плотно обтянутыхъ брюкахъ и лакированныхъ сапогахъ, обрисовывавшихъ его маленькую ногу. Въ вырѣзкѣ длиннаго сюртука, стянутаго у таліи, виднѣлись на груди кружева его жабо, а тонкій галстукъ, обмотанный нѣсколько разъ вокругъ шеи, заставлялъ его высоко держать свою красивую темную голову съ отпечаткомъ важнаго благородства.

У него былъ совсѣмъ другой видъ,—тотъ особенный видъ, какой придаетъ нарядъ даже самымъ знакомымъ лицамъ. Жанна, пораженная, смотрѣла такъ, какъ будто видѣла его въ первый разъ; находила его вполнѣ изящнымъ аристократомъ съ головы до ногъ.

Онъ, улыбаясь, поклонился и спросилъ:—Ну-съ, кумушка, готовы ли вы?

— Что? Что такое?—лепетала она.

— Узнаешь сейчасъ,—сказалъ баронъ.

Запряженный экипажъ подъѣхалъ; мадамъ Аделаида, пышно разодѣтая, вышла изъ своей комнаты, поддерживаемая Розаліей, которая такъ была поражена элегантностью Ламара, что папа прошепталъ:—Вотъ, виконтъ, вы, кажется, даже сильно приглянулись нашей горничной.— Онъ покраснѣлъ до самыхъ ушей, притворился, что не слышитъ, и,

взявъ большой букетъ, подалъ его Жаннѣ. Она еще больше удивилась. Всѣ четверо сѣли въ экипажъ, и кухарка Людивина, подавая для поддержанія силъ баронессѣ чашку холоднаго бульона, объявила:—Ну-съ, сударыня, подумаешь, настоящая свадьба.

Изъ экипажа всѣ вышли въ Ипортѣ, и по мѣрѣ того, какъ они шли по улицѣ, матросы въ праздничныхъ одеждахъ, еще измятыхъ, выходили изъ своихъ домовъ, кланялись, пожимали руку барону и шли за ними, какъ бы въ процессіи.

Виконтъ предложилъ Жаннѣ руку, и они пошли впереди всѣхъ.

Подойдя къ церкви, всѣ остановились; появился пѣвчій-мальчикъ съ большимъ серебрянымъ крестомъ и за нимъ другой съ чашей святой воды и кропиломъ.

За ними прошли три старыхъ пѣвчихъ, изъ нихъ одинъ хромалъ, музыкантъ и, наконецъ, кюре съ эпитрахилью, крестообразно сложенной на его толстомъ животѣ. Онъ кивнулъ головой и улыбнулся; затѣмъ, полузакрывъ глаза и нашептывая губами молитву, онъ въ шапочкѣ, надвинутой почти до самого носа, послѣдовалъ за своимъ штабомъ къ морю.

На берегу толпа ожидала вокругъ новой лодки, убранной гирляндами. Ея мачта, парусъ, снасти увѣшаны были лентами, развѣваемыми легкимъ вѣтеркомъ, а на задней части крупными золотыми буквами красовалось имя: „Жанна".

Дядя Ластикъ, патронъ этой лодки, построенной на деньги барона, выступилъ на встрѣчу шествію. Всѣ матросы мгновенно обнажили головы, а рядъ богомолокъ въ черныхъ мантиліяхъ, спадавшихъ безчисленными складками съ плечъ, пали кругомъ на колѣни при видѣ креста.

Кюре, съ двумя маленькими пѣвчими, сталъ на одномъ

краю лодки, тогда какъ на другомъ трое старыхъ пѣвчихъ, грязныхъ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ щетинистыми подбородками, съ важнымъ видомъ и устремивъ глаза на ноты, ревѣли во всю глотку въ тишинѣ свѣтлаго утра.

Каждый разъ, какъ они останавливались, чтобы перевести дыханіе, музыкантъ одинъ продолжалъ мычать на серпентѣ и до того при этомъ надувался, что его маленькіе сѣрые глазки совсѣмъ изчезали въ раздутыхъ жирныхъ щекахъ, даже кожа его лба и шеи точно отдѣлялась отъ мяса.

Море, неподвижное и прозрачное, казалось, сосредоточснно слѣдило за крещеніемъ ея суденышка, съ легкимъ, чуть замѣтнымъ шумомъ катя по валунамъ маленькія крохотныя волны, вышиною съ палецъ. Большія бѣлыя чайки, распустивъ крылья, описывали круги въ синемъ небѣ, то удаляясь, то возвращаясь плавнымъ полетомъ, какъ бы желая разсмотрѣть, что тутъ дѣлаетъ толпа, стоящая на колѣняхъ.

Протяжный аминь заключилъ пѣніе, и священникъ глухимъ голосомъ пробормоталъ нѣсколько латинскихъ словъ, въ которыхъ можно было разслышать только одни звучныя окончанія.

Затѣмъ онъ обошелъ лодку, окропляя ее святою водой, и принялся бормотать молитвы у края лодки, напротивъ крестнаго отца и крестной матери, стоявшихъ неподвижно, держась за руки.

Молодой человѣкъ сохранялъ важное выраженіе красиваго лица, но у молодой дѣвушки, охваченной внезапнымъ волненіемъ, закружилась голова и она тряслась такъ, что стучали зубы. Мечта, часто за послѣднее время смущавшая ее, внезапно, какъ бы въ галлюцинаціи, становилась дѣйствительностью. Говорилось о свадьбѣ, священникъ стоялъ

тутъ, благословлялъ, люди въ церковныхъ одѣяніяхъ пѣли молитвы,—не ея ли тутъ свадьба?

Нервное ли сотрясеніе ея пальцевъ, трепетъ ли ея сердца, пробѣжавъ по ея жиламъ, передались сердцу ея сосѣда? Понималъ ли, угадывалъ ли, раздѣлялъ ли онъ то опьяненіе любви, которое испытывала она? Или можетъ быть онъ просто по опыту зналъ, что ни одна женщина не можетъ передъ нимъ устоять? Какъ бы то ни было, но она внезапно замѣтила, что онъ жметъ ея руку, сперва слабо, потомъ сильнѣе, сильнѣе, до боли. И не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, незамѣтно для всѣхъ, онъ сказалъ, да, конечно, совсѣмъ внятно сказалъ:—О Жанна, еслибы вы пожелали, то сегодняшній день былъ бы нашимъ обрученіемъ.

Она медленно опустила голову, какъ бы въ знакъ согласія. И священникъ, все еще кропившій, брызнулъ нѣсколько капель на ихъ пальцы.

Все кончилось. Женщины встали. Всѣ начали расходиться въ страшномъ безпорядкѣ. Крестъ въ рукахъ пѣвчаго мальчика уже не торжественно плылъ, а быстро мелькалъ, колыхаясь и направо и налѣво, и склонялся впередъ такъ, что касался почти земли. Кюре припрыгивалъ за нимъ, пѣвчіе и музыкантъ свернули въ переулокъ, чтобы добраться скорѣй до дома и разоблачиться, а матросы группами тоже спѣшили. Одна и та же мысль, мысль о вкусныхъ яствахъ, запахъ которыхъ какъ бы преслѣдовалъ ихъ, удлинняла ихъ шаги, увлажала слюной ихъ губы и раздражала ихъ желудокъ и кишки.

Прекрасный завтракъ ожидалъ ихъ въ Тополяхъ.

На дворѣ подъ яблонями разставленъ былъ громадный столъ. Шестьдесятъ человѣкъ матросовъ и крестьянъ усѣлись за него. Баронесса сидѣла посрединѣ, съ двумя священниками по бокамъ: изъ Ипорта и изъ Тополей. Напро-

тивъ ея возсѣдалъ баронъ, имѣя съ одной стороны мера, а съ другой его жену, худощавую деревенскую женщину, уже старую, которая раскланивалась на всѣ стороны. Ея узкое личико въ большомъ нормандскомъ чепцѣ походило на куриную голову съ бѣлымъ хохломъ, съ глазами совсѣмъ круглыми и всегда удивленными; она и ѣла торопливо, и понемножку, какъ будто носомъ клевала тарелку.

Жанна рядомъ съ кумомъ витала въ облакахъ счастья. Она ничего не видѣла, ничего не знала, молчала, отуманенная радостью.

Она спросила его:—Какъ ваше имя?

— Жюльенъ, развѣ вы не знали?

Но она не отвѣтила, а только подумала: „Какъ часто я буду повторять это имя!"

Послѣ завтрака господа предоставили дворъ въ распоряженіе матросовъ, а сами удалились по ту сторону замка. Баронесса принялась за свой моціонъ, подъ руку съ барономъ и въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Жанна и Жюльенъ дошли до рощи и повернули въ узкія тѣнистыя тропинки; и вдругъ онъ схватилъ ея руки:

— Скажите, хотите вы быть моею женой?

Она еще разъ наклонила голову, и въ то время, какъ онъ шепталъ:—Отвѣчайте, умоляю васъ,— она подняла на него свои глаза и въ ея взорѣ онъ прочелъ отвѣтъ.

IV.

Однажды утромъ баронъ вошелъ въ комнату Жанны, когда она еще не вставала и, усаживаясь на край постели, сказалъ:

— Виконтъ де Ламаръ просилъ у насъ твоей руки!

Ей захотѣлось спрятать лицо подъ одѣяло.

Отецъ продолжалъ:

— Мы отложили отвѣтъ до вечера.

У нея отъ волненія захватывало духъ.

Минуту спустя, баронъ улыбаясь прибавилъ:

— Мы не хотѣли ничего рѣшать, не поговоривъ съ тобой. Мы съ матерью не противъ этого брака, хотя и не навязываемъ тебѣ его. Ты гораздо богаче его, но когда вопросъ касается счастья цѣлой жизни, не слѣдуетъ думать о деньгахъ. У него совсѣмъ нѣтъ родныхъ, такъ что, женясь на тебѣ, онъ войдетъ въ качествѣ сына въ нашу семью; выходя же за другого, ты сама, дочь моя, уйдешь отъ насъ къ чужимъ. Молодой человѣкъ нравится намъ, но по душѣ ли онъ... тебѣ?

Она покраснѣла до ушей и пробормотала:

— Я согласна, папа.

Отецъ пристально взглянувъ ей въ глаза и, все еще посмѣиваясь, проговорилъ:

— Я почти не сомнѣвался въ этомъ, mademoiselle.

До вечера она прожила въ какомъ-то чаду опьяненія, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета: она машинально принимала однѣ вещи за другія, съ трудомъ передвигала ноги, какъ послѣ продолжительной ходьбы.

Около шести часовъ, когда она съ матерью сидѣла подъ платаномъ, появился виконтъ.

Сердце Жанны страшно забилось. Въ молодомъ человѣкѣ не замѣтно было волненія; подойдя къ нимъ, онъ сначала приложился губами къ пальцамъ баронессы, затѣмъ, взявъ дрожащую руку молодой дѣвушки, запечатлѣлъ на ней долгій поцѣлуй, нѣжный и признательный.

Теперь началось то блаженное время, которое переживаютъ обыкновенно женихъ и невѣста. Они разговаривали наединѣ въ углу залы или въ глубинѣ рощи, сидя на от-

косѣ передъ дикою равниной. Иногда они гуляли и въ аллеѣ мамы, онъ—разсуждая о будущемъ, она—опустивъ глаза на пыльный слѣдъ ноги баронессы.

Такъ какъ дѣло было рѣшено, они хотѣли поспѣшить и съ развязкой, и потому свадьба была назначена черезъ шесть недѣль, 15 августа, и молодые должны были немедленно послѣ нея предпринять свое свадебное путешествіе. Посовѣтовавшись съ Жанной, выбрали Корсику, какъ мѣсто болѣе уединенное, чѣмъ города Италіи.

Они ждали минуту соединенія довольно терпѣливо, утопая въ безпредѣльной нѣжности, наслаждаясь изысканною прелестью незначительныхъ ласкъ, пожатіемъ рукъ, страстными, долгими взглядами, когда ихъ души, козалось, сливались воедино. Являлось однако и мучительное, смутное желаніе болѣе сильныхъ объятій.

На свадьбу рѣшено было не приглашать никого, исключая тети Лизонъ, сестры баронессы, жившей въ Версалѣ монастырскою пансіонеркой.

Послѣ смерти отца баронесса пожелала жить вмѣстѣ съ сестрой, но старая дѣва, преслѣдуемая мыслью, что она всѣхъ стѣсняетъ, что она существо лишнее, никому ненужное, удалилась въ одно изъ тѣхъ религіозныхъ убѣжищъ, гдѣ отдаются въ наймы помѣщенія для обездоленныхъ и одинокихъ.

По временамъ она пріѣзжала на мѣсяцъ или на два въ свою семью.

Это было маленькое, молчаливое, незамѣтное существо, которое появлялось только за столомъ, а затѣмъ уходило и запиралось въ своей комнатѣ.

Несмотря на свои сорокъ два года, она имѣла видъ доброй старушки съ тихимъ, печальнымъ взглядомъ. Въ семьѣ она не имѣла никакого значенія. Еще ребенкомъ, некрасивая и вялая, она не знала ласки и смиренно сидѣла всегда

въ своемъ уголкѣ; то же продолжалось и всю жизнь. Когда она была молодою дѣвушкой, на нее никто не обращалъ никакого вниманія.

Она была нѣчто вродѣ тѣни или обычнаго предмета— живая мебель, которую привыкли видѣть каждый день, но о которой никто не заботится.

Сестра ея, по принятой въ домѣ привычкѣ, смотрѣла на нее какъ на существо неудачное, вполнѣ ничтожное. Къ ней относились съ фамильярностью, подъ которой скрывалось добродушное презрѣніе.

Ее звали Лизой, и это имя, напоминавшее хорошенькихъ молоденькихъ дѣвушекъ, стѣсняло ее.

Когда увидали, что она не выходитъ и вѣроятно никогда не выйдетъ замужъ, ее переименовали въ „Лизонъ".

Съ рожденіемъ Жанны, она сдѣлалась „теткой Лизонъ", скромной родственницей, чистенькой, крайне застѣнчивой даже съ сестрой и зятемъ, которые однако любили ее, но какой-то странною, безсознательною, равнодушною любовью.

Нерѣдко баронесса, разсказывая какой-нибудь эпизодъ изъ своей далекой молодости, для большей точности прибавляла: „Это было во время „происшествія" съ Лизонъ". Подробнѣе ничего не разсказывалось, и что это было за происшествіе, такъ и оставалось въ туманной неизвѣстности.

Однажды вечеромъ двадцатилѣтняя Лиза бросилась въ воду по неизвѣстной причинѣ. Ни поступки ея, ни настроеніе не подавали повода предвидѣть подобнаго сумашествія. Ее вытащили полумертвой, а негодующіе родители, вмѣсто того, чтобы доискаться причины этого таинственнаго поступка, удовольствовались разговорами о „происшествіи", точно такъ же, какъ говорили и о случаѣ съ лошадью „Коко", незадолго до этого сломавшей себѣ ногу, вслѣдствіе чего и принуждены были ее прирѣзать. Съ этихъ поръ

Лиза, впослѣдствіи Лизонъ, сдѣлалась въ глазахъ всѣхъ особою очень слабоумной. Добродушное презрѣніе родныхъ проникло мало-по-малу и въ души людей ея окружающихъ. Даже маленькая Жанна, по свойственной дѣтямъ любви къ подражанію, не обращала на нее никакого вниманія, не прибѣгала обнять ее передъ сномъ, не входила никогда въ ея комнату. Только добрая Розалія, приводившая эту комнату въ нѣкоторый порядокъ, казалось, одна и знала, гдѣ она находится.

Когда тетка Лизонъ выходила въ столовую къ завтраку, „малютка" по привычкѣ подставляла ей лобъ. Вотъ и все.

Если кому-нибудь надо было переговорить съ ней, за ней посылался лакей. Ея отсутствіе въ комнатѣ никого не безпокоило, ее забывали, никому даже и въ голову не приходило хотя бы сказать: „А вѣдь я сегодня утромъ не видалъ тетки Лизонъ".

Ее какъ бы не было въ домѣ; она была однимъ изъ тѣхъ существъ, которыя остаются неузнанными даже своими близкими, смерть которыхъ не составляетъ пустоты въ домѣ; однимъ изъ тѣхъ существъ, которыя не умѣютъ войти ни въ жизнь, ни въ привычки, ни въ сердца окружающихъ.

Слова: „тетка Лизонъ" не вызывали, такъ сказать, никакого движенія души слушателей. Все равно, какъ бы рѣчь шла о кофейницѣ или сахарницѣ.

Она ходила всегда быстрыми, неслышными шагами, никогда не шумѣла, ничего не задѣвала и, казалось, передавала и окружающимъ вещамъ способность не издавать звуковъ. Руки ея были сдѣланы какъ будто изъ ваты, до такой степени нѣжно и деликатно было ихъ прикосновеніе.

Она пріѣхала въ половинѣ іюля, встревоженная предстоящею свадьбой. Множество подарковъ, привезенныхъ ею, остались незамѣченными, благодаря тому, что исходили отъ нея.

Уже на другой день ея пріѣзда присутствіе ея не замѣчалось.

Но въ ней происходило необычное волненіе, и она глазъ не спускала съ жениха и невѣсты. Съ лихорадочною дѣятельностью занявшись приданымъ, она работала какъ простая портниха въ своей комнатѣ, гдѣ никто не навѣщалъ ее.

Она безпрестанно приносила баронессѣ подрубленные платки, замѣченныя салфетки и обращалась къ ней съ вопросомъ: „хорошо ли такъ, Аделаида"? А мама, небрежно разсматривая вещи, отвѣчала:—Да не хлопочи такъ, бѣдняжка Лизонъ.

Къ концу мѣсяца, послѣ удушливо-жаркаго дня, наступила одна изъ тѣхъ лунныхъ ночей, которыя нѣжатъ, волнуютъ, колеблятъ всѣ скрытыя поэтическія струны души.

Нѣжный вѣтерокъ проникалъ въ комнату. Баронъ и баронесса играли въ карты; Лизонъ вязала, а молодые люди, сидя у открытаго окна, любовались освѣщеннымъ садомъ.

Липа и платанъ бросали тѣнь на блѣдную и блестящую луговину, разстилавшуюся до темной рощи.

Подъ вліяніемъ этой чудной ночи, этого роскошнаго освѣщенія, Жанна обратилась къ родителямъ:—Папочка, мы погуляемъ тамъ по травѣ, у замка. — Идите, дѣти,—отвѣчалъ баронъ, продолжая играть.

Они вышли и принялись медленно прохаживаться по лужайкѣ до рощи.

Время шло, они и не думали возвращаться.

Баронесса устала и захотѣла удалиться къ себѣ.

— Нужно позвать влюбленныхъ,—сказала она.

Баронъ окинулъ взоромъ освѣщенный садъ и двѣ тихо блуждающія тѣни.

— Оставь ихъ,—сказалъ онъ,—на воздухѣ такъ хорошо. Лизонъ подождетъ ихъ. Не правда ли, Лизонъ?

Старая дѣва подняла безпокойные глаза и застѣнчиво отвѣчала: „конечно, подожду."

Отецъ помогъ встать баронессѣ и самъ, утомленный жарой, выразилъ желаніе тоже уснуть. И они вмѣстѣ удалились Встала и тетка Лизонъ, и, оставивъ на кучкѣ кресла начатую работу, шерсть и большія спицы, подошла къ окну и стала любоваться очаровательной ночью.

А обрученные между тѣмъ все ходили по лужайкѣ, отъ рощи до крыльца и отъ крыльца до рощи. Они жали другъ другу руки, не произнося ни слова, какъ бы внѣ себя, вполнѣ сливаясь съ окружающею ихъ поэзіей.

Жанна замѣтила вдругъ въ окнѣ силуэтъ старой дѣвы:

— Посмотри,—сказала она,—тетка Лизонъ смотритъ на насъ.—Виконтъ поднялъ голову и самымъ равнодушнымъ тономъ, видимо не думая, отвѣчалъ:

— Да, тетка Лизонъ смотритъ на насъ.

И они продолжали медленно прогуливаться, мечтать и любить.

Но роса покрыла траву и имъ стало прохладно.

— Пойдемъ домой,—сказала она.

И они вернулись.

Когда они вошли въ комнату, тетка Лизонъ уже сидѣла за вязаньемъ. Она низко опустила голову, и худые пальцы ея дрожали какъ будто отъ усталости.

Жанна подошла къ ней.

— Тетя, пора спать.

Старая дѣва подняла глаза; они были красны, какъ бы отъ слезъ. Влюбленные не обратили на это вниманіе, но молодой человѣкъ вдругъ замѣтилъ, что тонкія ботинки дѣвушки были мокры. Это обезпокоило его и онъ съ нѣжностью спросилъ:

— Не озябли ли ваши дорогія, маленькія ножки?

При этихъ словахъ пальцы тетки дрогнули такъ сильно, что работа выпала изъ нихъ и клубокъ шерсти покатился по паркету. Порывистымъ движеніемъ она закрыла лицо руками и принялась громко, конвульсивно рыдать.

Женихъ и невѣста смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ.

Потомъ Жанна быстро стала передъ ней на колѣни, отняла отъ лица руки и взволнованная повторяла:

— Что же съ тобой, тетя Лизонъ, что съ тобой?

Бѣдная женщина, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, дрожа отъ горя, отвѣчала:—Онъ спросилъ тебя... не озябли ли твои... твои... дорогія, маленькія ножки... Со мной никогда такъ не говорилъ никто... никогда... никогда.

Удивленной и растроганной Жаннѣ хотѣлось однако смѣяться при мысли о влюбленномъ, расточающемъ ласки теткѣ Лизонъ, а Виконтъ даже отвернулся, чтобы скрыть свою улыбку.

Но тетка быстро встала, оставила свою шерсть на полу, а вязанье на креслѣ и безъ огня скрылась на темной лѣстницѣ, ощупью отыскивая свою комнату.

Оставшись вдвоемъ, молодые люди взглянули другъ на друга веселые, растроганные.

— Бѣдная тетка,—проговорила Жанна.

— Она должно-быть немножко рехнулась сегодня,—добавилъ Жюльенъ.

Они держали другъ друга за руки, не рѣшаясь разстаться, и тихо, тихо обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ передъ пустымъ кресломъ, только-что оставленнымъ теткой Лизонъ.

На завтра они уже не думали о слезахъ старой дѣвы.

Въ теченіе двухъ недѣль, предшествовавшихъ свадьбѣ, Жанна была тиха и спокойна, какъ будто утомленная сладостными ощущеніями.

Утромъ въ день свадьбы ей также ни о чемъ не думалось, она ощущала только пустоту во всемъ тѣлѣ, какъ будто ея мясо, кровь, кости расплылись подъ кожей; дотрогиваясь же до вещей, она замѣчала, что пальцы ея сильно дрожатъ.

Только въ церкви во время службы она пришла въ себя.

Замужемъ! Итакъ, она замужемъ! Все происходившее съ ранняго утра казалось ей сномъ, настоящимъ сномъ. Бываютъ минуты, когда все окружающее кажется намъ измѣнившимся; всѣ жесты получаютъ новое значенiе, и даже часы идутъ какъ-то особенно.

Она чувствовала себя смущенной и въ особенности удивленной.

Еще наканунѣ не было никакой перемѣны въ ея жизни, только надежда все близилась, дѣлалась почти осязаемой. Она уснула молодою дѣвушкой; теперь же она женщина.

Итакъ, она перешагнула эту преграду, отдѣлявшую отъ нея будущее со всѣми его радостями и желаннымъ счастьемъ.

Она стояла теперь передъ открытой дверью и готовилась вступить въ мiръ прежнихъ грезъ.

Обрядъ кончился. Они перешли въ пустую ризницу, потому что никого не приглашали, и затѣмъ вышли изъ церкви.

При ихъ появленiи въ церковныхъ дверяхъ раздался оглушительный трескъ, такъ что молодая пошатнулась, а баронесса страшно вскрикнула. Это былъ привѣтственный залпъ изъ ружей, устроенный крестьянами. Пальба продолжалась всю дорогу, до самыхъ Тополей.

Для семьи, для священниковъ—мѣстнаго и изъ Ипорта, для молодого и для свидѣтелей была приготовлена закуска, послѣ которой все общество въ ожиданiи обѣда отправилось въ садъ. Баронъ, баронесса, тетка Лизонъ, мэръ и аб-

бать Пико выбрали для прогулки аллею мамы, между тѣмъ какъ по противоположной аллеѣ шагалъ священникъ, читая свой требникъ.

Съ другой стороны замка слышалось шумное веселье крестьянъ, распивавшихъ сидръ подъ яблонями. Все окружное населеніе въ праздничныхъ нарядахъ наполняло дворъ. Парни и дѣвушки бѣгали въ-запуски.

Жанна и Жюльенъ, пройдя рощу, взошли на откосъ и, оба безмолвные, засмотрѣлись на море. Въ воздухѣ чувствовалась прохлада, несмотря на половину августа; дулъ сѣверный вѣтеръ, и солнце во всемъ блескѣ сіяло на безоблачномъ небѣ.

Молодые люди, чтобъ укрыться отъ вѣтра, повернули направо, намѣреваясь достигнуть поросшей кустарникомъ долины, спускавшейся къ Ипорту. Въ лѣсочкѣ вѣтеръ утихъ, и они свернули съ дороги на узенькую тропинку, тянувшуюся подъ вѣтвями. Они, тѣснясь, шли рядомъ, и вотъ она почувствовала, какъ рука его тихонько обвила ея талію.

Сердце ея сильно билось, дыханіе стало неровно, она задыхалась, но не говорила ни слова. Волосы ихъ цѣплялись за вѣтви и имъ приходилось часто нагибаться. Она сорвала листокъ и на нижней сторонѣ его увидѣла двухъ божьихъ коровокъ, похожихъ на хрупкія, красныя раковины.

Она невинно, почти увѣреннымъ тономъ сказала:

— Вотъ и семья.

— Вечеромъ вы будете моею женой,—отвѣтилъ Жюльенъ, губами касаясь ея уха.

Хотя она многое узнала въ деревнѣ, но мечтала только о поэзіи любви, и потому слова эти удивили ее. Его женой? Но развѣ она уже не жена его?

Тутъ онъ быстро, порывисто сталъ цѣловать ее въ високъ и шею, въ то мѣсто, гдѣ завивались первые волоски.

Охваченная этими непривычными мужскими ласками, она инстинктивно уклонялась въ сторону, чтобъ избѣгнуть этой ласки, которая тѣмъ не менѣе ее плѣняла.

Незамѣтно они дошли до опушки лѣса. Она остановилась, сконфуженная тѣмъ, что зашла такъ далеко. Что подумаютъ о нихъ?

— Вернемся,—сказала она.

Онъ отнялъ руку отъ ея таліи, и, обернувшись, они разомъ очутились такъ близко другъ къ другу, что каждый на своемъ лицѣ чувствовалъ дыханіе другого; они взглянули другъ на друга однимъ изъ тѣхъ пристальныхъ, острыхъ, проницательныхъ взглядовъ, въ которомъ двѣ души стремятся слиться вмѣстѣ.

Они искали душу въ глазахъ, глубже глазъ, въ этой непроницаемой неизвѣстности; они старались въ нѣмомъ, настойчивомъ вопросѣ постичь: чѣмъ будутъ они другъ для друга? Какъ сложится жизнь, которую они начинаютъ вмѣстѣ? Что дадутъ они другъ другу? Радость ли и счастье, или разочарованіе сулитъ имъ ихъ нерасторжимый брачный союзъ? И имъ обоимъ казалось, что они впервые видятъ другъ друга.

Вдругъ Жюльенъ положилъ обѣ руки на плечи жены и поцѣловалъ ее крѣпко, какъ ее никогда еще не цѣловали. И поцѣлуй этотъ, проникая въ ея жилы, въ мозгъ ея костей, произвелъ въ ней такое таинственное сотрясеніе, что она обѣими руками оттолкнула Жюльена и едва не упала на спину.

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда!—говорила она.

Онъ молча взялъ ея руки и держалъ въ своихъ.

До самого дома они не обмѣнялись ни словомъ. Все остальное время тянулось очень медленно.

Вечеромъ сѣли за столъ. Обѣдъ, вопреки нормандскимъ обычаямъ, былъ простъ и непродолжителенъ. Что-то стѣсняло гостей. Только священники, мэръ и четыре фермера поддерживали немного обычное свадебное веселье. Смѣхъ, казалось, замеръ, но слово мэра оживило его. Было около девяти часовъ, собирались пить кофе. На улицѣ подъ яблонями перваго двора начинался сельскій балъ, который можно было наблюдать въ открытое окно. Фонарики, повѣшенные на вѣтвяхъ, придавали листьямъ сѣро-зеленый оттѣнокъ. Крестьяне и крестьянки кружились, подвывая арію дикаго танца подъ слабый аккомпаниментъ двухъ скрипокъ и кларнета, помѣстившихся на большомъ кухонномъ столѣ, какъ на эстрадѣ.

Неистовое пѣніе крестьянъ иногда совершенно заглушало звуки инстументовъ, такъ что слабая музыка, прерываемая несвязными голосами, какъ будто падала съ неба клочьями, въ видѣ отрывковъ нѣжныхъ мелодій.

Изъ двухъ большихъ бочекъ, освѣщенныхъ факелами, толпа утоляла свою жажду. Двѣ служанки то и дѣло полоскали въ лохани стаканы и кружки, чтобы подносить ихъ потомъ, еще съ нестекшей водой, подъ краны, изъ которыхъ текло красное вино и золотистый сидръ. А жаждущіе танцоры, спокойные старички, дѣвушки въ поту спѣшили наперерывъ протянуть руку и схватить какой-нибудь сосудъ съ излюбленнымъ напиткомъ, который и выпивался жадно, большими глотками.

На столъ поданы были хлѣбъ, масло, сыръ и сосиски. Всѣ подходили закусывать, и этотъ здоровый оживленный праздникъ подъ сводомъ освѣщенныхъ листьевъ возбудилъ въ мрачныхъ гостяхъ дома желаніе тоже потанцовать, тоже напиться въ плотную изъ этихъ огромныхъ бочекъ и закусить кускомъ хлѣба съ масломъ и сырымъ лукомъ.

Мэръ, отбивавшій ножомъ тактъ, воскликнулъ:

— Вотъ такъ праздникъ, подумаешь, что это свадьба полоумныхъ.

Раздался взрывъ сдержаннаго хохота. Аббатъ Пико, естественный врагъ свѣтской власти, возразилъ:

— Вы хотѣли сказать—свадьба въ Канѣ?

Но тотъ не пожелалъ воспользоваться урокомъ.

— Нѣтъ, господинъ аббатъ, я въ своемъ умѣ; когда я говорю полоумный, это и значитъ полоумный.

Всѣ встали и перешли въ гостиную. Затѣмъ отправились въ толпу народа, и наконецъ гости удалились.

Баронъ и баронесса въ полголоса какъ будто ссорились. Мадамъ Аделаида, запыхавшаяся болѣе обыкновеннаго, казалось отказывалась исполнить просьбу мужа; наконецъ, она проговорила почти громко:

— Нѣтъ, другъ мой, я не могу, я совсѣмъ не знаю, какъ взяться за это.

Тогда отецъ круто повернувшись отъ баронессы, подошелъ къ Жаннѣ:

— Не хочешь ли прогуляться со мною, дочурка?

Смущенная, она отвѣтила:

— Какъ хочешь, папа.

Они вышли.

Въ дверяхъ они почувствовали дуновеніе сухого вѣтерка, того вѣтра, въ которомъ чувствуется приближеніе осени. Тучи ходили по небу, то скрывая, то открывая звѣзды.

Баронъ шелъ подъ руку съ дочерью и нѣжно пожималъ ей руку.

Они шли нѣсколько минутъ молча; онъ казался въ нерѣшительности и смущеннымъ.

Наконецъ онъ рѣшился:

— Дорогая моя, на мою долю выпала трудная задача, исполнить которую должна была бы твоя мать; но такъ какъ она отказывается, то я долженъ замѣнить ее. Я не знаю, что тебѣ извѣстно въ вопросахъ жизни. Есть тайны, которыя тщательно скрываютъ отъ ребенка, въ особенности отъ дѣвочки; воображеніе ея должно оставаться чистымъ, безукоризненно чистымъ до того самаго момента, когда мы передаемъ ее въ объятія мужчины, который отнынѣ будетъ заботиться объ ея счастьи. Онъ-то и долженъ поднять ей завѣсу, наброшенную на одну изъ сладостныхъ тайнъ жизни. Но дѣвушка, если ея не коснулось еще никакое подозрѣніе, часто возмущается нѣсколько грубою дѣйствительностью. Уязвленная сердечно, она часто отказываетъ мужу въ томъ, что по закону человѣческому и по закону природы есть его безусловное право. Больше я ничего не могу сказать тебѣ, дорогая моя, но не забывай только того, что ты вся вполнѣ принадлежишь твоему мужу.

Что она знала? О чемъ могла она догадываться? Она содрогалась, подавленная тягостнымъ, мучительнымъ предчувствіемъ.

Они вернулись домой и удивленные остановились у порога гостиной. Мадамъ Аделаида рыдала на груди Жюльена. Ея слезы, обильныя слезы, какъ бы подъ вліяніемъ кузнечныхъ мѣховъ, казалось, выходили одновременно изъ носа, изо рта и изъ глазъ, а молодой человѣкъ, растерянный, неловкій, поддерживалъ убитую горемъ полновѣсную женщину, передававшую ему свою милую, дорогую, обожаемую дочку.

Баронъ кинулся къ нимъ.

— О, пожалуйста, безъ сценъ, безъ нѣжностей, прошу васъ,—и, взявъ жену, онъ усадилъ ее въ кресло, тогда какъ она вытирала слезы. Затѣмъ, обращаясь къ Жаннѣ, онъ сказалъ:

— Ну, дитя мое, поцѣлуй мать и иди спать.

Съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, Жанна стремительно поцѣловала родителей и удалилась.

Тетка Лизонъ была уже въ своей комнатѣ, такъ что баронъ и баронесса остались одни съ Жюльеномъ. Всѣ трое были такъ смущены, что рѣшительно не находили словъ для разговора. Мужчины въ своихъ парадныхъ костюмахъ стояли какъ растерянные, а мадамъ Аделаида сидѣла въ креслѣ, подавленная горемъ и не переставала всхлипывать. Чтобы выйти изъ затрудненія, баронъ началъ говорить о предполагаемомъ черезъ нѣсколько дней путешествіи молодыхъ.

Жанна въ своей комнатѣ раздѣвалась съ помощью Розаліи, проливавшей потоки слезъ. Руки ея двигались машинально, не находя шнурковъ и булавокъ, и она казалась еще взволнованнѣе своей госпожи. Но Жанна не обращала ни малѣйшаго вниманія на слезы горничной; ей казалось, что она вступила въ другой міръ, на другую землю, разлучившись со всѣмъ близкимъ и дорогимъ. Все, казалось ей, перевернулось въ ея жизни и въ ея головѣ. Ей даже приходилъ на умъ такой странный вопросъ: „любитъ ли она своего мужа?“ Онъ представлялся ей чужимъ, едва знакомымъ ей человѣкомъ. Три мѣсяца тому назадъ она не знала о его существованіи, а теперь она его жена. Зачѣмъ это? Зачѣмъ такъ скоро бросаться въ замужство, какъ въ бездонную пропасть подъ ногами...

На слѣдующее утро она вышла къ завтраку, и жизнь потекла обычнымъ чередомъ, какъ будто ничего новаго не произошло. Въ домѣ только стало однимъ человѣкомъ больше.

V.

Черезъ четыре дня прибылъ дилижансъ, въ которомъ они должны были отправиться въ Марсель.

Послѣ отчаянія перваго вечера Жанна привыкла уже къ безцеремонности Жюльена, къ его поцѣлуямъ и ласкамъ; отвращеніе же отъ болѣе интимныхъ отношеній не уменьшилось.

Она находила его красивымъ, любила его и чувствовала себя опять счастливой и веселой.

Прощаніе было короткое и безъ грусти. Одна баронесса была взволнована. Передъ самымъ отъѣздомъ кареты она передала дочери большой кошелекъ, тяжелый какъ свинецъ.

— Это тебѣ на мелкіе расходы,—сказала она.

Жанна положила кошелекъ въ карманъ и лошади тронулись.

Подъ вечеръ Жюльенъ сказалъ ей:

— Сколько денегъ было въ кошелькѣ, который подарила тебѣ мать?

Жанна уже не думала о немъ и высыпала на колѣни кучу золотыхъ.

— Двѣ тысячи франковъ. — Она захлопала въ ладоши. —Я буду кутить,—сказала она и спрятала кошелекъ.

Послѣ восьмидневнаго путешествія по страшной жарѣ они прибыли въ Марсель, а на слѣдующій же день отправились въ Корсику на небольшомъ пароходѣ, плывшемъ въ Неаполь.

Корсика! бандиты! горы! родина Наполеона!

Жаннѣ казалось, что она на яву перешла изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ.

На палубѣ парохода, стоя рядомъ, они любовались скалистыми берегами Прованса, пробѣгавшими передъ ними. Темно-лазурное море, какъ бы застывшее подъ палящими лучами солнца, разстилалось подъ безконечнымъ синимъ сводомъ.

Она спросила:

— Помнишь ты нашу прогулку въ лодкѣ дяди Ластика?

Вмѣсто отвѣта онъ быстро поцѣловалъ ее въ ухо.

Колеса парохода били по водѣ, тревожа ея глубокій сонъ; а позади длинный слѣдъ, гдѣ взбитая волна пѣнилась какъ шампанское, оставлялъ далеко за собою совершенно прямую полосу отъ парохода.

Вдругъ впереди, всего въ нѣсколькихъ саженяхъ, вспрыгнула надъ водой огромная рыба, дельфинъ, юркнула внизъ головой и исчезла. Испуганная Жанна вскрикнула и бросилась къ Жюльену. Потомъ она сама смѣялась надъ своимъ страхомъ и съ нетерпѣніемъ ожидала новаго появленія животнаго. Спустя нѣсколько секундъ дельфинъ выпрыгнулъ опять, какъ большая заводная игрушка, скрылся и снова вынырнулъ; потомъ ихъ появилось два, три, наконецъ шесть, которые, казалось, плясали вокругъ тяжелаго парохода, составляя какъ бы свиту своего чудовищнаго брата, этой большой деревянной рыбы съ желѣзными плавниками. Они появлялись слѣва и справа, то порознь, то вмѣстѣ, какъ бы играя въ перегонки другъ съ другомъ, сильнымъ скачкомъ поднимались въ воздухъ, описывали дугу и снова погружались въ море.

Жанна хлопала въ ладоши отъ восторга при каждомъ появленіи этихъ огромныхъ и гибкихъ пловцовъ. Сердце ея прыгало вмѣстѣ съ ними отъ безумной дѣтской радости.

Вдругъ они скрылись. Показались еще разъ очень далеко, въ открытомъ морѣ, но затѣмъ они совсѣмъ исчезли изъ виду, и Жанна нѣсколько минутъ горевала о нихъ.

Насталъ вечеръ тихій, нѣжный, лучезарный, полный свѣта и радостнаго мира. Ни малѣйшаго содроганія ни въ воздухѣ, ни въ водѣ. И этотъ безграничный покой моря и неба умиротворялъ и мятежныя души людей.

Солнце медленно садилось тамъ со стороны невидимой

Африки, горячее дыханіе которой, казалось, чувствовалось уже въ воздухѣ; но что-то свѣжее, ласкающее, даже не вѣтерокъ, освѣжило лицо, какъ только скрылось дневное свѣтило.

Имъ не хотѣлось возвращаться въ каюту съ ея отвратительнымъ запахомъ парохода, и они расположились на палубѣ, укутавшись въ свои плащи. Жюльенъ заснулъ тотчасъ же, но Жанна лежала съ открытыми глазами, взволнованная новизной путешествія. Однообразный звукъ колесъ убаюкивалъ ее, а она глядѣла вверхъ на безчисленныя звѣзды, яркія, блестящія и какъ бы влажныя, на фонѣ этого чистаго южнаго неба.

Къ утру, впрочемъ, она уснула. Шумъ и звукъ голосовъ ее разбудили. Матросы съ пѣснью убирали корабль. Она растолкала своего неподвижно спящаго мужа и они встали.

Она съ жадностью упивалась запахомъ насыщеннаго солью морского тумана, пронизывавшаго ее до кончиковъ пальцевъ.

Всюду море. Однако впереди, на слабо освѣщенномъ горизонтѣ, виднѣлось что-то сѣрое, неясное, нѣчто вродѣ странныхъ, изрѣзанныхъ, остроконечныхъ облаковъ, нагроможденныхъ на поверхности волнъ.

Постепенно все становилось яснѣе; формы выступали опредѣленнѣе, на освѣщенномъ небѣ показалась длинная цѣпь рогатыхъ и причудливыхъ горъ: появилась Корсика, прикрытая легкою дымкой.

Позади ихъ взошло солнце, обрисовывая черные контуры выступовъ хребтовъ; затѣмъ всѣ вершины освѣтились, тогда какъ самъ островъ оставался еще въ туманѣ.

Капитанъ, низенькій, сгорбленный старичокъ, смуглый и съежившійся отъ суроваго, соленаго вѣтра, вышелъ на палубу. Онъ подошелъ къ Жаннѣ и голосомъ, охриплымъ и

надорваннымъ отъ тридцатилѣтней команды и криковъ во время бурь, сказалъ ей:

— Чувствуете ли вы присутствіе этой шельмы?

Она дѣйствительно чувствовала сильный и своеобразный ароматъ дикихъ растеній.

Капитанъ продолжалъ:

— Это Корсика, которая такъ пахнетъ, сударыня. Это присущій ей запахъ хорошенькой женщины. Послѣ двадцатилѣтняго отсутствія я бы узналъ ее за пять миль. Я самъ корсиканецъ. А тотъ-то, на Св. Еленѣ, говорятъ, постоянно поминаетъ о запахѣ своей родины. Онъ изъ моего рода.

И капитанъ, снявъ шляпу, поклонился Корсикѣ, поклонился и туда, за океанъ, великому императору-плѣннику, который былъ его рода.

Взволнованная Жанна едва удерживалась отъ слезъ.

Затѣмъ морякъ протянулъ руку къ горизонту.

— Вонъ кровопійцы,—сказалъ онъ.

Жюльенъ стоялъ тутъ же, обнявъ талію жены, и оба глядѣли вдаль по указанному направленію.

Наконецъ, показалось нѣсколько скалъ пирамидальной формы, пароходъ быстро обогнулъ ихъ и вступилъ въ большой, тихій заливъ, окруженный цѣпью высокихъ вершинъ, склоны которыхъ покрыты были какъ бы мхомъ.

— Это наше „Маки́“ *),—сказалъ капитанъ.

По мѣрѣ движенія цѣпь горъ, казалось, смыкалась позади парохода, медленно плывшаго по голубому заливу, такому прозрачному, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было разглядѣть его дно.

И вдругъ выплылъ городъ, весь бѣлый, въ глубинѣ залива, на берегу волнъ у подошвы горъ.

---

*) Такъ называется непроходимая лѣсная чаща въ Корсикѣ.

Нѣсколько маленькихъ итальянскихъ крейсеровъ стояли на якорѣ, въ портѣ. Четыре или пять лодокъ появились вокругъ „Roi-Louis“, чтобы принять пассажировъ.

Жюльенъ, хлопотавшій съ багажемъ, шепотомъ спросилъ жену:

— Мнѣ кажется довольно дать двадцать су лакею.

Въ продолженіе восьми дней онъ безпрестанно обращался къ ней съ подобными вопросами, которые каждый разъ заставляли ее страдать. Она отвѣтила съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Если не увѣренъ въ томъ, что даешь достаточно, лучше дай лишнее.

Онъ спорилъ постоянно изъ-за всякихъ пустяковъ съ хозяевами и гарсонами гостинницъ, съ кучерами и продавцами, и если ему въ силу доводовъ удавалось что-нибудь выторговать, онъ потиралъ руки и говорилъ Жаннѣ:—Я не люблю, чтобы меня обирали.

Она содрогалась каждый разъ, когда имъ подавали счеты, предвидя заранѣе замѣчанія, которыя онъ будетъ дѣлать о каждой цифрѣ. Ей было унизительно это торгашество. Она краснѣла до ушей подъ презрительнымъ взглядомъ лакеевъ, которымъ они провожали ея мужа, держа въ рукѣ его ничтожный начай.

Онъ поспорилъ и съ лодочникомъ, доставившимъ ихъ на берегъ.

Первое дерево, которое они увидали, была пальма!

Они отправились въ большую, пустую гостинницу, помѣщавшуюся въ углубленіи обширной площади, и заказали завтракъ.

Послѣ завтрака, когда Жанна встала, чтобъ идти побродить по городу, Жюльенъ обнялъ ее и нѣжно прошепталъ на ухо: „Пойдемъ, отдохнемъ немного, моя кошечка!“

Жанна удивилась.

— Отдыхать? Да я не устала. Наконецъ, что о насъ скажутъ, что подумаютъ? Какъ ты спросишь отдѣльную комнату среди бѣла дня? О, Жюльенъ, умоляю тебя...

Онъ прервалъ ее:

— Очень мнѣ нужно знать, что скажутъ и подумаютъ въ гостиницѣ. Вотъ увидишь, какъ мало я этимъ стѣсняюсь.

И онъ позвонилъ.

Она замолчала и только опустила глаза, возмущенная и тѣломъ, и душой этой непрестанной чувственностью своего мужа; она повиновалась покорно, но съ негодованіемъ и отвращеніемъ, видя въ этомъ нѣчто животное, низкое,—словомъ, грязное.

Чувственность ея еще спала, а мужъ смотрѣлъ на нее, какъ на существо, которое вполнѣ раздѣляетъ его пылъ.

Когда человѣкъ вошелъ, Жюльенъ приказалъ проводить ихъ въ отдѣльную комнату. Слуга, настоящій корсиканецъ, обросшій волосами до глазъ, не понималъ и утверждалъ, что комната будетъ готова къ ночи.

Выведенный изъ терпѣнія, Жюльенъ настаивалъ:

— Нѣтъ, сейчасъ. Мы устали съ дороги и намъ нуженъ отдыхъ.

Тогда улыбка скользнула по губамъ слуги, а Жанна готова была убѣжать.

Когда они, часъ спустя, сошли внизъ, ей совѣстно было проходить мимо встрѣчавшихся имъ людей. Она досадовала на Жюльена за то, что онъ этого не понимаетъ, за отсутствіемъ въ немъ стыдливости и инстинктивной деликатности; она чувствовала между нимъ и собой завѣсу, преграду, а теперь въ первый разъ замѣчала, что два существа никогда не въ состояніи проникнуть другъ другу въ душу, въ глубину мысли, и идутъ рядомъ связанные, но не слившіеся, и

что нравственное существо каждаго изъ нихъ вѣчно остается одинокимъ въ жизни.

Они прожили три дня въ этомъ маленькомъ городкѣ, пріютившемся въ глубинѣ своего голубого залива, въ городкѣ, накаленномъ какъ печь, за завѣсой горъ, не пропускающихъ къ нему ни малѣйшаго дуновенія вѣтра.

Составивъ себѣ маршрутъ путешествія, они рѣшили нанять лошадей, чтобы не останавливаться передъ трудными переходами. Итакъ, они взяли двухъ маленькихъ корсиканскихъ коней съ свирѣпыми глазами, худыхъ и неутомимыхъ, и рано утромъ отправились въ путь. Съ ними на мулѣ ѣхалъ проводникъ, везшій и провизію, такъ какъ гостиницы неизвѣстны въ этой дикой странѣ.

Дорога шла сначала вдоль залива, но вскорѣ они углубились въ долину, направлявшуюся къ большимъ горамъ. Часто имъ случалось переѣзжать высохшіе потоки; слѣдъ ручейка еще пробивался подъ камнями и стыдливо ворчалъ, точно притаившійся звѣрокъ. Невоздѣланная страна казалась совсѣмъ голой. Берега были покрыты высокою, но уже пожелтѣвшею травой. Иногда имъ попадались горцы пѣшіе, или верхомъ на лошади, или на ослѣ ростомъ съ собаку.

У каждаго за спиной было ружье, старое заржавленное оружіе, страшное въ ихъ рукахъ.

Ѣдкій запахъ ароматическихъ травъ, покрывающихъ островъ, казалось, сгущалъ воздухъ; дорога, медленно подымаясь, пролегала посреди длинныхъ горныхъ извилинъ.

Вершины розоваго и голубого гранита придавали фантастическій видъ окрестности, а росшій на болѣе низкихъ склонахъ гигантскій каштановый лѣсъ казался лишь зеленымъ кустарникомъ,—такъ громадны волнообразныя возвышенія почвы въ этой странѣ. Иногда проводникъ, указывая вверхъ, произносилъ какое-нибудь названіе. Жанна и Жюль-

енъ всматривались долго, ничего не замѣчая, наконецъ, они различали нѣчто сѣрое, похожее на груду камней, упавшихъ съ вершины. Это были деревни или хижины изъ гранита, лѣпившіяся тамъ, какъ настоящія птичья гнѣзда, почти не замѣтныя на громадной горѣ.

Это длинное путешествіе шагомъ разслабляло Жанну.

— Поѣдемъ немного пошибче,—сказала она и ударила лошадь.

Не видя около себя мужа, она оглянулась и не могла удержаться отъ взрыва хохота при видѣ его. Блѣдный, держащійся за гриву лошади, онъ скакалъ за ней, странно подпрыгивая. Даже красота его и его фигура виднаго мужчины придавали еще болѣе комизма его неловкости и страху.

Она поѣхала мелкой рысью по дорогѣ, пролегавшей между двумя рядами безконечнаго лѣса, плащомъ покрывавшаго весь косогоръ.

То былъ „маки“, непроходимый маки—лѣсная чаща зеленаго дуба, можжевельника, толокнянки, мастиковаго дерева, крушины, вереска, шамшита, мирта и букса; все это переплелось, какъ волосы, съ лимономъ, гигантскимъ папоротникомъ, жимолостью, ладонникомъ, размариномъ, лавендой и терновымъ кустарникомъ. Чаща эта покрывала гору непроницаемымъ руномъ.

Они проголодались. Проводникъ догналъ ихъ и привелъ къ прелестному источнику, какіе часто попадаются въ гористыхъ мѣстностяхъ. Тонкая струя ледяной воды выходила изъ небольшого отверстія въ скалѣ и текла по листу каштана, приспособленнаго какимъ-нибудь прохожимъ для проведенія маленькой струи прямо въ ротъ.

Жанна чувствовала себя до такой степени счастливой, что едва удержалась отъ крика восторга. Отправившись снова въ путь, они начали спускаться, огибая Сагонскій заливъ.

Къ вечеру они миновали Каржесъ—греческій поселокъ, основанный нѣкогда колоніей бѣглецовъ, изгнанниковъ изъ Греціи. У фонтана виднѣлась группа чрезвычайно красивыхъ, рослыхъ дѣвушекъ, хорошо сложенныхъ и оригинально-граціозныхъ. Жюльенъ крикнулъ имъ „добрый вечеръ" и они отвѣчали пѣвучимъ голосомъ на благозвучномъ языкѣ ихъ покинутой родины.

Прибывъ въ Пьяно, пришлось обратиться къ гостепріимству жителей, какъ въ старину въ некультурныхъ странахъ. Жанна дрожала отъ радости въ ожиданіи, когда отворится дверь, въ которую постучался Жюльенъ. Да, это было настоящее путешествіе со всѣми непредвидѣнностями дикихъ странъ!

Случилось, что они остановились у молодой четы. Ихъ приняли тамъ, какъ вѣроятно нѣкогда патріархи принимали гостя, посланнаго Богомъ, и уложили спать на маисовомъ сѣнникѣ въ старомъ зданіи, гдѣ весь лѣсъ, изъѣденный червями и источенный длинными шашнями, казалось, и жилъ, и вздыхалъ отъ присутствія моллюсковъ, истребляющихъ балки.

Они выѣхали съ восходомъ солнца и вскорѣ остановились передъ лѣсомъ, настоящимъ лѣсомъ краснаго гранита. Тутъ были и пики, и колонны, и колоколенки—удивительныя фигуры, вылѣпленныя временемъ, вѣтромъ и морскимъ туманомъ.

Вышиною въ триста метровъ, эти тонкія, круглыя, крючковатыя, фантастическія скалы казались деревьями, растеніями, памятниками, людьми, монахами, рогатыми чертями, птицами необычайныхъ размѣровъ, цѣлою группой кошмаровъ, превращенныхъ въ камень какимъ-то сумасброднымъ божествомъ.

Жанна не говорила ни слова; сердце ея сжималось; она

схватила руку Жюльена и крѣпко держала въ своей, поглощенная потребностью любить передъ лицемъ этой дивной природы.

Выйдя изъ этого хаоса, они открыли новый заливъ, опоясанный кровавою стѣной краснаго гранита. И эти пурпуровыя скалы отражались въ голубомъ морѣ.

Жанна лепетала только:—О, Жюльенъ!—не находя другихъ словъ для выраженія своего восторга. У нея сжималось горло и слезы подступали къ глазамъ. Онъ посмотрѣлъ на нее и съ удивленіемъ спросилъ:—Что съ тобой, моя кошечка?

Она вытерла глаза, улыбнулась и съ дрожью въ голосѣ сказала:—Ничего... Это нервы... я и сама не знаю... словно меня что-то охватило. Я такъ счастлива, что всякіе пустяки волнуютъ мою душу.

Онъ не понималъ этихъ нервныхъ порывовъ женщинъ, которыхъ неуловимыя причины могутъ приводить въ восторгъ и доводить до отчаянія. Ея слезы казались ему смѣшными, и онъ, больше всего озабоченный дурною дорогой, сказалъ:—Ты бы лучше слѣдила за своею лошадью.

По едва проходимой тропинкѣ они спустились въ глубь залива, потомъ повернули направо, по направленію къ мрачной долинѣ Ота.

Тропинка была ужасна и Жюльенъ предложилъ идти пѣшкомъ. Жанна съ радостью согласилась, желая остаться съ нимъ наединѣ, послѣ недавняго волненія.

Проводникъ отправился впередъ съ лошадьми и муломъ, а они пошли потихоньку сзади.

Тропинка пролегала по расщелинѣ горы, между двумя чудовищными стѣнами. Тутъ же пробѣгалъ и широкій потокъ.

Воздухъ былъ страшно холодный, гранитъ казался чер-

нымъ, а виднѣвшаяся вверху часть неба была изумительно прекрасна,

Внезапный шумъ заставилъ Жанну вздрогнуть. Поднявъ глаза, она увидала вылетавшую изъ отверстія огромную птицу. Это былъ орелъ. Крылья его раскрытыя, казалось, касались стѣнъ; онъ долетѣлъ до синевы неба и исчезъ.

Дальше расщелина горы расширялась и тропинка шла зигзагами между оврагами. Легкая и безразсудная Жанна шла впереди, камни скользили у нея изъ-подъ ногъ и она неустрашимо переходила надъ пропастью. Онъ шелъ за ней, запыхавшись, съ опущенными глазами, чтобъ избѣгать головокруженія.

Вдругъ солнце облило ихъ и имъ показалось, что они вышли изъ ада. Чтобъ утолить жажду, они пошли по влажному слѣду и чрезъ груду камней дошли до небольшого источника, проведеннаго въ дуплистое дерево для пастуховъ козъ. Мшистый коверъ покрывалъ землю. Жанна опустилась на колѣни, чтобы напиться, и Жюльенъ послѣдовалъ ея примѣру. Когда она освѣжилась водой, онъ взявъ ее за талію, старался занять ея мѣсто у края деревяннаго дупла. Она не уступала; губы ихъ сталкивались, встрѣчались, расходились. Случайно, въ борьбѣ, имъ удавалось то одному, то другому схватывать тонкое отверстіе трубы. Они стискивали его зубами, чтобы не выпустить, и тонкая струя воды, то задержанная, то снова свободная, разбивалась и брызгала, обливая ихъ лица, шеи, платья, руки. Капельки какъ жемчужины блестѣли въ ихъ волосахъ и поцѣлуи ихъ терялись въ потокѣ.

Внезапно порывъ любви охватилъ Жанну. Она наполнила ротъ прозрачною водой и раздувъ щеки дала понять Жюльену, что хочетъ напоить его изъ своихъ устъ.

Онъ вытянулъ горло, улыбаясь; закинулъ голову, протя-

гивая объятья, и сталъ пить изъ этого живого источника, разжигавшаго его кровь.

Жанна съ необыкновенною нѣжностью оперлась на него; сердце ея страшно билось; грудь вздымалась; влажные глаза блистали.

Она тихо шептала:—Жюльенъ, я люблю тебя,—и влекла его къ себѣ. Затѣмъ, опустившись на землю, закрыла руками лицо, пылавшее отъ стыда.

Долго пришлось имъ выбираться на вершину горы,—до такой степени Жанна была возбуждена и потрясена, и только къ вечеру они пришли въ Эвизо, къ родственнику ихъ проводника Паоло Палабрети.

Это былъ высокій мужчина, нѣсколько сгорбленный, чахоточный. Онъ ввелъ ихъ въ комнату, очень жалкую комнату изъ голаго камня, но прекрасную для страны, незнакомой съ изяществомъ. Не успѣлъ онъ на своемъ нарѣчіи выразить имъ своего привѣтствія, какъ звонкій голосъ перебилъ его и маленькая брюнетка съ большими черными глазами, тоненькая и смѣющаяся, бросилась къ Жаннѣ, обняла ее, затѣмъ пожала руку Жюльену, повторяя:—Здравствуйте, сударыня, здравствуйте, сударь!

Она взяла шляпы, шали, убрала все одною рукой, такъ какъ другая была у ней на перевязи, потомъ попросила всѣхъ удалиться, сказавъ своему мужу:—Поди, погуляй съ ними до обѣда.—Палабрети тотчасъ повиновался и повелъ молодыхъ людей осматривать деревню. Онъ волочилъ ноги и съ трудомъ произносилъ слова, безпрестанно кашлялъ и на каждомъ шагу повторялъ: „Да, свѣжій воздухъ долины испортилъ-таки мнѣ грудь.“

Онъ провелъ ихъ по заросшей тропинкѣ къ большимъ каштановымъ деревьямъ. Тутъ онъ остановился и монотоннымъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ здѣсь мой двоюродный братъ, Жанъ Ринальди, былъ убитъ Ватье Лори. Я былъ около Жана, когда Матье появился въ десяти шагахъ отъ насъ. „Жанъ, не ходи въ Альбертасъ, или, клянусь, я убью тебя“. Тогда я взялъ Жана за руку: не ходи туда, Жанъ, а то онъ сдѣлаетъ то, что говоритъ. Оба они ухаживали за одною дѣвушкой.

Но Жанъ закричалъ: — Я пойду, Матье, и ты не помѣшаешь мнѣ.

Тогда Матье спустилъ курокъ и выстрѣлилъ.

Жанъ привскочилъ на обѣихъ ногахъ, какъ ребенокъ, прыгающій чрезъ веревочку, да тутъ же, сударь, и повалился на меня всѣмъ тѣломъ, такъ что вышибъ ружье, которое отскочило вонъ къ тому каштану.

У Жана ротъ былъ широко раскрытъ, но онъ не сказалъ ни слова, такъ какъ былъ мертвъ.

Молодые люди смотрѣли изумленно на спокойнаго свидѣтеля этого преступленія, и, наконецъ, Жанна спросила:

— А убійца?

Паоло Полабрети долго кашлялъ и, наконецъ, сказалъ:

— Онъ ушелъ въ горы. Мой братъ убилъ его на слѣдующій годъ. Вы его, можетъ, знали, моего брата, Филиппа Полабрети, бандита?

Жанна содрогнулась:

— Вашъ братъ бандитъ?

Въ глазахъ корсиканца блеснула гордость.

— Да, сударыня, онъ былъ извѣстный бандитъ, убилъ шесть жандармовъ и умеръ съ Николаемъ Мороли, окруженные въ Ніоли, послѣ шестидневной борьбы, рискуя умереть съ голоду.

Потомъ убѣжденнымъ голосомъ прибавилъ:

— Того требуетъ страна,—тѣмъ же тономъ, какимъ говорилъ:—Воздухъ долины слишкомъ свѣжъ.

Затѣмъ они отправились обѣдать и молодая корсиканка отнеслась къ нимъ такъ, какъ будто они уже лѣтъ двадцать были хорошо знакомы.

Жанну же тревожила мысль о томъ: найдетъ ли она опять въ объятіяхъ Жюльена этотъ страстный и горячій порывъ чувствъ, который испытала на мху, у фонтана?

Оставшись съ нимъ наединѣ, она дрожала, опасаясь быть нечувствительной къ его ласкамъ; но вскорѣ она разувѣрилась. Эта ночь была ея первой ночью любви.

На другой день въ часъ отъѣзда ей не хотѣлось разставаться съ этою скромною комнатой, гдѣ, ей казалось, началось для нея новое счастье.

Она позвала къ себѣ маленькую хозяйку и настаивала, чтобъ она позволила прислать ей изъ Парижа что-нибудь на память, чему она придавала почти суевѣрное значеніе.

Молодая корсиканка долго сопротивлялась, но, наконецъ, согласилась:

— Ну хорошо,—сказала она,—пришлите мнѣ маленькій пистолетъ, самый маленькій.

Жанна широко раскрыла глаза. Корсиканка прибавила шепотомъ, на ухо, какъ сообщаютъ пріятный, интимный секретъ:—Это чтобъ убить моего зятя.—И, улыбаясь, она быстро сняла повязку съ руки, которою не владѣла, и указывая на нѣсколько ранъ, нанесенныхъ ей кинжаломъ, прибавила:

— Еслибъ я была слабѣе его, онъ убилъ бы меня. Мой мужъ не ревнивъ, онъ знаетъ меня, да, наконецъ, онъ и боленъ, и это его охлаждаетъ. А я, я женщина честная, сударыня; но зять мой вѣритъ всякимъ слухамъ. Онъ ревнуетъ за моего мужа и, конечно, эта исторія опять возобновится; но если у меня будетъ пистолетъ, я буду спокойна и буду увѣрена, что отомщу.

Жанна обѣщала прислать оружіе, нѣжно поцѣловала своего новаго друга и продолжала путь.

Конецъ ихъ путешествія былъ сплошнымъ сномъ съ безконечными объятіями и ласками. Она не замѣчала ни пейзажей, ни людей, ни мѣстъ остановки. Она смотрѣла только на Жюльена.

По прибытіи въ Бастіа, нужно было разсчитать проводника. Жюльенъ сталъ шарить въ своихъ карманахъ, но, не найдя денегъ, обратился къ Жаннѣ:

— Такъ какъ ты не расходуешь двухъ тысячъ франковъ твоей матери, то дай мнѣ ихъ спрятать. У меня они будутъ цѣлѣе, да къ тому же это избавитъ меня отъ необходимости мѣнять деньги.

Она подала ему кошелекъ.

Они побывали въ Ливорно, во Флоренціи, въ Генуѣ и, наконецъ, въ одно холодное утро прибыли въ Марсель.

Прошло два мѣсяца со дня ихъ отъѣзда изъ Тополей. Теперь было 15 октября.

Жанна, охваченная холоднымъ вѣтромъ, который приходилъ, казалось, оттуда, изъ далекой Нормандіи, была грустно настроена. Жюльенъ съ нѣкотораго времени казался усталымъ, равнодушнымъ, и она чувствовала безотчетный страхъ.

Она отложила еще на четыре дня свое возвращеніе: ей не хотѣлось покидать эту привѣтливую, солнечную страну. Ей все казалось, что кругъ ея счастья смыкается. Наконецъ, они отправились.

Въ Парижѣ имъ нужно было сдѣлать всѣ необходимыя покупки для окончательнаго водворенія въ Тополяхъ.

Жанна радовалась, что можетъ привезти съ собой разныхъ диковинокъ, благодаря подарку матери; но первая вещь, о которой она подумала, былъ пистолетъ, обѣщанный молодой корсиканкѣ.

На другой день пріѣзда она сказала Жюльену:

— Дорогой мой, дай мнѣ мамины деньги, я хочу сдѣлать покупки.

Онъ обернулся къ ней съ недовольнымъ лицомъ:

— Сколько тебѣ нужно?

Она удивилась и пробормотала:

— Да сколько... хочешь.

— Я дамъ тебѣ сто франковъ; главное—не мотай ихъ.

Сконфуженная и удивленная, она не знала, что сказать; наконецъ, проговорила запинаясь:

— Но... вѣдь я дала... ихъ тебѣ, чтобъ...

Онъ не далъ ей кончить.

— Конечно. Все равно, въ твоемъ ли, въ моемъ ли онѣ карманѣ, развѣ у насъ не общій кошелекъ? Я, вѣдь, не отказываю тебѣ и охотно даю сто франковъ.

Она взяла пять золотыхъ монетъ, не прибавивъ ни слова; но она не смѣла просить больше и купила только пистолетъ.

Черезъ недѣлю они отправились въ Тополя.

VI.

У бѣлой рѣшетки на кирпичныхъ столбахъ дожидались и семья, и слуги. Почтовая карета остановилась и начались долгія объятія. Мама плакала; растроганная Жанна утирала двѣ слезинки; отецъ нервно прохаживался взадъ и впередъ.

Затѣмъ, пока вынимали багажъ, въ гостиной передъ каминомъ начался разсказъ о путешествіи. Жанна говорила много и быстро, и въ полчаса успѣла передать все, исключая нѣкоторыхъ мелкихъ, забытыхъ подробностей.

Потомъ молодая женщина пошла разбирать свои вещи,

а Розалія, сильно взволнованная, помогала ей. Когда же бѣлье, платья и всѣ принадлежности туалета были размѣщены по мѣстамъ, молодая горничная вышла, а Жанна усѣлась отдохнуть. Она задавала себѣ вопросъ, что она теперь будетъ дѣлать, искала занятій для ума, работы для рукъ. Ей не хотѣлось спускаться въ залу къ дремлющей матери, и она начала мечтать о прогулкѣ; но деревня казалась до того скучной, что однимъ видомъ своимъ нагоняла уныніе.

Тогда она замѣтила, что ей нечего дѣлать ни теперь, ни въ будущемъ. Всю свою молодость въ монастырѣ она провела въ мечтахъ о будущемъ. Постоянная смѣна надеждъ наполняла все ея время, такъ что она не замѣчала его теченія. Потомъ, по выходѣ изъ суроваго убѣжища, гдѣ впервые зародились ея мечты, жажда любви ея была тотчасъ же удовлетворена. Она встрѣтила желаннаго человѣка, полюбила его, черезъ нѣсколько недѣль вышла замужъ, и онъ увлекъ ее въ свои объятія, не давъ ей ни о чемъ подумать.

Но вотъ праздничная дѣйствительность первыхъ дней становится будничной и гонитъ прочь неопредѣленныя надежды, прекрасныя мечты о неизвѣстномъ. Да, ждать уже нечего. И дѣлать нечего—ни сегодня, ни завтра, никогда. Она смутно чувствовала это по пробудившемуся разочарованію, по охлажденію своихъ мечтаній.

Она встала и прислонила лобъ къ холодному стеклу окна. Посмотрѣвъ на небо съ его черными облаками, она рѣшилась выйти.

Та ли эта деревня, та ли трава, тѣ ли деревья, какія были въ маѣ? Что сталось съ веселостью освѣщенныхъ листьевъ, съ поэзіей зеленаго луга съ его одуванчиками, макомъ и блестящими маргаритками, съ его порхающими, фантастическими желтыми бабочками, какъ бы навязанными на

концы невидимыхъ нитей. И этотъ упоительный воздухъ, ароматный, животворный,—его тоже нѣтъ.

Аллеи, промокшія отъ постоянныхъ осеннихъ ливней и покрытыя густымъ ковромъ сухихъ листьевъ, уныло тянулись подъ сѣнью тощихъ, оголенныхъ, дрожащихъ отъ холода тополей. Тонкія вѣтви качались отъ вѣтра и оставшіеся на нихъ листья готовы были улетѣть въ пространство. Безпрестанно, цѣлый Божій день, какъ непрерывный, унылый до слезъ дождь, сыпались эти послѣдніе пожелтѣвшіе листья. Они отрывались, крутились, взвивались и падали.

Она дошла до рощи, которая показалась ей унылой, какъ комната умирающаго. Зеленая стѣна, отдѣлявшая и скрывавшая прелестныя извилистыя аллеи, разсыпалась. Перепутанные кружевные кустарники цѣплялись другъ за друга своими тонкими вѣтвями; а шелестъ опавшихъ сухихъ листьевъ, толкаемыхъ и сгоняемыхъ вѣтромъ въ одну кучу, напоминалъ тягостный вздохъ агоніи.

Мелкія пташки, какъ бы продрогшія, съ озябшимъ крикомъ, перепархивая съ мѣста на мѣсто, искали убѣжища.

Защищенные отъ морского вѣтра густою стѣной вязовъ, липа и платанъ сохраняли еще свой лѣтній нарядъ; но первые холода уже перекрасили ихъ, такъ что липа была одѣта какъ бы въ красный бархатъ, а платанъ—въ оранжевый шелкъ.

Жанна медленно прохаживалась взадъ и впередъ по аллеѣ баронессы, со стороны фермы Кульярдовъ. Ее давило предчувствіе безконечной скуки начинавшейся монотонной жизни.

Потомъ она сѣла на откосъ, гдѣ услышала отъ Жюльена первое слово любви; и она оставалась здѣсь какъ въ бреду, безъ мысли, угнетенная до глубины души, съ единственнымъ желаніемъ лечь и заснуть, чтобъ избѣжать грусти этого дня.

Вдругъ она замѣтила чайку, гонимую вѣтромъ, разсѣкав-

шую воздухъ, и ей припомнился корсиканскій орелъ въ мрачной долинѣ Оты. Далекое, невозвратное дорогое прошлое живо потрясло ее. Ей ясно представился сіяющій островъ съ его дикимъ ароматомъ и палящимъ солнцемъ, подъ лучами котораго зрѣютъ лимоны и апельсины, представились розовыя вершины его горъ, его голубые заливы, его равнины съ бѣгущими потоками. Но сырая и суровая природа, которая ее окружала, паденіе листьевъ и сѣрыя облака, гонимыя вѣтромъ,—все это навело на нее такую глубокую грусть, что она, чтобы не разрыдаться, поспѣшила домой.

Мама дремала у камина. Она привыкла къ монотонности подобной жизни и уже не чувствовала ея.

Баронъ съ Жюльеномъ прогуливались, толкуя о дѣлахъ.

А ночь наступала, бросая мрачныя тѣни въ обширной гостиной, освѣщенной только отблесками вспыхивающаго огня.

Въ окна еще можно было разсмотрѣть грязную природу конца года, съ сѣрымъ, тоже какъ будто протертымъ грязью, небомъ.

Баронъ скоро вернулся, сопровождаемый Жюльеномъ. Войдя въ полутемную комнату, онъ позвонилъ и закричалъ:

— Огня, скорѣе огня,—скучно здѣсь!

И онъ усѣлся передъ каминомъ. Пока паръ валилъ отъ его промокнувшихъ ногъ и высыхавшая грязь отпадала отъ подошвъ, онъ весело потиралъ руки.

— Я думаю, что будетъ морозъ,—сказалъ онъ,—небо проясняется съ сѣвера; сегодня полнолуніе; ночью пожалуй будетъ сильно пощипывать.—Потомъ онъ обратился къ Жаннѣ.—Ну, что, дочурка, рада ли ты, что вернулась на родину, домой, къ старикамъ?

Этотъ простой вопросъ сильно взволновалъ Жанну. На глазахъ ея появились слезы, она бросилась въ объятія отца

и порывисто поцѣловала его, какъ бы извиняясь въ томъ, что, при всемъ желаніи быть веселой, она чувствовала себя грустной до изнеможенія. Ей припомнилось, съ какою радостью она мечтала о свиданіи съ родными, и ей эта холодность казалась удивительной. Бываетъ такъ, что человѣкъ, много думающій объ отсутствующихъ дорогихъ людяхъ, но отвыкшій постоянно ихъ видѣть, чувствуетъ при свиданіи какое-то неловкое равнодушіе. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока совмѣстная жизнь не возобновитъ прежнихъ связей.

Обѣдъ продолжался долго, при общемъ молчаніи. Жюльенъ, казалось, совсѣмъ позабылъ о женѣ.

Въ гостинной она вздремнула у камина, около спавшей мамы. Громкіе голоса споривших мужчинъ разбудили ее, и, очнувшись, она задала себѣ вопросъ:—Охватитъ ли и ее современемъ эта летаргія ничѣмъ не нарушаемыхъ привычекъ?

Пламя камина, нѣжное и красноватое при дневномъ свѣтѣ, теперь ожило, заблестѣло, затрещало. Оно освѣтило тусклую обивку креселъ: лисицу и аиста, унылую цаплю, стрекозу и муравья.

Баронъ подошелъ къ огню, погрѣлъ руки и, улыбаясь, сказалъ:

— Дрова хорошо горятъ сегодня; морозитъ, дѣтки, морозитъ.—Затѣмъ положилъ руку на плечо Жанны и, указывая на каминъ, продолжалъ:—Видишь ли, дочурка, вотъ что лучше всего на свѣтѣ: очагъ, семейный очагъ. Ничто не можетъ сравняться съ нимъ. Однако пора спать, вы, я думаю, устали, дѣтки.

Поднявшись на верхъ въ свою комнату, Жанна задала себѣ вопросъ: почему такъ различны первое и второе ея возвращеніе на родину, которую, повидимому, она такъ сильно любила? Почему она чувствуетъ себя какъ бы разбитой,

почему этотъ домъ, эта дорогая страна, все то, что до сихъ поръ заставляло такъ сильно биться ея сердце, теперь раздираетъ ей душу?

Тутъ взглядъ ея упалъ случайно на часы. Маленькая пчелка однообразнымъ быстрымъ движеніемъ перелетала справа налѣво и слѣва направо тѣмъ же быстрымъ и непрерывнымъ движеніемъ. Жанна почувствовала приливъ нѣжности и, тронутая до слезъ, стояла передъ этимъ маленькимъ механизмомъ, который казался живымъ, который напѣвалъ ей часы и трепеталъ какъ сердце.

Конечно, она далеко не была такъ взволнована, обнимая родныхъ. Сердце имѣетъ тайны, недоступныя разуму. Въ первый разъ послѣ свадьбы она ложилась спать одна: Жюльенъ, подъ предлогомъ усталости, помѣстился въ отдѣльной комнатѣ. У нихъ еще и раньше было условлено, что у каждаго будетъ своя комната.

Она долго не могла заснуть, отвыкнувъ спать одна, не чувствуя около себя другого тѣла, да и порывистый сѣверный вѣтеръ, ударяясь о крышу, мѣшалъ ей.

Утромъ ее разбудилъ сильный свѣтъ, падавшій на ея постель кровавымъ блескомъ. Окна, покрытыя инеемъ, были такъ красны, какъ будто пылалъ весь горизонтъ,

Одѣвшись въ длинный пеньюаръ, она подбѣжала къ окну и распахнула его.

Ледяная струя воздуха, рѣзкая и здоровая, ворвалась въ комнату и обдала ее такимъ острымъ холодомъ, что вызвала на глазахъ ея слезы; а посреди багроваго неба блестящее солнце, раздутое какъ лицо пьяницы, показывалось изъ-за деревьевъ. Земля, покрытая бѣлымъ морозомъ, твердая и сухая, стучала подъ ногами работниковъ фермы. Въ одну эту ночь всѣ деревья совершенно обнажились и за равниной виднѣлась зеленоватая полоса волнъ, испещренная бѣлою пѣной.

Липа и платанъ быстро обнажались подъ напоромъ вѣтра; при каждомъ его ледяномъ дуновеніи цѣлая туча листьевъ развѣвалась по вѣтру, какъ отлетающія птицы. Жанна одѣлась, вышла и, чтобы не сидѣть безъ дѣла, отправилась навѣстить фермеровъ.

Мартэны всплеснули руками, и хозяйка разцѣловала ее въ обѣ щеки, потомъ уговорила выпить рюмку ликера изъ абрикосовыхъ зеренъ. Она пошла на другую ферму. Кульяры тоже всплеснули руками, и хозяйка тоже разцѣловала ее. Здѣсь пришлось выпить рюмку смородиновки.

Домой она вернулась къ завтраку.

Этотъ день прошелъ какъ и вчерашній, съ тою только разницей, что сегодня было не сыро, а холодно. Слѣдующіе дни недѣли ничѣмъ не отличались отъ первыхъ, и всѣ недѣли мѣсяца походили другъ на друга. Однако, мало-помалу, ея тоска по далекимъ странамъ слабѣла; привычка налагала на ея жизнь печать покорности, подобно тому, какъ вода, насыщенная известью, отлагаетъ ее на соприкасающіеся съ ней предметы. Она начала входить въ мелкіе интересы ежедневной жизни и отдалась ея простымъ, несложнымъ заботамъ. Въ ней развивалась мечтательная меланхолія и какое-то разочарованіе въ жизни. Что ей было нужно, чего она желала—она сама не знала этого. Въ ней не было жажды веселья, не было влеченія даже къ удовольствіямъ легко доступнымъ. Да и къ какимъ? Какъ полиняли отъ времени старыя кресла гостиной, такъ полиняло мало-по-малу въ ея глазахъ все окружающее, все стерлось, приняло блѣдный, мертвенный оттѣнокъ.

Отношенія между супругами измѣнились совершенно. По возвращеніи изъ путешествія Жюльенъ сталъ другимъ, какъ актеръ, окончивъ роль, принимаетъ свой натуральный видъ. Онъ едва обращалъ на нее вниманіе, если даже и говорилъ

съ ней. Малѣйшій слѣдъ любви изчезъ, и только изрѣдка ночью онъ приходилъ въ ея комнату. Онъ взялъ въ свои руки дѣла и хозяйство, осматривалъ скотъ, пререкался съ крестьянами, уменьшалъ расходы; и, преобразивъ себя въ фермера, онъ совершенно утратилъ прежнюю элегантную внѣшность жениха.

Онъ не снималъ съ плечъ стараго охотничьяго бархатнаго платья, найденнаго въ его прежнемъ гардеробѣ холостяка, несмотря на то, что куртка эта была вся въ пятнахъ. Какъ человѣкъ, которому уже незачѣмъ нравиться, онъ пересталъ даже бриться, такъ что длинная его борода, плохо остриженная, сильно портила его наружность. Руками своими онъ тоже пересталъ заниматься и послѣ каждой ѣды выпивалъ рюмки четыре или пять коньяку.

Жанна рискнула было сдѣлать ему нѣсколько нѣжныхъ упрековъ, но онъ такъ грубо отвѣтилъ:- Ты меня оставишь въ покоѣ, не правда ли?—что она не рѣшилась болѣе возобновлять свои совѣты.

Перемѣна произошла и въ ней, удивительная для нея самой.

Онъ сталъ ей чужимъ; душа и сердце его оставались для нея закрытыми. Она часто думала объ этомъ, задавая себѣ вопросъ: какимъ образомъ могло случиться, что они, полюбя другъ друга и поженившись въ порывѣ нѣжности, сдѣлались вдругъ почти чужды другъ другу, какъ будто никогда не сближались?

И потому она не сильно страдаетъ отъ его отчужденія. Неужели такова жизнь? Не ошиблись ли они? Неужели у нея ничего больше нѣтъ въ будущности?

Еслибы Жюльенъ остался красивымъ, изящнымъ, плѣнительнымъ, можетъ-быть она и сильно бы страдала.

Рѣшено было, что послѣ новаго года молодые останутся

одни; старики же проведутъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Руанѣ, гдѣ у нихъ былъ собственный домъ. Молодые люди совсѣмъ не должны были выѣзжать изъ Тополей эту зиму, чтобы хорошенько устроиться и попривыкнуть къ мѣстамъ, гдѣ имъ можетъ придется провести всю жизнь. Кромѣ того, у нихъ были сосѣди, которымъ Жюльенъ долженъ былъ представить свою жену. Это были: Бризевили, Кутелье и Фурвили.

Но молодые люди не могли еще начать визитовъ, потому что до сихъ поръ нельзя было дозваться живописца для перемѣны гербовъ на экипажѣ.

Баронъ уступилъ зятю свою фамильную карету и Жюльенъ ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы явиться въ сосѣдніе замки, пока щитъ Ламаровъ не будетъ раздѣленъ на четыре поля, съ пресоединеніемъ герба Лепертюи-де-Во.

Только одинъ человѣкъ въ странѣ сохранилъ спеціальныя знанія геральдическихъ украшеній, это—живописецъ изъ Больбека, по имени Баталь. Его звали поочереди во всѣ нормандскіе замки для изображенія драгоцѣнныхъ украшеній на дверцахъ фамильныхъ экипажей.

Наконецъ, въ одно декабрьское утро къ концу завтрака какой-то господинъ вошелъ въ ворота и направился прямо къ замку. За спиной его былъ ящикъ. Это былъ Баталь.

Его ввели въ залу и подали завтракъ, какъ будто онъ былъ дворянинъ, потому что его спеціальность, его постоянныя сношенія со всею аристократіей округа, его знаніе геральдики, извѣстныхъ терминовъ и эмблемъ выработали изъ него нѣчто вродѣ олицетворенной геральдики, и дворяне жали ему руку.

Тотчасъ принесены были карандашъ и бумага, и, пока онъ ѣлъ, баронъ и Жюльенъ принялись набрасывать эскизы гербовыхъ щитовъ, дѣленныхъ на четыре поля. Баронесса,

оживлявшаяся когда дѣло касалось подобныхъ предметовъ, выражала свое мнѣніе; даже Жанна принимала участіе въ преніяхъ, какъ будто какой-то таинственный интересъ внезапно въ ней пробудился.

Баталь, не переставая завтракать, высказывалъ свое мнѣніе, бралъ иногда карандашъ и чертилъ проектъ, приводилъ примѣры, описывалъ всѣ аристократическія кареты страны и, казалось, внесъ съ собой, въ своихъ словахъ, даже въ своемъ голосѣ атмосферу дворянства.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, сѣдой и плотно остриженный, съ испачканными краской руками и съ запахомъ скипидара. Говорили, что когда то онъ совершилъ безнравственный поступокъ, но общее уваженіе титулованныхъ семействъ давно уже стерло это пятно.

Послѣ кофе его повели въ каретный сарай и тамъ сняли клеенчатую покрышку съ кареты. Баталь осмотрѣлъ ее, важно произнесъ свое мнѣніе о необходимыхъ размѣрахъ рисунка и, послѣ новаго обмѣна мыслей, принялся за дѣло.

Несмотря на холодъ, баронесса велѣла принести себѣ кресло, чтобы присутствовать при работѣ; потомъ она спросила грѣлку для озябшихъ ногъ и начала тихій разговоръ съ живописцемъ, распрашивая его о неизвѣстныхъ еще ей брачныхъ союзахъ, о вновь умершихъ и родившихся, пополняя этими свѣдѣніями генеалогическое дерево, сохранившееся въ ея памяти.

Жюльенъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ рядомъ съ тещей.

Онъ курилъ трубку, поплевывалъ, слушалъ и наблюдалъ, какъ воспроизводили красками его дворянство.

Даже дядя Симонъ, идя въ огородъ съ заступомъ на плечѣ, остановился посмотрѣть на работу, а такъ какъ слухъ о приходѣ Баталя дошелъ и до фермъ, то и обѣ фермерши не замедлили явиться. Онѣ стояли по обѣ стороны ба-

ронессы и приходили въ восторгъ, повторяя: — Да, нужна-таки ловкость, чтобъ малевать такія штуки.

Гербы на обѣихъ дверцахъ были окончены только на другой день, часамъ къ одиннадцати. Всѣ собрались и, для лучшей оцѣнки, карета была вывезена изъ сарая.

Работа оказалась превосходной. Баталя осыпали похвалами и онъ ушелъ съ ящикомъ за спиной. А баронъ, его жена, Жанна и Жюльенъ — всѣ сошлись въ мнѣніи, что живописецъ очень способный малый, и что еслибы позволили обстоятельства, онъ навѣрное сдѣлался бы художникомъ.

Ради экономіи, Жюльенъ ввелъ нѣкоторыя реформы, вызвавшія новыя измѣненія.

Старый кучеръ былъ сдѣланъ садовникомъ; виконтъ взялся самъ править, и распродалъ лошадей, чтобы не тратить лишнихъ денегъ на ихъ кормъ.

Но такъ какъ нужно же было кому-нибудь держать лошадей, когда господа входили въ домъ, то молодого скотника Маріуса преобразовали въ лакея.

Чтобъ имѣть для выѣзда лошадей, Жюльенъ прибавилъ къ договору съ Кульяромъ и Мартэномъ особую статью, по которой оба фермера обязывались доставлять каждый по лошади, одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ назначенное Жюльеномъ число, взамѣнъ чего они избавлялись отъ оброка птицей.

Итакъ приведенная Кульяромъ огромная рыжая кляча была запряжена рядомъ съ маленькою, бѣлою, мохнатою лошадкой Мартена; и Маріусъ, утопая въ старой ливреѣ дяди Симона, подалъ этотъ экипажъ къ крыльцу замка.

Жюльенъ, нарядный, съ стройною таліей, напоминалъ нѣсколько прежняго щеголя, но длинная борода все-таки придавала ему вульгарный видъ.

Онъ осмотрѣлъ упряжь, карету и маленькаго лакея и

нашелъ ихъ удовлетворительными, до такой степени возобновленные гербы затмѣвали для него все.

Баронесса спустилась, поддерживаемая мужемъ, съ трудомъ влѣзла въ экипажъ и усѣлась, прислонясь къ подушкамъ. За ней появилась Жанна. Сначала она посмѣялась этому сочетанію лошадей, называя бѣлую внучкой старой клячи. Но потомъ, когда она увидѣла Маріуса въ его шляпѣ съ кокардой, удерживавшейся отъ дальнѣйшаго путешествія внизъ по его лицу только благодаря его носу, когда увидѣла его руки, исчезавшія въ глубинѣ рукавовъ, его обутыя въ громадные башмаки ноги, которые странно торчали изъ-подъ юбки его ливреи, и когда она увидѣла, какъ онъ задиралъ голову, чтобы смотрѣть, и поднималъ колѣни, какъ будто собирался итти въ бродъ рѣку, когда ему отдавали приказанія, какъ слѣпой, теряясь и исчезая въ своемъ широкомъ платьѣ, она принялась хохотать неудержимымъ, безконечнымъ хохотомъ. Баронъ обернулся и, увидѣвъ озадаченнаго маленькаго человѣчка, самъ не могъ удержаться, и разразившись хохотомъ, закричалъ женѣ:

— По-по-смо-три Ма-ма-ріусъ! Какой смѣшной! Господи, какой смѣ-смѣшной.

Баронесса, свѣсившись въ окно и увидавши его, стала трястись отъ такого припадка веселья, что карета колыхалась на своихъ рессорахъ, какъ будто отъ сильныхъ толчковъ.

Но Жюльенъ, поблѣднѣвъ, спросилъ:

— Что вы нашли тутъ смѣшного? Вы должно-быть немного рехнулись?

Жанна съ истерическимъ хохотомъ, не имѣя силъ сдерживаться, сѣла на ступеньку крыльца. Баронъ послѣдовалъ ея примѣру, а раздававшееся изъ кареты конвульсивное чиханье и что-то вродѣ клокотанья ясно говорили, что баронесса задыхалась. Вдругъ и ливрея Маріуса заколыхалась.

Онъ понялъ въ чемъ дѣло и изо всѣхъ силъ смѣялся подъ своею шляпой.

Тогда разсерженный Жюльенъ бросился къ нему и сильною оплеухой сшибъ съ головы мальчика гигантскую шляпу, которая полетѣла на газонъ; потомъ, обернувшись къ тестю, дрожащимъ отъ злобы голосомъ пробормоталъ:

— Не вамъ бы, кажется, смѣяться. Мы не дошли бы до этого, еслибы вы не проѣли и не промотали своего состоянія. Кто виноватъ въ томъ, что вы раззорились?

Всѣ перестали смѣяться и сразу замолчали. Жанна, готовая плакать, тихо сѣла рядомъ съ матерью; удивленный и пораженный баронъ помѣстился противъ нихъ, а виконтъ влѣзъ на козлы, предварительно усадивъ на нихъ плачущаго ребенка съ распухавшей щекой.

Дорога казалась и скучной, и долгой. Въ каретѣ царило молчаніе. Всѣ трое мрачные и подавленные не хотѣли обнаружить волновавшихъ ихъ чувствъ.

Они сознавали, что не могли бы говорить ни о чемъ другомъ,—до такой степени эта тягостная мысль овладѣла ими, и потому они предпочитали лучше грустно молчать, чѣмъ касаться этого тяжелаго предмета.

Неровной рысью проѣзжали они по дворамъ фермъ, разгоняя испуганныхъ черныхъ куръ, которыя ныряли и скрывались за заборомъ; большая собака иногда съ лаемъ преслѣдовала ихъ, потомъ, ощетинившись, возвращалась домой и снова догоняла, чтобъ облаять удаляющійся экипажъ.

Длинноногій парень въ грязныхъ башмакахъ и синей блузѣ, вздымавшейся сзади отъ вѣтра, лѣниво шелъ, опустивъ руки въ карманы, сторонился, чтобы дать дорогу, и неловко приподымалъ шапку, открывая свои гладкіе слипшіеся волосы.

Дорога шла мимо фермъ, тянувшихся одна за другою, но

наконецъ свернула въ длинную сосновую аллею, примыкавшую къ дорогѣ. Попадая въ глубокія, грязныя колеи, карета склонялась на бокъ и вызывала крики баронессы. Въ концѣ аллеи были запертыя бѣлыя ворота, которыя Маріусъ отворилъ, и экипажу пришлось обогнуть большой лугъ, чтобы добраться до высокаго, обширнаго, печальнаго зданія съ закрытыми ставнями.

Двери главнаго подъѣзда тотчасъ открылись и старый лакей, паралитикъ въ красномъ полосатомъ жилетѣ, прикрытомъ отчасти рабочимъ фартукомъ, сошелъ со ступенекъ крыльца боковыми шажками. Онъ освѣдомился, какъ доложить о гостяхъ, ввелъ ихъ въ обширную гостиную и съ трудомъ отворилъ постоянно запертые рѣшетчатые ставни. Мебель была въ чахлахъ, часы и канделябры закутаны въ бѣлый коленкоръ, а спертый, затхлый, холодный и сырой воздухъ, казалось, пронизывалъ грустью легкія и сердце.

Всѣ усѣлись и стали ждать. По шагамъ, доносившимся изъ корридора, можно было догадаться о непривычной суматохѣ.

Хозяева, застигнутые врасплохъ, второпяхъ одѣвались.

Это продолжалось долго. Нѣсколько разъ раздавался звонокъ. Слышны были другіе шаги, сходившіе и подымавшіеся по лѣстницѣ.

Баронесса, охваченная пронизывающимъ холодомъ, безпрестанно чихала. Жюльенъ ходилъ взадъ и впередъ. Жанна, мрачная, сидѣла рядомъ съ баронессой. А баронъ, прислонясь къ камину, стоялъ, опустивъ голову.

Наконецъ, одна изъ высокихъ дверей открылась и въ ней появились виконтъ и виконтесса де Бризвиль. Оба маленькіе, худенькіе, подпрыгивающіе, неопредѣленнаго возраста, церемонные и стѣсненные. Жена въ шелковомъ платьѣ съ

разводами, во вдовьемъ чепцѣ съ лентами, говорила быстро жиденькимъ голоскомъ.

Мужъ, затянутый въ парадный сюртукъ, раскланивался, сгибая колѣна. Его носъ, глаза, обнаженные зубы, волосы, какъ будто навощенные, и парадный костюмъ блестѣли такъ, какъ блестятъ вещи, за которыми очень ухаживаютъ.

Послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій и любезностей никто не могъ найти темы для разговора. Тогда безъ всякаго повода начались комплименты. Выражалась надежда, что возникшія теперь превосходныя отношенія будутъ продолжаться и впредь, что для людей, проводящихъ круглый годъ въ деревнѣ, подобное знакомство—кладъ, и т. д.

А холодная атмосфера гостиной пронизывала между тѣмъ до костей, вызывала охриплость. Къ чиханью баронессы присоединился теперь кашель. Тогда баронъ подалъ знакъ къ отъѣзду. Бризевили удерживали.

— Куда вы спѣшите? Посидите еще немного.

Но Жанна встала, несмотря на неодобрительные знаки Жюльена, находившаго визитъ слишкомъ короткимъ.

Хотѣли позвонить лакея, чтобы приказать подать карету, но колокольчикъ не дѣйствовалъ. Тогда хозяинъ дома поспѣшно вышелъ и вернувшись, объявилъ, что лошади поставлены въ конюшню.

Приходилось ждать. Каждый старался придумать, что̀ бы ему сказать. Зашла рѣчь о дождливой зимѣ. Жанна, невольно содрогаясь отъ скуки, спросила, чѣмъ могли наполнять время хозяева, оставаясь цѣлый годъ вдвоемъ. Вопросъ этотъ крайне удивилъ Бризевилей. Какъ?—у нихъ было очень много дѣла: они вели обширную переписку съ своими благородными родственниками, разсѣянными по всей Франціи, проводили цѣлые дни въ микроскопическихъ занятіяхъ, относясь другъ къ другу такъ же церемонно, какъ

къ постороннимъ и торжественно разговаривая о самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ.

И подъ этимъ высокимъ почернѣвшимъ потолкомъ обширной необитаемой гостиной, укутанной въ чехлы, эта миніатюрная парочка, чистенькая и приличная, казалась Жаннѣ консервами дворянства.

Наконецъ, карета съ непарными лошадками проѣхала мимо оконъ. Но Маріусъ исчезъ. Считая себя свободнымъ до вечера, онъ отправился вѣроятно прогуляться въ деревню.

Взбѣшенный Жюльенъ просилъ, чтобъ его отправили домой пѣшкомъ; и послѣ долгихъ прощаній они тронулись, наконецъ, въ обратный путь.

Какъ только дверцы кареты закрылись, Жанна и баронъ, несмотря на то, что непріятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ грубостью Жульена, еще не испарилось, развеселились однако и стали передразнивать манеры и голосъ Бризевилей. Баронъ изображалъ мужа, а Жанна жену, но баронесса, нѣсколько задѣтая за живое, остановила ихъ:

— Какъ вамъ не совѣстно такъ насмѣхаться! Они очень почтенные люди и прекрасной фамиліи.

Они смолкли, чтобы не раздражать мамы, но иногда, не вытерпѣвъ, начинали снова. Баронъ церемонно кланялся и торжественнымъ тономъ произносилъ:

— Вашъ замокъ въ Тополяхъ, сударыня, дожно быть очень холоденъ, такъ какъ морской вѣтеръ дуетъ тамъ ежедневно.

Она начинала жеманничать и, вертляво поводя головой, какъ купающаяся утка, отвѣчала:

— О, здѣсь, сударь, у меня хватаетъ занятія на цѣлый годъ. У насъ такая обширная переписка съ родными. А Бризевиль вполнѣ полагается на меня. Онъ занимается учеными изслѣдованіями съ аббатомъ Пелешъ. Они составляютъ вмѣстѣ исторію религіозныхъ движеній въ Нормандіи.

Баронесса невольно улыбалась и полусердито повторяла:

— Нехорошо смѣяться надъ людьми нашего общества.

Вдругъ карета остановилась и послышался крикъ Жюльена, обернувшагося назадъ и кого-то звавшаго.

Тогда Жанна и баронъ, высунувшись изъ оконъ, замѣтили странное существо, катящееся къ нимъ. Путаясь въ широкихъ фалдахъ ливреи, въ шляпѣ, всякую минуту грозящей кораблекрушеніемъ, размахивая рукавами, какъ крыльями мельницы, шлепая по грязи, спотыкаясь о каждый камень, трясясь и прыгая, Маріусъ, весь въ грязи, со всѣхъ ногъ догонялъ карету.

Когда онъ приблизился, Жюльенъ наклонился и, взявъ его за шиворотъ, поднялъ на козлы; затѣмъ опустивъ возжи, кулакомъ сталъ бить ребенка по шляпѣ, которая сползла совсѣмъ внизъ и звучала какъ барабанъ. Мальчикъ ревѣлъ стараясь вырваться и спрыгнуть съ козелъ, но Жюльенъ одною рукой держалъ его, а другою наносилъ удары.

Растерявшаяся Жанна бормотала:

— Папа... о, папа...

А баронесса, привставъ, отъ негодованія сжимала руку мужа:

— Да удержи же его, Жакъ.

Тогда баронъ быстро опустилъ переднее стекло и, схвативъ зятя за рукавъ, закричалъ дрожащимъ голосомъ:

— Да перестанете ли вы мучить ребенка!

Пораженный Жюльенъ обернулся:

— Развѣ вы не видите какъ этотъ негодяй отдѣлалъ свою ливрею?

Но баронъ, раздѣляя ихъ своею головой, говорилъ:

— Какъ бы ни отдѣлалъ, нельзя же быть такимъ нечеловѣчнымъ!

— Оставьте меня въ покоѣ, это васъ не касается!—сказалъ раздраженный Жюльенъ и опять поднялъ руку; но баронъ

грубо схватилъ ее и съ такою силой опустилъ внизъ, что она ударилась о козлы.

— Если вы не перестанете, я выйду изъ кареты и заставлю васъ остановиться!—закричалъ онъ съ такою силой, что Жюльенъ тотчасъ же смирился, пожалъ плечами и, не говоря ни слова, ударилъ по лошадямъ, которыя побѣжали крупною рысью.

Поблѣднѣвшія женщины не шевелились, и только ясно было слышно, какъ тяжело билось сердце баронессы.

За обѣдомъ Жюльенъ былъ любезнѣе обыкновеннаго, какъ будто ничего не случилось. Жанна, ея отецъ и мадамъ Аделаида, по своему добродушію, не помнили зла и, умиленные его любезностью, развеселились съ легкимъ чувствомъ выздоравливающаго человѣка. И когда Жанна опять начала передразнивать Бризевилей, то мужъ ея уже сталъ шутить, но скоро спохватился и прибавилъ:

— Все равно, это все-таки люди высшаго свѣта.

Другихъ визитовъ дѣлать не стали, каждый опасаясь напомнить о столкновеніи по поводу Маріуса. Рѣшено было только послать сосѣдямъ на новый годъ визитныя карточки, личное же свиданіе отложить до первыхъ теплыхъ весеннихъ дней.

Наступило Рождество. У нихъ обѣдалъ кюре и мэръ съ женой, которые получили приглашеніе и на новый годъ. Это было единственное развлеченіе, нарушившее однообразное теченіе ихъ жизни.

Баронъ и баронесса должны были уѣхать девятаго января. Жаннѣ хотѣлось ихъ задержать, но Жюльенъ не раздѣлялъ этого желанія, и баронъ, чувствуя все возраставшую холодность зятя, выписалъ изъ Руана почтовую карету. Наканунѣ отъѣзда, покончивъ съ укладкой вещей, такъ какъ день былъ ясный, морозный, Жанна съ отцомъ рѣшили посѣтить Ипоръ, гдѣ не были еще послѣ возвращенія изъ Корсики.

Они прошли лѣсомъ, въ которомъ она бродила въ день свадьбы, сливаясь съ тѣмъ, чьей подругой становилась на всю жизнь. Въ этомъ лѣсу она получила первую ласку, почувствовала первое неясное волненіе той чувственной любви, познать которую вполнѣ ей довелось только въ дикой долинѣ Оты, у источника, гдѣ они пили, смѣшивая поцѣлуи съ водою.

Нѣтъ ни листьевъ, ни вьющейся травы, ничего, кромѣ шума вѣтвей, да тѣхъ глухихъ звуковъ, какіе обыкновенно бываютъ зимой въ оголенномъ мелколѣсіи.

Они вошли въ деревушку. Пустыя, безмолвныя улицы сохраняли запахъ моря, водорослей и рыбы.

Длинныя, темносѣрыя сѣти просушивались, или развѣшенныя у дверей, или разостланныя на берегу. Темное и холодное море съ вѣчно бушующею пѣной начинало спадать, обнажая у Фекана зеленоватыя скалы у подножья крутыхъ береговъ. А вдоль берега большія, склонившіяся на бокъ, лодки казались огромными мертвыми рыбами.

Солнце садилось и рыбаки сходились группами, тяжело ступая своими огромными морскими башмаками, въ шерстяныхъ шарфахъ, съ бутылкой водки въ одной рукѣ и съ фонаремъ—въ другой. Они долго похаживали вокругъ наклонившихся лодокъ, укладывая на бортъ съ нормандскою медленностью, свои сѣти, буи, краюху хлѣба, горшокъ съ масломъ, стаканъ и бутылку вина. Потомъ они сталкивали въ воду выпрямившуюся лодку, которая съ шумомъ спускалась по камнямъ, разсѣкала пѣну, взбиралась на волну, покачивалась нѣсколько минутъ, раскрывала свои темныя крылья и исчезала во тьмѣ съ своимъ огонькомъ на концѣ мачты.

А высокорослыя жены матросовъ, могучій остовъ которыхъ не могли скрыть ихъ тонкія платья, оставались на берегу до отплытія послѣдняго рыбака, и затѣмъ возвра-

щались въ уснувшую деревню, нарушая ея мирный сонъ своими крикливыми голосами.

Жанна и баронъ неподвижно провожали глазами удалявшихся рыбаковъ, которые каждую ночь рисковали такимъ образомъ жизнью, чтобы не умереть съ голода, и были однако такъ бѣдны, что никогда не ѣли говядины.

Баронъ, восхищаясь моремъ, проговорилъ:

— Какъ ужасно и величественно это море, на которомъ съ наступленіемъ сумерокъ столько жизней находятся въ опасности. Не правда ли, Жанна?

— Его нельзя сравнивать съ Средиземнымъ моремъ,—отвѣчала она съ холодной улыбкой.

Отецъ вознегодовалъ:

— Да твое Средиземное море—постное масло, сахарная вода, лохань съ щелокомъ. Посмотри ты на это, какъ оно ужасно съ своими пѣнистыми гребнями. Подумай о всѣхъ людяхъ, только-что отплывшихъ и уже скрывшихся изъ виду.

Жанна со вздохомъ согласилась:

— Пожалуй, ты и правъ.—Но слово „Средиземное“ больно отозвалось въ ея сердцѣ. Мысли ея понеслись опять въ тѣ далекія страны, гдѣ были погребены ея мечты.

Отецъ и дочь возвращались не лѣсомъ, а по дорогѣ. Они шли медленно, не говоря ни слова, опечаленные предстоящею разлукой.

Иногда при проходѣ мимо канавъ фермъ ихъ обдавало запахомъ толченыхъ яблоковъ, тѣмъ ароматомъ свѣжаго сидра, который въ это время года носится по всѣмъ нормандскимъ деревнямъ; иногда до нихъ доносился запахъ конюшни, теплый, пріятный навозный запахъ. Маленькое, освѣщенное окошечко въ глубинѣ двора указывало на жилье.

И Жаннѣ казалось, что душа ея расширяется и начинаетъ понимать невидимое; эти огоньки, разсѣянные въ полѣ,

заставили ее живо почувствовать одиночество всѣхъ существъ, которыхъ все разъединяетъ, все разлучаетъ, все влечетъ далеко отъ того, что имъ дорого.

Тогда она сказала покорнымъ голосомъ:

— Да, жизнь далеко не всегда радостна.

.Баронъ вздохнулъ.

— Какъ быть, дочурка, мы въ этомъ не властны.

На другой день баронъ и баронесса уѣхали и Жанна осталась вдвоемъ съ Жульеномъ.

VII.

Съ отъѣздомъ стариковъ заняли мѣсто въ жизни молодыхъ людей карты. Каждый день послѣ завтрака Жюльенъ и Жанна играли нѣсколько партій въ безигъ. Онъ покуривалъ въ это время трубку и потягивалъ коньякъ, котораго онъ выпивалъ отъ шести до восьми рюмокъ. Затѣмъ она удалялась въ свою комнату, садилась у окна и, подъ шумъ дождя или вѣтра, упорно вышивала отдѣлку къ юбкѣ. Иногда, утомившись, она поднимала глаза и смотрѣла вдаль, на темное море, покрывавшееся бѣляками; но черезъ нѣсколько минутъ снова принималась за работу. Больше у нея не было никакихъ занятій, такъ какъ Жюльенъ взялъ въ свои руки все домашнее хозяйство, удовлетворяя этимъ свои потребности власти и страсть къ экономіи. Онъ оказался страшно скупымъ, никогда никому не давалъ на чай и ограничивалъ пищу только крайне необходимымъ. Даже Жанна, привыкшая съ самаго пріѣзда въ Тополя брать отъ булочника каждое утро по маленькой нормандской лепешкѣ, должна была сократить этотъ расходъ и ограничиться поджареннымъ хлѣбомъ.

Она ничего не говорила во избѣжаніе объясненій, споровъ и ссоръ; но она сильно страдала отъ каждаго новаго

проявленія скупости своего мужа. Ей казалось это низкимъ и гнуснымъ,—ей, воспитанной въ семьѣ, гдѣ деньгамъ не придавалось никакого значенія. Какъ часто слышала она отъ матери фразу: „Деньги и созданы для того, чтобъ ихъ расходовать“. Теперь же Жюльенъ повторялъ: „Ты, кажется, никогда не отвыкнешь бросать деньги въ окно!“ И каждый разъ, когда ему удавалось съэкономить нѣсколько копѣекъ изъ жалованья или счёта, онъ съ улыбкой говорилъ, кладя монету въ карманъ: „Изъ малыхъ источниковъ образуются большія рѣки“.

Иными днями Жанна возвращалась однако къ своимъ былымъ грезамъ. Она оставляла работу и съ опущенными руками и потухшимъ взглядомъ переживала одинъ изъ своихъ дѣвичьихъ романовъ, увлекаясь прелестными подробностями. Но вдругъ голосъ Жюльена, отдававшаго приказанія дядѣ Симону, прерывалъ ея мечты и она снова терпѣливо принималась за работу: „Все это уже прошло“, говорила она себѣ и слезы капали ей на пальцы, водившіе иглой.

Розалія, прежде всегда веселая и постоянно напѣвавшая пѣсни, тоже измѣнилась. Ея полныя, когда-то румяныя щеки поблѣднѣли, впали и принимали порой землистый оттѣнокъ.

Жанна часто спрашивала ее: „Не больна ли ты, милая“?— „Нѣтъ, сударыня“, постоянно отвѣчала дѣвушка. Она немного краснѣла и быстро убѣгала. Вмѣсто того, чтобы бѣгать, какъ прежде, она еле передвигала ноги; не казалась уже такою кокетливой и ничего не покупала у странствующихъ торговцевъ, напрасно соблазнявшихъ ее шелковыми лентами, корсетами и всевозможными косметическими товарами.

Большой домъ казался пустымъ и мрачнымъ съ своимъ фасадомъ, испачканнымъ появившимися на немъ послѣ дождя грязными сѣрыми полосами.

Въ концѣ января началась зима. Вдали, надъ потемнѣвшимъ моремъ, показались тяжелыя, сѣрыя тучи, плывущія съ сѣвера, и съ неба падали бѣлые хлопья. Въ теченіе одной ночи вся равнина покрылась бѣлымъ саваномъ и къ утру деревья украсились серебряною пѣной.

Жюльенъ, растрепанный, въ высокихъ сапогахъ, по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ рощѣ, въ засадѣ за канавой, выходившей на равнину, гдѣ онъ подкарауливалъ перелетныхъ птицъ. Время отъ времени ружейный выстрѣлъ нарушалъ ледяное молчаніе полей и черная стая испуганныхъ воронъ срывалась съ высокихъ деревьевъ и кружилась въ воздухѣ.

Жанна, умиравшая отъ скуки, иногда выходила на крыльцо. Звуки жизни едва доносились издалека, отражаясь въ сонной тишинѣ надъ этою безмолвною, мрачною равниной.

Затѣмъ она ничего не могла разслышать, кромѣ какого-то рокота далекихъ волнъ и непрерывнаго смутнаго шума безостановочно падающей оледенѣлой водяной пыли.

Легкіе пушистые хлопья падали безпрерывно, а снѣжный покровъ становился все толще и толще.

Въ одно такое блѣдное утро Жанна неподвижно сидѣла передъ каминомъ своей комнаты и грѣла ноги, между тѣмъ какъ Розалія, день ото дня все болѣе неузнаваемая, медленно убирала постель. Внезапно она услыхала позади себя мучительный вздохъ. Не поворачивая головы, она спросила:

— Что съ тобой?

— Ничего, сударыня,—по обыкновенію отвѣчала дѣвушка, но ея голосъ казался надломленнымъ, угасающимъ.

Жанна уже стала думать о другомъ, когда она замѣтила, что не слыхать присутствія молодой дѣвушки. „Розалія!“— позвала она. Ничто не пошевелилось. Тогда, думая, что та потихоньку вышла, она крикнула погромче: „Розалія!“ и хотѣла уже протянуть руку, чтобы позвонить, когда подав-

ленный стонъ раздался подлѣ нея и заставилъ ее подняться. Она задрожала отъ ужаса.

Маленькая служанка, вся посинѣвшая, съ блуждающими глазами, сидѣла на полу, вытянувъ ноги и прислонившись спиной къ кровати. Жанна бросилась къ ней. „Что съ тобой, что съ тобой?“ Та не произнесла ни слова, не сдѣлала ни жеста, она устремляла на свою госпожу безумный взглядъ и тяжело дышала, какъ будто терзаемая нестерпимою болью. Потомъ вдругъ, вытянувшись всѣмъ тѣломъ, она опрокинулась на спину, испустивъ сквозь стиснутые зубы раздирающій крикъ.

Подъ ея платьемъ, прилипшемъ къ полуголымъ ногамъ, что-то зашевелилось и оттуда раздались странные звуки, какъ будто что-то тяжелое плескалось по водѣ и захлебывалось; затѣмъ продолжительное мяуканье кошки и слабый, но уже жалобный крикъ, первый призывъ страданія ребенка, появившагося на свѣтъ.

Жанна сразу поняла и, потерявъ голову, побѣжала къ лѣстницѣ и стала кричать: „Жюльенъ, Жюльенъ“!

— Что тебѣ?—спросилъ онъ снизу.

Она съ трудомъ могла сказать: „Это... это Розалія, она...“ Жюльенъ кинулся, переступая по двѣ ступени вбѣжалъ по лѣстницѣ въ комнату, однимъ движеніемъ руки приподнялъ платье дѣвушки и увидѣлъ въ ея ногахъ отвратительный кусокъ мяса, сморщенный, корчившійся и весь покрытый слизью.

Онъ выпрямился и, съ сердитымъ лицомъ выталкивая растерянную жену, повторялъ: „Это не твое дѣло. Ступай! Пошли мнѣ Людовику и дядю Симона!“

Дрожащая Жанна спустилась въ кухню, не смѣя подняться на верхъ, вошла въ гостиную, стоявшую нетопленной со времени отъѣзда ея родителей, и стала тоскливо ожидать извѣстій сверху.

Вскорѣ она увидала слугу, который куда-то побѣжалъ. Черезъ пять минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи вдовы Дентю, деревенской повитухи. Потомъ на лѣстницѣ послышалось какое-то движеніе, точно несли раненаго, и Жюльенъ пришелъ объявить, Жаннѣ что она можетъ вернуться къ себѣ наверхъ.

Дрожа, какъ будто при ней случилось какое-нибудь несчастіе, она снова усѣлась передъ огнемъ и спросила: „Какъ она себя чувствуетъ?"

Жюльенъ, озабоченный, нервный, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; казалось, гнѣвъ бушевалъ въ его груди. Сперва онъ не отвѣчалъ, но черезъ нѣсколько секундъ остановился и спросилъ:

— Что ты думаешь дѣлать съ этой дѣвушкою?

Она не поняла вопроса и продолжала смотрѣть на мужа.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Я, право, не знаю.

Вдругъ онъ закричалъ, точно выйдя изъ себя:

— Не можемъ же мы, однако, держать въ домѣ незаконнаго ребенка!

Жанна была очень смущена и послѣ долгаго молчанія замѣтила:

— Но, мой другъ, можно же отдать его кормилицѣ.

Онъ перебилъ ее:

— Кто же будетъ платить за него? Не ты ли?

Нѣкоторое время она была въ раздумьи и наконецъ сказала:

— Объ этомъ ребенкѣ позаботится его отецъ, и если онъ женится на Розаліи, исчезнутъ и всѣ затрудненія.

Жюльенъ, точно выведенный изъ терпѣнія, сердито вскричалъ:

— Отецъ... отецъ! Знаешь ты этого отца? Вѣдь нѣтъ!? Тогда чтожъ?

Взволнованная Жанна съ одушевленіемъ продолжала:

— Но вѣдь, конечно, онъ не оставитъ же дѣвушку въ такомъ положеніи! Это было бы подло! Мы спросимъ его имя, найдемъ его и потребуемъ отъ него объясненій.

Жюльенъ нѣсколько успокоился и принялся снова ходить.

— Милая моя, она не захочетъ назвать имени этого человѣка, она не признается тебѣ, а тѣмъ болѣе мнѣ и... и что если онъ самъ не захочетъ сойтись съ ней... ну что тогда? А мы не можемъ терпѣть подъ своею кровлей дѣвушку-мать съ ея незаконнымъ ребенкомъ. Понимаешь ли ты это?

Жанна настойчиво повторила:

— Но тогда онъ негодяй, этотъ человѣкъ, и намъ придется узнать его и онъ долженъ будетъ имѣть дѣло съ нами.

Жюльенъ сильно покраснѣлъ и раздражился еще больше.

— Ну... а покамѣстъ?..

Она не знала что рѣшить и спросила его:

— А что̀ бы ты предложилъ?

Онъ немедленно высказалъ свое мнѣніе:

— О, что касается до меня, то я бы рѣшилъ очень просто. Я далъ бы ей немного денегъ и послалъ бы ее къ чорту вмѣстѣ съ дитенышемъ.

Возмущенная молодая женщина пришла въ негодованіе.

— Нѣтъ, съ этимъ я никогда не соглашусь! Эта дѣвушка моя молочная сестра, мы вмѣстѣ выросли. Она согрѣшила—очень жаль; но изъ-за этого я не выгоню ее вонъ и, если нужно, воспитаю ея ребенка.

Жюльенъ вспыхнулъ.

— Хороша же будетъ репутація и наша, и нашихъ фамилій при нашихъ связяхъ! Повсюду будутъ говорить, что мы потворствуемъ пороку, даемъ пріютъ распутницамъ, и честные люди не согласятся переступить нашего порога. О чемъ же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь? Ты просто сошла съ ума!

Она оставалась спокойною.

—Я никогда не позволю прогнать Розалію и если ты не хочешь ее держать, ее возьметъ мама, и все-таки необходимо узнать имя отца ея ребенка.

Тогда онъ въ бѣшенствѣ хлопнулъ дверью и вышелъ, крича:

— Какъ глупы эти женщины съ ихъ идеями!

Жанна послѣ полудня отправилась къ родильницѣ.

Служанка подъ наблюденіемъ вдовы Дентю лежала въ постели съ открытыми глазами, а сидѣлка укачивала на рукахъ новорожденнаго.

При видѣ своей госпожи, Розалія зарыдала, укутывая лицо одѣяломъ и содрогаясь отъ отчаянія. Жанна хотѣла ее обнять, но та сопротивлялась и закрывалась. Сидѣлка подошла къ ней, открыла ей лицо и та позволила дѣлать съ собою все, что угодно, продолжая плакать, но уже тихо.

Въ печкѣ горѣлъ слабый огонь, становилось холодно, ребенокъ плакалъ. Жанна не осмѣливалась заговорить о немъ, боясь вызвать новыя рыданія, она взяла руку своей служанки и машинально повторяла: — Это ничего, это ничего...

Бѣдная дѣвушка въ смущеніи посматривала на сидѣлку, вздрагивала при крикахъ ребенка; остатки раздирающей тоски прорывались порою судорожными рыданіями, между тѣмъ какъ подступающія къ горлу слезы заставляли ее всхлипывать.

Жанна еще разъ обняла ее и тихонько прошептала ей на ухо:

— Мы о немъ позаботимся, небойся.

Потомъ, когда снова раздались рыданія, она быстро ушла.

Каждый день она возвращалась туда и каждый разъ при видѣ своей госпожи Розалія разражалась рыданіями.

Ребенокъ былъ отданъ на воспитаніе сосѣдкѣ.

Жюльенъ теперь мало разговаривалъ съ женой, какъ будто все еще сердясь за ея отказъ разсчитать служанку.

Одинъ разъ онъ возвратился къ этому вопросу, но Жанна вынула изъ кармана письмо баронессы, въ которомъ та просила немедленно прислать къ ней дѣвушку, если ее не согласятся держать въ Тополяхъ. Жюльенъ въ бѣшенствѣ закричалъ:—Твоя мать такая же сумасшедшая, какъ ты!

Но больше не сталъ настаивать.

Спустя двѣ недѣли родильница могла уже встать и снова приняться за исполненіе своихъ обязанностей.

Однажды утромъ Жанна усадила ее, взяла ее за руки и, пристально глядя на нее, сказала:

— Ну, милая, скажи же мнѣ все!

Розалія, дрожа, пробормотала:

— Что, сударыня?

— Отъ кого онъ, этотъ ребенокъ?

Маленькая служанка была охвачена невыразимымъ отчаяніемъ; она растерянно старалась вырвать свои руки, чтобы закрыть ими лицо.

Жанна насильно цѣловала ее и стала утѣшать:

— Правда, это несчастіе, но что же дѣлать, моя милая. Ты не выдержала, но вѣдь это случается и съ другими. Если его отецъ женится на тебѣ, объ этомъ всѣ забудутъ и можно будетъ даже взять его вмѣстѣ съ тобой въ число нашей прислуги.

Розалія стояла точно подъ пыткой и старалась вырваться, чтобъ убѣжать.

— Я прекрасно понимаю,—продолжала Жанна,—что ты стыдишься, но вѣдь ты видишь, что я на тебя не сержусь и говорю съ тобой ласково. Если я спрашиваю у тебя имя этого человѣка, то это для твоего же блага, потому что я по твоему горю угадываю, что онъ тебя бросаетъ, и хочу

помѣшать этому. Видишь ли ты: Жюльенъ его розыщетъ и мы принудимъ его жениться на тебѣ, а такъ какъ мы и его возьмемъ къ себѣ, то и постараемся, чтобъ онъ сдѣлалъ тебя счастливою.

На этотъ разъ Розалія рванулась такъ сильно, что вырвала руки изъ рукъ своей госпожи и выбѣжала какъ сумасшедшая.

Вечеромъ, за обѣдомъ, Жанна сказала Жюльену:

— Я хотѣла заставить Розалію открыть мнѣ имя ея обольстителя, но мнѣ это не удалось. Попытайся это сдѣлать ты, чтобы мы могли, наконецъ, принудить этого негодяя жениться на ней.

Жюльенъ мгновенно вспыхнулъ:

— Ты знаешь, что я не могу слышать, когда мнѣ говорятъ объ этой исторіи! Ты хочешь оставить эту дѣвушку,— оставляй, но не надоѣдай мнѣ этими разговорами!

Казалось, со времени родовъ Розаліи его характеръ сдѣлался еще раздражительнѣе; онъ принялъ обыкновеніе постоянно кричать въ разговорѣ съ женой какъ будто онъ сердился, между тѣмъ какъ она, напротивъ, понижала голосъ, была ласкова и уступчива, чтобъ избѣжать всякаго столкновенія, и часто по ночамъ плакала въ своей постели.

Несмотря на постоянно раздраженное состояніе, мужъ возобновилъ ихъ супружескія отношенія, забытыя со времени ихъ возвращенія въ Тополя, и не проходило трехъ сутокъ, чтобъ онъ не стучался въ дверь ея спальни.

Розалія скоро совсѣмъ выздоровѣла и сдѣлалась менѣе печальна, хотя все еще казалась испуганной, преслѣдуемой какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ.

Она еще два раза убѣгала отъ Жанны, снова пытавшейся ее расспрашивать.

Жюльенъ внезапно сдѣлался любезенѣе и молодая женщина утѣшалась тщетными надеждами снова возвратить утраченныя радости, хотя по временамъ чувствовала странное недомоганіе, о которомъ никому не говорила.

Оттепель больше не возобновлялась и вотъ уже пять недѣль, какъ небо днемъ было прозрачно, какъ голубое стекло, а по ночамъ все усѣяно звѣздами, которыя казались сдѣланными изъ инея; вся пустынная равнина приняла суровый видъ и разстилалась подъ общимъ твердымъ и блестящимъ снѣжнымъ покровомъ.

Фермы, отдѣленныя четырехъугольными дворами за стѣной большихъ деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, казалось спали подъ бѣлымъ покровомъ.

Не видно было ни людей, ни животныхъ, и только легкій дымокъ изъ трубъ хижинъ, вздымаясь въ морозномъ воздухѣ, указывалъ на скрытую въ нихъ жизнь.

Равнины, плетни, вязы у изгородей—все казалось мертво, убито морозомъ. По временамъ деревья трещали, какъ будто ихъ деревянные члены ломились подъ корою, иногда отрывалась и падала большая вѣтвь; жестокій морозъ разрывалъ ея волокна и леденилъ сокъ.

Жанна тоскливо дожидалась теплаго времени, приписывая ужасному холоду всѣ тѣ неопредѣленныя страданія, которыя ее угнетали.

То она не могла ничего ѣсть, охваченная отвращеніемъ ко всякой пищѣ, то ея пульсъ начиналъ лихорадочно биться, то желудокъ отказывался работать; напряженные, вѣчно раздраженные нервы заставляли ее жить въ какомъ-то постоянномъ невыносимомъ возбужденіи.

Однажды вечеромъ термометръ опустился еще ниже и Жюльенъ дрожалъ, выйдя изъ-за стола.

Залу теперь едва топили, такъ онъ скупился на дрова.

— Хорошо бы въ эту ночь, — бормоталъ онъ, потирая руки,—лечь спать вмѣстѣ! Не такъ ли, моя кошечка?

Онъ разсмѣялся своимъ былымъ смѣхомъ добраго малаго и Жанна кинулась ему на шею, но она чувствовала себя въ этотъ вечеръ такъ не по себѣ, такой сонной, что, поцѣловавъ его въ губы, тихонько попросила оставить ее спать одну, упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ про свое нездоровье.

— Пожалуйста, мой милый, увѣряю тебя, что мнѣ нехорошо. Конечно, завтра все пройдетъ.

Онъ не настаивалъ:

— Какъ хочешь, моя милая; если ты больна, то надо за тобой ухаживать.

И они заговорили о другомъ.

Она рано легла. Жюльенъ, противъ обыкновенія, велѣлъ развести огонь въ своей отдѣльной комнатѣ. Когда ему доложили, что каминъ затопленъ, онъ поцѣловалъ жену въ лобъ и ушелъ.

Весь домъ, казалось, страдалъ отъ холода; трескъ, какъ дрожь, пробѣгалъ по стѣнамъ и Жанна мерзла въ своей постели.

Два раза она поднималась, чтобы подбросить топлива въ каминъ и отыскивала платье, юбки, старую одежду, которую накидывала на себя. Ничто не могло согрѣть ее, ноги нѣмѣли, отъ икръ до бедръ пробѣгала дрожь, заставлявшая ее безпрестанно поворачиваться, волноваться, и еще сильнѣе разстраиваться.

Зубы ея стучали, руки тряслись, грудь давило, сердце то билось крупными и глухими ударами, то затихало, горло сжималось такъ, что казалось воздухъ не можетъ уже проникнуть въ легкія.

Страшная тоска охватила ея душу, между тѣмъ какъ

нестерпимый холодъ проникалъ до мозга костей. Никогда она не испытывала ничего подобнаго, никогда въ жизни не чувствовала себя такою покинутою и близкой къ смерти.

— Я умираю, я умру,—думала она.

И охваченная ужасомъ, она вскочила съ постели, позвонила Розалію, подождала, снова позвонила, снова подождала, вся дрожа и коченѣя.

Служанка не приходила. Безъ сомнѣнія, она спала тѣмъ первымъ, крѣпкимъ сномъ, отъ котораго ничто не въ состояніи пробудить, и Жанна, обезумѣвъ, босикомъ побѣжала по лѣстницѣ.

Она вошла безъ шуму, ощупью нашла дверь, крикнула— Розалія, вошла совсѣмъ, приблизилась къ постели, провела по ней рукой. Она была пуста и холодна, какъ будто бы никто въ нее и не ложился.

Удивленная Жанна подумала: — Неужели она бѣгаетъ и по такой погодѣ?

Но сердце ея снова беспорядочно забилось: то сжималось, то неистово стучало, и она направилась разбудить Жюльена, хотя колѣни ея подгибались.

Гонимая увѣренностью, что она должна сейчасъ же умереть и желая увидать его прежде, чѣмъ лишиться сознанія, она быстро ворвалась къ нему въ комнату.

При свѣтѣ угасающаго огня она замѣтила на подушкѣ, рядомъ съ головой своего мужа, голову Розаліи.

Отъ крика, который она испустила, они оба привскочили. Съ секунду она простояла неподвижно, въ ужасѣ отъ такого открытія. Затѣмъ она кинулась бѣжать въ свою комнату, но когда растерявшійся Жюльенъ крикнулъ: — Жанна! ее охватилъ непреодолимый ужасъ видѣть его, слышать его голосъ, выслушивать его объясненія, ложь, встрѣ-

титься съ нимъ лицомъ къ лицу и она снова кинулась внизъ по лѣстницѣ.

Теперь она бѣжала въ потьмахъ, рискуя скатиться и расшибиться о каменныя ступени.

Она стремилась впередъ, увлекаемая неотступной потребностью бѣжать, ничего болѣе не слышать, никого не видѣть.

Очутившись внизу, она сѣла на ступеньку въ одной рубашкѣ, босикомъ и сидѣла тамъ, совершенно обезумѣвшая.

Жюльенъ вскочилъ и наскоро одѣлся.

Она услышала шумъ его шаговъ и встала, чтобъ убѣжать отъ него. Онъ уже сходилъ съ лѣстницы и кричалъ:

— Послушай, Жанна!

Нѣтъ! Она не хотѣла слушать и не позволитъ дотронуться до себя пальцемъ! И она бросилась въ столовую, точно за ней гнался убійца.

Она искала выхода, мѣста гдѣ бы спрятаться, темнаго угла, возможности скрыться отъ него. Она забилась подъ столъ.

Но онъ уже отворилъ дверь, со свѣчею въ рукѣ, безпрестанно повторяя: — Жанна!

Она пустилась бѣжать какъ заяцъ, вскочила въ кухню, два раза обѣжала ее, какъ преслѣдуемое животное и, такъ какъ онъ уже опять приближался, быстро отворила дверь въ садъ и кинулась въ поле.

Прикосновеніе ледянаго снѣга, въ который ея обнаженныя ноги погружались иногда почти до колѣнъ, внезапно придало ей отчаянную энергію.

Она не чувствовала холода, хотя была совсѣмъ раздѣта, не чувствовала ничего: такъ отъ душевныхъ потрясеній онѣмѣло тѣло, и она бѣжала, бѣлая какъ снѣгъ.

Она пробѣжала большую аллею, выбѣжала въ рощу и, перепрыгнувъ черезъ канаву, пустилась по равнинѣ.

Луны не было. Звѣзды мерцали, какъ огненныя блестки на темномъ небѣ, однако на равнинѣ не было темно; она тускло бѣлѣла въ своей ледяной неподвижности и безпредѣльной тишинѣ. Жанна быстро шла, ничего не понимая, ничего не чувствуя, ничего не думая, и очутилась наконецъ на краю скалы. Она быстро, инстинктивно остановилась и присѣла на корточки, чуждая всякой мысли, всякаго желанія.

Передъ ней, въ мрачной глубинѣ, невидимое, нѣмое море дышало соленымъ запахомъ водорослей, оставленныхъ отливомъ.

Она долго просидѣла тутъ въ полномъ душевномъ и тѣлесномъ оцѣпенѣніи, потомъ вдругъ стала дрожать бѣшеною дрожью, какъ парусъ вздуваемый вѣтромъ; ея плечи, руки, ноги тряслись быстро и порывисто и вдругъ къ ней вернулось сознаніе, ясное и рѣзкое.

Передъ ея глазами стали проходить видѣнія прошлаго: прогулка съ нимъ въ лодкѣ дяди Ластика, ихъ разговоры, ихъ зарождающаяся любовь, крещеніе барки, затѣмъ она вернулась къ той ночи, полной грезъ, которую она провела, вернувшись въ Тополя. А теперь, теперь!...

О, ея жизнь разбита, всѣмъ радостямъ конецъ, ждать нечего! Ей живо представилось ужасное будущее, полное мученій, измѣны и отчаянія. Лучше умереть, по крайней мѣрѣ все сразу будетъ кончено!

— Здѣсь, здѣсь!—послышался вдалекѣ чей-то голосъ.

— Вотъ слѣды! Скорѣе, скорѣе сюда! — Это Жюльенъ искалъ ее.

О, она ни за что не хотѣла видѣть его! Въ лежащей передъ ней безднѣ она услыхала теперь легкій шумъ, смутный плескъ моря о скалы.

Она поднялась, чтобы броситься внизъ и, посылая жизни

полное отчаянія прощаніе, простонала послѣднее слово умирающихъ, послѣднее слово молодыхъ солдатъ, сраженныхъ въ битвѣ: „Мама“! Внезапно ею овладѣла мысль о матери: она увидала ее рыдающею, увидала отца на колѣняхъ передъ своимъ изуродованнымъ трупомъ и въ одно мгновенье пережила всю безпредѣльность ихъ отчаянія.

Она безсильно упала на мягкій снѣгъ, не пыталась бѣжать, когда Жюльенъ и дядя Симонъ, въ сопровожденіи Маріуса, державшаго фонарь, схватили ее за руки, чтобъ оттащить отъ самаго края обрыва, на который она упала.

Они дѣлали надъ ней что хотѣли, потому что она не могла уже шевелиться. Она чувствовала, что ее куда-то несутъ, кладутъ въ постель, растираютъ нагрѣтыми простынями, а затѣмъ сознаніе угасло, и что̀ было дальше, она не помнила.

Вспоминался ей какой-то кошмаръ,—да былъ-ли это кошмаръ? Она лежала въ своей комнатѣ. Былъ день, но она не могла встать. Почему?

Этого она не знала.

И вотъ она слышитъ на полу легкій шумъ, какой-то шелестъ и царапанье и вдругъ мышь—маленькая сѣрая мышь—быстро пробѣгаетъ по ея одѣялу. За ней бѣжитъ другая, потомъ третья; она быстрыми и мелкими шажками приближается къ ея груди. Жанна не боится: она хочетъ схватить животное и протягиваетъ руку, но не можетъ. Потомъ другія мыши: десять, двадцать, сотни, тысячи мышей показываются со всѣхъ сторонъ. Онѣ лѣзутъ на колонны, бѣгаютъ по обоямъ, покрываютъ всю постель. Вотъ онѣ пробираются подъ простыню.

Жанна чувствуетъ, какъ онѣ бѣгаютъ по ея кожѣ, щекочатъ ей ноги, опускаются и поднимаются на нее и бѣгаютъ вдоль ея тѣла.

Она видитъ, какъ онѣ взбираются по ножкамъ кровати,

чтобы проникнуть дальше, къ ея горлу. Она отбивается отъ нихъ, протягиваетъ впередъ руку, чтобы схватить которую нибудь изъ нихъ, но всякій разъ рука оказывается пустою.

Она раздражается, хочетъ бѣжать, кричать, но ей кажется, что ее растянули неподвижно чьи-то сильныя руки, обхватили ея и парализируютъ ея движенія, хотя она никого не видитъ.

Она не могла опредѣлить, сколько времени это продолжалось, только знала, что долго, очень долго.

Потомъ наступило пробужденіе. Она очнулась измятая, разбитая, но испытывая что-то пріятное. Она чувствовала себя слабой, слабой. Открывъ глаза, она не удивилась, увидавъ маму, сидящую въ ея комнатѣ съ какимъ-то толстымъ человѣкомъ, котораго она не знала.

Сколько ей было лѣтъ? Она ничего не помнила и считала себя маленькою дѣвочкой. У нея не осталось ни о чемъ воспоминаній.

Толстый человѣкъ сказалъ:—Смотрите: сознаніе возвращается.—Мама заплакала.

Толстый человѣкъ снова заговорилъ: — Ничего, успокойтесь, госпожа баронесса; я вамъ сказалъ, что теперь отвѣчаю за нее. Только ни о чемъ съ ней не говорите. Пусть она спитъ.

И Жаннѣ, какъ только она начинала думать, казалось, что она уже долго была охвачена тяжелымъ сномъ.

Она не пыталась ничего припоминать, какъ будто безсознательно боясь дѣйствительности.

И вотъ однажды, когда она проснулась, она замѣтила Жюльена; онъ сидѣлъ одинъ передъ нею и мгновенно она вспомнила все, какъ будто передъ ея глазами поднялась завѣса, скрывавшая ея прошедшую жизнь.

Она почувствовала въ сердцѣ страшную боль и хотѣла снова бѣжать. Она сбросила съ себя одѣяло, вскочила на полъ, но упала: ноги не держали ее.

Жюльенъ кинулся къ ней, но она начала ревѣть, чтобъ онъ ее не трогалъ. Она извивалась и билась.

Въ дверь вбѣжала тетя Лизонъ съ вдовой Дентю, потомъ баронъ и наконецъ мама, запыхавшаяся, растерянная.

Ее снова уложили. Она тотчасъ же съ хитростью закрыла глаза, чтобы больше не говорить и на свободѣ обдумать свое положеніе.

Мать и тетка ухаживали за ней, суетились, распрашивали ее:—Слышишь ли ты насъ, Жанна, моя Жанночка?

Она притворилась, что не слышитъ, и не отвѣчала. Скоро она замѣтила, что день близится къ концу. Наступила ночь. Сидѣлка помѣстилась около нея и время отъ времени подносила ей пить.

Она молча пила, но больше уже не могла уснуть. Она съ трудомъ старалась припомнить то, что было ею позабыто, точно въ ея памяти образовались какія-то дыры, большія бѣлыя пространства, на которыхъ событія не были отмѣчены.

Мало-по-малу, послѣ долгихъ усилій, она начала припоминать и упорно обдумывала все случившееся.

Пріѣхали мама, тетя Лизонъ и баронъ,—значитъ, она была сильно больна. Но Жюльенъ? Что онъ имъ сказалъ? Знаютъ ли все ея родители? А Розалія? Гдѣ она? А затѣмъ, что дѣлать, что дѣлать? У нея мелькнула мысль уѣхать съ отцомъ и мамой въ Руанъ и жить тамъ по-прежнему. Она будетъ вдовою—вотъ и все.

Она стала выжидать, прислушиваясь къ тому, что говорилось вокругъ нее, прекрасно понимая все, но не давая этого замѣтить, радуясь возвращенію разсудка, терпѣливая и хитрая.

Наконецъ, вечеромъ она осталась одна съ баронессой и потихоньку позвала ее: „Мама"! Звукъ ея собственнаго голоса удивилъ ее, показался ей измѣнившимся.

Баронесса схватила ее за руку:

— Дочь моя, милая моя Жанна, дочка моя, ты узнаешь меня?

— Да, мама, но не слѣдуетъ плакать, намъ нужно о многомъ потолковать. Говорилъ ли тебѣ Жюльенъ отчего я кинулась бѣжать по снѣгу?

— Да, моя голубушка, у тебя была сильная, очень опасная горячка.

— Это не то, мама! Горячка со мной случилась потомъ. Но развѣ онъ не говорилъ тебѣ, отчего у меня сдѣлалась горячка и отчего я убѣжала?

— Нѣтъ, моя дорогая.

— Потому что я застала Розалію въ его постели.

Баронесса ласкала ее, думая, что она все еще бредитъ.

— Усни, моя голубушка, успокойся, постарайся уснуть!

Но Жанна упорно повторяла:

— Теперь я въ полномъ разсудкѣ, мама, и не говорю глупостей, какія, вѣроятно, говорила въ послѣднее время. Я какъ-то ночью почувствовала себя нездоровой и когда пошла искать Жюльена, Розалія лежала съ нимъ. Я обезумѣла отъ огорченія и кинулась бѣжать по снѣгу, чтобы броситься съ утеса.

Но баронесса повторяла:

— Да, моя голубка, ты была больна, очень больна!

— Ты говоришь совсѣмъ не то, мама! Я застала Розалію въ постели Жюльена и не хочу болѣе оставаться съ нимъ. Ты меня увезешь въ Руанъ и мы будемъ жить какъ прежде.

Баронесса, которой докторъ велѣлъ ни въ чемъ не противорѣчить Жаннѣ, отвѣчала:

— Хорошо, голубушка.

Но больная нетерпѣливо повторяла:

— Я вижу, что ты мнѣ совсѣмъ не вѣришь! Ступай, позови папу; онъ меня скорѣе пойметъ.

Мама съ трудомъ поднялась, взяла двѣ палки, на которыя опиралась, и вышла, волоча ноги.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась вмѣстѣ съ барономъ, который ее поддерживалъ. Они оба сѣли у постели и Жанна начала.

Она яснымъ, слабымъ голосомъ разсказала про все: про странный характеръ Жюльена, про его грубость, скупость и, наконецъ, про его невѣрность.

Когда она кончила, баронъ ясно увидалъ, что она не бредитъ, но не зналъ что думать, что рѣшить и что отвѣтить. Онъ нѣжно взялъ ее за руку, какъ въ былое время, когда усыплялъ ее своими разсказами.

— Послушай, моя милочка, нужно поступать благоразумно. Не будь рѣзка, постарайся выносить присутствіе твоего мужа до тѣхъ поръ, пока мы не примемъ окончательнаго рѣшенія. Обѣщаешь-ли?

— Я согласна,—бормотала она,—но я не останусь здѣсь, когда выздоровѣю.

Потомъ она потихоньку прибавила:

— Гдѣ теперь Розалія?

— Ты ее болѣе не увидишь,—отвѣчалъ баронъ.

Но она настаивала:

— Гдѣ она? Я хочу знать!

Баронъ сознался, что она еще здѣсь, но утверждалъ, что она скоро удалится.

Оставивъ больную, баронъ, разгоряченный гнѣвомъ, оскорбленный въ своихъ отцовскихъ чувствахъ, отыскалъ Жюльена и рѣзко обратился къ нему:

— Милостивый государь! Я пришелъ требовать отъ васъ объясненій по поводу вашего поступка съ моей дочерью. Вы измѣнили ей съ вашею служанкой! Это вдвойнѣ недостойно!

Жюльенъ, разыгрывая невиннаго, съ жаромъ отпирался, клялся, призывалъ Бога въ свидѣтели. Какія имѣлись доказательства? Развѣ Жанна не была безъ памяти, развѣ у ней не было нервной горячки, развѣ она не побѣжала ночью по снѣгу въ бреду въ началѣ своей болѣзни? Не ссылается ли она сама на то, что видѣла свою служанку на постели мужа именно во время того припадка, когда полунагая убѣжала изъ дома?

Онъ жестоко негодовалъ, горячился, грозилъ процессомъ.

И сконфуженный баронъ извинился, просилъ прощенія и первый протянулъ свою честную руку, которую Жюльенъ отказался принять.

Когда Жанна узнала про отвѣтъ своего мужа, она не разсердилась и сказала:

— Онъ лжетъ, папа, но все-таки мы его убѣдимъ.

И въ теченіе двухъ дней она была молчалива, задумчива, углублена въ себя. На третье утро она захотѣла видѣть Розалію.

Баронъ отказывался привести служанку, говоря, что она ушла; Жанна не уступала, повторяя:

— Пусть отыщутъ и позовутъ ее.

Она уже начинала сердиться, когда вошелъ докторъ. Ему разсказали все, чтобы спросить его совѣта.

Жанна, страшно разстроенная, принялась плакать, почти крича:

— Я хочу видѣть Розалію, хочу ее видѣть!

Тогда докторъ взялъ ее за руку и потихоньку сказалъ ей:

— Успокойтесь, сударыня. Всякое волненіе можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Вы беременны.

Она была поражена какъ бы ударомъ и ей тотчасъ же показалось, будто въ ней что-то шевелится. Она умоляла и не слушала того, что ей говорили, погруженная въ свои думы. Ночью она не могла уснуть, тревожимая новою и странною мыслью о ребенкѣ, живущемъ въ ней, въ ея утробѣ; ее печалила и мучила мысль, что это будетъ сынъ Жюльена и безпокоило, не будетъ ли онъ походить на отца. На слѣдующій день она позвала барона:

— Папа! Мое рѣшеніе принято: я хочу все знать, въ особенности теперь. Слушай: я этого хочу и ты знаешь, что мнѣ не слѣдуетъ противорѣчить въ томъ положеніи, въ которомъ я теперь нахожусь. Слушай же! Ты долженъ идти и позвать священника. Онъ нуженъ для того, чтобы при немъ Розалія не стала бы лгать; потомъ, когда онъ придетъ, ты приведешь ее и останешься здѣсь вмѣстѣ съ мамой. Особенно позаботься о томъ, чтобы Жюльенъ ничего не подозрѣвалъ.

Часъ спустя вошелъ священникъ, еще болѣе потолстѣвшій, пыхтя такъ же, какъ мама.

Онъ усѣлся около нея въ кресло, причемъ его животъ свѣшивался на разставленныя ноги, и принялся шутить, по обыкновенію, обтирая лобъ своимъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Что же, г-жа баронесса, кажется мы съ вами не худѣемъ; я думаю, мы съ вами подъ пару.—Потомъ, обернувшись къ постели больной, онъ сказалъ:—Эге... а мнѣ говорили, молодая барынька, что скоро у насъ будутъ новыя крестины. Да, да, на этотъ разъ уже не крестины лодки,— и болѣе серьезнымъ голосомъ произнесъ:—Это будетъ защитникъ отечества,—потомъ послѣ короткаго размышленія замѣтилъ:—А можетъ-быть и добрая мать семейства,—и, поклонясь баронессѣ, прибавилъ:—Какъ вы, сударыня.

Въ глубинѣ отворилась дверь. Розалія, растерянная, вся

въ слезахъ, упиралась и цѣплялась за притолки, подталкиваемая барономъ. Потерявъ терпѣніе, онъ однимъ толчкомъ бросилъ ее въ комнату. Она остановилась, рыдая, закрывъ лицо руками.

Увидавъ ее, Жанна быстро поднялась и сѣла на постели, блѣдная, какъ ея простыни. Сердце ея безумно билось, такъ что видно было, какъ поднималась тонкая сорочка, облегавшая ея тѣло. Она не могла говорить и задыхалась. Наконецъ она произнесла подавленнымъ отъ волненія голосомъ:

— Мнѣ... мнѣ не нужно было бы и спрашивать тебя, мнѣ... мнѣ достаточно... видѣть какъ... какъ тебѣ стыдно передо мной...—Помолчавъ немного, такъ какъ у ней перехватывало дыханіе, она продолжала:—Но я хочу знать все, все... Я велѣла пригласить священника для того, чтобъ это было, понимаешь ли, какъ бы исповѣдь.

Розалія, стоявшая неподвижно, испустила почти крикъ сквозь стиснутыя руки.

Баронъ, охваченный гнѣвомъ, схватилъ ее за руки, грубо отстранилъ ихъ отъ лица и, кинувъ ее на колѣни передъ кроватью, сказалъ:

— Ну, говори же!.. Отвѣчай!

Она оставалась на полу въ положеніи кающейся Магдалины, со сбившимся чепчикомъ, закрывъ лицо вновь освобожденными руками.

Священникъ сказалъ ей:

— Ну, дочь моя, слушай, что тебѣ будутъ говорить и отвѣчай. Мы не хотимъ дѣлать тебѣ зла, но хотимъ только знать, какъ все произошло.

Жанна смотрѣла на нее, склонившись на край постели.

— Правда ли,—сказала она,—что ты была въ постели Жюльена, когда я васъ застала?

Розалія сквозь стиснутыя руки простонала: — да, сударыня.

Тогда баронесса внезапно тоже зарыдала, громко всхлипывая, и ея конвульсивныя рыданія присоединились къ плачу Розаліи.

Жанна, устремивъ глаза на служанку, спросила:

— Съ какихъ поръ это началось?

Розалія пробормотала:

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ.

Жанна не понимала.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ, —значитъ... значитъ съ весны?

— Да, сударыня.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ этотъ домъ?

— Да, сударыня.

Жанна, точно измученная этимъ допросомъ, продолжала торопливымъ голосомъ:

— Но какъ же все это случилось? Какъ онъ тебя соблазнилъ, какъ склонилъ къ этому, что говорилъ? Когда и какъ ты пала, какъ могла отдаться ему?

Розалія опустила, наконецъ, руки,—ее также охватило лихорадочное желаніе говорить, потребность отвѣчать.

— Я сама не знаю, какъ это случилось. Это было въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ здѣсь обѣдалъ; онъ захватилъ меня въ моей комнатѣ, спрятавшись передъ этимъ на чердакѣ. Я побоялась кричать, чтобы не надѣлать скандала. Я не знала въ ту минуту, что дѣлала, а онъ дѣлалъ, что хотѣлъ. Я отдалась ему потому, что онъ мнѣ показался такимъ пріятнымъ.

Тогда Жанна закричала:

— Но твой... твой ребенокъ... отъ него?

Розалія рыдала:

— Да, сударыня.

Тогда обѣ онѣ замолчали.

Слышны были только рыданія Розаліи и баронессы.

Подавленная Жанна въ свою очередь почувствовала, что глаза ея наполнились слезами, которыя беззвучно текли по щекамъ.

У ребенка ея служанки и ея собственнаго былъ одинъ и тотъ же отецъ. Гнѣвъ ея утихъ, она была теперь проникнута мрачнымъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ отчаяніемъ.

Она наконецъ снова заговорила измѣнившимся влажнымъ голосомъ, голосомъ плачущей женщины:

— Послѣ того, какъ мы вернулись от... оттуда... съ путешествія, когда это опять началось?

Служанка совсѣмъ повалилась на полъ и пробормотала:

— Онъ... онъ пришелъ въ первый же вечеръ.

Каждое слово раздирало сердце Жанны. Итакъ, въ первый же вечеръ, вечеръ ихъ возвращенія въ Тополя, онъ покинулъ ее для этой дѣвушки. Такъ вотъ почему онъ оставлялъ ее спать одну.

Теперь она знала достаточно и не хотѣла уже больше ничего слушать.

— Уходи, уходи,—кричала она.

Такъ какъ уничтоженная Розалія не трогалась съ мѣста, Жанна позвала отца:

— Уведи, унеси ее!

Но священникъ, который еще ничего не сказалъ, счелъ умѣстнымъ произнести маленькую проповѣдь.

— Все то, что ты сдѣлала, дочь моя, дурно, очень дурно, и Господь не скоро проститъ тебя! Подумай объ адѣ, который ожидаетъ тебя, если ты впередъ не будешь вести безупречную жизнь. Теперь, когда у тебя есть ребенокъ, нужно, чтобы ты перемѣнила свое поведеніе. Госпожа баро-

несса, безъ сомнѣнія, что-нибудь сдѣлаетъ для тебя и мы постараемся найти тебѣ мужа...

Онъ бы проговорилъ еще долго, но баронъ, снова поймавъ Розалію за плечи, поднялъ ее, дотащилъ до двери и выбросилъ въ корридоръ, какъ какой-нибудь тюкъ.

Когда онъ снова возвратился блѣднѣе своей дочери, священникъ вновь заговорилъ:

— Что съ нихъ взять, въ нашемъ краю онѣ всѣ таковы. Это можетъ привести въ отчаяніе, но вѣдь ничего не подѣлаешь; надо же имѣть немножко снисхожденія къ слабостямъ человѣческой природы. Онѣ никогда не выходятъ замужъ не беременными, никогда, сударыня.—И онъ прибавилъ, смѣясь:—Это можно назвать мѣстнымъ обычаемъ. Даже дѣти заражены этимъ,—продолжалъ онъ негодующимъ голосомъ.—Я самъ засталъ въ прошломъ году на кладбищѣ двухъ дѣтей-школьниковъ, мальчика и дѣвочку. Я предупредилъ родителей и знаете, что они мнѣ отвѣтили? „Чего-жь вы хотите, г. священникъ! Вѣдь не мы научили ихъ этимъ гадостямъ; мы ничего не можемъ подѣлать!"—Вотъ, сударь, и ваша служанка поступила какъ другія.

Но баронъ, которымъ овладѣла нервная дрожь, прервалъ его:

— Она! Что мнѣ до нее за дѣло! Меня возмущаетъ Жюльенъ! Вѣдь это безчестно, что онъ сдѣлалъ, и я хочу увезти отсюда мою дочь.—Онъ ходилъ взадъ и впередъ все болѣе горячась и раздражаясь.—Это позорно, позорно такъ обмануть мою дочь Онъ подлецъ; этотъ человѣкъ—негодяй, мерзавецъ, я скажу ему это, я ему дамъ пощечину, я его палкой убью.

Но священникъ, который потихоньку втягивалъ въ носъ понюшку табаку, отвернувшись отъ плачущей баронессы, выжидалъ только случая выступить въ качествѣ миротворца и вновь заговорилъ:

— Позвольте, г. баронъ, между нами будь сказано, все это въ порядкѣ вещей. Много ли вы знаете вѣрныхъ мужей? Послушайте,—прибавилъ онъ съ добродушнымъ лукавствомъ,—я держу пари, что вы и сами продѣлывали подобныя штуки. Скажите, положа руку на сердце, развѣ это не правда?

Баронъ, захваченный врасплохъ, остановился передъ священникомъ, который продолжалъ:

— Да, и вы поступали, какъ другіе. Я вамъ говорю, что такъ поступаетъ весь свѣтъ. Вѣдь ваша жена не была отъ этого не менѣе любима, не менѣе счастлива, не такъ ли?

Разстроенный, баронъ не шевелился.

Да, это была правда и онъ поступалъ такъ же и даже часто, какъ только представлялся для этого удобный случай. И онъ не съ бо̀льшимъ уваженіемъ относился къ семейному кро̀ву и не пренебрегалъ служанками своей жены, когда онѣ были красивы. Былъ ли онъ, вслѣдствіе этого, негодяемъ? Почему же онъ такъ строго осуждаетъ поведеніе Жюльена, между тѣмъ какъ никогда не подумалъ, что и его собственное было достойно осужденія?

У баронессы, еще запыхавшейся отъ рыданій, появилась на губахъ тѣнь улыбки при воспоминаніи о шалостяхъ ея мужа. Она принадлежала къ тѣмъ сантиментальнымъ, легко смягчающимся и благосклоннымъ людямъ, для которыхъ любовныя похожденія являются частью существованія.

Жанна въ изнеможеніи, устремивъ впередъ открытые глаза и безсильно опустивъ руки, лежала на спинѣ, погруженная въ печальныя думы. Ей вспоминались слова Розаліи, которыя терзали ей душу и, точно буравъ, сверлили сердце: „А я... я отдалась ему, потому что находила его такимъ пріятнымъ“. Она вѣдь тоже нашла его пріятнымъ и единственно поэтому отдалась ему, соединилась съ нимъ на

всю жизнь, отрѣшилась отъ всякой надежды, всякихъ видовъ на будущее, отъ всей прелести неизвѣстности завтрашняго дня! И она впала въ это супружество, эту безбрежную, лишенную выхода, пропасть, въ это бѣдствіе, эту грусть, это отчаяніе, только потому, что, какъ Розалія, нашла его пріятнымъ.

Дверь отворилась подъ бѣшенымъ толчкомъ и вошелъ разъяренный Жюльенъ. Онъ увидалъ на лѣстницѣ плачущую Розалію и пришелъ узнать, что случилось, понимая, что что-то замышляется и желая знать, что имъ сказала служанка. Видъ священника приковалъ его къ мѣсту.

— Что здѣсь? Что тутъ такое?—спросилъ онъ дрожащимъ, но спокойнымъ голосомъ.

Баронъ, за минуту такъ горячившійся, не осмѣлился ничего сказать, помня наставленія священника и свое собственное прошлое, вызванное въ его памяти поступкомъ зятя. Мама зарыдала сильнѣе. Жанна поднялась на рукахъ и задыхаясь смотрѣла на того, кто заставилъ ее такъ жестоко страдать. Она пробормотала:

— Мы знаемъ теперь все, все... всѣ ваши подлости съ того самаго дня, какъ вы вступили въ этотъ домъ... Знаемъ, что ребенокъ этой служанки отъ васъ, точно также какъ и мой... они будутъ братья...—Надломленная скорбью, охватившею ее при этой мысли, она опустилась на простыни и отчаянно зарыдала.

Онъ остановился въ остолбенѣніи, не зная что говорить и что дѣлать. Священникъ заговорилъ снова:

— Ничего, ничего, молодая барынька, не нужно всѣмъ этимъ огорчаться, будьте разсудительны.

Онъ поднялся, подошелъ къ постели и положилъ свою теплую руку на лобъ этой отчаявшейся. Это простое прикосновеніе странно ее успокоило, она тотчасъ же почув-

ствовала истому, точно эта сильная, грубая рука, привычная къ жестамъ отпущенія, къ утѣшающимъ и укрѣпляющимъ ласкамъ, однимъ своимъ прикосновеніемъ принесла ей таинственное успокоеніе.

Добрый старикъ, стоя передъ ней, продолжалъ:

— Сударыня, нужно всегда прощать. Васъ посѣтило большое горе, но Господь, по милосердію своему, вознаградилъ васъ за него великимъ счастьемъ: вы готовитесь быть матерью. Этотъ ребенокъ будетъ вашимъ утѣшеніемъ. Во имя его я умоляю васъ, заклинаю вамъ простить грѣхъ г. Жюльена. Это послужитъ новою связью между вами, залогомъ его будущей вѣрности. Развѣ можете вы изгнать изъ своего сердца того, чье дитя вы носите подъ сердцемъ?

Она не отвѣчала, истомленная, разбитая, подавленная горемъ; у ней не оставалось силъ ни для гнѣва, ни для злопамятности. Ея нервы, казалось, ослабли, были надорваны; она чувствовала себя едва живою.

Баронесса, которой казалось невозможною всякая злопамятность и душа которой была неспособна къ продолжительному чувству, прошептала:

— Ну, такъ какъ же, Жанна?

Тогда священникъ, взявъ руку молодого человѣка, притянулъ его къ постели и вложилъ ее въ руку его жены. Онъ потихоньку похлопалъ по нимъ, какъ бы для того, чтобы соединить ихъ окончательно, и, оставивъ свой профессіональный тонъ проповѣдника, сказалъ съ довольнымъ видомъ:

— Ну, вотъ и кончено! Повѣрьте, что такъ будетъ лучше.

Потомъ, когда ихъ руки, на мгновеніе соединившіяся, снова разошлись, Жюльенъ, не осмѣлившись обнять жену, поцѣловалъ въ лобъ тещу и, повернувшись на каблукахъ, взялъ за руку барона, который охотно послѣдовалъ за нимъ,

весьма довольный тѣмъ, что дѣло улажено. Они вмѣстѣ вышли выкурить сигару, а въ конецъ измученная больная задремала подъ тихіе голоса священника и мамы.

Священникъ говорилъ, излагая и поясняя свои мысли, а баронесса каждый разъ сочувственно кивала головой. Наконецъ, въ заключеніе онъ сказалъ:

— Итакъ, это рѣшено, вы даете этой дѣвушкѣ ферму въ Барвиллѣ, а я берусь найти ей въ мужья хорошаго, честнаго малаго. О, съ приданымъ въ двадцать тысячъ франковъ мы не будемъ имѣть недостатка въ желающихъ! Мы только будемъ затрудняться въ выборѣ.

Баронесса, счастливая, уже улыбалась, съ двумя слезинками, оставшимися на щекахъ, влажный слѣдъ которыхъ уже высохъ. Она повторяла:

— Это рѣшено, Барвилль стоитъ по меньшей мѣрѣ двадцать тысячъ франковъ, но его слѣдуетъ записать на имя ребенка, а родители будутъ владѣть имъ пожизненно.

И священникъ всталъ, пожавъ мамашѣ руку.

— Не безпокойтесь больше, г-жа баронесса, не безпокойтесь! Я увѣренъ, что все пойдетъ на ладъ.

При выходѣ имъ встрѣтилась тетя Лизонъ, которая шла къ больной. Она ничего не замѣтила, ей ничего не сказали и она, какъ всегда, ничего не знала.

VIII.

Розалія покинула домъ и для Жанны наступилъ печальный періодъ ея беременности. Она не чувствовала на сердцѣ никакой радости, готовясь сдѣлаться матерью,—такъ она была изнурена своими страданіями. Она ожидала появленія своего ребенка безъ всякаго любопытства все еще подавленная смутными предчувствіями неопредѣленныхъ несчастій.

Незамѣтно приближалась весна. Обнаженныя деревья трепетали подъ дуновеніемъ еще свѣжаго вѣтра, но во влажной травѣ канавъ, гдѣ перегнивали осенніе листья, уже показывались желтыя буквицы. Со всей равнины, со дворовъ фермъ, съ размякшихъ полей поднимался запахъ сырости, броженія. Цѣлыя полчища маленькихъ зеленыхъ точекъ показались изъ темной земли, блистая подъ солнечными лучами.

Толстая женщина богатырскаго сложенія заступила мѣсто Розаліи и поддерживала баронессу во время ея монотонныхъ прогулокъ вдоль по аллеѣ, по которой ея еще болѣе отяжелѣвшая, волочившаяся нога оставляла сырой и грязный слѣдъ. Папа велъ подъ руку Жанну, теперь тоже отяжелѣвшую и постоянно больную; тетя Лизонъ, безпокойная, озабоченная предстоящимъ событіемъ, поддерживала ее подъ руку съ другой стороны, смущенная этой тайной, которую ей никогда не суждено было узнать.

Такимъ образомъ они ходили по цѣлымъ часамъ, почти не разговаривая, между тѣмъ какъ Жюльенъ рыскалъ верхомъ по окрестностямъ. Это была новая причуда, внезапно имъ овладѣвшая.

Ничто не нарушало теченія ихъ унылой, однообразной жизни. Баронъ, его жена и виконтъ сдѣлали визитъ Фурвиллямъ, съ которыми Жюльенъ, казалось, былъ очень близокъ, хотя и не извѣстно было какъ и когда онъ съ ними познакомился. Обмѣнялись еще однимъ церемоннымъ визитомъ съ Бризевиллями, безвыѣздно жившими въ ихъ сонномъ замкѣ.

Однажды послѣ полудня, около четырехъ часовъ, двое верховыхъ—мужчина и дама—рысью въѣхали на дворъ передъ замкомъ. Жюльенъ, очень оживленный, вбѣжалъ въ комнату Жанны.

— Скорѣй, скорѣй иди внизъ. Тамъ Фурвилли. Они пріѣхали по-сосѣдски, запросто, зная о твоемъ положеніи. Скажи, что я вышелъ, но скоро вернусь. Я немножко переодѣнусь.

Жанна, удивленная, спустилась внизъ. Молодая, красивая и блѣдная женщина, съ грустнымъ лицомъ и возбужденными глазами, съ матово-бѣлокурыми волосами, которыхъ солнечный лучъ, казалось, никогда не ласкалъ, спокойно представила своего мужа, неуклюжаго гиганта, съ огромными рыжими усами. Затѣмъ она сказала:

— Мы имѣли удовольствіе нѣсколько разъ встрѣтить г. Ламара. Узнавъ отъ него, что вы нездоровы, мы поспѣшили пріѣхать васъ провѣдать, безъ церемоніи, по-сосѣдски. Впрочемъ, вы сами это видите, такъ какъ мы верхомъ. Къ тому же мы имѣли на дняхъ удовольствіе видѣть у себя вашу матушку и г. барона".

Она говорила свободно, весело, просто и изящно. Жанна была плѣнена ею и сразу ее полюбила. „Вотъ другъ", подумала она.

Графъ же Фурвилль напротивъ былъ похожъ на медвѣдя, вошедшаго въ салонъ. Усѣвшись, онъ положилъ свою шляпу на сосѣдній стулъ и нѣкоторое время не зналъ, что дѣлать съ своими руками; онъ сначала оперся ими о колѣни, потомъ о ручки креселъ и, наконецъ, сложилъ пальцы, какъ для молитвы.

Вдругъ вошелъ Жюльенъ. Пораженная Жанна не узнавала его. Онъ обрился, онъ былъ красивъ, изященъ и привлекателенъ, какъ во дни ихъ жениховства.

Онъ пожалъ волосатую лапу графа, который, казалось, пробудился съ его приходомъ, и поцѣловалъ руку графини, матовыя щеки которой слегка зарумянились и вѣки которой вздрогнули.

Онъ разговорился и снова сдѣлался любезенъ, какъ въ былое время. Его большіе глаза, какъ зеркала любви, вновь засвѣтились лаской, а волоса, передъ тѣмъ тусклые и жесткіе, снова, благодаря щеткѣ и душистому маслу, стали мягкими, блестящими и волнистыми.

Когда Фурвилли собрались уѣзжать, графиня обратилась къ нему:

— Не хотите ли, дорогой виконтъ, въ четвергъ прокатиться верхомъ?

А когда онъ, поклонившись, проговорилъ: — О, конечно, сударыня,—она взяла Жанну за руку и сказала ей, ласково улыбаясь, нѣжнымъ и полнымъ участія голосомъ:

— О, когда вы будете здоровы, мы втроемъ будемъ скакать по окрестностямъ! Это будетъ восхитительно, не правда ли?

Свободнымъ движеніемъ она подняла шлейфъ своей амазонки и, съ легкостью птицы, вспрыгнула на сѣдло, между тѣмъ какъ ея мужъ, неловко раскланявшись, сѣлъ на свою огромную нормандскую лошадь, держась на ней твердо, какъ центавръ.

Когда они завернули за ограду, Жюльенъ, казавшійся восхищеннымъ, вскричалъ:

— Какіе милые люди! Вотъ знакомство, которое намъ будетъ полезно.

Жанна, тоже довольная, сама не зная почему, отвѣчала:

— Маленькая графиня восхитительна, я чувствую, что ее полюблю, но ея мужъ похожъ на животное. Гдѣ же ты съ ними познакомился?

Онъ весело потиралъ руки.

— Я ихъ случайно встрѣтилъ у Бризевиллей. Мужъ, кажется, немного грубоватъ. Онъ страстный охотникъ, но настоящій дворянинъ.

Обѣдъ прошелъ почти весело, точно скрытое счастіе вошло въ домъ.

До послѣднихъ чиселъ іюля не случилось ничего новаго.

Какъ-то во вторникъ вечеромъ, когда они сидѣли подъ платаномъ, вокругъ деревяннаго стола, на которомъ стояли два стаканчика и графинъ съ водкой, Жанна внезапно вскрикнула и, сильно поблѣднѣвъ, схватилась обѣими руками за животъ. Она внезапно почувствовала сильную, рѣзкую боль, которая быстро по ней пробѣжала и тотчасъ же прошла. Но черезъ десять минутъ появилась другая схватка, болѣе продолжительная, хотя не такая сильная. Жанна съ большимъ трудомъ добралась до дому, почти на рукахъ отца и мужа.

Короткая дорога отъ платана до ея комнаты казалась ей нескончаемою; она невольно стонала, просила, чтобъ ее посадили, останавливалась, мучимая нестерпимымъ чувствомъ тяжести въ животѣ.

Это было преждевременно,—роды ожидались не ранѣе сентября; но такъ какъ опасались какого-нибудь несчастія, то заложили одноколку и дядя Симонъ поскакалъ за врачомъ. Онъ явился къ полуночи и съ перваго взгляда опредѣлилъ симптоты преждевременныхъ родовъ.

Въ постели боли нѣсколько утихли, но Жанной овладѣла страшная тоска, она почувствовала полный упадокъ всѣхъ жизненныхъ силъ, что-то вродѣ предчувствія, таинственнаго прикосновенія смерти. Бываютъ моменты, когда смерть проходитъ мимо насъ такъ близко, что ея дыханіе леденитъ намъ сердце. Комната была полна народу. Мамаша задыхалась, опустившись въ кресло. Баронъ, руки котораго дрожали, бѣгалъ изъ стороны въ сторону, приносилъ разныя вещи, совѣтовался съ врачомъ и окончательно растерялся. Жюльенъ ходилъ взадъ и впередъ съ озабоченнымъ

видомъ, но внутренно спокойный; въ ногахъ постели стояла вдова Дентю съ видомъ опытной женщины, которую ничто не удивляетъ. Сидѣлка, повивальная бабка и читальщица надъ мертвыми, встрѣчавшая тѣхъ, которые являлись въ міръ, унимавшая ихъ первый крикъ, обмывавшая въ первый разъ ихъ новорожденное тѣло, одѣвавшая ихъ въ первыя пеленки, а потомъ съ тѣмъ же самымъ спокойствіемъ выслушивавшая послѣднее слово, послѣдній хрипъ, послѣднее содроганіе умирающихъ, въ послѣдній разъ одѣвавшая ихъ, обтиравшая губкой съ уксусомъ ихъ изношенное тѣло, надѣвавшая на нихъ саванъ,—оставалась невозмутимо равнодушной во всѣхъ случаяхъ рожденія и смерти.

Кухарка Людовина и тетя Лизонъ скромно прятались за дверью передней.

Больная время отъ времени тихо стонала.

Въ продолженіе двухъ часовъ думали, что исходъ наступитъ не скоро, но къ разсвѣту боли вдругъ жестоко усилились и скоро сдѣлались нестерпимыми.

Жанна, испуская сквозь стиснутые зубы невольные крики, не переставала думать о Розаліи, которая вовсе не страдала и почти не стонала, ребенокъ которой, незаконный ребенокъ, явился на свѣтъ легко и безъ мученій. Въ своей несчастной и смущенной душѣ она безпрестанно дѣлала сравненія между собою и ей и проклинала Бога, въ справедливость котораго такъ вѣрила; она негодовала на несправедливое предпочтеніе судьбы и преступную ложь тѣхъ, которые проповѣдуютъ добро и справедливость.

По временамъ мученія дѣлались до того нестерпимыми, что она теряла сознаніе. У ней, казалось, оставалось силъ, жизни и сознанія только для страданія.

Въ минуты облегченія она не могла оторвать своихъ глазъ отъ Жюльена и ее начинала терзать другая боль,

боль души при воспоминанiи о томъ днѣ, когда ея служанка упала у этой самой постели, съ ребенкомъ въ ногахъ—братомъ того, который такъ жестоко раздиралъ ея внутренности.

Она ясно припоминала всѣ жесты, всѣ движенiя, всѣ слова своего мужа передъ этой распростертой дѣвушкой; теперь она читала въ его душѣ, какъ будто думы его сказывались въ его движенiяхъ; и находила ту же скуку, то же равнодушiе къ ней, какъ и къ Розалiи, тоже безпокойство мужчины эгоиста, раздраженнаго сознанiемъ того, что онъ отецъ.

Но съ ней снова сдѣлались конвульсiи и такiе жестокiе спазмы, что она подумала: „я умру, умираю“.

Тогда ея душу охватило бѣшеное возмущенiе, потребность проклинать и отчаянная злоба и къ этому погубившему ее человѣку, и къ неизвѣстному ребенку, который ее убивалъ.

Она вытянулась, сдѣлала сверхъестественное усилiе выбросить изъ себя это бремя. И вдругъ ей показалось, что ея внутренность быстро пустѣетъ и страданiе утихло.

Сидѣлка и докторъ, наклонившись надъ ней, что-то прибирали и вскорѣ подавленный звукъ, который она уже слышала, заставилъ ее вздрогнуть; потомъ жалобный плачъ, слабый пискъ новорожденнаго ребенка проникъ ей въ душу, въ сердце, въ ея бѣдное, измученное тѣло, и она безсознательнымъ жестомъ протянула къ нему свои руки. Это былъ въ ней радостный порывъ къ новому зарождавшемуся счастiю. Въ одну секунду она почувствовала себя освобожденною, умиротворенною, счастливою, какъ никогда. Тѣло и душа ея оживали. Она чувствовала себя матерью.

Она захотѣла узнать своего ребенка. У него не было ни

ногтей, ни волось, онъ родился преждевременно; но лишь только она увидала, какъ шевелится эта личинка, какъ она открываетъ ротъ, пищитъ, лишь только она дотронулась до этого измятаго гримасничавшаго недоноска, безмѣрная радость охватила ея душу. Она поняла, что она спасена, обезпечена отъ всякаго отчаянія, что теперь у ней есть то, что она можетъ любить такъ, чтобы забыть все остальное.

Съ тѣхъ поръ она была поглощена только одной мыслью о своемъ ребенкѣ. Она внезапно сдѣлалась фанатичной матерью, тѣмъ болѣе экзальтированной, чѣмъ болѣе она была разочарована въ своей любви, обманута въ своихъ надеждахъ. Для нея сдѣлалось необходимостью, чтобы колыбель постоянно стояла около ея постели, а когда она могла вставать, то по цѣлымъ днямъ просиживала у окна возлѣ легонькой люльки, которую она покачивала.

Она ревновала его къ кормилицѣ, и когда проголодавшійся ребенокъ протягивалъ свои ручонки къ толстой съ голубоватыми жилками груди кормилицы и припадалъ жадными губками къ темному морщинистому соску, она, блѣдная и трепещущая, смотрѣла на сильную, спокойную крестьянку съ безумнымъ желаніемъ вырвать у нея своего сына и исцарапать, изорвать когтями грудь, которую онъ такъ жадно сосалъ.

Затѣмъ она принялась сама вышивать для него изящные туалеты. Она наряжала его въ цѣлые облака кружевъ и наряжала въ великолѣпные чепчики. Она только о немъ и говорила Прерывала разговоръ, чтобы заставить любоваться пеленкой, баветкой или какою-нибудь особенно искусно вышитою лентой, не слушая ничего, что говорилось вокругъ; она приходила въ восхищеніе отъ тѣхъ ку-

сочковъ полотна, которые такъ старательно сшивала и, повертывая ихъ въ своихъ поднятыхъ рукахъ, чтобы лучше разсмотрѣть, спрашивала: „Не правда ли, онъ будетъ красивъ въ этомъ?“

Баронъ и мама улыбались этой неистовой нѣжности, но Жюльенъ, стѣсненный въ своихъ привычкахъ, потерявши съ появленіемъ этого крикливаго и всемогущаго тирана часть своего достоинства, какъ главы дома, безсознательно ревновалъ этого кусочка-человѣка, укравшаго его мѣсто въ домѣ, и постоянно повторялъ съ гнѣвомъ и нетерпѣніемъ: „Какъ она несносна съ своимъ мальчишкой!“

Она вскорѣ стала такъ поглощена этою любовью, что по цѣлымъ ночамъ просиживала у колыбели, наблюдая за сномъ малютки, и до того погружалась въ это страстное и болѣзненное созерцаніе, что совсѣмъ не знала покоя; она слабѣла, худѣла, начала кашлять и докторъ приказалъ удалить отъ нея сына.

Она сердилась, умоляла, плакала, но къ ея просьбамъ оставались глухи. Ребенка каждый вечеръ помѣщали около кормилицы и каждую ночь мать вставала, босая, и прикладывала ухо къ замочной скважинѣ, чтобы подслушать, покойно ли онъ спитъ, не проснулся ли и не нужно ли ему чего-нибудь.

Одинъ разъ, когда Жюльенъ, обѣдавшій у Фурвиллей, поздно возвратился домой, онъ засталъ ее въ такомъ положеніи и съ тѣхъ поръ ее стали запирать въ ея комнатѣ на ключъ, чтобы принудить ее не вставать по ночамъ.

Крестины были около конца августа. Крестнымъ отцомъ былъ баронъ, крестной матерью—тетя Лизонъ. Ребенокъ былъ названъ Пьеромъ Симономъ Полемъ. Домашніе стали его звать просто Полемъ.

Въ первыхъ числахъ сентября тетя Лизонъ незамѣтно

исчезла; ея отсутствія никто не замѣчалъ, также какъ и ея присутствія.

Однажды вечеромъ послѣ обѣда пришелъ кюре.

Онъ казался озабоченнымъ, точно у него была какая-нибудь тайна, и перекинувшись немногими незначащими словами, попросилъ баронесу и ея мужа удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора наединѣ.

Они прошли втроемъ медленными шагами почти до конца аллеи, оживленно разговаривая, между тѣмъ какъ Жюльенъ, оставшійся одинъ съ Жанной, удивлялся, негодовалъ и сердился на этотъ секретъ.

Онъ захотѣлъ проводить священника, который уже прощался, и они исчезли вмѣстѣ, направившись къ церкви, гдѣ уже звонили къ вечернѣ.

Становилось свѣжо, почти холодно и всѣ скоро вернулись въ гостиную. Всѣ уже немного дремали, когда Жюльенъ быстро вернулся, раскраснѣвшійся, съ негодующимъ видомъ.

Въ дверяхъ, несмотря на присутствіе Жанны, онъ закричалъ тестю и тещѣ:

— Вы, ей-Богу, съ ума сошли! Бросить двадцать тысячъ франковъ этой дѣвкѣ!—Никто не отвѣтилъ, такъ всѣ были поражены. Онъ продолжалъ кричать:—Нельзя быть настолько глупыми! Вы, значитъ, хотите оставить насъ безъ гроша?

Баронъ, сохраняя приличіе, пытался остановить его:

— Молчите! Подумайте, что вы говорите передъ вашею женой.

Но онъ въ изступленіи топалъ ногами:

— А мнѣ наплевать! Впрочемъ, она и сама все это знаетъ. Это воровство, ведущее къ ея же раззоренію.

Жанна, пораженная, смотрѣла, ничего не понимая.

— Что это значитъ?—бормотала она.

Но Жюльенъ обратился къ ней, призывая ее въ свидѣтельницы, какъ обманутую сообщницу въ ожидаемыхъ выгодахъ. Онъ быстро разсказалъ ей о намѣреніи выдать замужъ Розалію, о подаренной ей землѣ въ Барвиллѣ, которая по крайней мѣрѣ стоила двадцать тысячъ франковъ. Онъ повторялъ:

— Твои родители совершенно сумасшедшіе, моя милая, совершенно бѣшеные! Двадцать тысячъ франковъ, двадцать тысячъ! Они окончательно спятили! Двадцать тысячъ франковъ незаконному ребенку!

Жанна слушала безъ волненія и безъ гнѣва, сама удивляясь своему спокойствію, безучастная ко всему, что не касалось ея ребенка.

Баронъ задыхался, не находя что отвѣчать, и наконецъ, топнувъ ногою, закричалъ:

— Да подумайте же о томъ, что вы говорите! Это, наконецъ, возмутительно! По чьей винѣ нужно дать приданое этой родившей дѣвушкѣ? Отъ кого у нея этотъ ребенокъ? Теперь вы хотите его бросить на произволъ судьбы?

Жюльенъ, удивленный гнѣвомъ барона, пристально смотрѣлъ на него. Онъ отвѣчалъ болѣе хладнокровно:

— Но вѣдь достаточно и тысячи пятисотъ франковъ. Онѣ всѣ родятъ до своего замужества. Чей бы ни былъ ребенокъ, того или другого, это ничего не измѣняетъ. А отдавая ей одну изъ вашихъ фермъ, стоимостью въ двадцать тысячъ франковъ, кромѣ того убытка, который вы намъ причиняете, вы этимъ даете всѣмъ понять то, что здѣсь случилось. Вы, по крайней мѣрѣ, подумали бы о нашемъ имени и положеніи въ свѣтѣ.

Онъ говорилъ строгимъ тономъ человѣка, убѣжденнаго въ своей правотѣ и логичности своихъ разсужденій.

Баронъ, пораженный неожиданностью этой аргументаціи,

смотрѣлъ на него съ раскрытымъ ртомъ. Тогда Жюльенъ, почувствовавъ выгоду своего положенія, заключилъ:

— Къ счастію, ничего еще не сдѣлано, я знаю парня, который соглашается на ней жениться. Это славный малый и съ нимъ мы все дѣло уладимъ. Я за это берусь.

И онъ немедленно вышелъ, вѣроятно, боясь продолженія разговора и довольный всеобщимъ молчаніемъ, которое онъ принималъ за согласіе.

Когда онъ ушелъ, баронъ воскликнулъ внѣ себя отъ удивленія и негодованія:

— О, это уже слишкомъ, слишкомъ!

Но Жанна, поднявъ глаза на растерянную фигуру отца, неудержимо разсмѣялась тѣмъ искреннимъ смѣхомъ, который въ былое время являлся у нея, когда она присутствовала при чемъ-нибудь забавномъ. Она повторяла:

— Папа, папа, слышалъ ты какъ онъ произносилъ: двадцать тысячъ франковъ?

Мама, у которой веселость являлась также неожиданно, какъ и слезы, при воспоминаніи о взбѣшенномъ видѣ своего зятя, о его негодующихъ восклицаніяхъ, о его жестокомъ отказѣ отдать обольщенной имъ дѣвушкѣ не принадлежащія ему деньги, обрадованная веселостью Жанны, залилась своимъ удушливымъ смѣхомъ, вызвавшимъ слезы на ея глазахъ.

Отъ нихъ, въ свою очередь, заразился баронъ, и они всѣ трое, точно въ былые счастливые дни, хохотали до изнеможенія.

Когда они нѣсколько успокоились, Жанна сказала:

— Это удивительно, что все это теперь мнѣ совершенно безразлично. Я смотрю на него какъ на чужого. Мнѣ не вѣрится, что я его жена. Вы видите, меня забавляетъ его... его... его неделикатность.

И они, сами не зная почему, обнялись, смѣющіеся и растроганные.

Но два дня спустя, когда Жюльенъ послѣ завтрака уѣхалъ верхомъ, высокій парень двадцати двухъ или двадцати пяти лѣтъ, одѣтый въ совсѣмъ новую синюю блузу съ прямыми складками и пузырившимися рукавами, застегнутыми у кисти, крадучись перелѣзъ черезъ рѣшетку, точно онъ былъ тамъ заточенъ съ самаго утра, проползъ вдоль канавы со стороны Кульяровъ, обошелъ замокъ и неувѣренными шагами подошелъ къ барону и двумъ дамамъ, сидѣвшимъ подъ платаномъ.

Замѣтивъ ихъ, онъ снялъ фуражку и, проходя, сконфуженно кланялся. Приблизившись на столько, что его можно было слышать, онъ забормоталъ:

— Вашъ слуга, г. баронъ, сударыня и вся компанія.

Затѣмъ, видя, что никто ему не отвѣчаетъ, онъ прибавилъ:

— Это я, Дезире Лекокъ.

Его имя ничего имъ не объясняло и баронъ спросилъ:

— Что вамъ угодно?

Парень пришелъ въ замѣшательство передъ необходимостью объяснить свое дѣло. Онъ бормоталъ, переводя глаза то на крышу замка, то на свою фуражку, которую держалъ въ рукахъ.

— Г. кюре шепнулъ мнѣ пару словъ относительно этого дѣла...—и онъ замолчалъ, изъ боязни проболтаться и повредить своимъ интересамъ. Баронъ, ничего не понимая, спросилъ:

— Какого дѣла? Я, право, не знаю...

Тогда онъ, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Насчетъ Розаліи, вашей служанки.

Жанна, догадавшись въ чемъ дѣло, поднялась и ушла съ ребенкомъ на рукахъ.

— Пожалуйте сюда,—сказалъ баронъ, показывая ему на стулъ, оставленный дочерью.

Крестьянинъ тотчасъ сѣлъ, бормоча:

— Вы очень любезны.—Потомъ онъ замолчалъ, точно ему больше нечего было сказать. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, онъ наконецъ рѣшился и, поднявъ глаза къ голубому небу, сказалъ:

— Какая прекрасная погода по этой порѣ. Земля ею воспользуется для произращенія того, что въ ней посѣяно.—И онъ снова умолкъ.

Баронъ, начинавшій терять терпѣніе, быстро спросилъ его сухимъ тономъ:

— Итакъ, вы женитесь на Розаліи?

Парень тотчасъ же забезпокоился, какъ бы уличенный въ своемъ нормандскомъ лукавствѣ; почувствовавъ недовѣріе къ барону, онъ живо отвѣтилъ:

— Смотря по тому, можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Смотря по тому...

Эти увертки разсердили барона.

— Да отвѣчайте же откровенно, чортъ возьми. Вы за этимъ пришли, да или нѣтъ? Берете вы ее, да или нѣтъ?

Смутившійся парень, уже не поднимая глазъ, повторилъ:

— Если все такъ, какъ говорилъ г. кюре, то я ее беру, а если такъ, какъ говоритъ г. Жюльенъ, то я ее не беру.

— Что же вамъ сказалъ г. Жюльенъ?

— Г. Жюльенъ сказалъ, что мнѣ будетъ всего за это тысяча пятьсотъ франковъ, а г. кюре сказалъ, что двадцать тысячъ франковъ. Я согласенъ за двадцать тысячъ, но за тысячу пятьсотъ я ее не хочу.

Тогда баронесса, сидѣвшая въ своемъ креслѣ, глядя на смущенный видъ деревенскаго парня, расхохоталась, потихоньку вздрагивая. Онъ посмотрѣлъ на нее изподлобья, не-

довольнымъ взглядомъ, и замолчалъ, не понимая причины этой веселости. Баронъ, которому эта торговля была противна, коротко отвѣчалъ:

— Я сказалъ г. кюре, что вы получите ферму въ Барвиллѣ въ пожизненное владѣніе и что затѣмъ она перейдетъ ребенку. Она стоитъ двадцать тысячъ франковъ. Я не мѣняю своего слова. Согласны вы или нѣтъ?

Парень улыбался съ почтительнымъ и довольнымъ видомъ и вдругъ заговорилъ:

— О, если такъ, то я не отпираюсь... Меня только это и смущало. Когда г. кюре сказалъ мнѣ, я тотчасъ же согласился, чортъ возьми, и былъ очень радъ, что могу сдѣлать одолженіе г. барону, который въ долгу не останется. Вѣдь правда, если люди дѣлаютъ взаимное одолженіе, то другъ у друга въ долгу не остаются. Ну, а потомъ ко мнѣ пришелъ г. Жюльенъ и тутъ оказалось, что только тысяча пятьсотъ франковъ. Я и сказалъ себѣ: нужно, значитъ, разузнать,— вотъ я и пришелъ. Короче сказать, я вѣрилъ, но хотѣлъ удостовѣриться. Короткіе счеты, длинная дружба. Не правда ли, г. баронъ?

Пришлось его прервать и баронъ спросилъ: — Когда вы думаете съиграть свадьбу?

Парень опять смутился и, наконецъ, пробормоталъ:

— Не напишемъ ли сначала маленькую бумажку?

Баронъ взбѣсился:—Да вѣдь у васъ будетъ брачный контрактъ, чортъ возьми! Да это самая вѣрная бумага!

Крестьянинъ упирался:—А все-таки лучше бы сдѣлать бумажку съ самаго начала. Это вѣдь ничему не повредитъ.

Баронъ поднялся, чтобы положить этому конецъ.

— Отвѣчайте: да или нѣтъ, и все тутъ. Если не хотите, то говорите прямо. У меня еще есть желающій.

Тогда страхъ соперника испугалъ хитраго нормандца. Онъ всталъ и протянулъ руку, точно при покупкѣ коровы.

— По рукамъ, г. баронъ. Дѣло рѣшено, и провались тотъ, кто пойдетъ на попятную!

Баронъ хлопнулъ по рукамъ и закричалъ: „Людовина!"

Кухарка высунула голову изъ окошка.

— Принесите бутылку вина. — Они чокнулись, чтобы вспрыснуть совершонную сдѣлку. И парень ушелъ болѣе веселыми шагами.

Жюльену не говорили объ этомъ визитѣ. Контрактъ былъ приготовленъ въ большомъ секретѣ, затѣмъ послѣдовало оглашеніе, а въ понедѣльникъ утромъ состоялась свадьба.

Въ церкви сосѣдка держала ребенка позади новобрачныхъ, какъ залогъ вѣрнаго счастія. Въ околодкѣ никто этому не удивлялся, только завидовали Дезире Лекоку. „Онъ родился въ сорочкѣ", говорили съ лукавымъ смѣхомъ, но безъ всякой примѣси негодованія.

Жюльенъ сдѣлалъ ужасную сцену, сократившую время пребыванія его родственниковъ въ Тополяхъ. Жанна приняла ихъ отъѣздъ безъ особенно глубокой печали. Поль сдѣлался для нее неизсякаемымъ источникомъ счастія.

IX.

Когда Жанна совершенно оправилась отъ родовъ, она рѣшила отдать визитъ Фурвиллямъ и побывать также у маркиза де-Кутелье.

Жюльенъ купилъ на аукціонѣ новый экипажъ — фаэтонъ въ одну лошадь, для того, чтобъ имѣть возможность выѣзжать два раза въ мѣсяцъ.

Въ одинъ ясный декабрьскій день фаэтонъ былъ зало-

женъ и послѣ двухчасоваго пути по нормандскимъ равнинамъ они стали спускаться въ маленькую долину, края которой поросли лѣсомъ, а средина распахана.

Засѣянныя поля скоро смѣнились лугами, луга болотами, поросшими сухимъ камышомъ, шумѣвшимъ своими длинными листьями, похожими на желтыя ленты.

Вдругъ, при крутомъ поворотѣ, показался замокъ де-ля-Врилеттъ. Одна сторона его была обращена къ склону, поросшему лѣсомъ, а другая купалась въ большомъ пруду, окаймленномъ уступами лѣса высокихъ сосенъ, тянувшагося и по противоположному склону долины.

Приходилось проѣхать по старинному подъемному мосту и миновать обширный порталъ во вкусѣ Людовика XIII, чтобы проникнуть на парадный дворъ передъ элегантнымъ замкомъ въ томъ же стилѣ, окруженнымъ кирпичною оградой, украшенной по угламъ башенками, крытыми шиферомъ. Жюльенъ, хорошо знакомый съ замкомъ, объяснялъ Жаннѣ всѣ постройки. Онъ хвалилъ ихъ, восхищался ихъ красотою.

— Посмотри на этотъ порталъ! Гдѣ ты найдешь болѣе грандіозное сооруженіе, а? Другою стороной замокъ выходитъ на прудъ, въ который спускается ступенька царственнаго балкона; четыре лодки привязаны къ нимъ: двѣ для графа и двѣ для графини. Внизу, направо, тамъ, гдѣ ты видишь шпалеры тополей, кончается прудъ и беретъ начало рѣка, доходящая до Фекана. Этотъ лѣсъ полонъ дичи. Графъ любитъ въ немъ охотиться. Вотъ настоящая барская резиденція.

Парадная дверь отворилась и блѣдная графиня вышла навстрѣчу гостямъ, улыбающаяся и одѣтая въ платье со шлейфомъ, похожая на владѣтельницу стариннаго замка. Она напоминала прекрасную Даму Озера, рожденную для этого графскаго жилища.

Въ гостиной было восемь оконъ: четыре выходили на прудъ и четыре на мрачный еловый лѣсъ, разстилавшійся по скату.

Темная зелень придавала пруду видъ таинственный, глубокій и зловѣщій, а когда дулъ вѣтеръ, шумъ деревьевъ казался голосомъ, выходившимъ изъ болота.

Графиня протянула Жаннѣ обѣ руки, точно та была подругой ея дѣтства, потомъ усадила ее, сама помѣстившись около нея на низкомъ стулѣ, между тѣмъ какъ Жюльенъ, къ которому, казалось, вернулось все его прежнее изящество, болталъ и смѣялся мило и фамильярно. Графиня и онъ разговаривали объ ихъ прогулкахъ верхомъ. Она, подсмѣиваясь надъ его манерой сидѣть на лошади, называла его „кавалеромъ Спотыкателемъ", онъ тоже смѣялся, окрестивъ ее „Царицей амазонокъ".

Ружейный выстрѣлъ, раздавшійся подъ окнами, заставилъ Жанну вскрикнуть. Это графъ убивалъ чирка.

Жена тотчасъ же окликнула его. Послышался шумъ веселъ, ударъ челнока о камень и онъ вошелъ, огромный, въ большихъ сапогахъ, въ сопровожденіи двухъ мокрыхъ, рыжихъ какъ и онъ, собакъ, которыя улеглись на коврѣ передъ дверью.

Дома онъ казался болѣе свободнымъ и радъ былъ видѣть гостей. Онъ велѣлъ прибавить дровъ въ каминъ, принести мадеры, бисквитовъ и внезапно вскричалъ: „Но вы должны съ нами отобѣдать! Это рѣшено!" Жанна, которую никогда не покидала мысль о ребенкѣ, отказывалась, онъ настаивалъ, и такъ какъ она упорно стояла на своемъ, Жюльенъ сдѣлалъ рѣзкій и нетерпѣливый жестъ. Тогда, зная его придирчивый и безпокойный характеръ, она согласилась, хотя ее и сильно мучила мысль не видать Поля до завтрашняго дня.

Время послѣ полудня прошло прекрасно. Сначала пошли осмотрѣть ключи. Они пробивались у подножья покрытой мхомъ скалы и постоянно колыхались въ свѣтломъ бассейнѣ, какъ кипящая вода; потомъ катались на лодкѣ по настоящимъ дорогамъ, проложеннымъ въ лѣсу густого камыша. Графъ сидѣлъ между двухъ своихъ собакъ, принюхивавшихся, уставивъ носы по вѣтру; онъ гребъ, и каждый взмахъ его веселъ поднималъ большую лодку и выкидывалъ ее впередъ. Жанна по временамъ опускала руку въ холодную воду и радовалась ледяной свѣжести, пробѣгавшей отъ пальцевъ до самаго сердца.

На самой задней части лодки Жюльенъ и графиня, закутанная въ шали, улыбались улыбкой счастливыхъ людей, которымъ не хочется говорить отъ счастія.

Вечеромъ подулъ холодный вѣтерокъ, пробѣжавшій, какъ дыханіе сѣвера, по сухимъ камышамъ. Солнце сѣло за соснами и отъ одного взгляда на покраснѣвшее небо, испещренное багровыми, причудливыми облаками, становилось холодно.

Всѣ вернулись въ гостиную, гдѣ былъ разведенъ огромный огонь. Ощущеніе тепла и удовольствія сообщалось какъ только входили въ комнату.

Графъ, въ порывѣ веселости, схватилъ жену своими атлетическими руками, приподнялъ ее какъ ребенка къ своимъ губамъ и запечатлѣлъ на ея щекахъ два крѣпкихъ поцѣлуя честнаго и довольнаго человѣка.

Жанна улыбаясь смотрѣла на этого добраго великана, похожаго, благодаря своимъ усамъ, на настоящаго людоѣда, и думала: „Какъ намъ обо всѣхъ каждый день приходится ошибаться“.

Тогда, почти невольно, она перевела свои глаза на Жюльена. Она увидала его въ амбразурѣ окна страшно блѣднаго,

со взглядомъ, устремленнымъ на графа. Встревоженная, она подошла къ мужу и спросила тихимъ голосомъ: „Что съ тобой? Тебѣ нездоровится?“

Онъ отвѣтилъ съ раздраженіемъ: „Ничего, оставь меня въ покоѣ. Я только озябъ немного“.

Когда прошли въ столовую, графъ попросилъ позволенія впустить своихъ собакъ, которыя тотчасъ же пришли и усѣлись направо и налѣво отъ своего хозяина. Онъ поминутно кидалъ имъ кусочекъ чего-нибудь и ласкалъ ихъ длинныя шелковистыя уши. Собаки протягивали голову, махали хвостами, дрожали отъ удовольствія.

Послѣ обѣда, когда Жанна и Жюльенъ собрались ѣхать, г-нъ Фурвилль ихъ удержалъ, чтобы показать имъ еще рыбную ловлю при факелахъ.

Онъ помѣстилъ ихъ съ графиней на террасѣ, которая спускалась въ прудъ, а самъ сѣлъ въ свою лодку съ слугой, державшимъ сѣть и зажженный факелъ. Ночь была ясная и прохладная подъ усыпаннымъ звѣздами небомъ.

По водѣ ползли колеблющіяся и странныя полосы свѣта отъ факела, бросая двигающіяся пятна свѣта на тростникъ и освѣщая стѣну еловаго лѣса. И вдругъ, при поворотѣ лодки, колоссальная фантастическая человѣческая тѣнь отразилась на этой освѣщенной опушкѣ лѣса. Голова поднималась выше деревьевъ, теряясь въ небѣ, а ноги окунались въ воду. Потомъ несообразное существо простерло руки кверху, какъ бы для того, чтобы схватить звѣзды. Онѣ вдругъ поднялись—эти огромныя руки, потомъ опустились и тотчасъ же послышался звукъ ударовъ по водѣ

Лодка опять слегка свернула въ сторону и уродливое привидѣніе, казалось, побѣжало вдоль лѣса, который при поворотѣ освѣтился свѣтомъ факела; потомъ онъ углубился въ невидимый горизонтъ, потомъ вдругъ снова появился на

фасадѣ замка съ своими странными движеніями, менѣе огромный, но болѣе отчетливый.

И послышался низкій голосъ графа: „У меня ихъ восемь, Жильберта!"

Весла ударяли по водѣ. Теперь огромная тѣнь стояла неподвижно на стѣнѣ, понемногу уменьшаясь въ ростѣ и ширинѣ. Голова, казалось, опускалась, а тѣло худѣло, и когда г-нъ Фурвилль вошелъ по ступенькамъ на террасу, сопровождаемый слугой, который несъ огонь, она приняла его точные размѣры и повторяла всѣ его движенія.

У него въ сѣткѣ было восемь трепещущихъ рыбъ.

Когда закутанные въ данные имъ шали и плащи супруги пустились въ обратный путь, Жанна почти невольно сказала:

— Какой славный этотъ великанъ!

Жюльенъ, который правилъ, отвѣчалъ:

— Да, но онъ недостаточно сдержанъ въ обществѣ.

Восемь дней спустя они отправились къ Кутелье, которые слыли за самое именитое семейство въ околодкѣ. Ихъ помѣстье Реминиль простиралось до бугра Кани. Новый замокъ, выстроенный при Людовикѣ XIV, скрывался въ прекрасномъ паркѣ, обнесенномъ стѣной. На возвышеніи виднѣлись развалины стараго замка. Лакеи въ ливреяхъ провели гостей въ большую величественную залу. Въ самой серединѣ стояло что-то вродѣ колонны, на которой была поставлена большая чаша Севрскаго производства. Въ подставкѣ за хрустальною рамой было вдѣлано собственноручное письмо царя, предлагавшее Леопольду де-Варневилль де-Роллебозъ де-Кутелье принять этотъ подарокъ отъ самодержца.

Жанна и Жюльенъ разсматривали этотъ царскій даръ, когда вошли маркизъ съ маркизой. Маркиза была напуд-

рена, по обязанности любезна и жеманна вслѣдствіе желанія казаться снисходительной. Мужъ ея, толстый господинъ со стоящими щетиной сѣдыми волосами, былъ высокомѣренъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, въ голосѣ, въ обращеніи, чѣмъ доказывалъ свою важность.

Они были изъ тѣхъ людей, у которыхъ чувства и рѣчи всегда казались какъ бы на ходуляхъ.

Они одни говорили, не дожидаясь отвѣтовъ, улыбались съ равнодушнымъ видомъ, и казались всегда занятыми наложенной ихъ происхожденіемъ обязанностью учтиво принимать окрестное мелкое дворянство.

Смущенные Жанна и Жюльенъ старались понравиться, но чувствовали неловкость, стѣснялись долѣе оставаться и не знали какъ уйти. Но маркиза сама дала понять, что визитъ оконченъ, просто и естественно прекративъ во-время разговоръ, какъ учтивая королева, которая отпускаетъ своихъ гостей.

По дорогѣ домой Жюльенъ замѣтилъ женѣ:—Если хочешь, мы этимъ ограничимъ свои визиты. Съ меня достаточно Фурвиллей.—Жанна согласилась съ нимъ.

Медленно тянулся декабрь, этотъ мрачный мѣсяцъ, эта темная дыра въ концѣ года. Замкнутая жизнь начиналась снова, какъ и въ прошломъ году. Впрочемъ, Жанна не скучала, такъ какъ постоянно занята была Полемъ, на котораго Жюльенъ взглядывалъ искоса озабоченнымъ и недовольнымъ окомъ.

Часто, держа его въ рукахъ, мать цѣловала его съ тою порывистою нѣжностью, которую часто испытываютъ матери по отношенію къ своимъ дѣтямъ, и иногда, поднося его къ отцу, говорила:—Да поцѣлуй же его. Подумаешь, что ты его не любишь!—Онъ тогда съ видимымъ отвращеніемъ едва прикасался губами безволосаго лба мальчика, выгибаясь

всѣмъ тѣломъ, чтобы не встрѣтить маленькихъ цѣплявшихся ручонокъ. Потомъ онъ быстро уходилъ; можно было подумать, что чувство отвращенія его отгоняло отъ сына.

Докторъ, кюре и меръ изрѣдка приходили обѣдать, бывали и Фурвилли, съ которыми все болѣе и болѣе сближались.

Графъ, казалось, обожалъ Поля. Во время своихъ визитовъ онъ не спускалъ его съ своихъ колѣнъ, а иногда и цѣлые дни проводилъ съ нимъ. Онъ осторожно бралъ его въ свои громадныя руки, щекоталъ ему носъ кончикомъ своихъ усовъ, потомъ, подобно матерямъ, страстно цѣловалъ его. Онъ постоянно страдалъ отъ того, что бракъ его былъ бездѣтенъ.

Мартъ наступилъ сухой, свѣтлый и почти теплый. Графиня Жильберта возобновила разговоры о прогулкахъ верхомъ, которыя теперь могли состояться вчетверомъ. Жанна, которой надоѣли длинные вечера, длинныя ночи, длинные однообразные дни, съ радостью согласилась на эти планы, и въ продолженіе недѣли она забавлялась тѣмъ, что сама шила себѣ амазонку.

Начались прогулки. Они всегда ѣздили въ двѣ пары: впереди графиня и Жюльенъ, а шаговъ на сто позади графъ и Жанна. Эти спокойно разговаривали, какъ два друга. Дружба ихъ была основана на сближеніи ихъ прямыхъ душъ, ихъ простодушныхъ сердецъ. Первые разговаривали иногда тихо, иногда порывисто смѣялись, часто взглядывали другъ на друга, какъ будто хотѣли глазами сказать другъ другу то, что нельзя было сказать словами; и внезапно принимались скакать, какъ будто ихъ гнало желаніе убѣжать дальше, дальше.

Жильберта все становилась раздражительнѣе. Ея живой, рѣзкій голосъ, приносимый порывами вѣтра, долеталъ иногда до слуха отставшихъ всадника и всадницы. Тогда графъ

улыбался и говорилъ Жаннѣ: — Она не всегда въ духѣ, моя жена.

Разъ вечеромъ, возвращаясь, графиня стала раздражать свою кобылу, то пришпоривая ее, то порывисто останавливая. Нѣсколько разъ слышенъ былъ голосъ Жюльена, повторявшій: — Осторожнѣе, осторожнѣе же, она васъ можетъ понести.—Она отвѣчала: „Тѣмъ хуже, это не ваше дѣло“, такимъ яснымъ и жесткимъ голосомъ, что слова отчетливо пронеслись по полю, какъ будто оставшись въ воздухѣ.

Лошадь взвивалась, била, обливалась пѣной. Вдругъ графъ, встревожившись, крикнулъ изо всѣхъ силъ своихъ здоровыхъ легкихъ: „Смотри берегись, Жильберта“! Тогда, какъ бы на зло, въ припадкѣ каприза женщины, которую ничто не можетъ остановить, она грубо ударила хлыстомъ животное между ушами. Лошадь взбѣшенная взвилась, нѣсколько разъ взмахнула передними ногами въ воздухѣ и, вновь коснувшись земли, страшнымъ прыжкомъ кинулась впередъ и изо всѣхъ силъ своихъ ногъ поскакала вдоль равнины.

Она пронеслась сперва по лугу, потомъ бросилась по пашнѣ, поднимая, какъ пыль, сырую и жирную землю. Она летѣла съ такою быстротой, что вскорѣ едва можно было различить лошадь и всадницу.

Ошеломленный Жюльенъ стоялъ на мѣстѣ, отчаянно взывая:

— Сударыня, сударыня!

Но графъ испустилъ что-то вродѣ рычанія, склонился надъ гривой своего тяжелаго коня и, подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, пустилъ его такимъ аллюромъ, понукая, погоняя, побуждая голосомъ, движеніями и шпорами, что казалось будто огромный всадникъ несетъ между ногами грузное животное и поднимаетъ его вверхъ, собираясь летѣть.

Они неслись съ невообразимою быстротой, стремясь все впередъ, и Жанна видѣла вдали, какъ силуэты жены и мужа удалялись, удалялись, уменьшались, уничтожались, исчезали, точно передъ ней были двѣ птицы, догонявшія другъ друга и скрывавшіяся за горизонтомъ.

Жюльенъ подъѣхалъ шагомъ, проговоривъ взбѣшеннымъ голосомъ:

— Она должно-быть сегодня съ ума сошла.

И они поѣхали сзади своихъ друзей, спустившись въ это время въ углубленіе равнины.

Черезъ четверть часа они увидали, что тѣ возвращаются, и присоединились къ нимъ.

Графъ, красный, потный, смѣющійся, довольный и торжествующій, держалъ могучею рукой дрожавшую лошадь своей жены. Она была блѣдна, съ печальнымъ и нахмуреннымъ лицомъ и точно въ изнеможеніи придерживалась рукой за плечо своего мужа.

Жанна въ этотъ день поняла, что графъ любитъ безумно.

Въ теченіе всего слѣдующаго мѣсяца графиня казалась веселою, какъ никогда. Она чаще появлялась въ Тополяхъ, смѣялась безъ умолку и обнимала Жанну въ порывахъ нѣжности. Казалось, что какое-то таинственное очарованіе наполняло всю ея жизнь. Ея мужъ, самъ казавшійся вполнѣ счастливымъ, не спускалъ съ нея глазъ и ежеминутно старался въ порывѣ страсти притронуться къ ея рукѣ или ея платью.

Однажды вечеромъ онъ сказалъ Жаннѣ:

— Въ настоящее время мы счастливы. Никогда Жильберта не была такъ мила, какъ теперь. У ней больше не является ни дурного настроенія, ни гнѣва. Я чувствую, что она меня любитъ. Раньше я не былъ въ этомъ увѣренъ.

Жюльенъ тоже казался измѣнившимся: веселѣе, терпѣ-

ливѣе, какъ будто дружба двухъ семей въ каждую изъ нихъ внесла миръ и радость. Весна наступила исключительно ранняя и теплая.

Начиная съ мягкаго утра вплоть до тихаго и теплаго вечера солнце вызывало къ жизни всю поверхность земли. Это былъ быстрый и могучій разцвѣтъ всѣхъ зародышей, неудержимый напоръ соковъ, одинъ изъ тѣхъ приливовъ производительной силы, который появляется въ рѣдкіе, исключительные годы, заставляя думать, что природа помолодѣла.

Жанна чувствовала себя смутно тревожимою этимъ броженіемъ жизни. При взглядѣ на маленькіе цвѣты, прятавшіеся въ травѣ, на нее внезапно находила какая-то истома, отрадная грусть, минуты нѣжной мечтательности. Она почувствовала, что въ ней воскресаютъ нѣжныя воспоминанія о первыхъ дняхъ любви. Не то, чтобы возвратилось прежнее чувство ея къ Жюльену, — нѣтъ, съ этимъ было покончено, покончено навсегда, — но все ея тѣло, ласкаемое вѣтеркомъ, пронизываемое благоуханіемъ весны, волновалось, безпокоемое какимъ-то невидимымъ и нѣжнымъ призывомъ.

Ей нравилось быть одной, оставаться подъ горячими лучами солнца, предаваясь ощущеніямъ смутной и тихой радости, не вызывавшей никакихъ мыслей.

Однажды утромъ, когда она дремала такимъ образомъ, ей, въ быстромъ видѣніи, представилось освѣщенное солнцемъ мѣстечко въ маленькомъ лѣсу близъ Этрета. Тамъ она впервые почувствовала дрожь, пробѣжавшую по всему тѣлу вблизи того молодого человѣка, который тогда ее любилъ, тамъ онъ ей первый разъ пролепеталъ робкія желанія своего сердца, тамъ она была вдругъ охвачена лучезарными надеждами на будущее. И ей захотѣлось еще разъ повидать этотъ лѣсъ, сходить туда для какого-то суевѣрнаго

и сантиментальнаго поклоненія, точно возвратъ на это мѣсто могъ что-нибудь измѣнить въ теченіи ея жизни.

Жюльенъ ушелъ съ разсвѣта, а куда—она не знала. Она велѣла осѣдлать себѣ маленькую бѣлую лошадь Мартеновъ, на которой иногда ѣздила, и отправилась.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ тихихъ дней, когда нѣтъ шелеста ни травы, ни листьевъ и все будто замерло на вѣки, даже самый вѣтеръ. Насѣкомыя какъ будто исчезли.

Солнце золотистою дымкой незамѣтно изливало на землю свой царственный и знойный покой, и Жанна ѣхала шагомъ на своей лошадкѣ, убаюканная и счастливая. Время отъ времени она поднимала вверхъ глаза, чтобы полюбоваться, посмотрѣть на маленькое бѣлое облачко, пышное, точно растрепанная вата, клубъ висѣвшаго въ воздухѣ пара, забытаго, оставшагося въ вышинѣ среди голубого неба.

Она направилась по равнинѣ, простиравшейся къ морю, между арками огромныхъ утесовъ, называемыхъ воротами Этрета, и тихонько подъѣхала къ лѣсу. Искры свѣта сыпались сквозь мелкую зелень деревьевъ. Она отыскивала то мѣсто и не находила его, блуждая по маленькимъ тропинкамъ.

И вдругъ, пересѣкая длинную просѣку, она замѣтила двухъ осѣдланныхъ лошадей, привязанныхъ къ дереву и которыхъ она тотчасъ же узнала: это были лошади Жильберты и Жюльена. Одиночество начинало ее тяготить, она обрадовалась этой неожиданной встрѣчѣ и поѣхала рысью.

Подъѣхавъ къ двумъ терпѣливымъ животнымъ, привыкшимъ уже, казалось, къ подобнымъ долгимъ ожиданіямъ, она окликнула. Никто не отвѣчалъ.

Женская перчатка и два хлыста лежали на смятой травѣ. Значитъ, они сидѣли здѣсь, а потомъ ушли, оставивъ своихъ лошадей.

Она подождала четверть часа, двадцать минутъ, удивляясь, не понимая, что они могли тутъ дѣлать. Сойдя на землю, она не шевелилась, прислонившись къ стволу дерева и двѣ маленькихъ птички, не замѣчая ея, спустились около на траву.

Одна изъ нихъ волновалась и прыгала около другой съ поднятыми и трепещущими крыльями, наклоняя головку и пища, и вдругъ онѣ сошлись.

Жанна была удивлена, какъ будто прежде не знала этого; потомъ она сказала:

— Да, правда, это весна!—и вдругъ у нея блеснула другая мысль, мелькнуло подозрѣніе. Она взглянула на перчатку, на хлысты, на двухъ привязанныхъ лошадей и быстро вскочила на сѣдло съ непреодолимымъ желаніемъ бѣжать.

Она пустилась въ галопъ по направленію къ Тополямъ. Голова ея работала: размышляла, соединяла факты, группировала обстоятельства. Какъ она не догадалась объ этомъ раньше? Какъ она ничего не видала? Какъ она не понимала отлучекъ Жюльена, возобновленія его былого изящества, смягченія его характера? Теперь она понимала первые порывы Жильберты, ея преувеличенную ласковость и ту, окружавшую ее съ нѣкотораго времени, атмосферу блаженства, благодаря которой графъ былъ счастливъ.

Она пустила свою лошадь шагомъ, потому что ей надо было серьезно обдумать, а быстрая ѣзда нарушала теченіе ея мыслей.

Когда первое волненіе утихло, на сердцѣ у нея сдѣлалось почти покойно, въ немъ не было ни ревности, ни ненависти, а только презрѣніе. Она была равнодушна къ Жюльену, ее уже больше ничего въ немъ не удивляло, но ее возмущала двойная измѣна графини, ея подруги. Зна-

читъ весь свѣтъ лживъ, вѣроломенъ и коваренъ. Слезы выступили у нея на глазахъ. Погибшія иллюзіи мы оплакиваемъ иногда съ такою же скорбію, какъ и умершихъ.

Однако она рѣшила сдѣлать видъ, будто ничего не знаетъ, закрыть свою душу для мимолетныхъ привязанностей, никого не любить, кромѣ Поля и своихъ родителей, и съ спокойнымъ лицомъ терпѣть присутствіе остальныхъ людей.

Вернувшись домой, она бросилась къ сыну, унесла его въ свою комнату и цѣлый часъ, не переставая, безумно цѣловала его.

Жюльенъ вернулся къ обѣду, милый и улыбающійся, исполненный самыхъ любезныхъ намѣреній.

— Развѣ къ намъ не пріѣдутъ въ этомъ году твой отецъ и мама?—спросилъ онъ.

Она была такъ ему благодарна за эту любезность, что почти простила ему свое открытіе въ лѣсу, и ей такъ захотѣлось поскорѣе увидать тѣ два существа, которыя послѣ Поля были для нея всего дороже, что она весь вечеръ провела за письмами къ нимъ, въ которыхъ просила ускорить ихъ пріѣздъ.

Они отвѣчали, что пріѣдутъ 20 мая, а было только седьмое.

Она ожидала ихъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ, испытывая потребность отвести душу въ бесѣдѣ съ этими честными сердцами, съ этими людьми, чистыми, чуждыми всякаго позора, жизнь, мысли, поступки и даже желанія которыхъ были всегда правдивы.

Она чувствовала теперь что-то вродѣ обособленія ея чистой совѣсти отъ окружающей ея грязи, и хотя она и старалась притворяться, хотя и встрѣчала графиню съ протянутою рукой и улыбкой на губахъ, но это ощущеніе пустоты и презрѣнія къ людямъ все росло и охватывало

ее, а мелкія мѣстныя новости ежедневно вливали въ ея душу новое отвращеніе и пренебреженіе къ людямъ.

Дочь Кульяровъ родила и выходитъ замужъ.

Сирота, служанка Мартеновъ, была беременна, молоденькая пятнадцатилѣтняя сосѣдка—тоже; бѣдная вдова, хромоногая и грязная, которую прозвали Замарахой,—до такой степени была ужасна ея неопрятность,—даже и та была беременна.

Постоянно говорили о новой беременности, о новомъ любовномъ похожденіи дѣвушки, замужней крестьянки—матери семейства или богатаго уважаемаго фермера.

Казалось, что эта знойная весна такъ же волновала соки въ людяхъ, какъ и въ растеніяхъ.

Угасшая чувственность Жанны уже не волновалась, сердце замерло, жила еще только сантиментальная душа съ ея теплыми и плодотворными грезами; только ими волновалась она, только на нихъ отзывалась; чуткая къ мечтамъ, она умерла для чувственности и съ удивленіемъ, съ отвращеніемъ, граничащимъ съ ненавистью, относилась къ этой грязной животности.

Совокупленіе живыхъ существъ внушало ей теперь отвращеніе, какъ что-то противуестественное, и если она упрекала Жильберту, то это было не за то, что она завладѣла ея мужемъ, а за то, что она тоже впала въ эту всеобщую грязь. Вѣдь она не была изъ породы крестьянокъ съ ихъ низкими инстинктами.

Какъ же могла она отдаваться такъ же какъ эти животныя?

Въ день пріѣзда ея родителей Жюльенъ оживилъ въ ней это отвращеніе, разсказавъ ей, какъ вещь совершенно естественную и забавную, исторію про булочника. Онъ услыхалъ какой-то шумъ въ своей печи. Такъ какъ это былъ день,

въ который ее не топили, то онъ подумалъ, что туда забралась бродячая кошка, но нашелъ тамъ свою жену, „которая совсѣмъ не хлѣбы въ печь сажала.“

— Булочникъ закрылъ устье печи и они бы тамъ задохлись, еслибъ не маленькій мальчикъ булочницы, предупредившій сосѣдей; онъ видѣлъ, какъ его мать влѣзала туда съ кузнецомъ.

И Жюльенъ смѣялся, повторяя:—Благодаря этимъ чудакамъ, намъ придется ѣсть хлѣбы любви. Вотъ настоящая сказка Лафонтена. Жанна болѣе не притрогивалась къ хлѣбу.

Когда почтовая карета остановилась у крыльца и за стекломъ показалось счастливое лицо барона, сердце молодой женщины забилось такою любовью и привязанностью къ нимъ, какихъ она еще не испытывала.

Но видъ матери поразилъ ее почти до обморока. Баронесса за эти шесть зимнихъ мѣсяцевъ состарилась на десять лѣтъ. Ея огромныя щеки, дряблыя и отвислыя, побагровѣли, какъ будто налитыя кровью; глаза ея казались потухшими, она двигалась только поддерживаемая подъ обѣ руки, ея стѣсненное дыханіе сдѣлалось свистящимъ и настолько затруднительнымъ, что было жалко и больно смотрѣть на нее.

Баронъ видѣвшій ее ежедневно, не замѣчалъ этого упадка, и когда она жаловалась ему на постоянную одышку, на свою возрастающую тяжесть, онъ отвѣчалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, моя милая, вѣдь я васъ всегда зналъ такою же.

Жанна проводила ихъ въ отведенную имъ комнату, а сама встревоженная ушла къ себѣ, чтобы наплакаться въ волю.

Потомъ она отыскала отца, бросилась къ нему на грудь и съ глазами, еще полными слезъ, вскричала: „О, какъ измѣнилась мама! Что съ ней, скажи мнѣ, что съ ней?“ Онъ былъ очень удивленъ и отвѣчалъ: „Ты думаешь она плоха?

Да нѣтъ же! Я всегда былъ съ ней и увѣряю тебя, что она не кажется мнѣ больною. Она какъ и всегда“.

Вечеромъ Жюльенъ сказалъ своей женѣ:

— У твоей матери плохой видъ. Мнѣ кажется, что она долго не протянетъ.

Жанна разрыдалась.

— Ну полно, — нетерпѣливо воскликнулъ онъ, — вѣдь я же тебѣ не сказалъ, что она близка къ смерти. Ты всегда безумно преувеличиваешь. Она измѣнилась, вотъ и все. Но вѣдь она не первой же молодости.

Черезъ недѣлю Жанна ужъ больше не думала объ этомъ, привыкнувъ къ измѣнившейся физіономіи своей матери, можетъ быть отгоняя свои опасенія, какъ всегда мы отгоняемъ и отбрасываемъ отъ себя опасенія и грозящія заботы изъ какого-то эгоистическаго инстинкта, изъ естественной потребности душевнаго спокойствія.

Баронесса, которой стало трудно ходить, проводила каждый день на воздухѣ не болѣе получаса. Пройдя разъ по „своей“ аллеѣ и не въ состояніи двигаться дальше, она просила, чтобъ ее посадили на „ея“ скамью. А когда не могла довести и этой прогулки до конца, она говорила: „Остановимся! Моя гипертрофія сегодня подкашиваетъ мнѣ ноги“.

Она уже не смѣялась, а только улыбалась при такихъ вещахъ, которыя въ прошломъ году заставили бы ее покатиться со смѣху. Но такъ какъ глаза ея оставались превосходными, то она проводила цѣлые дни перечитывая „Коринну“ и „Размышленія“ Ламартина, затѣмъ она просила, чтобъ ей приносили ящикъ „съ сувенирами“. Разложивъ на колѣняхъ дорогія ея сердцу старыя письма, она становила ящикъ на сосѣдній стулъ и бросала туда одну за другой свои „реликвіи“, внимательно осмотрѣвъ каждую. А когда

она оставалась одна, совсѣмъ одна, то цѣловала нѣкоторыя изъ нихъ, какъ потихоньку цѣлуютъ волоса дорогого покойника.

Нѣсколько разъ, войдя неожиданно, Жанна заставала ее плачущей горькими слезами. „Что съ тобой, мама?“ — спрашивала она. И баронесса послѣ долгаго вздоха отвѣчала:

— Это все надѣлали мои реликвіи. Вспоминается хорошее прошлое, которое уже не вернется! Есть лица, о которыхъ совсѣмъ не думаешь и вдругъ они воскресаютъ передъ тобой. Кажется, будто ты ихъ видишь, слышишь, и это производитъ потрясающее впечатлѣніе. Ты испытаешь это со-временемъ.

Когда въ такія минуты меланхоліи приходилъ баронъ, онъ бормоталъ:

— Жанна, дорогая моя, если ты мнѣ вѣришь, жги ты свои письма, всѣ письма: отъ матери, отъ меня—всѣ! Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ на старости лѣтъ рыться въ воспоминаніяхъ молодости.

Но Жанна, не похожая однако на мать, тоже берегла свою корреспонденцію, готовила свою „шкатулку съ реликвіями,“ повинуясь чему то вродѣ наслѣдственнаго инстинкта къ сантиментальной мечтательности.

Черезъ нѣсколько дней баронъ долженъ былъ по какому-то дѣлу уѣхать. Погода стояла превосходная. Мягкія звѣздныя ночи слѣдовали за тихими вечерами, ясные вечера за лучезарными днями, а лучезарные дни за блестящими зорями. Мамаша чувствовала себя это время гораздо лучше и Жанна, забывъ любовныя похожденія Жюльена и вѣроломство Жильберты, была почти совершенно счастлива. Поля цвѣли и благоухали и безбрежное море, спокойное съ утра до вечера, блистало на солнцѣ. Однажды послѣ полудня,

Жанна взяла на руки Поля и отправилась съ нимъ по полямъ. Она смотрѣла то на сына, то на траву, усѣянную цвѣтами вдоль дороги, умиленная безграничнымъ блаженствомъ. Она поминутно цѣловала ребенка, страстно прижимая его къ себѣ, и, опьяненная сильнымъ запахомъ полей, она почувствовала какую-то слабость и у нея пріятно кружилась голова отъ чувства безконечнаго блаженства. Она принялась мечтать о будущности своего ребенка. Кѣмъ будетъ онъ? То ей хотѣлось видѣть его великимъ человѣкомъ, знаменитымъ, могущественнымъ. То онъ представлялся ей кроткимъ, оставшимся съ нею, посвятившимъ ей свою жизнь, нѣжнымъ сыномъ, съ объятіями, всегда открытыми для матери.

Когда она любила его съ эгоизмомъ материнскаго сердца, она хотѣла, чтобъ онъ оставался ея сыномъ, и только ея сыномъ; но когда она его любила своимъ страстнымъ разумомъ, она начинала гордо мечтать, что онъ будетъ чѣмъ-нибудь для свѣта.

Она сѣла на краю рва и смотрѣла на сына. Ей казалось, что она никогда прежде не видала его. И ею внезапно овладѣло удивленіе при мысли о томъ, какъ это маленькое существо выростетъ большимъ, будетъ ходить твердыми шагами, говорить звучнымъ голосомъ, что у него появится борода. Издалека кто-то позвалъ ее. Она подняла голову, это бѣжалъ Маріусъ. Она подумала, что пріѣхали гости и поднялась недовольная, что ее потревожили. Но мальчикъ летѣлъ со всѣхъ ногъ и, подбѣжавъ, закричалъ:—Сударыня, госпожа баронесса сдѣлалась очень нездорова.—Она почувствовала, точно капля холодной воды пробѣжала у нея по спинѣ; она пошла быстрыми шагами; голова ея кружилась. Еще издали она замѣтила народъ, стоявшій около платана. При ея приближеніи толпа разступилась и она увидала свою

мать распростертую на землѣ, съ двумя подушками подъ головой. Лицо ея было совсѣмъ черное, глаза закрыты, грудь, двадцать лѣтъ волновавшаяся одышкой, не шевелилась. Кормилица выхватила ребенка изъ рукъ молодой женщины и унесла его.

Жанна растерянная спрашивала:—Какъ это случилось? Какъ она упала? Пошлите сейчасъ же за врачомъ! — Обернувшись, она увидала кюре, неизвѣстно кѣмъ приглашеннаго. Онъ помогалъ и суетился, засучивъ рукава своей сутаны. Но уксусъ, одеколонъ и растиранія оставались недѣйствительными.—Нужно ее раздѣть и положить,—сказалъ священникъ. — Фермеръ Жозефъ Кульяръ съ дядей Симономъ и Людовиной, при помощи аббата Пико, хотѣли унести баронессу, но когда они ее поднимали, голова ея откинулась назадъ и платье лопнуло,—такъ тяжело и неподвижно оказалось ея тучное тѣло. Жанна закричала отъ ужаса. Огромное и рыхлое тѣло снова положили на землю. Нужно было принести изъ гостиной кресло и усадить ее въ него. Шагъ за шагомъ внесли оин ее на крыльцо, на лѣстницу, въ ея комнату и уложили на постель.

Такъ какъ кухарка не могла ее раздѣть, то очень кстати оказалась вдова Дентю, явившаяся такъ же внезапно, какъ и священникъ, точно они, по выраженію прислуги, почуяли смерть.

Жозефъ Кульяръ полетѣлъ верхомъ за докторомъ, а священникъ собирался идти за мvромъ, но сидѣлка шепнула ему на ухо:—Не безпокойтесь, г. кюре, она скончалась, я въ этомъ толкъ знаю.

Обезумѣвшая Жанна умоляла, не зная что дѣлать, что испробовать, какія средства употребить. Священникъ на всякій случай произнесъ отпущеніе.

Часа два провели они въ ожиданіи около этого посинѣв-

шаго, безжизненнаго тѣла. Жанна, упавъ на колѣни, рыдала, полная горя и отчаянія.

Когда отворилась дверь и вошелъ докторъ, казалось, что вошли спасеніе, утѣшеніе и надежда и она кинулась къ нему, безсвязно повторяя все, что знала о случившемся.

— Она гуляла, какъ всегда... чувствовала себя хорошо... совсѣмъ хорошо... она выпила бульонъ и съѣла два яйца за завтракомъ... она вдругъ упала... почернѣла, какъ вы ее видите теперь... послѣ этого она не шевельнулась... мы пробовали все, чтобы возвратить ее къ жизни, все...—Она замолчала, пораженная жестомъ сидѣлки, указывавшемъ врачу, что все кончено... Тогда, отказываясь понимать, она тоскливо повторяла:—Что, очень опасно? Скажите, какъ вы думаете, очень опасно?

Наконецъ докторъ сказалъ:—Я боюсь, очень боюсь, что все... кончено. Будьте мужественны... какъ можно болѣе мужественны.

И Жанна, раскрывъ объятія, кинулась къ матери.

Вошелъ Жюльенъ. Онъ остановился растерянный, не испустивъ ни крика ужаса, ни отчаянія, видимо захваченный врасплохъ и не успѣвшій сдѣлать себѣ подходящей физіономіи и рѣшить, какъ держать себя. Онъ бормоталъ:—Я этого ожидалъ, я зналъ, что близокъ ея конецъ.—Потомъ онъ вынулъ носовой платокъ, вытеръ себѣ глаза, опустился на колѣни, перекрестился, что-то пробормоталъ и, поднимаясь, хотѣлъ также приподнять и жену. Но она охватила руками трупъ и цѣловала его, почти лежа на немъ. Ее пришлось унести,—она казалась обезумѣвшей. Черезъ часъ ей позволили снова придти. Не оставалось больше никакой надежды. Комната была уже теперь прибрана какъ слѣдуетъ для мертвой. Жюльенъ и священникъ потихоньку разговаривали около окна. Вдова Дентю, спокойно усѣвшаяся

въ кресло съ видомъ женщины, привыкшей къ бдѣніямъ и чувствующей себя какъ дома тамъ, гдѣ есть покойникъ, начинала уже дремать.

Наступала ночь. Священникъ подошелъ къ Жаннѣ, взялъ ее за руки и старался успокоить ея безутѣшную душу духовными увѣщаніями. Онъ говорилъ ей объ усопшей, восхваляя ее съ церковнымъ краснорѣчіемъ и съ притворно-печальнымъ видомъ священника, для котораго покойники выгодны, предложилъ провести ночь въ молитвахъ около тѣла.

Но Жанна, конвульсивно рыдая, отклонила его предложеніе. Она хотѣла остаться съ ней одна, совсѣмъ одна, въ эту прощальную ночь. Жюльенъ возразилъ:—Нѣтъ, это невозможно, мы будемъ съ тобою вмѣстѣ.—Она не въ силахъ была говорить и сдѣлала отрицательный знакъ головою. Наконецъ она сказала: — Это моя мать, моя мать. Я хочу одна бодрствовать надъ нею.

— Позвольте ей сдѣлать по-своему,—прошепталъ докторъ,—въ сосѣдней комнатѣ можно помѣстить сидѣлку.

Священникъ и Жюльенъ согласились, подумывая о своихъ постеляхъ. Потомъ аббатъ Пико, въ свою очередь, преклонилъ колѣна, помолился, всталъ и вышелъ, проговоривъ:

— Это была святая,—тѣмъ же самымъ тономъ, которымъ говорилъ:—Миръ вамъ.—Тогда виконтъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ спросилъ Жанну:—Не съѣшь ли ты чего-нибудь? — Жанна не отвѣчала, не понимая, что онъ обращался къ ней. Онъ повторилъ:—Можетъ-быть тебѣ лучше было бы немного поѣсть, подкрѣпиться.—Она отвѣчала съ потеряннымъ видомъ:—Пошли сейчасъ же увѣдомить отца. Онъ вышелъ, чтобъ отправить верхового въ Руанъ.

Она осталась, погруженная въ какое-то неподвижное горе, точно ожидая часовъ послѣдняго свиданія, чтобъ избавиться отъ нахлынувшихъ волнъ отчаянной скорби.

Тѣни охватили комнату, скрывая въ мракѣ лицо покойницы. Вдова Дентю бродила по комантѣ легкими шагами, ища и разставляя невидимые предметы съ безшумными движеніями больничной сидѣлки. Потомъ она зажгла двѣ восковыхъ свѣчи и тихо поставила ихъ на покрытый бѣлою салфеткой ночной столикъ въ головахъ постели.

Жанна, казалось, ничего не видѣла, не слышала, не понимала. Она дожидалась той минуты, когда останется одна.

Вошелъ Жюльенъ; онъ пообѣдалъ и снова спросилъ ее:

— Развѣ ты не хочешь ѣсть?

Жанна отрицательно покачала головой.

Онъ сѣлъ съ видомъ скорѣе терпѣливымъ, чѣмъ печальнымъ, и замолчалъ.

Они всѣ трое сидѣли неподвижно на своихъ стульяхъ, вдалекѣ другъ отъ друга.

По временамъ засыпавшая сидѣлка начинала потихоньку храпѣть и затѣмъ быстро просыпалась.

Жюльенъ, наконецъ, всталъ и подошелъ къ женѣ.

— Ты хочешь теперь остаться одна? -- спросилъ онъ.

Она съ невольнымъ порывомъ схватила его за руку.—О, да, оставь меня!

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, пробормотавъ:

— Время отъ времени я буду заходить взглянуть на тебя.

И онъ вышелъ съ вдовою Дентю, выкатившей свое кресло въ сосѣднюю комнату.

Жанна затворила дверь и настежъ открыла оба окна. Ласкающая вечерняя теплота и запахъ сѣна пахнули ей въ лицо. Трава, скошенная наканунѣ, лежала на лугу подъ луннымъ свѣтомъ. Это сладкое ощущеніе причинило ей боль, уязвило ее, какъ иронія.

Она возвратилась къ постели, взяла холодную и непо-

движную руку и стала смотрѣть на свою мать. Она не была такою опухшею, какъ въ минуту удара, и, казалось, спала такъ мирно, какъ не бывало съ нею раньше; блѣдное пламя свѣчъ, колеблемыхъ вѣтромъ, безпрестанно шевелило на ея лицѣ тѣни, при которыхъ оно казалось живымъ и какъ бы подвижнымъ. Жанна жадно смотрѣла на нее и въ ней цѣлою толпой поднялись старыя воспоминанія ея дѣтства.

Она вспомнила посѣщенія мамы въ пріемной монастыря, движеніе, съ которымъ она протягивала ей бумажный мѣшокъ, наполненный пирожками, множество мелочей, событій, маленькихъ нѣжностей, словомъ, интонаціи, привычныхъ движеній, вспоминала складочки около ея глазъ, когда она смѣялась, ея тяжелый, удушливый вздохъ, когда она опускалась въ свое кресло.

И она сидѣла, погруженная въ созерцаніе, повторяя въ какомъ-то отупѣніи: „она умерла", и весь ужасъ этого слова предсталъ передъ ней. Вотъ лежитъ она: мать, мама, „мадамъ Аделаида" лежитъ мертвая! Она больше не пошевелится, не заговоритъ, не засмѣется, не будетъ обѣдать вмѣстѣ съ папой, не скажетъ: „здравствуй, маленькая Жанна". Она умерла! Ее заколотятъ въ гробъ, схоронятъ и все будетъ кончено. Ее никогда больше не увидятъ. Возможно ли это? Какъ? У ней не будетъ больше матери? Это близкое и дорогое лицо, которое она стала видѣть съ тѣхъ поръ, какъ начала смотрѣть, любить,—съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ простерла свои руки, это великое вмѣстилище любви, единственное существо, мать, болѣе дорогое сердцу, чѣмъ всѣ остальныя существа, исчезло! Ей осталось лишь нѣсколько часовъ смотрѣть на ея лицо, неподвижное, лишенное мысли, и затѣмъ—ничего, ничего, одни только воспоминанія!

Она бросилась на колѣни въ порывѣ страстнаго отчая-

нія, вцѣпившись въ занавѣсъ, которую она комкала, прильнувъ губами къ постели, она закричала раздирающимъ голосомъ, заглушеннымъ простынями и одѣялами: „О мама, бѣдная моя мама, мама!“

Потомъ, почувствовавъ, что ею овладѣваетъ безуміе, такое же безуміе, какъ въ ту ночь, когда она пустилась бѣжать по снѣгу, она встала и побѣжала къ окну, чтобъ освѣжиться, вдохнуть свѣжаго воздуха, который не былъ бы воздухомъ этого ложа, этой смерти.

Выкошенный газонъ, деревья, вдали море—отдыхали въ молчаливомъ покоѣ, усыпленные тихими чарами луннаго свѣта. Часть этого сладостнаго спокойствія проникла и въ душу Жанны и она потихоньку заплакала. Потомъ она вернулась къ постели и сѣла, взявъ въ свою руку руку матери, точно она бодрствовала надъ больною.

Въ комнату влетѣло какое-то большое насѣкомое, привлеченное свѣтомъ. Оно, точно пуля, ударялось въ стѣны, перелетая изъ одного угла комнаты въ другой. Жанна, отвлекаемая его жужжащимъ полетомъ, подняла глаза, чтобы взглянуть, но ничего не увидала, кромѣ тѣни, пробѣгавшей по бѣлому потолку комнаты.

Потомъ все смолкло. Вдругъ она услыхала легкое тиканье часовъ и еще маленькій шумъ или, вѣрнѣе, едва слышный шелестъ. Это были карманные часы мамаши, которые продолжали идти, забытые въ платьѣ, брошенномъ на стулъ въ ногахъ постели. И внезапное смутное сопоставленіе этой смерти съ механизмомъ, который не остановился, вновь разбудило въ сердцѣ Жанны жгучую боль.

Она взглянула на часы. Было только половина одиннадцатаго и ее охватилъ ужасный страхъ при мысли провести здѣсь цѣлую ночь. Новыя воспоминанія возникли въ ея памяти, воспоминанія о ея собственной жизни: Розалія, Жиль-

берта, горькія разочарованія ея сердца. Неужели въ жизни только и есть, что бѣдствія, скорбь, несчастія и смерть? Всюду обманъ, ложь, страданія и слезы. Гдѣ найти хоть немного покоя и радости? Развѣ въ будущей жизни, когда душа окончитъ свои земныя испытанія? Душа?... И она погрузилась въ мечты объ этой непостижимой тайнѣ, быстро переходя къ поэтическимъ заключеніямъ, которыя немедленно разрушались другими не менѣе туманными гипотезами. Гдѣ же теперь, въ самомъ дѣлѣ, душа ея матери, душа неподвижнаго и холоднаго тѣла? Можетъ-быть очень далеко. Гдѣ-нибудь въ пространствѣ? Но гдѣ? Испарилась ли она, какъ благоуханіе засохшаго цвѣтка, или блуждаетъ какъ птица, вырвавшаяся изъ клѣтки? Призвана ли она къ Богу или разсѣяна случайно среди новыхъ твореній, слившись съ еще невоплотившимися зародышами?

Можетъ-быть совсѣмъ близко? Можетъ-быть въ этой комнатѣ около только-что покинутой ею бездушной плоти? И вдругъ Жаннѣ показалось, что она чувствуетъ какое-то легкое вѣяніе, точно прикосновеніе духа. Ее охватилъ ужасный страхъ, такой жестокій страхъ, что она не смѣла ни дышать, ни шевелиться, ни обернуться, чтобы взглянуть позади себя. Ея сердце билось въ безумномъ испугѣ.

Вдругъ невидимое насѣкомое возобновило свой полетъ и, кружась, стало биться о стѣны. Она вздрогнула, потомъ, признавъ жужжаніе летающаго насѣкомаго, она успокоенная встала и обернулась. Ея взглядъ упалъ на бюро съ головками сфинксовъ, на это хранилище „реликвій“.

Ею овладѣла странная и нѣжная мысль прочитать въ эту послѣднюю ночь, какъ священную книгу, старыя письма, которыя были такъ дороги покойницѣ. Ей казалось, что она этимъ исполнитъ священный долгъ, долгъ дочери, и доставитъ на томъ свѣтѣ удовольствіе матери.

Это была старая переписка ея дѣда и ея бабушки, которую она никогда не знала. Она хотѣла протянуть имъ руки надъ трупомъ ихъ дочери, приблизиться къ нимъ въ эту печальную ночь, соединить таинственною цѣпью нѣжности тѣхъ, которые умерли раньше, съ тою, которая въ свою очередь теперь отошла въ вѣчность, и съ собой, остающеюся еще въ живыхъ.

Она встала, откинула крышку бюро и вынула изъ нижняго ящика десятокъ маленькихъ пакетовъ пожелтѣвшей бумаги, аккуратно перевязанныхъ и лежащихъ одинъ возлѣ другого. Она съ чувствомъ утонченной сентиментальности выложила ихъ всѣ на постель, въ объятіи баронессы.

Это были тѣ пожелтѣвшія письма, которыя можно найти въ старыхъ семейныхъ бюро,—письма, отзывающіяся прошлымъ столѣтіемъ.

Первое изъ нихъ начиналось: „Моя милочка". Второе: „Моя хорошенькая маленькая дѣвочка". Потомъ: „Моя милая малютка".—„Голубушка моя". „Моя обожаемая дочка". „Милое мое дитя".— „Милая моя Аделаида".—„Милая моя дочь". Словомъ, онѣ были адресованы сначала дѣвочкѣ, потомъ молодой дѣвушкѣ и, позднѣе, молодой женщинѣ.

Всѣ они были исполнены страстной и дѣтской нѣжностью, тысячами маленькихъ интимныхъ вещей, простыми и важными домашними происшествіями, такъ малозначущими для посторонняго: „у отца гриппъ, служанка Гортензія обожгла палецъ, померъ котъ „Крокра"; срубили сосну съ правой стороны рѣшетки; мать, возвращаясь изъ церкви, потеряла свой молитвенникъ; она думаетъ, что его украли".

Тутъ говорилось о лицахъ неизвѣстныхъ Жаннѣ, но она смутно припоминала, что когда-то, въ дѣтствѣ, слышала эти имена.

Она приходила въ умиленіе отъ этихъ мелочей, казав-

шихся ей открытіями, какъ будто она вдругъ совершенно вошла въ прошлую, интимную сердечную жизнь своей матери. Посмотрѣвъ на лежащее тѣло, она вдругъ начала читать вслухъ, какъ будто для покойницы, чтобы развлечь и утѣшить ее.

И неподвижный трупъ казался счастливымъ. Одно за другимъ она откладывала письма къ ногамъ покойницы, думая, что ихъ нужно будетъ положить въ гробъ, какъ кладутъ цвѣты.

Она вскрыла другой пакетъ; это былъ незнакомый почеркъ. Она прочла: „Я не могу жить безъ твоихъ ласкъ: я люблю тебя до безумія".

И больше ничего. Подписи не было.

Ничего не понимая, она перевернула письмо. Надпись ясно гласила: „Госпожѣ баронессѣ де-Пертюи де-Водъ".

Тогда она развернула слѣдующее: „Приходи сегодня вечеромъ, какъ только онъ уйдетъ. У насъ будетъ часъ времени. Я тебя обожаю".

Затѣмъ третье: „Я провелъ безумную ночь, тщетно желая тебя. Я чувствовалъ тебя въ своихъ объятіяхъ, твои губы касались моихъ, твои глаза глядѣли въ мои. И тутъ же я испытывалъ бѣшеное желаніе выброситься въ окно при мысли, что въ этотъ самый часъ ты спишь съ нимъ, что онъ по желанію можетъ обладать тобою"...

Смущенная Жанна ничего не понимала. Что это значитъ? Для кого, кому, отъ кого были написаны эти слова любви?

Она продолжала читать, безпрестанно находя безумныя изліянія, назначенія свиданій, съ совѣтами быть осмотрительной, и въ концѣ каждаго письма непремѣнно значились слѣдующія четыре слова: „Главное—сожги это письмо".

Наконецъ, она нашла самую обыкновенную записку, простое приглашеніе на обѣдъ, писанное тѣмъ же самымъ по-

черкомъ, съ подписью: „Поль де-Эннемаръ“. Баронъ, вспоминая о немъ, постоянно называлъ его „мой бѣдный старый Поль“, а жена его была лучшею подругой баронессы.

Жанну быстро охватило сомнѣніе, тотчасъ же превратившееся въ полную увѣренность. Онъ былъ любовникомъ ея матери.

И вдругъ, обезумѣвъ, она отбросила связку этихъ гнусныхъ бумагъ, точно забравшееся на нее ядовитое насѣкомое, побѣжала къ окну и залилась безумными слезами, прерываемыми невольными, раздирающими криками, потомъ, разбитая всѣмъ своимъ существомъ, она опустилась у стѣны и, спрятавъ лицо въ занавѣску, чтобы подавить свои стоны, она рыдала, подавленная неутѣшною скорбью.

Въ такомъ положеніи она можетъ-быть провела бы всю ночь, но шумъ шаговъ, раздавшійся въ сосѣдней комнатѣ, заставилъ ее вдругъ вскочить.—Можетъ-быть это отецъ? А всѣ письма лежатъ на полу и на постели! Ему достаточно было бы прочесть одно! И онъ, онъ все узналъ бы!

Она вскочила и, ухвативъ руками всѣ эти старыя пожелтѣвшія бумаги, письма дѣда и бабушки и письма любовника, тѣ, которыя она еще не развертывала, и тѣ, которыя лежали перевязанными въ ящикахъ бюро, всѣ вмѣстѣ бросила ихъ въ каминъ. Потомъ она взяла одну изъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ на ночномъ столикѣ, и поднесла ее къ этой грудѣ писемъ. Вспыхнуло большое пламя, освѣтившее комнату, постель и трупъ яркимъ и мерцающимъ свѣтомъ, отражая на бѣлой занавѣси въ глубинѣ постели колеблющійся профиль суроваго лица и очертаніе огромнаго тѣла, лежавшаго подъ одѣяломъ. Когда на очагѣ не осталось ничего, кромѣ пепла, она вернулась, сѣла у открытаго окна, точно не осмѣливаясь оставаться около покойницы, и плакала, закрывъ лицо руками, повторяя голосомъ неутѣшной

жалобы: „О, моя бѣдная мама, моя бѣдная мама“. Ей пришла страшная мысль: что еслибы мама не умерла, еслибъ она случайно только уснула летаргическимъ сномъ и еслибы вдругъ могла подняться, заговорить? Открытіе ужасной тайны не уменьшило ли бы ея дочерней любви? Могла ли бы она цѣловать ее съ тѣмъ же благоговѣйнымъ чувствомъ? Ласкала ли бы она ее съ тою же самою святою любовью? Нѣтъ! Это было бы невозможно! И эта мысль раздирала ея сердце.

Ночь близилась къ концу, звѣзды блѣднѣли, наступалъ тотъ прохладный часъ, который предшествуетъ дню. Заходившая луна спускалась въ море, вся поверхность котораго блестѣла какъ перламутръ.

Воображеніе рисовало Жаннѣ ночь, проведенную ею у окна по пріѣздѣ въ Тополя. Какъ это все далеко, какъ все измѣнилось. Да, не такимъ представлялось ей тогда будущее. Вотъ небо загорѣлось розовымъ, веселымъ, восхитительнымъ свѣтомъ. Она смотрѣла, удивляясь, какъ чуду, этому лучезарному рожденію дня, спрашивая себя: возможно ли, чтобы здѣсь, на землѣ, гдѣ поднимаются такія зори, не было мѣста ни радости, ни счастію?

Скрипъ двери заставилъ ее вздрогнуть. Это былъ Жюльенъ.

— Ну что,—спросилъ онъ,—ты не очень устала?

— Нѣтъ,—пролепетала она, счастливая тѣмъ, что въ комнату вошелъ живой человѣкъ.

— Теперь ступай отдохни,—сказалъ онъ. Она тихо поцѣловала мать долгимъ, скорбнымъ и печальнымъ поцѣлуемъ и потомъ ушла въ свою комнату.

День прошелъ въ печальныхъ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Къ вечеру пріѣхалъ баронъ. Онъ много плакалъ.

На слѣдующій день были похороны. Прикоснувшись въ послѣдній разъ губами къ холодному лбу и увидавъ последнее приготовленіе передъ закрытіемъ гроба и закола-

чиваніе крышки, Жанна ушла. Стали собираться приглашенные. Жильберта пріѣхала первою и рыдая бросилась на грудь своей подруги.

Въ окно были видны экипажи, которые свертывали съ дороги и въѣзжали рысью во дворъ.

Въ обширной передней раздавались голоса. Мало-по-малу комната наполнилась женщинами, одѣтыми въ черное, которыхъ Жанна совсѣмъ не знала. Маркиза де-Кутелье и виконтесса де-Брезевилль поцѣловали ее. Вдругъ она замѣтила, что тетя Лизонъ идетъ за нею. Она нѣжно обняла ее, чѣмъ довела старую дѣву чуть не до обморока. Вошелъ Жюльенъ въ глубокомъ траурѣ, элегантный, озабоченный, довольный этимъ съѣздомъ. Онъ тихо спросилъ что-то у жены и прибавилъ конфиденціальнымъ тономъ: „Съѣхалась вся аристократія; это будетъ очень торжественно". И онъ вышелъ, поклонившись дамамъ.

Тетя Лизонъ и графиня Жильберта однѣ оставались около Жанны во все время совершенія погребальной церемоніи. Графиня безпрестанно обнимала ее, повторяя: „Бѣдная моя милочка, бѣдная моя милочка!"

Графъ де-Фурвилль, пріѣхавъ за женой, плакалъ такъ, какъ будто потерялъ свою собственную мать.

X.

Наступили очень печальные дни,—тѣ мрачные дни, когда домъ выглядитъ опустѣвшимъ, благодаря отсутствію одного изъ членовъ семьи, исчезнувшаго навсегда; тѣ дни, исполненные страданій, когда каждый предметъ, побывавшій въ рукахъ покойника, попадаясь на глаза, наводитъ на мысль о смерти. Ежеминутно зарождаются воспоминанія и леденятъ сердце. Вотъ ея кресло, ея зонтикъ, оставленный въ

передней, ея стаканъ, который не убрала служанка. По всѣмъ комнатамъ попадаются предметы, наводящіе на мысль о ней: ея ножницы, перчатка, книга, листки которой затерты ея отяжелѣвшими пальцами, тысячи бездѣлушекъ, вызывающихъ печальныя чувства, потому что напоминаютъ тысячи маленькихъ событій. Васъ преслѣдуетъ ея голосъ; кажется, что слышишь его, хочется уйти хоть куда-нибудь, лишь бы вырваться отъ воспоминаній этого дома. Но нужно оставаться, потому что здѣсь остаются другіе, точно также страдающіе.

Жанну, кромѣ того, мучили воспоминанія о сдѣланномъ ею открытіи. Эта мысль угнетала ее, и разбитое сердце не исцѣлялось. Благодаря этой ужасной тайнѣ, она чувствовала себя еще болѣе одинокой; у нея исчезла всякая надежда, всякая вѣра.

Черезъ нѣсколько времени уѣхалъ отецъ,—ему необходимы были движеніе, перемѣна воздуха, чтобы сбросить съ себя эту мрачную скорбь, которая все болѣе и болѣе овладѣвала имъ.

И въ большомъ домѣ, хозяева котораго исчезали одинъ за другимъ, снова началась спокойная и правильная жизнь.

Потомъ захворалъ Поль. Обезумѣвшая Жанна двѣнадцать дней провела безъ сна и безъ пищи.

Онъ выздоровѣлъ, но въ ней остался страхъ передъ возможностію его смерти. Что ей тогда дѣлать? Что станется съ ней? И въ ея сердце медленно закрадывалась смутная потребность имѣть еще одного ребенка. Скоро она погрузилась въ мечты объ этомъ, вся охваченная своимъ прежнимъ желаніемъ видѣть около себя двухъ маленькихъ существъ— мальчика и дѣвочку. Мысль эта сдѣлалась неотступной.

Со времени происшествія съ Розаліей она жила отдѣльно отъ Жюльена. Сближеніе при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ

они находились, казалось совершенно невозможнымъ. Жюльенъ любилъ другую, она это знала; и одна мысль о возможности снова подчиниться его ласкамъ вызывала въ ней дрожь и отвращеніе.

Тѣмъ не менѣе она готова была согласиться на все,—такъ плѣняла ее мысль сдѣлаться еще разъ матерью,—но она спрашивала себя, какимъ образомъ могутъ возобновиться ихъ поцѣлуи? Скорѣе она умретъ отъ униженія, чѣмъ выскажетъ ему свое тайное желаніе; къ тому же казалось, что онъ болѣе о ней и не думаетъ.

Можетъ быть она и отступилась бы отъ своего намѣренія, но дѣвочка стала ей сниться каждую ночь; она видѣла ее играющею съ Полемъ подъ платаномъ и каждый разъ ею овладѣвало неотступное желаніе встать и идти, не говоря ни слова, въ комнату мужа. Два раза она подходила къ двери и потомъ быстро возвращалась съ сердцемъ, трепещущимъ отъ стыда.

Баронъ уѣхалъ, мама умерла. Теперь у Жанны не было никого, съ кѣмъ бы она могла посовѣтоваться, кому бы могла довѣрить свои тайныя думы.

Тогда она рѣшилась отправиться къ аббату Пико и повѣрить ему подъ тайной исповѣди свои трудно исполнимые замыслы.

Она застала его читающимъ свой требникъ въ маленькомъ садикѣ, усаженномъ фруктовыми деревьями.

Поговоривъ нѣсколько минутъ о посторонних вещахъ, она пролепетала, вся покраснѣвъ:

— Я хотѣла бы исповѣдаться, г. аббатъ.

Онъ казался удивленнымъ и поднялъ вверхъ очки, чтобы лучшее ее разглядѣть; потомъ онъ разсмѣялся:

— Но вѣдь у васъ на совѣсти не должно быть тяжкихъ грѣховъ?

Она совершенно смутилась и повторила:

— Нѣтъ, но я хотѣла бы спросить у васъ совѣта о дѣлѣ... дѣлѣ настолько затруднительномъ, что я не смѣю говорить о немъ какъ обыкновенно.

Онъ немедленно измѣнилъ свой добродушный видъ и сказалъ тономъ духовника:

— Хорошо, дитя мое, я выслушаю васъ въ исповѣдальнѣ. Пойдемте.

Но она, запинаясь, отказывалась, удерживаемая какою-то боязнью говорить о такихъ щекотливыхъ вещахъ во внушительномъ уединеніи пустой церкви.

— Или нѣтъ, господинъ кюре... я могу, если вамъ угодно... сказать и здѣсь, что привело меня къ вамъ. Пойдемте, сядемте въ вашей маленькой бесѣдкѣ.

Они пошли медленными шагами. Она думала, какъ объяснить, съ чего начать. Они сѣли.

Тогда она начала точно на исповѣди:

— Отецъ мой...—потомъ заикнулась, повторила снова:—Отецъ мой...—и замолчала, совершенно смутившаяся.

Онъ слушалъ, скрестивъ руки на животѣ. Видя ея затрудненіе, онъ старался ее ободрить:

— Хорошо, дочь моя, кажется, что вы робѣете, не бойтесь.

Она начала, какъ трусъ, бросающійся въ опасность:

— Отецъ мой, я хотѣла бы имѣть еще ребенка.

Онъ не отвѣчалъ, ничего не понимая.

Тогда она пояснила, смущаясь и не находя словъ:

— Теперь я совсѣмъ одинока въ жизни; отецъ и мужъ совсѣмъ не сходятся, мать умерла и... и...—она, вся дрожа, потихоньку добавила:—На дняхъ я чуть не потеряла сына, что тогда со мной было бы?

Она замолчала.

Сбитый съ толку, священникъ смотрѣлъ на нее.

— Ну, къ дѣлу.

Она повторила:

— Я хотѣла бы имѣть еще ребенка.

Онъ улыбнулся, привыкшій къ грубымъ шуткамъ крестьянъ, не стѣснявшихся передъ нимъ, и отвѣчалъ, плутовски кивнувъ головой:

— Ну хорошо! Но вѣдь, мнѣ кажется, что это отъ васъ только и зависитъ?

Она подняла на него свои ясные глаза и продолжала, заикаясь отъ смущенія:

— Но... но... вы понимаете, что съ тѣхъ поръ... съ исторіи... знаете, съ этой служанкой... мой мужъ и я... живемъ совершенно отдѣльно.

Привыкшій къ неразборчивости и безцеремоннымъ обычаямъ крестьянъ, онъ былъ удивленъ этимъ объясненіемъ, потомъ ему вдругъ показалось, что онъ понялъ истинное желаніе молодой женщины. Онъ исподлобья посмотрѣлъ на нее, полный благосклонности и сочувствія къ ея печали: — Да, я совершенно понимаю. Я понимаю, что васъ тяготитъ ваше... ваше вдовство. Вы молоды, здоровы, это естественно, совершенно естественно.

Онъ посмѣивался, увлеченный своею грубою природой сельскаго священника, и ласково похлопывалъ рукою по рукѣ Жанны:

— Это вамъ дозволяется, вполнѣ дозволяется даже заповѣдью. Вы замужемъ, не такъ ли? Вѣдь не для того же, чтобы сажать рѣпу.

Она, въ свою очередь, не понимала его намековъ, но, догадавшись, покраснѣла и со слезами на глазахъ воскликнула:

— О, что вы говорите, что вы думаете... Клянусь вамъ... клянусь вамъ...—Рыданія душили ее.

Онъ былъ удивленъ и принялся утѣшать ее:

— Полноте, вѣдь я не хотѣлъ огорчить васъ. Я немного пошутилъ, это не запрещено, безъ дурного намѣренія. Но положитесь на меня, вы можете на меня положиться. Я повидаю г. Жюльена.

Она не знала что сказать. Теперь она была готова отступиться отъ этого посредничества, казавшагося ей неловкимъ и опаснымъ, но она не рѣшилась этого сдѣлать и ушла, пробормотавъ: „благодарю васъ, г. кюре."

Прошло восемь дней. Она находилась въ постоянной безпокойной тоскѣ.

Однажды вечеромъ послѣ обѣда Жюльенъ посмотрѣлъ на нее съ особеннымъ видомъ, съ тою смѣющеюся складочкой около губъ, которою сопровождались его ухаживанья. Она замѣтила съ его стороны какую-то любезность, къ которой примѣшивалась неуловимая иронія, и когда они прогуливались вдоль большой мамашиной аллеи, онъ потихоньку сказалъ ей на ухо: „Что же, мы видно помирились". Она не отвѣчала, разсматривая на землѣ какую-то полосу, теперь почти незамѣтную, почти поросшую травой.

Это былъ слѣдъ ноги баронессы, онъ теперь сглаживался, какъ сглаживалось и воспоминаніе о ней. Жанна чувствовала, какъ сжимается ея сердце, подавленное печалью; она чувствовала себя затерянной въ жизни, далеко отъ всего свѣта.

Жюльенъ продолжалъ:—Что-жъ, я не прочь, но я боялся, что тебѣ это не понравится.

Солнце садилось, воздухъ былъ мягкій. Жанну охватило желаніе плакать, потребность излить свое горе на сердцѣ друга, потребность высказать свои горести. Рыданія подступили къ ея горлу. Она протянула руки и упала на грудь Жюльена. Она плакала. Онъ, удивленный, глядѣлъ на ея волосы, не видя лица, спрятаннаго у него на груди. Онъ

думалъ, что она все еще его любитъ, и съ снисходительностью поцѣловалъ ея прическу.

Потомъ они пошли назадъ, не говоря ни слова. Онъ послѣдовалъ за ней въ ея комнату.

Ихъ прежнія отношенія возобновились. Они отдавались другъ другу, какъ будто исполняя долгъ, для него не совсѣмъ непріятный; она же только повиновалась трудной и отвратительной необходимости, твердо рѣшивъ прекратить это навсегда, какъ только почувствуетъ себя беременной.

Но скоро она замѣтила, что ласки его совсѣмъ не тѣ, какія были прежде: можетъ-быть болѣе утонченныя, но менѣе полныя. Онъ ласкалъ ее какъ осторожный любовникъ, а не какъ спокойный супругъ.

Однажды, прижавшись губами къ его устамъ, она пролепетала:

— Отчего ты не отдаешься мнѣ вполнѣ, какъ прежде?

Онъ засмѣялся:

— Чортъ возьми, чтобы ты не забеременѣла!

Она затрепетала.

— Почему ты не хочешь больше имѣть дѣтей?

Онъ казался пораженнымъ изумленіемъ:

— Какъ, что ты говоришь? Не съ ума ли ты сошла? Другого ребенка? Ахъ нѣтъ, покорно благодарю. И одинъ достаточно оретъ, занимаетъ мѣсто и стоитъ денегъ! Другого ребенка... Нѣтъ, спасибо.

Она обняла его, страстно ласкала и цѣловала, шепча:

— О, умоляю тебя, сдѣлай меня еще разъ матерью!

Но онъ разсердился, точно она его оскорбила:

— Ты въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума! Сдѣлай милость, оставь свои глупости, прошу тебя!

Она замолчала и рѣшила хитростью добиться отъ него того счастья, о которомъ мечтала.

Она стала замедлять свои поцѣлуи, разъигрывая комедію пламенной любви, обнимала его стиснутыми руками въ притворныхъ порывахъ.. Она пускала въ ходъ всѣ уловки, но онъ владѣлъ собою и не разу не забылся.

Тогда, все болѣе и болѣе угнетаемая своимъ изступленнымъ желаніемъ, потерявъ терпѣніе, готовая всѣмъ пренебречь, на все рѣшиться, она снова отправилась къ аббату Пико.

Онъ кончалъ свой завтракъ и былъ очень красенъ, страдая сердцебіеніемъ послѣ каждой ѣды.

— Ну, что?—вскричалъ онъ, только что она вошла, желая узнать результаты своихъ стараній.

Твердо рѣшившись, она безъ ложной стыдливости немедленно заявила:

— Мой мужъ не хочетъ больше имѣть дѣтей.

Аббатъ повернулся къ ней заинтересованный, готовый съ любопытствомъ священника копаться въ этихъ тайнахъ спаленъ, доставлявшихъ ему удовольствіе въ исповѣдальнѣ.

— Какъ-такъ?—спросилъ онъ.

Тогда, несмотря на свою рѣшимость, она затруднялась объяснить:

— Но онъ... онъ отказывается сдѣлать меня матерью.

Аббатъ понялъ, онъ зналъ эти вещи и онъ принялся распрашивать о мелочныхъ и точныхъ подробностяхъ съ сластолюбіемъ человѣка, осужденнаго на воздержаніе.

Потомъ онъ подумалъ нѣсколько минутъ и спокойнымъ голосомъ, точно говоря о хорошемъ урожаѣ, изложилъ ей хитрый планъ дѣйствій, объяснивъ всѣ подробности:—Вамъ остается только одно, дорогое мое дитя,—это увѣрить его, что вы беременны. Онъ перестанетъ остерегаться и вы на самомъ дѣлѣ достигнете этого.

Она покраснѣла до ушей, но, готовая на все, настаивала:

— А если онъ мнѣ не повѣритъ?

Кюре отлично зналъ средства управлять людьми и держать ихъ въ повиновеніи.

— Сообщайте всѣмъ о вашей беременности, постоянно говорите о ней и кончится тѣмъ, что онъ самъ повѣритъ этому.

И потомъ онъ добавилъ, какъ бы для того, чтобъ оправдать эту хитрость:

— Это ваше право. Церковь допускаетъ сношенія между мужемъ и женою лишь для воспроизведенія потомства.

Она послѣдовала хитрому совѣту и пятнадцать дней спустя объявила Жюльену, что считаетъ себя беременной.

Онъ подпрыгнулъ:

— Невозможно! Это неправда!

Она стала приводить доказательства своихъ подозрѣній, Но онъ не вѣрилъ.

— Подожди немного, ты увидишь!

— Ну, что?—спрашивалъ онъ каждое утро.

Она отвѣчала:—Нѣтъ еще. Я буду очень удивлена, если не окажусь беременной.

Онъ, въ свою очередь, безпокоился столько же отъ удивленія, сколько отъ злости и отчанія. Онъ бормоталъ:

— Я ничего, ровно ничего не понимаю. Убей меня Богъ, коли я знаю какъ это могло случиться.

Къ концу мѣсяца она всѣмъ направо и налѣво говорила объ этой новости, но изъ какого-то тонкаго и деликатнаго стыда не высказывала этого графинѣ Жильбертѣ.

Со времени ея перваго безпокойства Жюльенъ не приближался къ ней, но потомъ онъ примирился съ этимъ фактомъ, сердито вскричавъ:—Вотъ ужъ этотъ ребенокъ будетъ непрошенный. — И онъ снова возобновилъ посѣщенія комнаты своей жены.

То, что предполагалъ священникъ, осуществилось на самомъ дѣлѣ. Она забеременѣла.

Тогда, охваченная безумною радостью, она стала каждый вечеръ запирать свою дверь, посвящая себя вѣчному цѣломудрію въ благодарность какому-то таинственному божеству, которое она обожала.

Она снова почувствовала себя почти счастливою, удивляясь той быстротѣ, съ которой разсѣявалась ея печаль послѣ смерти матери. Она думала, что никогда не утѣшится, но вотъ едва прошло два мѣсяца, какъ эта жестокая рана стала заживать. Въ ней не оставалось ничего, кромѣ какой-то нѣжной меланхоліи, покрова грусти, наброшеннаго на ея жизнь. Ей казалось, что никакой переворотъ въ ея жизни уже болѣе невозможенъ. Ея дѣти будутъ расти, любить ее и она состарится спокойная, довольная, нисколько не занимаясь своимъ мужемъ.

Въ концѣ сентября явился съ торжественнымъ визитомъ аббатъ Пико въ новой сутанѣ, на которой были только восьмидневные пятна, и представилъ своего преемника аббата Тольбіака. Это былъ совсѣмъ молодой худощавый священникъ, очень маленькаго роста, съ напыщенною рѣчью и впалыми, окруженными темными кругами, глазами, указывавшими на страстную душу.

Старый кюре былъ назначенъ деканомъ въ Годервиллѣ. Жанна почувствовала искреннюю печаль, узнавъ о его отъѣздѣ. Всѣ воспоминанія молодой женщины были связаны съ фигурой этого добряка. Онъ вѣнчалъ ее, онъ крестилъ Поля, онъ хоронилъ баронессу. Она не могла представить себѣ Этувана безъ толстаго аббато Пико, шествующаго вдоль дворовъ фермъ, котораго она любила за простоту и веселость. Несмотря на свое повышеніе, онъ не казался веселымъ.

— Это мнѣ тяжело, тяжело, госпожа графиня, — говорилъ онъ; — вотъ уже осьмнадцать лѣтъ, какъ я здѣсь.

Правда, приходъ приноситъ мало дохода и ничего не стоитъ. Мужчины совершенно безучастно относятся къ религіи, а женщины... женщины, знаете ли, ведутъ себя совершенно невозможно. Дѣвушки не являются въ церковь для вѣнчанія, не побывавъ раньше беременными, и флеръ д'оранжъ ни во что не цѣнится въ нашемъ краѣ. Это, конечно, нехорошо, но я люблю его.

Новый кюре краснѣлъ и дѣлалъ нетерпѣливые жесты.

— При мнѣ,—рѣзко замѣтилъ онъ,—все это перемѣнится. Худенькій и слабый, въ поношенной уже, но опрятной сутанѣ, онъ походилъ на взбалмошнаго ребенка.

Аббатъ Пико лукаво посмотрѣлъ на него, какъ всегда въ припадкахъ веселости, и сказалъ:

— Знаете ли что, аббатъ: для того, чтобы воспрепятствовать этому, вамъ пришлось бы сковать вашихъ прихожанъ, но и это даже ни къ чему бы не послужило.

— Посмотримъ, — сказалъ молодой священникъ жесткимъ голосомъ. Старый кюре смѣялся, втягивая въ носъ понюшку табаку.

— Съ лѣтами и съ опытомъ, аббатъ, вы станете поспокойнѣе, а такъ вы оттолкнете отъ церкви вашихъ послѣднихъ вѣрующихъ — вотъ и все. Въ этомъ краю люди вѣрующіе, но берегитесь, чортъ возьми. Что касается до меня, то, замѣчая во время проповѣди слишкомъ потолстѣвшую дѣвушку, я говорю себѣ: благодаря ей, у меня однимъ прихожаниномъ будетъ больше,—и стараюсь выдать ее замужъ. Видите ли: вы не помѣшаете имъ грѣшить, но вы можете разыскать молодца и не позволить ему бросить мать его ребенка. Вѣнчайте ихъ, аббатъ, вѣнчайте и не заботьтесь ни о чемъ другомъ.

Новый кюре грубо отвѣтилъ:—Мы думаемъ совершенно различно и было бы безполезно спорить.

Аббатъ Пико погрузился въ воспоминанія о своей деревнѣ, о морѣ, которое было видно изъ оконъ церковнаго дома, о маленькихъ углубленныхъ долинахъ, гдѣ онъ перечитывалъ свой требникъ, любуясь на пробѣгавшія вдали суда.

Оба священника откланялись. Старикъ обнялъ Жанну, которая чуть не расплакалась.

Восемь дней спустя явился аббатъ Тольбіакъ. Онъ началъ говорить о реформахъ, которыя онъ совершалъ, какъ будто считалъ себя владѣтельнымъ княземъ, вступившимъ въ управленіе государствомъ. Потомъ онъ просилъ виконтессу не пропускать больше воскресныхъ богослуженій и пріобщаться каждый праздникъ.

— Вы и я,—говорилъ онъ, — самыя главныя лица края, мы должны управлять имъ и подавать собою примѣръ, достойный подражанія. Для того, чтобы мы были сильны и уважаемы, нужно намъ соединиться. Церковь и замокъ подадутъ другъ другу руку и хижина будетъ насъ бояться и повиноваться намъ.

Религія Жанны вся заключалась въ чувствѣ; въ ней была та мечтательная вѣра, которая всегда таится въ женщинѣ, и если она съ грѣхомъ пополамъ исполняла религіозныя обязанности, то лишь благодаря привычкѣ, пріобрѣтенной въ монастырѣ; скептическая философія барона уже давно разрушила ея убѣжденія.

Аббатъ Пико довольствовался тѣмъ немногимъ, что она исполняла, и никогда не дѣлалъ ей замѣчаній. Но его преемникъ, не видя ее за службой въ прошедшее воскресенье, явился къ ней обезпокоенный и строгій.

Она не хотѣла портить отношеній съ аббатомъ и обѣщала, имѣя въ виду, изъ любезности къ нему, аккуратно посѣщать церковь, только на время.

Но мало-по-малу она привыкла не пропускать обѣдни и подчинилась вліянію этого тщедушнаго аббата, неподкупнаго и властолюбиваго. Онъ нравился ей своимъ пыломъ и своей экзальтаціей мистика; онъ заставилъ звучать въ ея сердцѣ ту струну религіозной поэзіи, которая находится въ душѣ каждой женщины. Его несговорчивая суровость, его презрѣніе къ міру и къ чувственности, его отвращеніе къ человѣческимъ заботамъ, любовь къ Богу, юношеская нетерпѣливость и дикость, его рѣзкая рѣчь и непреклонная воля производили на Жанну впечатлѣніе мучениковъ, и она, уже разочарованная страдалица, была обольщена суровымъ фанатизмомъ этого ребенка-служителя престола.

Онъ направлялъ ее къ Христу утѣшителю и говорилъ ей о томъ, какъ чистыя радости вѣры успокоиваютъ всѣ страданія, и она смиренно преклоняла колѣни въ исповѣдальнѣ, чувствуя себя маленькой и слабой передъ этимъ казавшимся пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ-священникомъ.

Но скоро онъ возбудилъ противъ себя ненависть всей деревни.

Непреклонно строгій къ самому себѣ, онъ относился къ другимъ съ неумолимою нетерпимостью. Одна вещь особенно возбуждала его гнѣвъ и негодованіе: это — любовь. Онъ говорилъ о ней въ своихъ проповѣдяхъ съ увлеченіемъ, по церковному обычаю называя вещи по имени, металъ громы передъ своей деревенской аудиторіей противъ вожделѣнія; дрожалъ отъ ярости, топалъ ногами, вызывая въ своемъ воображеніи эти ненавистные образы.

Взрослые парни и дѣвушки лукаво переглядывались, а старые крестьяне, всегда готовые пошутить надъ такими вещами, возвращаясь послѣ службы домой, неодобрительно отзывались о нетерпимости маленькаго священника. Весь околотокъ пришелъ въ возбужденіе.

Потихоньку перешептывались о его строгости въ исповѣдальнѣ, про суровыя эпитеміи, которыя онъ налагалъ, про то, какъ онъ упорно отказывался давать отпущеніе дѣвушкамъ, нарушившимъ свою дѣвственность. Во время обѣдни въ праздничные дни смѣялись надъ молодыми дѣвушками, остававшимися на своихъ скамьяхъ вмѣсто того, чтобы идти пріобщаться со всѣми.

Вскорѣ онъ началъ подстерегать влюбленныхъ, чтобы помѣшать ихъ свиданіямъ, и слѣдилъ за ними, какъ лѣсникъ за браконьерами. Онъ охотился за ними вдоль рвовъ, позади гуменъ въ лунные вечера и за зарослями морскихъ тростниковъ на косогорѣ берега.

Однажды онъ накрылъ парочку, которая не разошлась при видѣ его; они держали другъ друга за талію и шли цѣлуясь по лощинѣ, усыпанной камнями.

Аббатъ закричалъ:

— Перестаньте вы, мужичье!

Но парень, обернувшись, отвѣчалъ ему:

— Знайте свое дѣло, г. кюре, а это до васъ не касается.

Тогда аббатъ принялся подбирать камни и швырять въ нихъ, какъ швыряютъ въ собакъ.

Они оба со смѣхомъ убѣжали, а на слѣдующее воскресенье онъ назвалъ ихъ имена при полной церкви.

Всѣ мѣстные парни перестали ходить къ богослуженію.

Кюре каждый четвергъ обѣдалъ въ замкѣ и часто навѣдывался туда и на недѣлѣ поболтать съ своею духовною дочерью. Она воодушевлялась такъ же, какъ и онъ, разсуждала объ отвлеченныхъ вещахъ и перебирала весь старый и сложный арсеналъ религіозныхъ преній.

Они прогуливались вдвоемъ по большой аллеѣ баронессы и говорили о Христѣ, объ апостолахъ, о Святой Дѣвѣ и

объ отцахъ церкви, точно это были ихъ знакомые. По временамъ они останавливались, чтобы предложить другъ другу глубокіе вопросы, увлекавшіе ихъ въ мистическое разглагольствованіе; она терялась въ этихъ поэтическихъ разсужденіяхъ, поднимавшихся къ небу, какъ ракеты, — онъ, аргументируя, какъ завзятый мономанъ, математически доказывающій квадратуру круга.

Жюльенъ относился къ новому кюре съ большимъ уваженіемъ, безпрестанно повторяя:

— Мнѣ нравится этотъ священникъ,—онъ не изъ уступчивыхъ.

И онъ съ охотой исповѣдывался и пріобщался, не скупясь подавая примѣръ своимъ усердіемъ.

Онъ теперь почти каждый день бывалъ у Фурвиллей, охотясь съ мужемъ, который не могъ обходиться безъ него, и катаясь верхомъ съ графиней, несмотря на дожди и дурную погоду.

— Они помѣшались на верховой ѣздѣ,—говорилъ графъ,— но для жены это полезно.

Въ половинѣ ноября возвратился баронъ. Онъ измѣнился, постарѣлъ, опустился, погруженный въ мрачную печаль, овладѣвшую его сердцемъ.

Въ то же время любовь, привязывавшая его къ дочери, казалось, возросла, точно эти нѣсколько мѣсяцевъ мрачнаго одиночества усилили въ немъ потребность привязанности, довѣрія и нѣжности.

Жанна не сообщала ему о своихъ новыхъ мысляхъ, о своей близости съ аббатомъ Тольбіакомъ и религіозномъ усердіи, но, въ первый же разъ увидавъ священника, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ зарождается противъ него сильная непріязнь.

И когда молодая женщина спросила у него вечеромъ:

— Какъ ты его находишь?

Онъ отвѣчалъ:

— Этотъ человѣкъ—настоящій инквизиторъ! Онъ, должно быть, очень опасенъ.

Потомъ, когда онъ узналъ отъ крестьянъ, съ которыми былъ друженъ, о строгостяхъ молодого священника, о его жестокости, о той маніи преслѣдованія, которую онъ обнаруживалъ противъ врожденныхъ инстинктовъ и потребностей человѣка, въ его сердцѣ вспыхнула жестокая ненависть къ нему.

Онъ былъ однимъ изъ старыхъ философовъ-поклонниковъ природы, которые умиляются, видя соединеніе двухъ животныхъ, преклоняются предъ какимъ-то пантеистическимъ божествомъ, возмущаясь католическими понятіями о Богѣ, съ буржуазными наклонностями, съ іезуитскимъ гнѣвомъ и мстительностью тирана, умалявшимъ въ его глазахъ видимое творчество, роковое, безграничное, всемогущее,—творчество, которое есть жизнь, свѣтъ, земля, мысль, растеніе, скала, человѣкъ, воздухъ, животное, звѣзда, богъ, въ то же время и червь,—творчество творящее, потому что оно, само творчество, болѣе сильное, чѣмъ воля, болѣе широкое, чѣмъ разсужденіе,—творящее безъ причины, безъ цѣли, безъ конца, во всѣхъ формахъ и во всѣхъ направленіяхъ, черезъ все безконечное пространство, слѣдуя необходимости, случайности и близости свѣтилъ, согрѣвающихъ міры.

Въ твореніи заключались зародыши всего. На немъ, какъ цвѣты и плоды на деревѣ, зрѣли жизнь и мысль.

Для него воспроизведеніе было великимъ всеобщимъ закономъ, священнымъ, достойнымъ уваженія, божественнымъ актомъ, который исполняетъ тайную и постоянную волю Всемірнаго Существа.

И онъ началъ, ходя изъ фермы въ ферму, упорную борьбу противъ нетерпимаго священника, преслѣдующаго жизнь.

Приведенная въ отчаяніе, Жанна молилась Богу и умоляла своего отца, но онъ постоянно отвѣчалъ:

— Нужно бороться противъ этихъ людей, это наше право и наша обязанность, они не человѣчны...—и онъ повторялъ, встряхивая своими длинными бѣлыми волосами:—они не человѣчны, они ничего, ничего не понимаютъ! Они погружены въ роковое заблужденіе, они противоестественны. Противоестественны!—восклицалъ онъ, точно произносилъ проклятіе.

Священникъ чуялъ врага, но, желая оставаться хозяиномъ въ замкѣ и молодой женщины, онъ выжидалъ, увѣренный въ полной побѣдѣ.

Теперь его преслѣдовала неотступная мысль: онъ случайно открылъ любовныя отношенія Жюльена и Жильберты и рѣшился помѣшать имъ во что бы то ни стало.

Однажды онъ явился къ Жаннѣ и послѣ длиннаго мистическаго вступленія предложилъ ей соединиться съ нимъ для искорененія зла, гнѣздящагося въ собственной ея семьѣ, для спасенія двухъ душъ, находящихся въ опасности.

Она не понимала и хотѣла знать, на что онъ намекаетъ.

— Не насталъ еще часъ,—отвѣтилъ онъ,—скоро я съ вами опять увижусь,—и быстро ушелъ.

Зима близилась къ концу, гнилая зима, какъ говорили въ деревнѣ, т.-е. сырая и теплая.

Аббатъ, придя черезъ нѣсколько дней, снова заговорилъ въ темныхъ выраженіяхъ о какой-то недостойной связи между людьми, которымъ слѣдовало бы быть безукоризненными.

— Они принадлежатъ къ тѣмъ,—говорилъ онъ,—у кого есть достаточно сознанія, чтобы воздержаться отъ всего

подобнаго.—Потомъ онъ пустился въ возвышенныя разсужденія и, взявъ Жанну за руку, заклиналъ ее открыть глаза, понять и помочь ему.

На этотъ разъ она поняла, но молчала, ужасаясь при мысли о томъ, какъ это нарушило бы спокойствіе, царившее теперь въ ихъ домѣ, и притворялась, что не понимаетъ его. Тогда онъ пересталъ колебаться и заговорилъ ясно:

— Мнѣ приходится исполнять очень тягостный долгъ, графиня, но я не могу поступить иначе. Санъ, въ который я облеченъ, повелѣваетъ мнѣ не оставлять васъ въ невѣдѣніи того, чему вы можете воспрепятствовать. Знайте же, что вашъ мужъ вступилъ въ преступную связь съ госпожею де Фурвилль.

Она опустила голову, обезсилѣвшая и покорная.

— Что теперь вы думаете дѣлать?—спросилъ священникъ.

— Что же я могу сдѣлать, г. аббатъ?—проговорила она.

— Вы должны помѣшать этой преступной страсти!—рѣзко отвѣтилъ онъ.

Она заплакала и сказала прерывающимся голосомъ:

— Онъ уже обманывалъ меня со служанкой; онъ меня не слушаетъ, не любитъ, онъ оскорбляетъ меня всякій разъ, когда я высказываю желаніе, которое ему не нравится. Что я могу сдѣлать?

Кюре, не отвѣчая на вопросъ, вскричалъ:

— Такъ вы склоняетесь предъ этимъ? Вы покорны, вы допускаете это! Прелюбодѣяніе подъ вашимъ кровомъ и вы это терпите? Предъ вашими глазами совершается преступленіе и вы отворачиваетесь?... Развѣ послѣ этого вы супруга, мать, христіанка?

Она рыдала:

— Чего же вы отъ меня хотите?

Онъ отвѣчалъ:

— Дѣлайте, что хотите, но не допускайте этого позора: покиньте его, бѣгите прочь изъ этого оскверненнаго дома!

— Но вѣдь у меня нѣтъ денегъ, г. кюре, —сказала она,— у меня нѣтъ теперь достаточно мужества, и притомъ какъ уйти безъ явныхъ доказательствъ? Я не имѣю на это права.

Священникъ поднялся, весь дрожа.

— Это малодушіе съ вашей стороны, сударыня, я васъ считалъ иною. Вы недостойны милосердія Божія.

Она упала на колѣни.

— О, умоляю васъ, не покидайте меня, посовѣтуйте мнѣ!

Онъ коротко отвѣчалъ:—Откройте глаза господину де-Фурвиллю. Ему-то и слѣдуетъ прервать эту связь.

Ужасъ охватилъ ее при этой мысли.

— Но вѣдь онъ ихъ убьетъ, господинъ аббатъ! И я буду доносчицей! О, на это я никакъ не рѣшусь!

Онъ поднялъ руку, какъ бы произнося проклятіе, внѣ себя отъ гнѣва:

— Итакъ, оставайтесь съ вашимъ стыдомъ и съ вашимъ преступленіемъ, — вы еще виновнѣе ихъ, вы... жена потворщица! Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать.

И онъ ушелъ, трясясь отъ ярости всѣмъ тѣломъ. Она, растерявшись, бросилась за нимъ, готовая уступить, сдаться на его увѣщанія. Но онъ, дрожа отъ негодованія, шелъ быстрыми шагами, неистово размахивая своимъ огромнымъ синимъ зонтикомъ, который казался чуть ли не выше его. Около рѣшотки онъ замѣтилъ Жюльена, смотрѣвшаго за подрѣзкой деревьевъ; тогда онъ повернулъ налѣво, къ фермѣ Кульяровъ, повторяя:—Оставьте меня, сударыня, мнѣ нечего вамъ сказать.

Какъ разъ у дороги, посреди двора, куча дѣтей толпи-

лась около конуры собаки Мирзы и въ сосредоточенномъ и нѣмомъ ожиданіи глядѣла на что-то съ любопытствомъ. Посреди ихъ стоялъ баронъ, заложивъ руки за спину, и тоже смотрѣлъ съ такимъ же любопытствомъ. Онъ походилъ на школьнаго учителя. Но, замѣтивъ издали священника, онъ ушелъ, чтобы не встрѣчаться, не говорить и не здороваться съ нимъ.

Жанна, умоляя, твердила:—Дайте мнѣ нѣсколько дней подумать, г. кюре, и приходите въ замокъ. Я вамъ разскажу все, что я могу сдѣлать, что я придумаю и мы посмотримъ.

Они подошли къ группѣ дѣтей, и кюре приблизился, чтобы посмотрѣть, что ихъ такъ интересовало. Собака щенилась. Передъ конурой пять кутенковъ уже копошились около матери, которая нѣжно ихъ лизала, въ изнеможеніи растянувшись на боку. Въ ту минуту, когда подошелъ священникъ, животное въ судорогѣ вытянулось и появился шестой щенокъ. Обрадованные мальчишки захлопали въ ладоши и принялись кричать: „вотъ и еще одинъ, вотъ и еще одинъ“. Для нихъ это была забава, забава естественная, не заключавшая въ себѣ ничего нечистаго. Они смотрѣли на это рожденіе, какъ смотрѣли бы на яблоки, падающія съ дерева.

Аббатъ Тольбіакъ сначала былъ пораженъ, потомъ имъ овладѣла неудержимая ярость, онъ поднялъ свой большой зонтикъ и принялся колотить изъ всей силы по головамъ дѣтей. Испуганные ребятишки убѣжали со всѣхъ ногъ, и онъ вдругъ очутился одинъ передъ лежащей собакой, которая пыталась встать. Но онъ не далъ ей подняться на лапы и, обезумѣвъ, сталъ бить ее изо всѣхъ силъ. Привязанная на цѣпь, она не могла убѣжать и страшно визжала подъ градомъ сыпавшихся ударовъ. Зонтикъ сломался. Тогда, съ пустыми руками, онъ вскочилъ на нее и съ яростью при-

нялся топтать, давить, толочь ее. Она выкинула послѣдняго щенка, и онъ въ безуміи каблукомъ добивалъ окровавленное тѣло, которое еще двигалось между пищавшими новорожденными слѣпыми тяжелыми щенками, искавшими ея сосцовъ.

Жанна убѣжала, но священникъ вдругъ почувствовалъ что кто-то схватилъ его за шею, сильный ударъ сшибъ съ него треуголку, и взбѣшенный баронъ вытащилъ его за ворота и швырнулъ на дорогу. Когда г. де-Пертюи обернулся, онъ увидалъ свою дочь на колѣняхъ, рыдающую посреди щенятъ, которыхъ она подбирала въ свое платье.

Большими шагами онъ подошелъ къ ней, жестикулируя и крича:

— Вотъ онъ, вотъ онъ, человѣкъ въ рясѣ! Поняла ты его теперь!

Сбѣжались фермеры, всѣ смотрѣли на истерзанное животное, и тетка Кульяръ невольно воскликнула: — Можно ли быть до такой степени дикимъ?!

Жанна подобрала семь щенятъ и хотѣла ихъ выкормить.

Имъ стали давать молока, трое умерли на слѣдующій день. Дядя Симонъ избѣгалъ весь околотокъ, чтобы найти кормящую суку. Такой не оказалось, но онъ принесъ кошку, увѣряя, что она будетъ кормить. Трехъ остальныхъ щенятъ убили, а послѣдняго довѣрили этой кормилицѣ изъ другой породы. Она тотчасъ приняла его, легла на бокъ и подставила ему сосцы. Потомъ, чтобы не изнурить пріемную мать, черезъ двѣ недѣли взяли отъ нея собачку и Жанна стала сама ее кормить изъ рожка. Она назвала ее Тото, но баронъ самовольно измѣнилъ это имя, окрестивъ ее въ „Бой“.

Священникъ больше не приходилъ, но на слѣдующее воскресенье онъ съ высоты каѳедры разразился проклятіями,

хулою и угрозами противъ замка, говоря, что нужно прижечь язву раскаленнымъ желѣзомъ, предавалъ анаѳемѣ барона, котораго это забавляло, и отмѣчалъ темными, еще осторожными намеками новыя любовныя похожденія Жюльена. Виконтъ пришелъ въ ярость, но боязнь ужаснаго скандала сдерживала его гнѣвъ.

Затѣмъ священникъ въ слѣдующихъ проповѣдяхъ продолжалъ свою месть, предсказывая, что близокъ часъ гнѣва Божія, когда будутъ сокрушены всѣ враги Его.

Жюльенъ написалъ почтительное, но энергичное письмо архіепископу. Аббату Тольбіакъ сдѣлали предостереженіе, и онъ замолчалъ.

Теперь его встрѣчали совершающимъ длинныя уединенныя прогулки, скорымъ шагомъ, но съ восторженнымъ лицомъ.

Жильберта и Жюльенъ во время своихъ прогулокъ верхомъ постоянно замѣчали его иногда въ видѣ черной точки гдѣ-нибудь вдали, въ концѣ равнины, на краю утеса, иногда читающимъ свой требникъ въ какой-нибудь узкой долинѣ, по которой имъ нужно было проѣхать. Они быстро поворачивали назадъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ.

Наступила весна, оживившая ихъ любовь, каждый день бросающая ихъ въ объятія другъ друга то здѣсь, то тамъ, въ первомъ попавшемся убѣжищѣ, мимо котораго пролегалъ ихъ путь.

Такъ какъ листва на деревьяхъ была еще прозрачна, а трава сыра и они не могли, какъ лѣтомъ, углубиться въ чащу лѣса, то они пользовались для своихъ тайныхъ свиданій подвижною хижиной пастуха, находившеюся еще съ осени на вершинѣ скалы у Вокотта. Она стояла тамъ одиноко, на своихъ высокихъ колесахъ, на утесѣ въ пятьсотъ метровъ вышины, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинался

крутой спускъ въ долину. Тамъ они не могли быть застигнуты врасплохъ, потому что вся равнина была имъ видна, и лошади, привязанныя къ оглоблямъ, ожидали, пока они не насытятся своими ласками. Но вотъ, однажды, въ ту минуту, когда они покидали это убѣжище, они замѣтили аббата Тольбіака, сидѣвшаго спрятавшись въ морскихъ тростникахъ прибрежья.—Нужно оставлять нашихъ лошадей въ оврагѣ,—сказалъ Жюльенъ,—онѣ могутъ выдать насъ издалека... — И они приняли обыкновеніе привязывать лошадей въ одной изъ извилинъ оврага, поросшихъ кустарниками.

Однажды вечеромъ, возвращаясь вдвоемъ во Вриллеттъ, гдѣ они должны были обѣдать съ графомъ, они встрѣтили кюре, выходившаго изъ замка. Онъ посторонился, чтобы дать имъ проѣхать, и поклонился, не встрѣтившись съ ними взглядами. Они почувствовали безпокойство, которое вскорѣ разсѣялось.

Однажды, послѣ полудня, Жанна читала у камина, прислушиваясь къ порывамъ страшнаго вѣтра (это было въ началѣ мая), какъ вдругъ замѣтила графа де Фурвилля, который шелъ пѣшкомъ такъ скоро, что она подумала, не случилось ли какого несчастія.

Она быстро спустилась внизъ, чтобы встрѣтить его и, когда увидала его вблизи, подумала, что онъ помѣшался.

Онъ былъ въ большой, подбитой мѣхомъ фуражкѣ, которую носилъ только дома, въ охотничей блузѣ и такъ блѣденъ, что его рыжіе усы, обыкновенно не отличавшіеся цвѣтомъ отъ его лица, казались огненными. Гл за его безсмысленно блуждали.

— Моя жена вѣдь здѣсь, не правда ли?

— Нѣтъ, я ее сегодня еще не видала,—отвѣчала растерявшаяся Жанна.

Тогда онъ сѣлъ, точно подкосились подъ нимъ ноги, снялъ свою фуражку, нѣсколько разъ машинально обтеръ лобъ платкомъ, потомъ порывисто всталъ, подошелъ къ молодой женщинѣ съ простертыми руками, съ открытымъ ртомъ, собираясь говорить, повѣрить ей какую-то страшную скорбь; но онъ остановился, пристально посмотрѣлъ на нее и произнесъ какъ бы въ бреду: „Но онъ вашъ мужъ... вы тоже...“ И онъ кинулся бѣжать по направленію къ морю.

Жанна побѣжала за нимъ, чтобъ остановить его, звала его, умоляла; сердце ея сжималось отъ ужаса и она шептала: „Онъ знаетъ все! Что онъ теперь сдѣлаетъ? О, только бы онъ ихъ не нашелъ!“ Но она не могла его догнать; онъ не слушалъ ея. Онъ шелъ впередъ твердо, къ опредѣленной цѣли. Онъ перескочилъ канаву и, шагая гигантскими шагами черезъ морской камышъ, началъ взбираться на утесъ.

Жанна, стоя на откосѣ, усаженномъ деревьями, долго глазами слѣдила за нимъ, потомъ, потерявъ его изъ виду, вернулась, мучимая страхомъ.

Онъ повернулъ направо и пустился бѣжать.

Бурное море катило свои волны; большія, черныя тучи неслись съ безумною быстротой, то догоняя другъ друга, то разражаясь надъ берегомъ бѣшенымъ ливнемъ. Вѣтеръ свисталъ, вылъ, скользилъ по травѣ, гнулъ молодые побѣги и уносилъ, точно хлопья пѣны, большихъ бѣлыхъ птицъ, увлекая ихъ далеко вглубь берега. Падающія капли дождя сѣкли графа по лицу, смачивали его усы и щеки, по которымъ струилась вода, наполняли шумомъ его уши и смущеніемъ его сердце.

Внизу передъ нимъ долина Вокотта открывала глубокую свою впадину. Тамъ не было ничего, кромѣ домика пастуха, около пустой изгородки для овецъ. Двѣ лошади были при-

вязаны къ оглоблямъ подвижного домика. Чего они могли опасаться въ такую погоду? Замѣтивъ ихъ, графъ легъ на землю и поползъ на рукахъ и на колѣняхъ, похожій на какое-то чудовище въ своей мѣховой шапкѣ, съ огромнымъ туловищемъ, испачканнымъ грязью. Онъ подползъ къ уединенному домику и спрятался подъ него, чтобы не быть замѣченнымъ сквозь щели стѣнъ.

Лошади, при видѣ его, забились. Онъ потихоньку перерѣзалъ ихъ поводья ножомъ, который держалъ открытымъ въ рукѣ, и при налетѣвшемъ порывѣ вихря лошади пустились бѣжать, погоняемыя градомъ, который хлесталъ по покатой крышѣ деревяннаго домика, заставляя его дрожать на своихъ высокихъ колесахъ.

Тогда графъ, приподнявшись на колѣни, приложилъ глазъ къ щели подъ дверью и сталъ смотрѣть во внутрь. Онъ не шевелился и, казалось, ждалъ. Прошло довольно много времени, вдругъ онъ поднялся, весь въ грязи съ головы до ногъ. Бѣшенымъ жестомъ онъ задвинулъ наружный засовъ двери и, схватившись за оглобли, принялся трясти эту конуру, точно хотѣлъ разбить ее вдребезги.

Потомъ вдругъ онъ впрягся въ нее, согнулъ свой высокій станъ, съ отчаяннымъ усиліемъ таща ее, какъ волъ, и, задыхаясь, повлекъ къ крутому спуску движущійся домъ и тѣхъ, кто въ немъ былъ запертъ.

Они кричали тамъ, внутри, стучали кулаками въ перегородку, не понимая, что съ ними случилось. Достигнувъ вершины спуска, онъ выпустилъ легкій домикъ, и онъ покатился по наклонной плоскости. Ускоряя бѣгъ, уносимый съ безумною быстротой, которая все увеличивалась, онъ прыгалъ, спотыкался, какъ животное, колотя землю оглоблями.

Старый нищій, притаившійся въ канавѣ, видѣлъ, какъ онъ

пронесся надъ его головою, и слышалъ страшные крики, раздававшіеся въ этомъ деревянномъ ящикѣ.

Вдругъ онъ потерялъ колесо, сорванное толчкомъ, упалъ на бокъ и покатился внизъ, какъ мячъ, точно съ вершины горы низвергался домъ, сорванный съ фундамента.

Потомъ на краю послѣдняго обрыва онъ подпрыгнулъ, рухнулъ внизъ, описывая дугу и упалъ въ пропасть, разбившись, какъ яйцо.

Когда онъ разбился о камни, старый нищій, видѣвшій это, маленькими шагами пробрался сквозь кусты и, движимый благоразуміемъ крестьянина, не посмѣлъ подойти къ этому разломанному ящику, а пошелъ на сосѣднюю ферму, чтобы разсказать о происшествіи.

Люди сбѣжались, разобрали обломки и нашли два тѣла. Они были мертвы, окрававлены, изуродованы. У мужчины былъ раскроенъ лобъ и раздавлено все лицо. У женщины челюсть висѣла, оторванная толчкомъ; ихъ переломанные члены были такъ измяты, какъ будто подъ мясомъ не было костей.

Ихъ тотчасъ же узнали и пустились въ длинныя разсужденія о причинахъ несчастія.

— Что они дѣлали въ этой каютѣ?— сказала женщина.

Тогда старый бѣднякъ разсказалъ, что они, вѣроятно, зашли туда, чтобы скрыться отъ урагана, и что страшный вѣтеръ опрокинулъ и столкнулъ хижину. И онъ объяснилъ, что хотѣлъ и самъ спрятаться туда же, но замѣтилъ двухъ лошадей, привязанныхъ къ оглоблямъ, и понялъ, что мѣсто уже было занято.

— Да,—прибавилъ онъ довольнымъ тономъ,—иначе и со мной случилось бы то же самое.

— А не лучше ли бы это было?—спросилъ чей-то голосъ.

Тогда старикъ пришелъ въ ярость.

— Почему же бы это было лучше?—Потому, что я бѣденъ, а они богаты?... Караульте ихъ теперь.

Дрожащій, мокрый, оборванный, со спутанною бородой и длинными волосами, выбивавшимися изъ-подъ измятой шляпы, онъ показывалъ на трупы концомъ своей клюки, восклицая: „Мы всѣ равны передъ этимъ!“

Подошли другіе крестьяне и принялись осматривать ихъ исподлобья безпокойнымъ, угрымымъ, испуганнымъ, эгоистичнымъ и трусливымъ взглядомъ. Потомъ поднялись толки о томъ, что дѣлать, и рѣшили, въ надеждѣ на вознагражденіе, перенести тѣла въ замки. Запрягли двѣ телѣги. Но тутъ возникло новое затрудненіе. Одни хотѣли просто постлать соломы на дно повозокъ, другіе предлагали положить туда матрасы для приличія.

Женщина, которая уже раньше говорила, закричала и тутъ:

— Но вѣдь они всѣ будутъ испачканы въ крови, эти матрасы. Ихъ придется отмывать жавелевой водой!

Тогда толстый фермеръ съ веселымъ лицомъ отвѣчалъ:

— Да вѣдь за нихъ же заплатятъ, заплатятъ гораздо больше, чѣмъ они стоятъ!

Аргументъ былъ убѣдительный.

И двѣ телѣги безъ рессоръ, на высокихъ колесахъ, пустились рысью, одна—направо, другая—налѣво, встряхивая и подбрасывая при каждомъ толчкѣ на большихъ выбоинахъ останки двухъ существъ, которыя при жизни обнимались, но которыя теперь уже никогда не встрѣтятся.

Когда графъ увидалъ, что хижина покатилась по крутому скату, онъ изо всѣхъ силъ пустился бѣжать подъ дождемъ и вихремъ. Онъ бѣжалъ нѣсколько часовъ, пересѣкая дороги, перескакивая пригорки, продираясь сквозь изгороди,

и къ вечеру, самъ не помня какъ, вернулся домой. Перепуганные слуги ожидали его и доложили, что вернулись двѣ лошади безъ всадниковъ.

Г. де-Фурвилль зашатался и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Въ такую страшную погоду съ ними навѣрное случилось какое-нибудь несчастіе. Чтобы всѣ немедленно шли ихъ искать!

И онъ пошелъ самъ, но какъ только скрылся у нихъ изъ виду, то спрятался въ кусты и сталъ караулить у дороги, по которой должна была вернуться мертвая, умирающая или, можетъ быть, искалѣченная, обезображенная навсегда та, которую онъ все еще любилъ дикой страстью.

И вотъ мимо него проѣхала телѣга, на которой лежало что-то странное.

Она остановилась у замка и затѣмъ въѣхала во дворъ. Да, это такъ, это она; но ужасный страхъ, ужасъ передъ картиной приковали его къ мѣсту. Онъ не шевелился, притаившись какъ заяцъ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ.

Онъ прождалъ часъ, можетъ-быть два. Телѣга не выѣзжала. Онъ подумалъ, что жена его умираетъ, и при мысли увидѣть, встрѣтить ея взглядъ, имъ овладѣлъ такой ужасъ, что онъ вдругъ испугался того, что его могутъ найти притаившагося за угломъ и заставить присутствовать при ея агоніи, что онъ снова убѣжалъ въ самую глубь лѣса. Тогда онъ подумалъ, что можетъ быть она нуждается въ помощи, что вѣроятно некому за ней ухаживать, и онъ, растерявшись, вернулся бѣгомъ. Возвращаясь, онъ встрѣтилъ садовника и закричалъ ему:

— Ну что?

Человѣкъ не смѣлъ отвѣчать. Тогда г. де-Фурвилль заревѣлъ:

— Она умерла?

— Да, г. графъ...—пробормоталъ слуга.

Онъ почувствовалъ громадное облегченіе. Спокойствіе быстро вернулось, разлилось по его крови, по его трепещущимъ мускуламъ, и онъ твердыми шагами поднялся по ступенькамъ своего большого крыльца.

Другая телѣга подъѣхала къ Тополямъ. Жанна издали увидала ее, разглядѣла матрасъ, догадалась, чье тѣло лежитъ на немъ, и поняла все. Ея потрясеніе было такъ велико, что она лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, отецъ придерживалъ ея голову и теръ виски уксусомъ. Онъ спросилъ ее, запинаясь:

— Ты знаешь?...

— Да, отецъ!—пролепетала она. Но когда она хотѣла встать, то отъ страданій не могла подняться.

Въ тотъ же вечеръ она родила мертваго ребенка—дѣвочку. Она не видала похоронъ Жюльена и ничего не знала. Она замѣтила только черезъ день или черезъ два, что возвратилась тетя Лизонъ, и въ лихорадочномъ бреду, овладѣвшемъ ею, она упорно старалась припомнить, когда, въ какое время, при какихъ обстоятельствахъ старая дѣва уѣхала изъ Тополей. Она не могла этого вспомнить, но въ ясныя минуты была увѣрена, что видѣла ее послѣ смерти мамы.

XI.

Три мѣсяца она не выходила изъ своей комнаты и до того ослабѣла и поблѣднѣла, что выздоровленіе ея казалось невозможнымъ. Потомъ мало-по-малу она стала поправляться. Баронъ и тетка Лизонъ уже не разставались съ ней, поселившись оба въ Тополяхъ. Отъ послѣдняго по-

трясенія въ ней развилась какая-то нервная болѣзнь: малѣйшій шумъ раздражалъ ее и самыя незначительныя причины вызывали глубокій обморокъ.

Она никогда не разспрашивала о подробностяхъ смерти Жюльена. Что ей до нихъ? Развѣ она не достаточно уже знала? Всѣ считали это дѣломъ случая, но Жанна не могла ошибиться и хранила въ сердцѣ своемъ эту мучительную тайну: связь Жюльена съ графиней и внезапное, страшное появленіе къ ней графа въ день катастрофы.

И вотъ теперь въ сердцѣ ея зарождались трогательныя воспоминанія, нѣжныя и грустныя, о тѣхъ мимолетныхъ радостяхъ любви, которыя ей давалъ когда-то ея мужъ. Ее приводили въ трепетъ неожиданныя картины прошлаго, когда онъ былъ женихомъ или такимъ, какъ она любила его въ тѣ немногіе часы страсти, которые пережила подъ горячимъ небомъ Корсики. Всѣ его недостатки умалялись, грубость исчезала, даже впечатлѣніе отъ его измѣны слабѣло, по мѣрѣ того, какъ заростала тропа къ его могилѣ. И Жанна подъ вліяніемъ какой-то смутной посмертной благодарности къ человѣку, державшему ее нѣкогда въ своихъ объятіяхъ, прощала ему всѣ прошлыя мученія и помнила только часы пережитого счастья. Но время шло, мѣсяцы проходили за мѣсяцами и, какъ пылью, покрывали забвеніемъ и ея воспоминанія, и ея горе. Она вся сполна отдалась своему сыну.

Онъ сдѣлался идоломъ, единственною мыслью трехъ окружавшихъ его существъ; и онъ царилъ, какъ деспотъ. Даже нѣчто вродѣ ревности проявилось между его тремя рабами. Жанна нервно относилась къ тѣмъ поцѣлуямъ, которыми онъ осыпалъ дѣда, покатавшись верхомъ на его колѣнкѣ. А тетка Лизонъ, пренебрегаемая имъ, какъ и всѣми на свѣтѣ, къ которой этотъ еще безсловесный глава семьи часто

относился какъ къ нянькѣ, уходила въ свою комнату и горько плакала, сравнивая его незначительныя ласки, едва выпрошенныя ею какъ милостыня, съ тѣми объятіями, которыя онъ приберегалъ для матери и дѣда.

Два года прошли спокойно, безъ всякихъ событій, въ неустанныхъ попеченіяхъ о ребенкѣ. Въ началѣ третьей зимы рѣшили было отправиться въ Руанъ до весны; и вся семья тронулась. Но, прибывъ въ старый, заброшенный, сырой домъ, Поль заболѣлъ такимъ сильнымъ бронхитомъ, что опасались плеврита, и встревоженные родственники рѣшили, что мальчику необходимъ воздухъ Тополей, куда онъ и былъ перевезенъ тотчасъ по выздоровленіи.

Затѣмъ начался рядъ тихихъ и монотонныхъ годовъ.

Всѣ трое не отходили отъ малютки, проводя время то въ дѣтской, то въ большой гостиной, то въ саду. Они восхищались его картавымъ лепетомъ, его смѣшными выраженіями, его жестами.

Мать называла его ласкательнымъ именемъ Полэ, которое онъ не могъ выговорить, и произносилъ Пулэ, что вызывало безконечный смѣхъ. Прозвище „Цыпленокъ" такъ и осталось за нимъ; иначе его и не называли.

Такъ какъ онъ росъ очень быстро, то любимымъ занятіемъ трехъ родственниковъ, которыхъ баронъ называлъ „тремя матерями", сдѣлалось измѣреніе его роста. Благодаря этому, косякъ гостиной двери былъ покрытъ рядомъ маленькихъ черточекъ, проведенныхъ перочиннымъ ножомъ для отмѣтки ежемѣсячнаго увеличенія его роста. Этотъ косякъ, получившій названіе „лѣстницы Пулэ", игралъ немаловажную роль въ жизни окружающихъ.

Потомъ на сценѣ появилось новое существо, получившее важное значеніе, собака Бой, заброшенная Жанной, которая была занята исключительно сыномъ. Выкормленная

Людовиной и помѣщенная въ старомъ боченкѣ у конюшни, она жила одиноко, всегда на цѣпи.

Однажды Поль замѣтилъ ее и громкимъ крикомъ заявилъ желаніе ее поцѣловать. Его ввели къ ней съ обычнымъ страхомъ. Собака развеселила ребенка, и онъ принялся ревѣть, когда наступило время разлуки. Тогда Боя выпустили и водворили въ домѣ. Онъ сдѣлался неразлучнымъ другомъ Поля. Они катались вмѣстѣ по полу, спали рядомъ на коврѣ. Потомъ Бой сталъ спать въ кровати своего товарища, не соглашавшагося съ нимъ разстаться. Жанна огорчалась иногда, боясь блохъ, а тетка Лизонъ завидовала, что собака пользуется такою любовью ребенка, краденою любовью, о которой сама она такъ много мечтала.

Обмѣнивались рѣдкими визитами съ Бризевилями и Кутелье. Мэръ и докторъ одни только регулярно нарушали уединеніе стараго замка. Послѣ убійства собаки и подозрѣній, возбужденныхъ священникомъ, со времени страшной смерти Жюльена и графини, Жанна не входила въ церковь, возмущенная противъ Бога, допускающаго такихъ служителей.

Время отъ времени аббатъ Тольбіакъ, въ ясныхъ намекахъ, предавалъ анаѳемѣ замокъ, въ которомъ поселился духъ зла, духъ возмущенія, духъ заблужденія и лжи, духъ беззаконія, духъ растлѣнія и порока. Такъ онъ опредѣлялъ барона.

Церковь его опустѣла; когда же онъ проходилъ мимо работающихъ въ полѣ крестьянъ, они не останавливались, чтобы поговорить съ нимъ, не оборачивались даже, чтобы раскланяться съ нимъ. Между прочимъ, его считали и колдуномъ, потому что онъ выгналъ бѣса изъ одной одержимой женщины. Поговаривали о томъ, что ему извѣстны таин-

ственныя слова для удаленія порчи, которая, по его мнѣнію, была дѣломъ сатаны. Онъ возлагалъ руки на коровъ, дающихъ синее молоко и имѣющихъ хвостъ крючкомъ, и произнесеніемъ нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ достигалъ того, что потерянная вещь находилась.

Умъ его, узкій и фанатичный, со страстью предавался изученію церковныхъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ исторію появленія на землѣ дьявола, проявленіе его власти, его разнообразныя вліянія, способы его дѣйствій и его обычныя лукавыя выходки. Такъ какъ онъ считалъ себя призваннымъ исключительно для побѣды надъ этой таинственной и роковой силой, то и изучилъ всѣ формулы заклинаній бѣсовъ, указанныя въ церковныхъ молитвенникахъ.

Онъ воображалъ, что постоянно чувствуетъ невидимое присутствіе злого духа и съ устъ его не сходила латинская фраза:—Sicut leo rugiens curcuit, quaerens quem devoret.

Тогда распространился ужасъ, страхъ передъ его скрытою силой. Даже собратья его, невѣжественные сельскіе священники, вѣрующіе въ Вельзевула, смущенные мелочными предписаніями церковныхъ правилъ, на случай проявленія этой злой силы, и вслѣдствіе этого доходящіе до смѣшенія религіи съ магіей,—даже они считали аббата Тольбіака колдуномъ и уважали его какъ за предполагаемую въ немъ власть надъ темною силой, такъ и за неоспоримую строгость его жизни.

Съ Жанной онъ не раскланивался при встрѣчѣ.

Такое положеніе дѣлъ смущало и огорчало тетку Лизонъ, которая своей робкою душой старой дѣвы не могла понять, какъ можно не посѣщать церкви. Она была несомнѣнно набожна, конечно исповѣдывалась и причащалась, но никто этого не зналъ и не хотѣлъ знать.

Оставаясь наединѣ съ Полемъ, она расказывала ему по-

тихоньку о Богѣ. Онъ разсѣянно слушалъ, когда она разсказывала ему чудесныя исторіи первыхъ временъ по сотвореніи міра; но когда она говорила, что нужно любить, много, много любить милосерднаго Бога, онъ спрашивалъ иногда:—А гдѣ онъ, тетя?—Тогда, указывая пальцемъ на небо, она говорила:—Тамъ, Пулэ, только объ этомъ слѣдуетъ молчать...—Она боялась барона.

Но однажды Пулэ объявилъ ей:—Богъ всюду, но не въ церкви.

Очевидно, у него былъ разговоръ съ дѣдомъ о таинственныхъ сообщеніяхъ тетки.

Ребенку было десять лѣтъ; матери казалось — сорокъ. Онъ былъ силенъ, шаловливъ, смѣло лазилъ по деревьямъ, но знаній у него было мало. Уроки ему надоѣдали и онъ долго не засиживался за ними. Всякій разъ, когда баронъ задерживалъ его за книгой, являлась Жанна и говорила:—Отпусти же его гулять теперь. Не надо утомлять, онъ еще такъ молодъ.—Для нея онъ казался все еще шестимѣсячнымъ или годовалымъ ребенкомъ. Она едва сознавала, что онъ уже ходитъ, бѣгаетъ, говоритъ какъ маленькій человѣкъ; всегда жила подъ страхомъ, что онъ упадетъ, озябнетъ, разгорячится, переѣстъ и тѣмъ разстроитъ свой желудокъ, или недоѣстъ и истощитъ себя.

Когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ, на очереди появился важный вопросъ о первомъ причастіи.

Одажды утромъ Лизонъ явилась къ Жаннѣ и заговорила о томъ, что невозможно дольше оставлять ребенка безъ религіознаго образованія и безъ соблюденія первоначальныхъ обрядовъ, требуемыхъ церковью. Она доказывала на всѣ лады, приводила тысячу доводовъ и главнымъ образомъ общественное мнѣніе. Мать, встревоженная, нерѣшительная, колебалась, утверждая, что время еще терпитъ.

Но черезъ мѣсяцъ, когда Жанна была съ визитомъ у Брезевилей, виконтесса какъ бы мимоходомъ спросила ее:

— Въ этомъ году, конечно, вашъ Поль будетъ у перваго причастія?

Застигнутая врасплохъ, Жанна отвѣчала:—Да.

И это простое слово имѣло для нея рѣшающее значеніе. Не сказавъ ни слова отцу, она попросила Лизонъ проводить ребенка на уроки катехизиса.

Въ теченіе мѣсяца все шло какъ нельзя лучше, но однажды Пулэ вернулся домой охрипшій, а на слѣдующій день появился и кашель. Испуганная мать приступила къ разспросамъ и узнала, что сынъ ея за дурное поведеніе былъ наказанъ тѣмъ, что кюрэ отослалъ его до окончанія урока къ церковнымъ дверямъ, гдѣ ему пришлось стоять на сквозномъ вѣтру.

Она оставила его дома и сама стала обучать его этой азбукѣ религіи. Но аббатъ Тольбіакъ, не взирая на мольбы Лизонъ, отказался допустить его до причастія, какъ недостаточно подготовленнаго.

На слѣдующій годъ произошло то же самое. Взбѣшенный баронъ поклялся, что можно быть честнымъ человѣкомъ и безъ этого вздора, и рѣшено было воспитывать Поля какъ христіанина, а не какъ католика, исполняющаго церковныя обязанности. При совершеннолѣтіи же онъ свободенъ будетъ сдѣлаться кѣмъ хочетъ.

Черезъ нѣсколько времени на сдѣланный Жанной визитъ Бризевили не отвѣтили. Она удивилась этому, зная утонченную вѣжливость своихъ сосѣдей; но маркиза де Кутелье высокомѣрно открыла ей причину этого отчужденія.

Положеніе мужа, собственное аристократическое происхожденіе и большое состояніе давали ей возможность считать себя королевой нормандскаго дворянства. И дѣйстви-

тельно, маркиза управляла какъ настоящая королева. Она свободно высказывала свое мнѣніе, была милостива или строга, смотря по обстоятельствамъ, дѣлала замѣчанія, наставляла на истинный путь, хвалила при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда Жанна явилась къ ней, эта дама, послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ, произнесла сухо:

— Общество дѣлится на два класса: на вѣрующихъ въ Бога и невѣрующихъ. Первые, хотя бы люди самаго скромнаго общественнаго положенія,—друзья наши, равные намъ; вторые же—для насъ ничто.

Жанна, чувствуя нападеніе, возразила:

— Но развѣ нельзя вѣрить въ Бога, не посѣщая церкви?

Маркиза отвѣчала:

— Нѣтъ, сударыня, вѣрующіе идутъ молиться Богу въ его храмъ, какъ люди посѣщаютъ людей въ ихъ домахъ.

Уколотая Жанна возразила:

— Богъ вездѣ, сударыня. Что же касается меня, вѣрующей отъ глубины души въ Его благость, то я не чувствую Его присутствія, когда между мною и имъ становятся извѣстные священники.

Маркиза встала:

— Священникъ несетъ знамя церкви, сударыня; человѣкъ, не слѣдующій за знаменемъ, идетъ противъ него и противъ насъ.

Дрожащая Жанна встала въ свою очередь:

— Вы вѣрите, сударыня, въ Бога одной партіи, а я вѣрю въ Бога всѣхъ честныхъ людей.

Она поклонилась и вышла.

Крестьяне также промежъ себя осуждали ее за то, что она не привела Пулэ къ первому причастію. Сами они не посѣщали службъ, не исповѣдывались и не причащались, или исполняли это только къ Пасхѣ, какъ формальное предпи-

саніе церкви; что же касается ребятъ, то это дѣло другое. Никто не дерзнулъ бы воспитывать дѣтей внѣ этого общаго закона, потому что религія все-таки религія.

Она хорошо замѣчала это осужденіе и негодовала въ душѣ на эти сдѣлки съ совѣстью, этотъ всеобщій страхъ, эту душевную низость, скрытую въ глубинѣ каждаго сердца, и носящую при своемъ появленіи личину благочестія.

Баронъ взялся руководить образованіемъ Поля и засадилъ его за латынь. Мать твердила только одно: „Главное— не утомляй его". Она въ безпокойствѣ бродила около класcной комнаты, входъ въ которую былъ ей запрещенъ, потому что она безпрестанно прерывала занятія вопросами:— Не озябли ли у тебя ноги, Пулэ?—Или: — Не болитъ ли у тебя голова, Пулэ? Или, наконецъ, замѣчала учителю:—Не заставляйте такъ много говорить,— у него горло устанетъ.

Послѣ урока онъ отправлялся садовничать съ матерью и теткой. Они сильно пристрастились въ это время къ земледѣлію, и всѣ трое сажали весной молодыя деревца, разсѣвали сѣмена и восхищались молодыми всходами, обрѣзали вѣтви, дѣлали букеты.

Главною заботой юноши было производство салата. Въ огородѣ въ его распоряженіи было четыре гряды, на которыхъ онъ съ величайшею заботой ростилъ латукъ, роменъ, цикорный, пеллетье, роаяль, всѣ извѣстные сорта этого съѣдобнаго растенія. Онъ копалъ, поливалъ, пололъ, пересаживалъ при помощи двухъ матерей, которыхъ онъ заставлялъ работать какъ поденщицъ. Ихъ можно было видѣть по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ, въ бороздахъ, передъ грядами съ испачканными платьями и руками. Тутъ онѣ занимались пересадкой молодыхъ растеній въ ямки, продѣланныя въ землѣ вертикально, однимъ пальцемъ.

Пулэ выросъ, ему минуло уже пятнадцать лѣтъ; и ко-

сякъ въ гостиной показывалъ 1,58 метра, но онъ оставался ребенкомъ по уму, необразованнымъ, глупымъ, заглохшимъ между двумя юбками и этимъ добрымъ старикомъ, уже отжившимъ свой вѣкъ.

Однажды вечеромъ баронъ заговорилъ о коллежѣ, и Жанна тотчасъ же принялась рыдать. Смущенная тетка Лизонъ стояла въ темномъ углу.

Мать отвѣчала:

— Къ чему ему столько знаній? Онъ будетъ сельскимъ хозяиномъ, помѣщикомъ. Онъ будетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, какъ многіе изъ дворянъ. Онъ проживетъ счастливо и умретъ въ этомъ домѣ, въ которомъ живемъ и умремъ и мы. Чего же больше желать?

Но баронъ качалъ головой.

— Что отвѣтишь ты ему, когда онъ двадцатипятилѣтній придетъ къ тебѣ и скажетъ: — Я ничего, ничего не знаю, благодаря тебѣ, благодаря твоему материнскому эгоизму. Я чувствую себя неспособнымъ работать, достигнуть чего-нибудь, а между тѣмъ я не созданъ для темной, простой смертельно скучной жизни, на которую твоя недальновидная нѣжность обрекла меня.

Тогда она, рыдая, умоляла своего сына:

— Скажи, Пулэ, ты вѣдь не упрекнешь меня въ томъ, что я слишкомъ любила тебя, не правда ли?

И удивленный большой ребенокъ обѣщалъ:

— Нѣтъ, мама.

— Ты клянешься мнѣ въ этомъ?

— Да, мама.

— Ты хочешь остаться здѣсь, не правда ли?

— Да мама!

Тогда баронъ заговорилъ рѣшительно и громко:

— Жанна, ты не имѣешь права располагать чужой жизнью.

Ты дѣлаешь подлость, почти преступленіе,—ты жертвуешь сыномъ для своего личнаго счастья.

Она закрыла лицо руками и, громко рыдая, говорила сквозь слезы:

— Я была такъ несчастна.... такъ несчастна! И вотъ, когда я спокойно съ нимъ живу, у меня его отнимаютъ.... Что же со мной будетъ, когда я останусь совсѣмъ одна?

Отецъ всталъ съ ней рядомъ и, обнявъ ее, сказалъ:

— А я, Жанна?

Она порывисто кинулась ему на шею, крѣпко обняла и всхлипывая проговорила:

— Да, ты правъ... можетъ быть, папочка. Это было безумно, но я такъ страдала. Хорошо, я согласна, чтобъ онъ поступилъ въ коллежъ.

Не понимая хорошенько, что ему предстоитъ, Пулэ въ свою очередь сталъ плакать.

Тогда всѣ три матери, обнимая и лаская, стали ободрять его. А когда всѣ разошлись на ночь, у каждаго было тяжело на сердцѣ и всѣ плакали въ своихъ постеляхъ, не исключая и барона, который до тѣхъ поръ сдерживалъ себя.

Рѣшено было по окончаніи вакацій помѣстить юношу въ коллежъ въ Гаврѣ; но за то лѣтомъ его боловали больше, чѣмъ когда-либо.

Мать часто содрогалась при мысли о разлукѣ. Она готовила его приданое, какъ будто ему предстояло десятилѣтнее путешествіе; наконецъ, въ одно октябрьское утро, послѣ безсонной ночи, обѣ женщины и баронъ усѣлись съ нимъ въ карету и тронулись въ путь.

Еще заранѣе ему выбрано было мѣсто въ дортуарѣ и классѣ.

Жанна при помощи тетки Лизонъ провела цѣлый день въ раскладываніи его пожитковъ.. Такъ какъ комодъ не

могъ вмѣстить и четвертой части всего привезеннаго, то она отправилась къ начальнику просить другой. Позванный экономъ заявилъ, что такое количество бѣлья и вещей только стѣснитъ и никогда не понадобится, и, ссылаясь на уставъ, отказалъ въ выдачѣ другого комода.

Тогда огорченная мать рѣшилась нанять комнату въ ближайшей гостиницѣ, поручивъ хозяину относить самолично Пулэ все, что ему понадобится, по первому требованію ребенка.

Потомъ они отправились на пристань полюбоваться на приходъ и отплытіе кораблей.

Насталъ грустный вечеръ; городъ мало-по-малу освѣтился; они отправились въ ресторанъ обѣдать. Никто изъ нихъ не былъ голоденъ; и они смотрѣли другъ на друга влажными глазами въ то время, какъ блюда разставлялись передъ ними и уносились почти нетронутыми.

Затѣмъ тихимъ шагомъ направились къ коллежу.

Дѣти разнаго возраста собирались со всѣхъ сторонъ, сопровождаемые родителями или прислугой. Многіе плакали. На едва освѣщенномъ дворѣ слышались рыданія.

Жанна и Пулэ долго обнимались. Тетка Лизонъ стояла поодаль, всѣми забытая, закрывъ лицо платкомъ. Но баронъ, боясь расчувствоваться, прервалъ прощаніе и увелъ дочь. Карета стояла у воротъ; они вошли въ нее всѣ трое и ночью вернулись въ Тополя. Порою въ темнотѣ слышалось рыданіе.

Весь слѣдующій день Жанна проплакала до вечера. На третій день велѣла запречь фаэтонъ и отправилась въ Гавръ. Пулэ, казалось, уже нѣсколько привыкъ къ разлукѣ. Онъ въ первый разъ въ жизни имѣлъ товарищей, и отъ желанія поиграть съ ними ему не сидѣлось на мѣстѣ въ пріемной.

Жанна пріѣзжала такимъ образомъ черезъ день, а по воскресеньямъ брала его домой. Не зная что дѣлать во время классовъ, между рекреаціями, она сидѣла въ пріемной, не имѣя ни силы, ни мужества удалиться изъ училища. Начальникъ пригласилъ ее къ себѣ и попросилъ пріѣзжать порѣже, но она не обратила вниманія на эту просьбу.

Тогда онъ предупредилъ ее, что если она будетъ мѣшать сыну играть во время отдыха и прерывать безпрестанно уроки, то начальство принуждено будетъ его исключить; то же самое было сообщено и барону. Вслѣдствіе этого ей пришлось оставаться въ Тополяхъ подъ присмотромъ, какъ плѣнницѣ.

Она ожидала каникулъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ самъ мальчикъ.

И постоянная тревога волновала ея душу. Она по цѣлымъ днямъ бродила по окрестностямъ, сопровождаемая только Боемъ; иногда же по цѣлымъ часамъ сидѣла на откосѣ, смотря на море, иногда отправлялась въ Ипортъ, лѣсомъ, переживая прошлыя прогулки, воспоминанія о которыхъ преслѣдовали ее. Какъ далеко, безконечно далеко то время, когда она бѣгала здѣсь молодой дѣвушкой, отуманенной мечтами.

При каждомъ свиданіи съ сыномъ ей казалось, что они не видались лѣтъ десять. Онъ съ каждымъ мѣсяцемъ становился все болѣе и болѣе мужчиной, она—старухой.

Отецъ казался ея братомъ, а тетка Лизонъ, увядшая съ двадцатипятилѣтняго возраста и не старѣвшая болѣе, казалась ея старшей сестрой.

Пулэ занимался плохо. Въ четвертомъ классѣ онъ пробылъ два года, третій прошелъ кое-какъ, но во второмъ опять нужно было остаться на другой годъ, такъ что въ классъ реторики онъ перешелъ уже двадцати лѣтъ.

Изъ него вышелъ высокій бѣлокурый юноша съ уже густыми бакенбардами и съ едва пробивающимися усиками. Теперь онъ самъ пріѣзжалъ въ Тополя каждое воскресенье. Такъ какъ онъ давно уже началъ брать уроки верховой ѣзды, то нанималъ лошадь и проѣзжалъ разстояніе въ два часа.

Съ утра Жанна выходила къ нему на встрѣчу съ теткой и барономъ, который становился все болѣе и болѣе сгорбленнымъ и уже ходилъ по-старчески, заложивъ руки за спину, какъ бы боясь упасть на носъ.

Они тихонько шли по дорогѣ, иногда присаживаясь у канавы и поглядывая вдаль, не покажется ли тамъ всадникъ. И какъ только замѣчали по бѣлой дорогѣ темную точку, начинали махать платками, а онъ пришпоривалъ лошадь, чтобы галопомъ встрѣтить ихъ. Жанна и Лизонъ дрожали при этомъ отъ страха, а баронъ въ восторгѣ кричалъ: „браво“.

Хотя Поль былъ уже головою выше матери, она все еще относилась къ нему какъ къ ребенку, все еще спрашивала:

— Не озябли ли у тебя ноги, Пулэ?—А когда, послѣ завтрака, онъ прогуливался передъ крыльцомъ съ сигареткой во рту, она отворяла окно и кричала:—Не выходи ты, ради Бога, безъ шапки, ты навѣрное схватишь насморкъ.

И она дрожала отъ безпокойства, когда онъ уѣзжалъ ночью верхомъ:

— Главное не скачи, мой маленькій Пулэ, будь благоразуменъ, думай о своей бѣдной матери, которая будетъ въ отчаяньи, если съ тобой что-нибудь случится.

Но вотъ однажды въ субботу вечеромъ она получила отъ Поля письмо, извѣщавшее ее, что онъ не пріѣдетъ въ воскресенье, потому что пріятели его устраивали увеселительную прогулку, на которую онъ былъ приглашенъ.

Все воскресенье она мучилась безпокойствомъ, какъ бы подъ угрозой какого-нибудь несчастья; наконецъ, въ четвергъ, не вытерпѣвъ, она отправилась въ Гавръ.

Онъ показался ей измѣнившимся, хотя она и не отдавала себѣ отчета въ чемъ. Онъ казался оживленъ, говорилъ болѣе мужественнымъ голосомъ, и во время разговора сказалъ какъ ни въ чемъ не бывало:—Знаешь ли, мама, такъ какъ ты пріѣхала сегодня, то въ будущее воскресенье я опять не поѣду домой, потому что мы собираемся повторить праздникъ.

Она была такъ поражена, какъ будто онъ сообщилъ ей о своей поѣздкѣ въ Америку. Потомъ, когда снова явилась возможность говорить, она спросила:—О, Пулэ, что съ тобой? Скажи мнѣ, что случилось?

Онъ засмѣялся и обнялъ ее:—Да ничего, рѣшительно ничего, мама. Я повеселюсь съ товарищами, вѣдь это свойственно моему возрасту.

Она не нашлась, что отвѣчать, но когда она одна осталась въ каретѣ, странныя мысли нахлынули на нее. Она не узнавала болѣе своего Пулэ, своего прежняго маленькаго Поля. Она въ первый разъ замѣтила, что онъ уже большой, что онъ не принадлежитъ больше ей, что скоро онъ заживетъ своей жизнью, отойдетъ отъ нихъ, стариковъ. Ей показалось, что онъ преобразился въ одинъ день. Неужели этотъ бородатый юноша, заявляющій свою волю,—ея сынъ, ея бѣдный малютка, заставлявшій ее въ былое время пересаживать салатъ?

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Поль только изрѣдка навѣщалъ родныхъ, да и то всегда съ очевиднымъ желаніемъ поскорѣе вернуться, стараясь выгадать на каждомъ вечерѣ часъ. Жанна пугалась, но баронъ успокоивалъ ее и повторялъ:—Оставь его, вѣдь малому уже двадцать лѣтъ.

Въ одно прекрасное утро какой-то дурно одѣтый старикъ на ломаномъ французскомъ языкѣ попросилъ доложить о себѣ виконтессѣ. Послѣ долгихъ церемонныхъ поклоновъ онъ досталъ изъ кармана загрязненный портфель и, вынувъ изъ него засаленную бумажку, подалъ ее Жаннѣ, говоря:

— Вотъ небольшая бумажка для васъ.

Она прочла, перечла ее, посмотрѣла на еврея, перечла еще разъ и спросила:

— Что же это значитъ?

Человѣкъ рабски почтительнымъ тономъ объяснилъ:

— А вотъ что: вашему сыну нужно было немного денегъ, а такъ какъ я зналъ, что вы добрая мать, то и ссудилъ его нужною суммой.

Она дрожала.

— Почему же онъ не попросилъ ихъ у меня?

Еврей пространно объяснилъ, что долгъ былъ картежный, который нужно было уплатить на слѣдующій же день до полудня, что Поль еще несовершеннолѣтній и ему никто бы гроша не повѣрилъ, что „честь его была бы компрометирована", если бы онъ, еврей, не оказалъ маленькой услуги молодому человѣку.

Жанна хотѣла позвать барона, но она не могла двинуться съ мѣста,— до такой степени волненіе парализовало ее. Наконецъ, она сказала ростовщику:

— Будьте любезны, позвоните.

Онъ колебался, опасаясь ловушки.

— Если стѣсняю васъ, то приду въ другой разъ,—сказалъ онъ.

Она отрицательно покачала головой. Онъ позвонилъ, и они молча стали ждать, сидя другъ противъ друга.

Баронъ тотчасъ же понялъ настоящее положеніе вещей.

Росписка была въ полторы тысячи франковъ. Заплативъ тысячу, онъ сказалъ еврею, глядя на него въ упоръ:

— Главное, не являйтесь вторично.

Тотъ поблагодарилъ, поклонился и исчезъ.

Дѣдъ и мать тотчасъ же отправились въ Гавръ, но, прибывъ въ коллежъ, они узнали, что Поль уже съ мѣсяцъ не являлся туда. Начальникъ получилъ четыре письма за подписью Жанны, въ которыхъ она увѣдомляла его сначала о недомоганіи сына, а потомъ о ходѣ его болѣзни. При каждомъ письмѣ было медицинское свидѣтельство; все это, конечно, подложное. Они было ошеломлены и стояли глядя другъ на друга.

Огорченный начальникъ проводилъ ихъ къ коммиссару полиціи. И мать и дѣдъ ночевали въ гостиницѣ.

На другой день молодой человѣкъ былъ найденъ у одной городской содержанки. Его увезли въ Тополя; дорогой не произнесено было ни слова. Жанна плакала, закрывши лицо платкомъ, а Поль равнодушно посматривалъ кругомъ.

Въ теченіе недѣли узнали, что за послѣдніе три мѣсяца Поль сдѣлалъ долгу на пятнадцать тысячъ франковъ.

Кредиторы до тѣхъ поръ не предъявляли иска, зная, что онъ скоро будетъ совершеннолѣтнимъ.

Никакихъ объясненій не произошло. Его хотѣли побѣдить кротостью. Его угощали тонкими кушаньями, берегли, баловали. Такъ какъ это было весной, не смотря на страхъ Жанны, ему наняли лодку въ Ипортѣ, чтобы онъ могъ, когда вздумается, совершать морскія прогулки. Только лошадей не давали ему, изъ боязни, чтобъ онъ не уѣхалъ въ Гавръ.

Время онъ проводилъ въ праздности, часто раздражался, иногда грубилъ. Барона безпокоило его неоконченное обра-

зованіе, и даже Жанна, страшившаяся разлуки, задавала себѣ вопросы, что съ нимъ дѣлать.

Какъ-то вечеромъ онъ не вернулся. Узнали, что онъ отправился на лодкѣ съ двумя матросами. Растерявшаяся мать отправилась ночью въ Ипортъ съ непокрытой головой.

Нѣсколько человѣкъ ожидало на берегу возвращенія лодки. Наконецъ, вдали показался огонекъ; онъ приближался, покачиваясь. Поля уже не было на лодкѣ; онъ себя заставилъ свезти въ Гавръ.

Несмотря на всѣ старанія полиціи, его не нашли. Дѣвушка, скрывавшая его въ первый разъ, тоже исчезла безъ слѣда, распродавъ мебель и уплативъ за квартиру.

Въ комнатѣ Поля, въ Тополяхъ, найдены были два письма этой твари, влюбленной въ него, казалось, до безумія. Она говорила о поѣздкѣ въ Англію и о томъ, что средства для этого у нея найдутся.

И трое обитателей замка зажили безмолвной, мрачной жизнью, переживая адскія нравственныя страданія. Волосы Жанны, уже до этого посѣдѣвшіе, сдѣлались совершенно бѣлыми. Она задавала себѣ наивный вопросъ: почему судьба такъ преслѣдовала ее?

Въ это время она получила письмо отъ аббата Тольбіака.

„Сударыня,— писалъ онъ,—кара Божія обрушилась на васъ. Вы отняли отъ Него своего ребенка, но Онъ Самъ взялъ его и бросилъ въ руки проститутки. Не откроются ли ваши глаза послѣ этого внушенія свыше? Милосердіе Божіе безконечно. Можетъ быть Онъ и проститъ васъ, когда вы явитесь передъ Нимъ колѣнопреклоненной. Я Его скромный служитель, я открою вамъ двери Его храма, если вы придете постучаться въ нихъ“.

Письмо это долго лежало у нея на колѣняхъ. Можетъ

быть слова священника и справедливы. И религіозныя сомнѣнія стали раздирать ея совѣсть. Могъ ли Богъ быть мстительнымъ и завистливымъ какъ люди? Но еслибы Онъ и являлъ себя завистливымъ, никто бы не боялся Его, не обожалъ Его. Чтобы быть для насъ болѣе понятнымъ, Онъ проявлялъ Себя людямъ въ ихъ собственныхъ чувствахъ. И проникнувшись сомнѣніемъ, толкающимъ въ объятія церкви колеблющихся, смущенныхъ, она поздно вечеромъ тайкомъ побѣжала къ священнику и на колѣняхъ умоляла его объ отпущеніи грѣховъ.

Онъ обѣщалъ ей полупрощеніе, потому что Богъ, по его словамъ, не могъ сполна изливать своей милости на кровлю, подъ которой живетъ такой человѣкъ, какъ баронъ.

— Вы скоро почувствуете, — утверждалъ онъ,—послѣдствія божественнаго великодушія.

И дѣйствительно, черезъ два дня послѣ этого она получила письмо отъ сына и, въ своемъ безумномъ отчаяніи, сочла это за начало облегченія, обѣщаннаго аббатомъ.

— Не безпокойся, дорогая моя. Я въ Лондонѣ, здоровъ, но только сильно нуждаюсь въ деньгахъ. У насъ нѣтъ ни копѣйки и мы не каждый день обѣдаемъ. Моя подруга, которую я люблю всей душой, не желая разставаться со мной, истратила все, что имѣла: пять тысячъ франковъ, и ты понимаешь, что я обязанъ честью прежде всего уплатить ей эту сумму. Ты была бы очень любезна, еслибы дала мнѣ впередъ изъ отцовскаго наслѣдства тысячъ пятнадцать; такимъ образомъ ты вывела бы меня изъ большого затрудненія, тѣмъ болѣе, что скоро я буду совершеннолѣтнимъ. Прощай, дорогая мама, отъ души обнимаю тебя, а также и дѣда и тетку Лизонъ. Надѣюсь, до скораго свиданія.

Твой сынъ

Виконтъ Поль де-Ламаръ.

Онъ написалъ ей! Значитъ онъ ее не забылъ. Она и не подумала о томъ, что онъ проситъ денегъ. Конечно, она ихъ пошлетъ, такъ какъ у него ихъ болѣе нѣтъ. Не въ деньгахъ дѣло. Онъ написалъ ей!

И она въ слезахъ побѣжала показать это письмо барону. Позвали тетку Лизонъ и отъ слова до слова перечитали этотъ листокъ, который говорилъ имъ о немъ. Обсуждали каждую фразу.

Жанна, перейдя отъ полной безнадежности къ упоенію надеждой, защищала Поля:

— Онъ вернется, онъ скоро вернется, такъ какъ прислалъ письмо.

Болѣе спокойный баронъ говорилъ:

— Все равно, онъ бросилъ насъ для этой твари. Значитъ онъ любитъ ее больше насъ, такъ какъ сдѣлалъ это не колеблясь.

Мгновенная страшная боль поразила сердце Жанны, и тотчасъ же въ ней зажглась ненависть къ этой любовницѣ, укравшей у нея сына,—ненависть ненасытная, дикая, ненависть ревнующей матери. До сихъ поръ мысль ея сосредоточивалась исключительно на сынѣ; ей почти и на умъ не приходило, что какая-то потаскушка увлекла его. Но замѣчаніе барона внезапно вызвало въ ней образъ этой соперницы, открыло ея роковую власть; и она чувствовала, что между нею и этой женщиной начиналась непримиримая борьба, и что она охотнѣе потеряла бы сына, чѣмъ согласилась бы дѣлить его съ другой.

И вся ея радость рухнула.

Они послали пятнадцать тысячъ франковъ и не получали больше писемъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ.

Потомъ явился повѣренный по дѣламъ для приведенія въ ясность подробностей по наслѣдству Жюльена. Дѣло по-

кончили безъ спора, при чемъ Жанна уступила право пользованія, которое принадлежало матери, такъ что Поль, возвратившись въ Парижъ, получилъ сто двадцать тысячъ франковъ. Тогда онъ написалъ четыре письма въ теченіе полугода, давая о себѣ краткія извѣстія и оканчивая письма выраженіями холодной нѣжности:

— Я работаю —писалъ онъ,—пріобрѣлъ себѣ положеніе на биржѣ и надѣюсь какъ нибудь пріѣхать въ Тополя, чтобы обнять васъ, дорогіе родные.

Онъ не упоминалъ совсѣмъ о любовницѣ, и это молчаніе значило болѣе, чѣмъ еслибъ онъ писалъ о ней на четырехъ страницахъ. Жанна за холодомъ этихъ писемъ чувствовала скрытаго врага, неумолимаго, вѣчнаго врага матерей—продажную женщину.

Трое отшельниковъ обсуждали, что̀ бы такое предпринять для спасенія Поля, и ничего не придумали.

Поѣздку въ Парижъ? Съ какой цѣлью?

Баронъ говорилъ:—Пусть перебѣсится, онъ самъ вернется къ намъ.

Жизнь ихъ печально влачилась. Жанна и Лизонъ потихоньку отъ барона посѣщали церковь. Долго не было извѣстій,но однажды утромъ получилось отчаянное письмо, поразившее ихъ.

„Бѣдная мама, я пропалъ, мнѣ остается только пустить себѣ пулю въ лобъ, если ты не придешь мнѣ на помощь. Предпріятіе, казавшееся мнѣ безспорно выгоднымъ, лопнуло, и я задолжалъ восемьдесятъ пять тысячъ франковъ. Если я не уплачу, мнѣ грозитъ безчестье, разоренье, невозможность предпринимать что-либо въ будущемъ. Я погибъ. Повторяю, я скорѣе убью себя, но не переживу этого позора. Можетъ быть меня и теперь уже не было бы въ живыхъ безъ ободряющей поддержки женщины, о которой я тебѣ никогда не говорю, но которая служитъ мнѣ Провидѣніемъ.

„Обнимаю тебя отъ глубины души, дорогая мама. Прощай, можетъ быть навсегда.

„Поль".

Приложенные къ этому письму документы давали подробныя свѣдѣнія о бѣдствіи. Баронъ съ слѣдующей же почтой отвѣчалъ, что скоро дастъ рѣшительный отвѣтъ, а самъ отправился въ Гавръ за справками. Тамъ онъ заложилъ земли, а вырученныя деньги отправилъ Полю.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ тремя письмами, заключавшими въ себѣ пылкую благодарность и страстныя нѣжности и обѣщалъ немедленно пріѣхать, чтобы лично обнять своихъ дорогихъ родственниковъ.

Но онъ не пріѣхалъ.

Прошелъ цѣлый годъ.

Жанна и баронъ уже собирались было отправиться въ Парижъ, чтобы разыскать его и въ послѣдній разъ попытаться что-нибудь сдѣлать, какъ вдругъ получили короткое увѣдомленіе о томъ, что онъ опять въ Лондонѣ и затѣваетъ учрежденіе общества паровыхъ пакетботовъ подъ фирмою „Поль Деламаръ и К°".

Онъ писалъ: „Предпріятіе это дастъ мнѣ обезпеченное состояніе, а можетъ быть и богатство. Я ничѣмъ не рискую. Вы сами поймете выгоды дѣла. Когда увижусь съ вами, то я буду уже занимать прекрасное положеніе въ свѣтѣ. Безъ такихъ дѣлъ въ нынѣшнее время не выйдешь изъ затрудненій."

Три мѣсяца спустя компанія паровыхъ судовъ лопнула, а директоръ ея подвергся преслѣдованію за невѣрные отчеты.

Съ Жанной сдѣлался продолжительный нервный припадокъ, послѣ котораго она слегла въ постель.

Баронъ отправился въ Гавръ, навелъ справки, повидался съ адвокатами, дѣльцами, повѣренными, судебными приста-

вами, узналъ достовѣрно, что дефицитъ общества равняется двумъ стамъ тридцати пяти тысячамъ франковъ, и снова заложилъ свои имѣнія. Замокъ въ Тополяхъ и прилегающія къ нему фермы также были обременены долгомъ.

Однажды вечеромъ, кончая въ кабинетѣ стряпчаго послѣднія формальности, баронъ упалъ на полъ, пораженный ударомъ.

За Жанной былъ посланъ верховой, но, пріѣхавъ, она не застала отца въ живыхъ.

Она перевезла его тѣло въ Тополя, убитая горемъ, которое было даже не отчаяніемъ, а какимъ-то оцѣпенѣніемъ. Аббатъ Тольбіакъ не дозволилъ внести гроба въ церковь, несмотря на страстныя мольбы обѣихъ женщинъ. Итакъ, баронъ былъ похороненъ въ сумерки безъ всякихъ церемоній.

Поль узналъ о событіи отъ одного изъ агентовъ, ликвидировавшихъ его дѣла. Онъ все еще скрывался въ Англіи.

Письменно онъ извинялся, что не пріѣхалъ, оправдываясь тѣмъ, что извѣстіе о несчастіи дошло до него слишкомъ поздно. „Впрочемъ,—прибавлялъ онъ,—такъ какъ ты, дорогая мама, вывела меня изъ затруднительнаго положенія, то я скоро вернусь во Францію и буду имѣть возможность обнять тебя“.

Жанна была въ такомъ подавленномъ состояніи духа, что, казалось, рѣшительно ничего не понимала... А къ концу зимы шестидесяти-восьмилѣтняя тетка Лизонъ схватила бронхитъ, перешедшій въ воспаленіе легкихъ, и тихо умерла. Послѣднія прощальныя слова ея были: „Бѣдная моя Жанна, я буду просить милосерднаго Бога, чтобы Онъ сжалился надъ тобой.

Жанна проводила ее на кладбище и видѣла, какъ засыпали могилу землей. Она опустилась въ изнеможеніи и

чувствовала только одно желаніе умереть, не страдать, не думать. Въ эту минуту сильная крестьянка взяла ее на руки и унесла, какъ малаго ребенка.

Жанна, послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ у изголовья старой дѣвы, безъ сопротивленія позволила уложить себя въ постель все той же незнакомой крестьянкѣ, относившейся къ ней нѣжно и властно. Усталая и измученная, она заснула убитымъ сномъ.

Проснувшись среди ночи, она увидѣла горѣвшій на каминѣ ночникъ и спавшую въ креслѣ женщину. Кто она такая?

Она не узнавала ее и, свѣсившись съ постели, старалась разглядѣть ея черты при слабомъ мерцаніи ночника.

Ей казалось, однако, что она видѣла это лицо. Но когда? Гдѣ?

Женщина тихо спала, склонивъ на плечо голову; чепчикъ ея свалился на полъ. На видъ ей, казалось, лѣтъ сорокъ или сорокъ пять. Она была сильная, румяная, полная, могучая. Большія руки свѣсились съ обѣихъ сторонъ кресла. Волоса ея начинали сѣдѣть. Жанна упорно разсматривала ее, еще не очнувшись отъ болѣзненнаго, лихорадочнаго сна, который бываетъ послѣ большихъ несчастій.

Конечно, она видѣла это лицо. Но когда это было, давно или недавно? Она не могла припомнить, и это волновало, раздражало ее. Она тихонько встала и на цыпочкахъ подошла къ спящей, чтобы поближе увидать ее. Это была женщина, поднявшая ее съ кладбища и уложившая спать. Она это смутно помнила.

Но встрѣчала ли она ее прежде, въ жизни? Или она казалась ей знакомою только по смутнымъ воспоминаніямъ вчерашняго дня? И наконецъ, какимъ образомъ она попала туда, въ ея комнату? Зачѣмъ?

Женщина открыла глаза, замѣтила Жанну и быстро вскочила. Онѣ очутились лицомъ къ лицу, такъ близко, что почти касались другъ друга. Незнакомка проговорила:

— Какъ, вы уже встали? Рань какая, еще заболѣете. Ложитесь-ка лучше.

Жанна спросила:

— Кто вы?

Но женщина опять взяла ее на руки и, не уступая въ силѣ мужчинѣ, снесла на постель. Тутъ она нагнулась надъ ней и, плача, стала цѣловать ее въ щеки, въ голову, въ глаза, орошая ее слезами и приговаривая:

— Бѣдная моя барыня, мамзель Жанна, моя бѣдная госпожа, развѣ вы не узнаете меня?

И Жанна воскликнула:

— Розалія, милая моя!—И обвивъ ея шею руками, она ее обнимала и цѣловала. Онѣ обѣ плакали, крѣпко прижавшись другъ къ другу, мѣшая свои слезы, не имѣя силъ оторваться.

Розалія успокоилась первая:

— Нѣтъ, будьте благоразумны, не то простудитесь.—И она подоткнула одѣяло, оправила простыню и подложила подушку подъ голову своей прежней госпожи, не перестававшей всхлипывать подъ впечатлѣніемъ давнихъ воспоминаній, наполнявшихъ ея душу.

Наконецъ она спросила:

— Почему же ты вернулась, бѣдняжка?

Розалія отвѣчала:

— Господи, да какъ же мнѣ оставить васъ теперь одну!

Жанна продолжала:

— Зажги-ка свѣчу, а то я не вижу тебя.

И когда свѣча была принесена на ночной столикъ, онѣ долго, не говоря ни слова, смотрѣли другъ на друга. По-

томъ, протянувъ руку своей прежней горничной, Жанна сказала:

— Я бы ни за что не узнала тебя, душа моя, ты очень измѣнилась, хотя, конечно, меньше меня.

И Розалія, взглянувъ на эту сѣдую, высохшую, увядшую старуху, которую она покинула молодой, красивой, свѣжей, отвѣчала:

— Правда, вы очень измѣнились, мадамъ Жанна, и больше, чѣмъ слѣдуетъ. Но подумайте, вѣдь мы не видались двадцать четыре года.

Онѣ замолчали и снова задумались. Наконецъ, Жанна пробормотала:

— Была ли ты счастлива, по крайней мѣрѣ?

И Розалія, колебаясь, боясь пробудить слишкомъ горькія воспоминанія, сказала, заикаясь:

— Ну... да, да... сударыня. Я не могу пожаловаться, я была счастливѣе васъ, конечно. Одно только смущало меня, зачѣмъ не осталась здѣсь.

Тутъ она смолкла, испугавшись того, что нечаянно коснулась больного мѣста. Но Жанна возразила кротко:

— Что дѣлать, моя милая, не всегда живешь такъ, какъ хочется. Ты тоже овдовѣла, кажется?—Потомъ голосъ ея дрогнулъ отъ волненія и она продолжала:

— Есть ли у тебя еще... еще дѣти?

— Нѣтъ, сударыня.

— А онъ, твой... твой сынъ, что изъ него вышло? Довольна ли ты имъ?

— Да, сударыня, онъ добрый малый и превосходный работникъ. Полгода тому назадъ онъ женился, а теперь онъ беретъ мою ферму, такъ какъ я останусь съ вами!

Жанна, дрожа отъ волненія, проговорила:

— И такъ ты не покинешь меня больше, милая моя?

— Конечно, сударыня, я такъ и устроилась,—отвѣчала Розалія рѣшительнымъ голосомъ.

Затѣмъ разговоръ прекратился на время.

Жанна опять невольно начала сравнивать свою жизнь съ жизнью Розаліи, но уже безъ горечи въ сердцѣ, покорная передъ жестокою несправедливостью судьбы.

— Какъ относился къ тебѣ мужъ?—спросила она.

— О, это былъ славный малый, сударыня, и не лѣнтяй; онъ умѣлъ копить деньгу. Онъ умеръ отъ грудной болѣзни.

Жанна сѣла на кровати и, охваченная потребностью знать, сказала:

— Разскажи мнѣ все, всю твою жизнь. Это меня облегчитъ сегодня.

И Розалія пододвинула стулъ и, усѣвшись, начала разсказывать о себѣ, о домѣ, о знакомыхъ, вдаваясь въ мельчайшія подробности, дорогія для жителей деревни; она описала свой дворъ, смѣялась иногда, вспоминая что-нибудь изъ добраго стараго времени, и мало-по-малу заговорила тономъ фермерши, привыкшей командовать. Подъ конецъ она заявила:

— У меня теперь все есть, слава Богу. Я ничего не боюсь.—Потомъ съ смущеніемъ прибавила тихо:—И всѣмъ этимъ я обязана вамъ; знайте также, что мнѣ не нужно жалованья. Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите! А если вы не согласны, то я уйду.

Жанна возразила:

— Не думаешь же ты служить мнѣ даромъ?

— Да, конечно, даромъ, сударыня. Деньги! Да неужели я буду брать съ васъ деньги? Вѣдь у меня ихъ почти столько же, сколько и у васъ. Знаете ли вы, сколько у васъ остается со всѣми вашими залогами, займами и неуплачен-

ными процентами, которые все больше и больше наростаютъ? Знаете? Нѣтъ, конечно? Вотъ увидите, что у васъ останется тысячъ десять ливровъ дохода. Нѣтъ, и десяти не останется. Но я все это вамъ устрою очень скоро.

Она начала говорить громко, увлекаясь, негодуя на то, что дѣла запущены и грозитъ разореніе. А когда увидѣла на лицѣ Жанны что-то въ родѣ умиленной улыбки, она даже разсердилась и крикнула:

— Тутъ ничего нѣтъ смѣшного, сударыня, теперь только пустой человѣкъ безъ денегъ живетъ!

Жанна взяла ея руки и удержала въ своихъ, потомъ тихо произнесла, преслѣдуемая все одной и той же мыслью:

— О! я не была счастлива, нѣтъ, все было противъ меня. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ меня всю жизнь.

Но Розалія покачала головой:

— Не говорите этого, сударыня, не говорите. Вамъ не посчастливилось въ замужствѣ, вотъ и все. Да вѣдь нельзя же выходить замужъ, совсѣмъ не зная своего суженаго.

И онѣ разговаривали какъ два старыхъ друга.

Взошло солнце, а онѣ все еще продолжали свою бесѣду.

XII.

Розалія въ теченіе недѣли забрала въ свои руки и хозяйство и прислугу въ замкѣ. Безропотная Жанна пассивно повиновалась. Слабая, едва передвигая ноги, какъ въ былое время баронесса, она выходила гулять, поддерживаемая подъ руку своей горничной, которая и бранила и ласкала ее, то грубо, то нѣжно, относясь къ ней, какъ къ больному ребенку.

Онѣ постоянно вспоминали прошлое. Жанна—едва сдерживая слезы, Розалія—спокойнымъ голосомъ безстрастной

крестьянки. Старая служанка часто заводила рѣчь о запутанныхъ дѣлахъ, и потребовала, наконецъ, чтобы ей отдали бумаги, которыя Жанна, ничего не понимавшая въ дѣлахъ, скрывала отъ нея, стыдясь за своего сына.

Тогда Розалія, въ продолженіе недѣли, каждый день ѣздила въ Феканъ, чтобъ уяснить себѣ дѣла съ помощью знакомаго ей нотаріуса.

Потомъ, какъ-то вечеромъ, уложивъ свою госпожу, она сѣла у ея изголовья и рѣшительно сказала:

— Ну теперь мнѣ нужно съ вами поговорить.

И она изложила положеніе дѣлъ.

— Когда все будетъ приведено въ порядокъ, останется семь или восемь тысячъ франковъ дохода. Не болѣе того.

Жанна отвѣчала:

— Ну, что же дѣлать, милая? Я чувствую, что не заживусь долго; съ меня и этого хватитъ.

Розалія разсердилась:

— Съ васъ можетъ быть и хватитъ, но вашему сыну... развѣ вы ничего не оставите?

Жанна вздрогнула:

— Пожалуйста не говори мнѣ о немъ. Я слишкомъ страдаю, когда о немъ думаю.

— Напротивъ, я буду вамъ говорить о немъ. Надо же быть храбрѣе, сударыня. Онъ дѣлаетъ глупости, но вѣдь не вѣкъ же онъ будетъ ихъ дѣлать. Онъ женится, пойдутъ дѣти, нужны будутъ деньги на ихъ воспитаніе. Послушайте: —нужно продать Тополя!...

Жанна вскочила на кровати:

— Продать Тополя! Что ты выдумала? Да никогда, ни за что на свѣтѣ!

Но Розалія не смутилась:

— А я вамъ говорю, что вы продадите ихъ, сударыня,

потому что это нужно. И она изложила свои разсчеты, свои проекты, свои разсужденія.

Если продать Тополя и двѣ примыкающія къ нимъ фермы имѣющемуся уже въ виду покупателю, то можно будетъ сохранить четыре фермы на С. Леонардъ, которыя могутъ дать восемь тысячъ триста франковъ доходу, по выкупѣ изъ залога. Если отложить тысячу триста франковъ на ремонтъ и хозяйство, то останется семь тысячъ, изъ которыхъ пять пойдутъ на прожитіе, а двѣ можно откладывать.

Она прибавила:

— Все остальное съѣдено безъ остатка. Ключи я, конечно, возьму себѣ, понимаете? Что же касается до Поля, онъ не получитъ ничего, рѣшительно ничего; онъ готовъ отобрать у васъ все до послѣдней копѣйки.

Жанна потихоньку плакала.

— Ну, а если ему нечего ѣсть?—сказала она.

— Придетъ къ намъ, если будетъ голодать. Для него всегда найдется и постель и обѣдъ. Повѣрьте, что онъ не надѣлалъ бы и половины всѣхъ глупостей, еслибъ вы съ самаго начала не дали бы ему ни копѣйки.

— Но у него были долги, онъ былъ бы обезчещенъ.

— Ну, а когда у васъ ничего не будетъ, остановитъ ли это его? Вы платили — отлично; но больше вы платить не будете, даю вамъ слово. Теперь добраго вечера, сударыня.

И она вышла.

Жанна не спала совсѣмъ, встревоженная мыслью, что нужно продать Тополя, уѣхать изъ нихъ, покинуть домъ, въ которомъ прошла вся ея жизнь.

Когда Розалія, на слѣдующее утро, вошла въ ея комнату, она сказала:

— Голубушка моя, я никогда не рѣшусь удалиться отсюда.

Но служанка разсердилась:

— Однако это необходимо, сударыня. Скоро прiѣдетъ нотарiусъ съ покупателемъ замка. Иначе года черезъ четыре у васъ ничего не останется.

Жанна повторяла съ растерянным видомъ:

— Не могу, не могу.

Часъ спустя почталiонъ принесъ ей письмо отъ Поля, который просилъ еще десять тысячъ франковъ. Что дѣлать? Потерявши совсѣмъ голову, она обратилась за совѣтомъ къ Розалiи, которая такъ и всплеснула руками:

— Ну, не говорила ли я вамъ, сударыня. А, хороши бы вы оба были, еслибъ я не вернулась.—И Жанна, склоняясь передъ волей своей служанки, отвѣчала молодому человѣку:

„Дорогой сынъ, мнѣ уже нечѣмъ помочь тебѣ. Ты разорилъ меня; я принуждена даже продать Тополя. Но помни, что для тебя всегда найдется уголокъ у матери, которой ты доставилъ столько страданiй.

„Жанна“.

А когда явились нотарiусъ и Жофренъ, старый сахарозаводчикъ, она приняла ихъ сама и пригласила сдѣлать подробный осмотръ.

Черезъ мѣсяцъ она подписала купчую и въ то же время купила маленькiй мѣщанскiй домикъ близъ Годервиля, на большой Монтивильевской дорогѣ, въ деревнѣ Батевиль.

Потомъ до самаго вечера она проходила одна по аллеѣ матери съ разбитымъ сердцемъ и мучительными думами. Она посылала прощальный привѣтъ горизонту, деревьямъ, скамейкѣ подъ платаномъ, источенной червями, всѣмъ этимъ до мелочей знакомымъ предметамъ, съ которыми, казалось, вполнѣ сроднилась ея душа. Она прощалась и съ рощей, и съ откосомъ передъ равниной, на которомъ она такъ часто сидѣла, съ котораго видѣла бѣгущаго графа Фур-

вилля въ страшный день смерти Жюльена; прощалась и съ старымъ вязомъ безъ верхушки, къ которому она такъ часто прислонялась, и съ этимъ роднымъ ей садомъ, — прощалась безнадежнымъ, мучительнымъ прощаньемъ.

Розалія взяла ее подъ руку и заставила вернуться.

Рослый крестьянинъ, лѣтъ двадцати пяти, ожидалъ у дверей. Онъ привѣтливо поклонился, какъ старой знакомой.

— Здравствуйте, сударыня, какъ поживаете? Мать наказала мнѣ явиться для перевозки вещей. Укажите, что вы берете съ собой, и я буду перевозить исподволь, въ свободное время.

Это былъ сынъ Розаліи и Жюльена, братъ Поля.

У нея замеръ духъ, а между тѣмъ ей хотѣлось бы обнять этого парня.

Она всматривалась въ него, стараясь рѣшить, похожъ ли онъ на ея мужа или сына. Это былъ румяный, коренастый блондинъ съ голубыми глазами матери. А между тѣмъ въ немъ было сходство съ Жюльеномъ. Въ чемъ? Чѣмъ? Этого она не могла опредѣлить, но несомнѣнно, между ними было нѣчто общее.

Парень продолжалъ:

— Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ теперь же укажете вещи.

Но она не рѣшила еще, что возьметъ съ собой, такъ какъ новый домъ ея былъ очень не помѣстителенъ, и потому попросила его навѣдаться въ концѣ недѣли.

Она занялась переборкой вещей, и это доставило ей грустное развлеченіе въ ея печальной, безсодержательной жизни.

Она переходила изъ одной комнаты въ другую, выбирая мебель, напоминавшую о какомъ-нибудь событіи, ту любимую мебель, которая составляетъ часть нашей жизни, почти часть насъ самихъ, знакомую намъ съ юности, съ которой

связаны и печальныя, и радостныя воспоминанія, эпохи въ нашей жизни, эти нѣмые товарищи нашихъ мрачныхъ и свѣтлыхъ минутъ, состарившіеся и износившіеся на нашихъ глазахъ, съ изодранною обивкой, расшатанными ножками и выцвѣтшею краской.

Она отбирала вещи одна за другою, часто колеблясь, какъ при какомъ-нибудь важномъ рѣшеніи, возвращалась безпрестанно къ прежнему выбору, взвѣшивала достоинство двухъ креселъ или сравнивала какое-нибудь старое бюро со стариннымъ рабочимъ столикомъ.

Она выдвигала ящики, старалась припомнить факты, и когда принимала, наконецъ, твердое рѣшеніе, намѣченная вещь относилась въ столовую.

Обстановку своей комнаты она хотѣла сохранить всю: кровать, ковры, часы,—рѣшительно все.

Изъ гостиной она взяла нѣсколько креселъ, рисунокъ которыхъ ей нравился съ малолѣтства. Тутъ были: лисица и аистъ, лисица и ворона, стрекоза и муравей и унылая цапля.

Однажды, бродя по всѣмъ закоулкамъ покидаемаго ею дома, она зашла на чердакъ.

Тутъ она остановилась удивленная. Передъ нею была цѣлая куча разнообразныхъ вещей, частью разбитыхъ, частью испачканныхъ; но были и такія, которыя попали сюда неизвѣстно по какой причинѣ: можетъ быть потому, что перестали нравиться, а можетъ быть и просто были замѣнены другими. Она открывала тысячу когда-то знакомыхъ бездѣлушекъ, перебывавшихъ въ ея рукахъ и затѣмъ исчезнувшихъ неизвѣстно куда, тысячу тѣхъ маленькихъ вещицъ, которыя незамѣтно окружали ее въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ. И вотъ теперь, найденныя на этомъ чердакѣ вмѣстѣ съ другими вещами, онѣ вдругъ получали

значеніе забытыхъ свидѣтелей, встрѣченныхъ друзей. Онѣ напоминали ей тѣхъ людей, которые не высказываются за время долгаго знакомства и которые вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, разбалтываются ни съ того, ни съ сего, начинаютъ выкладывать свою душу, которую въ нихъ и не подозрѣвалъ никто.

Съ тяжелымъ сердцемъ переходила она отъ одной вещи къ другой, вспоминая:

— Вотъ эту китайскую чашку разбила я, незадолго до свадьбы. А вотъ и фонарикъ мамы и трость, сломанная папой, когда онъ пытался отворить ворота, разбухшія отъ дождя.

Было тутъ много и неизвѣстныхъ вещей, не вызывавшихъ никакихъ воспоминаній, доставшихся отъ дѣдовъ и прадѣдовъ,—тѣхъ запыленныхъ вещей, пережившихъ свой вѣкъ, которыя какъ будто изгнаны въ другое время и огорчены тѣмъ, что заброшены, исторія жизни которыхъ никому неизвѣстна.

Люди, выбиравшіе и покупавшіе ихъ, любившіе и владѣвшіе ими, никому неизвѣстны; неизвѣстны ни руки, ласково державшія ихъ, ни глаза, любовавшіеся ими.

Жанна трогала, переворачивала ихъ, оставляя слѣды пальцевъ на густомъ слоѣ пыли; она стояла среди этой рухляди, слабо освѣщенной небольшими окошечками, продѣланными въ крышѣ.

Она тщательно разсматривала трехногіе стулья, надѣясь, что и они вызовутъ какія-нибудь воспоминанія, мѣдную грѣлку, жаровню безъ дна, показавшуюся ей знакомой, и пропасть заброшенныхъ хозяйственныхъ вещей.

Отобравъ все, что она рѣшила взять съ собой и сойдя внизъ, она послала за вещами Розалію. Возмущенная служанка отказалась перетаскивать всю эту дрянь; но безвольная Жанна, на этотъ разъ, настояла на своемъ, и приказаніе было исполнено.

Однажды утромъ молодой фермеръ Дени Лекокъ, сынъ Жюльена, явился съ телѣгой за первымъ грузомъ. Его сопровождала Розалія, чтобы слѣдить за разгрузкой и установкой мебели.

Оставшись одна, Жанна въ припадкѣ сильнаго отчаянія начала бродить по комнатамъ замка и въ порывѣ экзальтированной любви принялась цѣловать все то, что не могла взять съ собой: большихъ бѣлыхъ птицъ на обояхъ въ гостиной, старые подсвѣчники,—однимъ словомъ все, что попадалась ей на глаза. Обезумѣвшая, она горько плакала, переходила изъ комнаты въ комнату; наконецъ вышла, чтобы проститься съ моремъ.

Это было въ концѣ сентября. Низкія сѣрыя тучи нависли надъ землей. Тяжелыя желтоватыя волны грустно катились въ безконечное пространство. Она долго стояла на краю скалы, передумывая мрачныя мысли; наконецъ, когда начало темнѣть, она возвратилась домой, переживши въ этотъ день не менѣе горя, чѣмъ въ самыя страшныя минуты своей жизни.

Вернувшаяся Розалія ожидала ее. Она была въ восторгѣ отъ новаго дома и заявила, что онъ гораздо лучше этого огромнаго сундука, стоявшаго къ тому же не на проѣзжей дорогѣ.

Жанна проплакала весь вечеръ.

Узнавъ о продажѣ замка, фермеры хотя и оказывали ей должное почтеніе, звали ее, однако, за глаза „безумной“ сами не зная почему, догадываясь, вѣроятно, своимъ животнымъ инстинктомъ о развивающейся въ ней болѣзненной сентиментальности, объ ея экзальтаціи и о разстройствѣ ея бѣдной души, потрясенной горемъ.

Наканунѣ отъѣзда она вошла нечаянно въ конюшню; чье-то рычаніе заставило ее вздрогнуть. Это былъ Бой, о

которомъ она уже нѣсколько мѣсяцевъ не думала. Ослѣпшій, парализованный, достигшій крайняго предѣла собачьей жизни, онъ влачилъ еще свое существованіе на соломенной подстилкѣ, благодаря не забывавшей о немъ Людовинѣ. Она взяла его на руки, поцѣловала и унесла въ домъ. Толстый какъ бочка, онъ ходилъ раскарячившись, не сгибая ногъ, и лаялъ какъ игрушечныя деревянныя собаки.

Наконецъ насталъ послѣдній день. Жанна ночевала въ прежнемъ кабинетѣ Жюльена, такъ какъ въ ея комнатѣ уже не было мебели.

Она встала съ постели уставшая и изнуренная, какъ послѣ долгой ходьбы. На дворѣ уже стоялъ возъ, нагруженный пожитками и остальною мебелью, а за нимъ двухколесная телѣжка, запряженная для барыни и служанки.

Дядя Симонъ и Людовина оставались одни до прибытія новаго владѣльца, а потомъ собирались жить у родственниковъ, на небольшую пенсію, назначенную имъ Жанной, и на свои сбереженія. Теперь они были слишкомъ старые слуги, безполезные и болтливые. Маріусъ женился и давно уже оставилъ замокъ.

Къ восьми часамъ пошелъ дождь, мелкій и холодный, наносимый небольшимъ вѣтеркомъ съ моря. Надо было накрыть телѣжку. Листья съ деревьевъ уже спадали.

На кухонномъ столѣ дымился кофе съ молокомъ. Жанна, усѣвшись передъ своею чашкой, отпивала изъ нея маленькими глотками, наконецъ встала и сказала:

— Ѣдемъ.

Она надѣла шляпу, шаль, и въ то время, какъ Розалія надѣвала ей калоши, проговорила съ подступавшими къ горлу рыданіями:

— Помнишь ли, милая, какой шелъ дождь, когда мы ѣхали сюда изъ Руана?...

Горло ея судорожно сжалось, она схватилась за грудь и упала безъ чувствъ навзничь.

Болѣе часа она не приходила въ себя, наконецъ открыла глаза, и съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, разразившійся потокомъ слезъ.

Успокоившись немного, она почувствовала себя настолько слабой, что не могла встать. Но Розалія, опасавшаяся повторенія припадка, если замедлить отъѣздомъ, отправилась за сыномъ. Они взяли ее на руки, вынесли и посадили въ телѣжку на деревянную лавку съ кожаною обивкой; помѣстившись рядомъ, Розалія укутала ей ноги, накинула на плечи большой плащъ и, открывъ надъ ея головой зонтикъ, крикнула:

— Ну, Денисъ, трогай скорѣй.

Молодой человѣкъ взобрался около матери и, за неимѣніемъ мѣста, присѣлъ съ краю. Затѣмъ онъ погналъ лошадь, неровный бѣгъ которой дѣлалъ экипажъ очень тряскимъ.

Повернувъ за уголъ деревни, они замѣтили человѣка, ходившаго взадъ и впередъ по дорогѣ; это былъ аббатъ Тольбіакъ, который, повидимому, подстерегалъ ихъ отъѣздъ.

Онъ остановился, чтобы дать дорогу; одна рука поддерживала подрясникъ, приподнятый отъ грязи, а худыя ноги его въ черныхъ чулкахъ кончались огромными грязными башмаками.

Жанна опустила глаза, чтобы не встрѣтиться съ нимъ взглядомъ; а Розалія, которой было все извѣстно, разсвирѣпѣла.

— Мужикъ, невѣжа!—твердила она; потомъ, схвативъ руку сына, сказала:

— Огрѣй ты его хорошенько кнутомъ.

Но молодой человѣкъ подогналъ лошадь и, поровнявшись

съ священникомъ, попалъ колесомъ въ глубокую колею и такимъ образомъ обдалъ духовнаго отца грязью съ головы до ногъ.

Торжествующая Розалія обернулась, показывая ему кулакъ, а онъ между тѣмъ вытирался своимъ большимъ носовымъ платкомъ.

Они ѣхали уже минутъ пять, какъ вдругъ Жанна вскрикнула: „А Боя-то мы не взяли!“

Нужно было остановиться, и Денисъ, отдавъ возжи Розаліи, побѣжалъ за собакой.

Наконецъ онъ вернулся, держа въ рукахъ толстое, неуклюжее, вылинявшее животное, которое помѣстили въ ногахъ двухъ женщинъ.

XIII.

Два часа спустя, экипажъ остановился передъ небольшимъ кирпичнымъ домикомъ, выстроеннымъ во фруктовомъ саду вблизи большой дороги.

Четыре рѣшетчатыхъ бесѣдки, покрытыхъ жимолостью и бородавникомъ, составляли четыре угла этого сада, разбитаго на грядки, маленькіе квадраты, занятые огородомъ и отдѣленные другъ отъ друга рядомъ фруктовыхъ деревьевъ.

Высокая живая изгородь окружала со всѣхъ сторонъ этотъ участокъ, отдѣлявшійся полемъ отъ сосѣдней фермы. По другую сторону дороги, шагахъ во ста, находилась кузница. Остальныя сосѣднія зданія были на разстояніи километра.

Видъ открывался на долину Ко, усѣянную фермами, окруженными со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими аллеями, замыкавшими плодовой садъ.

По пріѣздѣ Жанна хотѣла отдохнуть, но Розалія не допустила этого, боясь, чтобъ она опять не размечталась.

Столяръ, вызванный изъ Годервиля, уже явился, и при его помощи началось размѣщеніе привезенной мебели, въ ожиданіи послѣдняго воза, который долженъ былъ скоро пріѣхать.

Это было довольно сложное дѣло, требующее долгихъ размышленій и обсужденій.

Наконецъ черезъ часъ у рѣшетки показалась телѣга и нужно было заняться разгрузкой ея подъ дождемъ.

Къ вечеру домъ былъ въ совершенномъ безпорядкѣ, загроможденный вещами, сложенными въ кучу, какъ попало. Измученная Жанна уснула тотчасъ же, какъ улеглась въ постель.

Слѣдующіе дни ей некогда было расчувствоваться,—до такой степени она была завалена дѣломъ. Она съ нѣкоторымъ удовольствіемъ даже занялась украшеніемъ своего новаго жилища, все еще мечтая о возвращеніи сына. Ковры изъ ея прежней спальни разостланы были въ столовой, служившей также и гостиной; но главное ея вниманіе было обращено на устройство одной изъ двухъ комнатъ второго этажа, которую она мысленно называла „помѣщеніемъ Пулэ“.

Сама она помѣстилась во второй комнатѣ, а Розалія—на верху, рядомъ съ чердакомъ.

Домикъ, устроенный со вкусомъ, былъ очень милъ, и Жанна первое время любовалась имъ, хотя ей все чего-то не доставало; она не отдавала себѣ вполнѣ отчета—чего именно.

Однажды утромъ писарь нотаріуса изъ Фекана привезъ ей три тысячи шестьсотъ франковъ за мебель, оставленную въ Тополяхъ и оцѣненную въ эту сумму обойщикомъ. Она очень обрадовалась, получивъ эти деньги, и тотчасъ по удаленіи посланнаго надѣла шляпку, съ намѣреніемъ какъ можно скорѣе отправиться въ Годервиль и отослать Полю эти неожиданно полученныя деньги.

Идя торопливо по большой дорогѣ, она повстрѣчалась съ Розаліей, возвращавшейся съ рынка. Въ служанкѣ тотчасъ же зародилось смутное подозрѣніе, хотя она сразу правды не угадала. Когда же она узнала, въ чемъ дѣло, благодаря тому, что Жанна ничего не умѣла отъ нея скрыть, она поставила корзину на землю и дала полную волю своему гнѣву.

Она кричала, упираясь кулаками въ бока; наконецъ, взявъ правою рукой барыню, а лѣвою корзинку, все еще разсерженная, отправилась домой.

По возвращеніи, Розалія тотчасъ же потребовала деньги, которыя Жанна и отдала ей, утаивъ шестьсотъ франковъ; но хитрость эта была вскорѣ открыта недовѣрчивою служанкой, такъ что пришлось отдать все.

Впрочемъ, Розалія согласилась, чтобъ этотъ остатокъ былъ посланъ Полю.

Черезъ нѣсколько дней пришло благодарственное письмо:

„Ты очень одолжила меня, дорогая мама, такъ какъ мы находились въ страшной нуждѣ“.

Жанна между тѣмъ совсѣмъ не привыкала въ Батвилѣ. Ей и дышалось здѣсь не такъ, какъ прежде, и чувствовала она себя еще болѣе одинокой, болѣе покинутой. Она отправлялась на прогулку, доходила до деревни Вернель, возвращалась назадъ мимо Труамара, но, придя домой, ей тотчасъ же хотѣлось опять гулять, какъ будто она забыла сходить именно куда ей нужно было, куда хотѣлось идти.

И такъ было каждый день, хотя она и не отдавала себѣ отчета въ этой странной потребности. Но какъ-то вечеромъ одна фраза, произнесенная безсознательно, открыла ей тайну ея безпокойства. Садясь за обѣдъ, она сказала:

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть море.

Ей именно недоставало моря, по сосѣдству съ которымъ

она жила цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ,—этого моря, съ его соленымъ воздухомъ, съ его бурями, съ его ревомъ, съ его могучими волнами,—моря, которое она ежедневно видѣла изъ своихъ оконъ въ Тополяхъ, вдыхала день и ночь, чувствовала вблизи себя и полюбила какъ друга, сама того не сознавая.

Бой тоже жилъ въ постоянномъ безпокойствѣ. Со дня переѣзда онъ поселился внизу кухоннаго шкапа и его никакъ нельзя было оттуда выгнать. Днемъ онъ лежалъ почти неподвижно, изрѣдка только поворачиваясь съ глухимъ рычаньемъ.

Но лишь только наступала ночь, онъ тащился къ двери, выходящей въ садъ, натыкаясь на стѣны. Пробывъ тамъ нужныя ему нѣсколько минутъ, онъ возвращался, садился у теплой еще печки и, какъ только обѣ его хозяйки уходили спать, принимался выть.

Вылъ онъ такимъ образомъ цѣлую ночь самымъ жалобнымъ, плачевнымъ голосомъ; иногда останавливался на время, но потомъ снова принимался въ еще болѣе раздирательномъ тонѣ. Его привязали у дома въ бочкѣ. Онъ сталъ выть подъ окнами. Такъ какъ онъ становился все болѣе увѣчнымъ и чувствовалась близость его смерти, его водворили опять въ кухнѣ.

Жанна совсѣмъ не могла спать, слыша постоянные стоны и царапанье старой собаки, старавшейся освоиться съ своимъ новымъ жилищемъ и отлично сознававшей, что она не у себя дома.

Ничто не могло его успокоить. Проводя въ дремотѣ цѣлый день, какъ будто слѣпота и сознаніе своей немощности мѣшали ему двигаться въ то время, когда двигаются и живутъ всѣ другія существа, онъ начиналъ безъ устали бродить съ наступленіемъ ночи, рѣшаясь жить и

двигаться только въ потемкахъ, когда никто ничего не видитъ.

Какъ-то утромъ его нашли мертвымъ. Это было большое облегченіе.

Зима приближалась, и Жанна чувствовала непреодолимое отчаянье; не ту острую боль, которая раздираетъ сердце, но глухую, мертвящую тоску.

Никакое развлеченіе не оживляло ее, никому не было до нея никакого дѣла. Большая дорога, пролегавшая и вправо, и влѣво отъ дома, была обыкновенно безлюдна. Изрѣдка проносился рысью тильбюри съ краснощекимъ сѣдокомъ, блуза котораго вздувалась отъ вѣтра, образуя синій шаръ; иногда медленно проѣзжала телѣга, или виднѣлись вдалекѣ на горизонтѣ двѣ фигуры крестьянъ: мужчины и женщины, сперва совсѣмъ маленькія, которыя постепенно увеличивались, но потомъ, миновавъ домъ, опять уменьшались, представляясь, наконецъ, глазу не больше насѣкомыхъ, тамъ, на самомъ концѣ бѣлой линіи, тянувшейся вдаль, то подымаясь, то опускаясь по волнистой почвѣ.

Лишь только стала пробиваться травка, дѣвочка въ короткой юбкѣ проходила по утрамъ мимо воротъ, провожая двухъ тощихъ коровъ, которыя щипали траву вдоль рва большой дороги. Вечеромъ она возвращалась тѣмъ же медленнымъ шагомъ, слѣдуя за коровами.

Жаннѣ снилось каждую ночь, что она живетъ еще въ Тополяхъ, вмѣстѣ съ отцемъ и мамой, а иногда даже и съ теткой Лизонъ. Она переживала давно-прошедшее и забытое: ей казалось, что она поддерживаетъ мадамъ Аделаиду, гуляющую по своей аллеѣ. И каждое пробужденіе сопровождалось слезами.

Мысль о Полѣ не покидала ее. Она постоянно задавала себѣ вопросы: „Что-то онъ дѣлаетъ? Какъ себя чувству-

этъ? Думаетъ ли когда-нибудь обо мнѣ?“ Самыя мучительныя мысли пробѣгали у нея въ головѣ во время ея медленныхъ прогулокъ по пробитымъ дорожкамъ между фермами. Но болѣе всего она страдала отъ непрерывной ревности къ этой незнакомой женщинѣ, отнявшей у нея сына. Одна только эта ненависть удерживала ее, мѣшала ей дѣйствовать, разыскать его, явиться къ нему. Ей представлялась любовница, встрѣчающая ее у двери вопросомъ: „Что вамъ нужно здѣсь, сударыня?“ Гордость матери возмущалась возможностью подобной встрѣчи. Высокомѣрное чувство женщины чистой, безъ слабостей и паденій, все болѣе и болѣе ожесточало ее противъ подлости людей, порабощенныхъ грязною чувственною любовью, отъ которой и сердца становятся низкими. Человѣчество казалось ей гадкимъ, когда она размышляла о грязныхъ тайнахъ чувствъ, объ унизительныхъ ласкахъ, обо всемъ, что прикрываетъ собою неразрывныя соединенія.

Весна и лѣто прошли кое-какъ, но когда наступила осень съ ея безпрерывными дождями, сѣрымъ небомъ и мрачными облаками, Жанна почувствовала страшную усталость отъ такой жизни и рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы вернуть своего Пулэ.

„Страсть молодого человѣка теперь уже, вѣроятно, остыла“, думала она.

Она написала ему отчаянное письмо:

„Дорогое дитя мое, умоляю тебя, вернись ко мнѣ. Подумай только о томъ, что я—больная и старая—живу цѣлый годъ одна, со служанкою. У меня теперь маленькій домикъ на большой дорогѣ. Жизнь моя очень печальна. Но все бы измѣнилось, еслибы ты былъ со мной. Одинъ ты только у меня и есть на свѣтѣ, и тебя я не видала семь лѣтъ! Ты никогда не узнаешь, какъ я была несчастна, и какъ

жила только тобой. Ты былъ моею жизнью, моею мечтой, моею единственною надеждой, моею единственною любовью, и тебя нѣтъ со мной, и ты меня покинулъ!

О! вернись, мой цыпленокъ, вернись къ твоей старой матери, раскрывающей тебѣ безнадежныя объятія.

Жанна".

Онъ отвѣчалъ черезъ нѣсколько дней:

„Дорогая мама, я и самъ бы съ удовольствіемъ пріѣхалъ повидаться съ тобой, но у меня нѣтъ ни копѣйки. Пришли денегъ и я пріѣду. Мнѣ нужно поговорить съ тобой объ одномъ проектѣ, исполненіе котораго помогло бы мнѣ удовлетворить и твою просьбу.

„Любовь и безкорыстіе женщины, дѣлившей со мной мои черные дни, остаются и теперь безграничными. Мнѣ кажется невозможнымъ не узаконить ея любви и преданности. Къ тому, у нея прекрасныя манеры, которыя ты оцѣнишь должнымъ образомъ. Она очень образована и много читаетъ. Наконецъ, ты и вообразить себѣ не можешь, чѣмъ она была всегда для меня. Я былъ бы животнымъ, еслибы не проявилъ къ ней благодарности. Итакъ, я прошу твоего разрѣшенія жениться на ней. Ты бы простила мои шалости и мы бы зажили всѣ вмѣстѣ въ твоемъ новомъ домѣ.

„Еслибы ты знала ее, ты навѣрное тотчасъ же дала бы свое согласіе. Увѣряю тебя, она совершенна и очень порядочна. Ты бы полюбила ее, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Что же до меня, то я не могъ бы жить безъ нея.

„Съ нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта, дорогая мама. Обнимаемъ тебя отъ всего сердца.

Твой сынъ,

Виконтъ Поль де-Ламаръ".

Жанна была подавлена. Она оставалась неподвижной съ письмомъ въ рукахъ, угадывая хитрость этой дѣвки, ко-

торая постоянно удерживала ея сына, ни разу не допустила его до свиданія, дожидаясь времени, когда несчастная старая мать, не въ силахъ будучи противостоять желанію обнять сына, согласится на все.

Неизмѣнное предпочтеніе, оказываемое Полемъ этой твари, страшно терзало ея сердце. Она повторяла: „Онъ меня не любитъ. Онъ меня не любитъ“.

Вошла Розалія. Жанна пробормотала:

— Теперь онъ хочетъ жениться на ней.

Служанка вспылила:

— О! сударыня, не позволяйте этого. Не допускайте, чтобы Поль связался съ этою дрянью.

Утомленная и вмѣстѣ съ тѣмъ взволнованная, Жанна отвѣчала:

— Никогда не позволю этого, милая. И такъ какъ онъ не хочетъ пріѣхать, я сама разыщу его, и посмотримъ, кто изъ насъ двоихъ побѣдитъ.

И она тотчасъ же написала Полю, чтобъ извѣстить его о своемъ пріѣздѣ, и чтобы свидѣться съ нимъ не на квартирѣ этой негодницы.

Потомъ, въ ожиданіи отвѣта, она стала сбираться. Розалія укладывала въ старый чемоданъ бѣлье и вещи своей госпожи. Но, складывая платье, старое деревенское платье, она вскричала:

— Да вамъ рѣшительно нечего надѣть. Я не позволю вамъ ѣхать въ такомъ видѣ. Вы совсѣмъ осрамитесь, и парижскія дамы сочтутъ васъ за служанку.

Жанна не противорѣчила ей, и обѣ женщины отправились въ Годервиль. Тамъ онѣ купили зеленую клѣтчатую матерію на платье, которое и было заказано городской портнихѣ. Потомъ они зашли посовѣтоваться насчетъ поѣздки къ нотаріусу Русселю, который каждый годъ бы-

валъ въ столицѣ, недѣли на двѣ. Сама Жанна уже двадцать восемь лѣтъ не видала Парижа.

Онъ далъ безчисленныя наставленія о томъ, какъ не попасть подъ экипажъ, о предосторожностяхъ противъ воровства, совѣтуя зашить деньги подъ подкладку платья при себѣ же держать только необходимую сумму; долго распространялся о недорогихъ ресторанахъ, причемъ указалъ два или три посѣщаемыхъ дамами; совѣтовалъ остановиться въ гостиницѣ Нормандія, недалеко отъ желѣзной дороги, гдѣ и самъ онъ всегда останавливается. Туда можно будетъ явиться отъ его имени.

Уже шесть лѣтъ, какъ установилась ѣзда по желѣзной дорогѣ между Парижемъ и Гавромъ. О ней всюду говорилось, но Жанна, подавленная горемъ, не видала еще этихъ паровыхъ каретъ, совершившихъ цѣлый переворотъ въ странѣ.

Поль между тѣмъ не отвѣчалъ.

Она прождала недѣлю, наконецъ двѣ, каждое утро съ волненіемъ выходя на дорогу, на встрѣчу почтальону:

— У васъ нѣтъ ничего для меня, дядя Маланденъ?

И онъ отвѣчалъ всегда охрипшимъ отъ непогоды голосомъ:

— Пока еще ничего нѣтъ, добрая барыня.

Вѣроятно эта женщина не позволяетъ Полю отвѣчать.

Тогда Жанна рѣшила отправиться тотчасъ же. Она хотѣла взять съ собой и Розалію, но служанка отказалась, не желая увеличивать путевые расходы.

Она не позволила также госпожѣ брать съ собой болѣе трехсотъ франковъ: „Если вамъ еще понадобятся деньги, вы мнѣ напишите, а я схожу къ нотаріусу и попрошу вамъ ихъ выслать. Если же я вамъ теперь дамъ больше, все равно Поль отберетъ ихъ у васъ“.

Итакъ, въ одно декабрьское утро онѣ отправились въ

телѣжкѣ Дениса Лекока, который пріѣхалъ, чтобы довезти ихъ до станціи. Розалія должна была вернуться обратно.

Онѣ справились сначала о цѣнѣ билета, затѣмъ, когда все было устроено и багажъ сданъ, онѣ остановились у полотна желѣзной дороги, стараясь понять, какимъ образомъ дѣйствовала машина, и до такой степени увлеклись этою загадкой, что перестали думать о грустной причинѣ путешествія.

Наконецъ, отдаленный свистъ заставилъ ихъ обернуться, и онѣ замѣтили приближающуюся черную машину. Она подкатила со страшнымъ шумомъ и прошла мимо нихъ, таща за собою длинную цѣпь маленькихъ домиковъ на колесахъ.

Кондукторъ отворилъ дверь. Жанна со слезами обняла Розалію и вошла въ одинъ изъ этихъ ящиковъ.

Взволнованная Розалія кричала:

— До свиданія, сударыня, счастливаго пути, до скораго свиданія!

— До свиданія, милая.

Раздался еще свистокъ и весь поѣздъ тронулся сначала тихо, потомъ пошелъ быстрѣе, и наконецъ помчался съ страшною быстротой.

Въ томъ отдѣленіи, гдѣ находилась Жанна, двое мужчинъ спали, прислонясь къ двумъ уголкамъ.

Она смотрѣла на мелькавшія поля, деревья, фермы, деревни, ошеломленная быстротой, чувствуя, что ее захватываетъ и уноситъ новая жизнь, чуждая ей, не похожая ни на ея тихую жизнь въ молодости, ни на однообразную жизнь въ настоящемъ.

Къ вечеру поѣздъ прибылъ въ Парижъ.

Коммиссіонеръ взялъ багажъ Жанны; она слѣдовала за нимъ смущенная, ее толкали со всѣхъ сторонъ, она не-

ловко пробиралась въ движущейся толпѣ, почти бѣгомъ слѣдуя за человѣкомъ, изъ боязни потерять его изъ виду.

Прибывъ въ контору гостиницы, она поспѣшила заявить:

— Меня рекомендуетъ г. Руссель.

Хозяйка, высокая, серьезная женщина, сидѣвшая за конторкой, спросила:

— Кто это г. Руссель?

Удивленная Жанна отвѣчала:

— Нотаріусъ изъ Годервиля, который ежегодно останавливается у васъ.

— Можетъ быть. Я его не знаю. Вамъ угодно комнату?

— Да.

И мальчикъ, взявъ ея багажъ, пошелъ по лѣстницѣ впереди ея.

Сердце ея сжималось. Она сѣла передъ маленькимъ столикомъ и велѣла подать себѣ бульону и крылышко цыпленка. Съ ранняго утра у нея ничего еще не было во рту. Она грустно ѣла при тускломъ освѣщеніи свѣчи, раздумывая о разныхъ вещахъ, припоминая свой прежній проѣздъ черезъ этотъ городъ, на возвратномъ пути изъ своего свадебнаго путешествія, дурныя черты характера Жюльена, впервые проявившіяся во время ихъ пребыванія въ Парижѣ. Но тогда она была молода, довѣрчива и бодра. Теперь она чувствовала себя старой, нерѣшительной, даже боязливой, слабой и волнующейся изъ-за всякихъ пустяковъ. Покончивъ ужинать, она подошла къ окну и стала разглядывать многолюдную улицу. Ей захотѣлось выйти, но она побоялась заблудиться и не пошла, а, загасивъ свѣчу, улеглась спать.

Но шумъ, это ощущеніе незнакомаго города и тревога отъ путешествія не давали ей уснуть. Часы проходили.

Движеніе на улицѣ утихало мало-по-малу, а она все еще не могла заснуть, раздраженная этимъ полупокоемъ большихъ городовъ.

Она привыкла къ тому невозмутимому, глубокому сну полей, который приводитъ въ оцѣпенѣніе все—людей, животныхъ и растенія, теперь же она чувствовала вокругъ себя какую-то затаенную суету. Почти неуловимые голоса доносились до нея, какъ будто изъ самой гостиницы. Иногда скрипѣлъ полъ, затворялась дверь, раздавался звонокъ.

Вдругъ, около двухъ часовъ ночи, когда она только-что начинала засыпать, въ сосѣднемъ номерѣ закричала женщина; Жанна быстро вскочила на постели; потомъ ей послышался смѣхъ мужчины.

Но мало-по-малу мысль о Полѣ овладѣла ею, и на разсвѣтѣ она была уже одѣта.

Онъ жилъ въ улицѣ Соважъ, въ Сите. Она захотѣла идти пѣшкомъ изъ экономіи, помня наставленія Розаліи. День былъ прекрасный, слегка морозный; на улицахъ было уже сильное движеніе. Она шла какъ можно скорѣе по указанной улицѣ, въ концѣ которой должна была повернуть направо, потомъ налѣво, затѣмъ, дойдя до площади, опять освѣдомиться о дорогѣ. Площади она не нашла и стала распрашивать булочника, который указалъ ей другой путь. Она пошла снова, заблудилась, опять распрашивала куда ей идти, и наконецъ совсѣмъ растерялась и пошла на-угадъ. Думая уже нанять извозчика, она замѣтила Сену, и пошла по набережной.

Приблизительно черезъ часъ, она входила въ улицу Соважъ, похожую на грязный переулокъ. Она остановилась у двери, не въ силахъ сдѣлать болѣе ни шага.

Пулэ былъ здѣсь, въ этомъ домѣ!

Она чувствовала, какъ дрожали ея руки и ноги; нако-

нецъ она вошла и, замѣтя въ узкомъ проходѣ помѣщеніе дворника, протянула ему монету и спросила:

— Не можете ли вы сходить на верхъ и доложить Полю де-Ламару, что его ждетъ внизу пожилая женщина, подруга его матери.

Привратникъ отвѣчалъ:

— Онъ уже не живетъ здѣсь, сударыня.

Дрожь пробѣжала по ней и она проговорила:

— Но... но гдѣ же онъ живетъ теперь?

— Не знаю.

У нея закружилась голова и она, едва держась на ногахъ, простояла нѣсколько секундъ, не произнося ни слова. Наконецъ, сдѣлавъ страшное усиліе, она овладѣла собой и сказала:

— А когда онъ выѣхалъ?

Привратникъ далъ подробное объясненіе:

— Вотъ уже двѣ недѣли, какъ они вышли, такъ, къ вечеру, и больше не возвращались. Они задолжали всѣмъ въ околодкѣ, потому, понимаете ли, и адреса своего, конечно, не оставили.

Передъ глазами Жанны носились искры, цѣлые огненные круги, какъ будто передъ глазами ея стрѣляли изъ ружей. Но рѣшимость ее поддерживала; она, сохраняя наружное спокойствіе, размышляла. Ей во что бы то ни стало нужно было розыскать Пулэ.

— И онъ ничего не сказалъ выходя?

— О! рѣшительно ничего. Они скрылись отъ долговъ, вотъ и все.

— Но онъ присылаетъ же кого-нибудь за письмами?

— Прежде доставлялъ я, но рѣдко. Вѣдь они не получили и десяти писемъ въ годъ. Впрочемъ, я снесъ къ нимъ одно, дня за два до ихъ отъѣзда.

Безъ сомнѣнія, это было ея письмо. Она быстро проговорила:

— Слушайте, я его мать, и я пріѣхала за нимъ. Вотъ вамъ десять франковъ. Если вы узнаете что-нибудь о немъ, дайте мнѣ знать въ гостиницу Нормандія, на Гаврской улицѣ. Плату получите хорошую.

Онъ отвѣчалъ:

— Будьте благонадежны, сударыня.

И она удалилась.

Она шла совсѣмъ не разбирая дороги, шла поспѣшно, какъ будто по какому-нибудь важному дѣлу; сторонясь отъ толкавшихъ ее прохожихъ, она пробиралась вдоль стѣнъ; проходя черезъ улицу, она не обращала вниманія на экипажи, вызывая этимъ ругательства кучеровъ; спотыкалась о ступеньки тротуаровъ, бѣжала ни на что не обращая вниманія, совсѣмъ растерянная.

Вдругъ она очутилась въ какомъ-то саду и почувствовала такую усталость, что опустилась на скамью. Повидимому, она просидѣла тутъ долго, не замѣчая струившихся слезъ, которыя между тѣмъ привлекали вниманіе прохожихъ. Наконецъ она почувствовала сильный холодъ и встала, чтобъ итти, но ноги почти совсѣмъ отказывались ей служить,—до такой степени она утомилась и ослабла.

Ей хотѣлось спросить въ ресторанѣ бульону, но она боялась войти въ эти заведенія изъ застѣнчивости, изъ страха, отчасти оберегая свое горе отъ постороннихъ взглядовъ. Она останавливалась на минуту у двери, заглядывала во внутрь, видѣла сидящихъ за столами и обѣдающихъ посѣтителей и удалялась сконфуженная, думая про себя: „Нѣтъ, лучше зайду въ слѣдующій“. Но и со слѣдующимъ была та же самая исторія.

Наконецъ она купила у булочника небольшой круглый хлѣбецъ и на ходу стала ѣсть его. Ее томила также жажда, но она не знала гдѣ напиться и обошлась безъ этого.

Пройдя подъ сводомъ, она очутилась въ другомъ саду, окруженномъ аркадами. Это оказался Пале-Рояль.

Такъ какъ солнце и ходьба нѣсколько разгорячили ее, она просидѣла еще часа два.

Сюда стекалась толпа,—изящная толпа, которая говорила, улыбалась, кланялась,—та счастливая толпа красивыхъ женщинъ и богатыхъ мужчинъ, которая живетъ только для блеска и удовольствій.

Чувствуя неловкость среди этого шумнаго, блестящаго собранія, Жанна встала, чтобъ удалиться; но вдругъ ей пришло въ голову, что она можетъ тутъ встрѣтить Поля, и она стала ходить взадъ и впередъ по всему саду, разсматривая лица. Такъ она ходила долго своею смиренною быстрою походкой.

Нѣкоторые оглядывались на нее, другіе смѣялись и указывали пальцемъ. Жанна замѣтила это и удалилась, предполагая, что потѣшаются, вѣроятно, надъ ея видомъ и надъ зеленымъ клѣтчатымъ платьемъ, которое выбирала Розалія и подъ руководствомъ которой оно было сшито годервильскою портнихой.

Она не осмѣливалась даже спрашивать дорогу у проходящихъ, но потомъ все-таки рѣшилась на это и дошла до гостиницы.

Остальную часть дня она провела неподвижно въ креслѣ, у своей постели. Потомъ, пообѣдавъ такъ же какъ наканунѣ супомъ и небольшимъ кускомъ мяса, она легла спать, продѣлывая все это машинально, по привычкѣ.

На слѣдующій день она отправилась въ префектуру полиціи, прося разыскать ей сына. Ее ничѣмъ не могли обнадежить, но все-таки обѣщали заняться этимъ дѣломъ.

Тогда она начала бродить по улицамъ, все еще надѣясь встрѣтить Поля. И среди этой двигающейся толпы она чув-

ствовала себя болѣе одинокой, болѣе затерянной, болѣе безпомощной, чѣмъ среди пустынныхъ полей.

Когда она вернулась вечеромъ въ гостиницу, ей сказали что какой-то человѣкъ спрашивалъ ее отъ имени г. Поля и обѣщалъ зайти завтра. Кровь прилила ей къ сердцу и она не спала цѣлую ночь. Что если это онъ? Да, это несомнѣнно онъ, хотя по сообщаемымъ примѣтамъ и не похожъ на него.

Когда около девяти часовъ утра постучали въ дверь, она сказала: „Войдите“, готовая броситься съ открытыми объятіями. Появился незнакомецъ. Пока онъ извинялся, что обезпокоилъ ее, и объяснилъ дѣло, по которому онъ пришелъ сюда, просилъ уплатить долгъ Поля, она чувствовала на глазахъ слезы и, не желая обнаружить ихъ, кончикомъ пальца снимала скопившіяся по угламъ глазъ слезинки.

Онъ узналъ объ ея пріѣздѣ отъ привратника ихъ улицы Савожъ и, не найдя сына, обратился къ матери. Онъ протянулъ ей бумагу, которую она приняла, ни о чемъ не думая.

Въ ней она прочла цифру 90 франковъ и безпрекословно заплатила долгъ.

Въ этотъ день она не выходила изъ дому.

На слѣдующій день явились другіе кредиторы. Она отдала имъ все, что имѣла, оставивъ только двадцать франковъ, и написала Розаліи о своемъ положеніи.

Она провела эти дни въ ходьбѣ, ожидая отвѣта Розаліи, не зная что дѣлать, какъ убить тяжелое время, нескончаемые часы, не имѣя никого, съ кѣмъ бы можно было поговорить по душѣ, кто бы зналъ ея несчастье. Она ходила безцѣльно, чувствуя непреодолимую потребность уѣхать, вернуться туда, въ свой маленькій домикъ на краю безлюдной дороги.

Нѣсколько дней тому назадъ ей не жилось тамъ,—до та-

кой степени ее подавляла тоска,—теперь же она чувствовала, что, напротивъ, тамъ только она и могла жить, тамъ, гдѣ печальныя привычки ея уже пустили корни.

Наконецъ, какъ-то вечеромъ, она получила письмо и двѣсти франковъ. Розалія писала: „Мадамъ Жанна, пріѣзжайте скорѣе, потому что больше я вамъ ничего не пришлю. Что же касается Поля, то я сама поѣду за нимъ, лишь только получимъ о немъ какія-нибудь извѣстія.

Кланяюсь вамъ. Ваша служанка,

Розалія“.

И утромъ Жанна уѣхала въ Батевиль; шелъ снѣгъ и былъ сильный холодъ.

XIV.

Она перестала выходить, почти перестала двигаться. Вставая каждое утро въ опредѣленный часъ, она подходила къ окну, узнавала какова погода, потомъ сходила внизъ въ гостиную и усаживалась у огня.

Такъ она просиживала неподвижно цѣлые дни, не отрывая глазъ отъ пламени, не сдерживая своихъ тоскливыхъ мыслей и переживая грустную повѣсть своихъ несчастій. Мало-по-малу въ маленькой комнатѣ становилось темно, а Жанна все не мѣняла положенія, вставая лишь для того, чтобы подложить дровъ въ печку.

Тогда Розалія приносила лампу и говорила: „Ну, сударыня, вамъ надо прогуляться немного, а то у васъ опять не будетъ аппетита сегодня“.

Часто ее преслѣдовали и мучили упорныя мысли, и терзалась самыми незначительными заботами, самыя пустыя вещи принимали огромное значеніе въ ея разстроенномъ мозгу.

Чаще всего она переживала прошлое, самое далекое прош-

лое: время своей юности и свадебное путешествіе туда, въ Корсику. Давно забытые пейзажи этого острова вдругъ возставали передъ ея воображеніемъ и словно мелькали передъ ея глазами, устремленными на горящія полѣнья въ каминѣ, и она припоминала всѣ подробности, всѣ малѣйшія событія, всѣ лица, встрѣчавшіяся ей тогда; голова проводника Жана Риволи преслѣдовала ее, и иногда ей казалось, что она слышитъ его голосъ.

Потомъ ей вспоминалось счастливое дѣтство Пулэ, когда онъ заставлялъ ее пересаживать саладъ, и она, стоя на колѣняхъ на грязной землѣ рядомъ съ теткой Лизонъ, соперничала съ ней, изъ желанія угодить ребенку. Обѣ онѣ старались какъ можно искуснѣе и больше пересадить растеній.

И губы ея тихо шептали: „Пулэ, мой цыпленочекъ", какъ будто она говорила съ нимъ; останавливаясь на этомъ словѣ, она пробовала иногда по цѣлымъ часамъ вытянутымъ пальцемъ рисовать въ воздухѣ всѣ буквы, составляющія это имя. Она медленно передъ огнемъ выводила эти буквы, думая, что видитъ ихъ; потомъ, воображая, что ошиблась, начинала опять съ буквы „П" и водила рукой, дрожащей отъ усталости, усиливаясь дорисовать ихъ до конца; покончивъ, она начинала снова.

Кончалось это тѣмъ, что она не могла уже больше писать, все перепутывала, вырисовывала другія слова, разстроиваясь до сумасшествія.

Всѣ признаки маніи одиночества овладѣли ею. Вещь, положенная не на обычное мѣсто, ее раздражала.

Розалія часто принуждала ее ходить, уводила на большую дорогу; но Жанна минутъ черезъ двадцать объявляла: „Я не могу больше ходить, милая", и садилась на краю рва.

Вскорѣ всякое движеніе ей стало невыносимо, и она оставалась въ постели какъ можно дольше.

Съ дѣтства у ней оставалась одна неизмѣнная привычка— вставать тотчасъ же послѣ питья кофе съ молокомъ. Она очень любила этотъ напитокъ и лишеніе его было бы ей чувствительнѣе, чѣмъ какое-либо другое. Каждое утро она ждала появленія Розаліи съ нѣсколько чувствительнымъ нетерпѣніемъ; и лишь только полная чашка ставилась на ея ночной столикъ, она садилась на постели и быстро, съ нѣкоторою жадностью, выпивала ее. Затѣмъ, откидывая одѣяло, начинала одѣваться.

Но мало-по-малу она стала привыкать къ тому, чтобы, не вставая, помечтать еще нѣсколько минутъ послѣ того какъ выпитая чашка поставлена была на блюдечко; затѣмъ она начала привыкать засыпать опять, и лѣность ея съ каждымъ днемъ все увеличивалась, такъ что разсерженная Розалія принуждена была почти насильно одѣвать ее.

У нея не осталось даже и подобія своей воли, и каждый разъ, когда служанка спрашивала ея совѣта, задавала ей вопросъ или освѣдомлялась объ ея мнѣніи, она неизмѣнно отвѣчала: „Дѣлай какъ знаешь, милая".

Она до такой степени вѣрила, что ее упорно преслѣдуютъ неудачи, что становилась фаталисткой, какъ жители Востока; и привычка видѣть несбыточность своихъ мечтаній и надеждъ довела ее до того, что она уже не осмѣливалась ничего предпринимать, и по цѣлымъ днямъ колебалась исполнить самое простое дѣло, въ полной увѣренности, что все выйдетъ какъ нельзя хуже.

Она ежеминутно повторяла: „Вотъ мнѣ никогда ничего не удавалось въ жизни". Тогда Розалія громко возражала: „А что, еслибы васъ заставили зарабатывать себѣ хлѣбъ, еслибы вы принуждены были вставать въ шесть часовъ, чтобъ идти на поденщину! Между тѣмъ многіе принуждены такъ жить и, доживя до старости, умираютъ въ нищетѣ".

Жанна отвѣчала: „Подумай только, что я совершенно одна, что мой сынъ бросилъ меня“. Тогда Розалія страшно сердилась. „Вотъ рѣдкость какая! А развѣ нѣтъ дѣтей, которыя идутъ въ солдаты или отправляются въ Америку“.

Америка представлялась ей смутною страной, куда ѣдутъ чтобы разбогатѣть и оттуда никогда не возвращаются.

Она продолжала: „Когда-нибудь да надо разставаться, потому что молодые не товарищи старикамъ“. И она оканчивала свирѣпымъ голосомъ: „А что бы вы сказали, еслибъ онъ умеръ?“

Жанна на это ничего не отвѣчала.

Мягкій воздухъ первыхъ весеннихъ дней нѣсколько оживилъ ее, но и этотъ возвратъ жизненной силы она употребляла чтобы все болѣе и болѣе углубляться въ свои мрачныя мысли.

Разъ какъ-то утромъ, отправившись на чердакъ, чтобы разыскать какую-то вещь, она нашла полный ящикъ старыхъ календарей. Они были сохранены по обычаю деревенскихъ жителей.

Ей казалось, что она нашла тутъ свои прошедшіе года, и она остановилась въ странномъ и необъяснимомъ волненіи передъ этой кучей четыреугольнаго картона.

Она взяла ихъ и снесла внизъ. Тутъ были и большіе, и маленькіе экземпляры, и она начала ихъ подбирать по годамъ и раскладывать на столъ. Вдругъ ей попался первый календарь,—тотъ, который она привезла въ Тополя.

Она долго разсматривала числа, вычеркнутыя ею въ день своего отъѣзда изъ Руана, на другой день по выходѣ изъ монастыря. И она заплакала. Плакала она тихими, унылыми слезами,—жалкими слезами старухи передъ картиной всей своей несчастной жизни, разложенной передъ нею на столѣ.

И ею овладѣла мысль, которая стала преслѣдовать ее

страшно, неотступно, ожесточенно. Она хотѣла воскресить въ своей памяти почти день за днемъ все, что она дѣлала.

Она приколола къ обоямъ стѣны, одинъ за другимъ, всѣ эти пожелтѣвшіе листки и проводила цѣлые часы, разсматривая который-нибудь изъ нихъ и задавая себѣ вопросъ: „Что случилось со мной въ такомъ-то мѣсяцѣ?“

Она отмѣчала чертами памятныя числа своей жизни, и ей удавалось иногда воспроизвести цѣлый мѣсяцъ, возстановляя одинъ за другимъ, группируя, связывая мельчайшія подробности, предшествовавшія или слѣдовавшія за главнымъ событіемъ.

Ей удалось, неустаннымъ вниманіемъ, усиліями памяти и сосредоточенностью воли, припомнить почти сполна два первыхъ года своего пребыванія въ Тополяхъ. Она съ удивительною легкостью вызывала воспоминанія о своей прошлой жизни.

Однако послѣдующіе годы терялись какъ бы въ туманѣ, перепутывались, перескакивали одинъ черезъ другой; иногда она подолгу сидѣла, склонивъ голову надъ календаремъ, усиливаясь проникнуть въ „былое“, но ей не удавалось даже припомнить, на какой страницѣ нужно было разыскивать такое-то воспоминаніе.

Она переходила отъ одного листа къ другому вокругъ залы, которую окружали эти картины минувшихъ дней, какъ изображенія ея крестнаго пути. Иногда она порывисто устанавливала свой стулъ передъ однимъ изъ нихъ и сидѣла тутъ до наступленія ночи съ упорно устремленнымъ взоромъ, углубленная въ свои поиски.

Но вдругъ, когда все ожило подъ живительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, когда зазеленѣли поля и деревья, когда распустились яблони и наполнили долину своимъ благоуханіемъ, Жанна почувствовала сильное волненіе.

Ей уже не сидѣлось на мѣстѣ; она выходила и входила по двадцати разъ въ день, иногда забираясь далеко по направленію къ фермамъ, волнуясь какимъ-то лихорадочнымъ сожалѣніемъ.

Маргаритка, спрятавшаяся въ густой травѣ, солнечный лучъ, скользящій между листвой, лужа воды, отражающая синее небо,—все волновало, умиляло, тревожило ее. Въ душу ея возвращались давно пережитыя ощущенія, эхо того волненія, которое она переживала молодою дѣвушкой, когда гуляя мечтала.

Ее волновали тѣ же ощущенія, она наслаждалась нѣжною, опьяняющею теплотой весеннихъ дней точно такъ же, какъ и прежде, когда все будущее было впереди. Она переживала это и теперь, когда въ будущемъ ничего уже не оставалось. Сердце ея еще радовалось, но и страдало въ то же время, какъ будто вѣчная радость пробужденнаго міра, проникнувъ въ ея высохшее тѣло, похололѣвшую кровь и измученную душу, могли вызвать только ослабѣвшее, болѣзненное очарованіе.

Ей казалось также, что что-то немного измѣнилось вокругъ нея: солнце какъ будто не такъ грѣетъ, какъ въ молодости, небо не такъ сине, трава не такъ зелена, цвѣты блѣднѣе и ароматъ ихъ уже не опьяняетъ такъ сильно.

Иногда, впрочемъ, она чувствовала себя такою жизнерадостной, что начинала снова мечтать, надѣяться, ждать, да и возможно ли утратить надежду, какъ бы сурова ни была судьба, когда кругомъ такъ чудно хорошо?

Она ходила по цѣлымъ часамъ, какъ будто внутреннее волненіе подгоняло ее. Но иногда она внезапно останавливалась, садилась на край дороги и предавалась грустнымъ думамъ.

Почему она не была любима какъ другія? Почему она не знала даже простой радости спокойной жизни?

Иногда она забывала на минуту, что стара, что впереди у нея ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ мрачныхъ лѣтъ одиночества, что вся дорога ея пройдена; и она, какъ въ шестнадцать лѣтъ, начинала сладостно мечтать, строить планы очаровательнаго будущаго. Но суровая дѣйствительность предъявляла свои права, она вставала какъ пришибленная упавшею на нее тяжестью, медленно шла домой и повторяла про себя: „О, старая дура, старая дура!"

Розалія теперь безпрестанно повторяла ей:

— Да успокойтесь, сударыня, изъ-за чего вы такъ волнуетесь?

И Жанна грустно отвѣчала:

— Что подѣлаешь, я теперь такая же, какимъ былъ Бой не задолго до смерти.

Какъ-то утромъ служанка вошла къ ней ранѣе обыкновеннаго и, поставивъ на ночной столикъ чашку кофе съ молокомъ, сказала:

— Пейте скорѣе и вставайте. Пріѣхалъ Денисъ и ждетъ насъ. Мы ѣдемъ сегодня въ Тополя, такъ какъ у меня есть тамъ дѣло.

Жанна близка была къ обмороку,—до такой степени она была поражена; она одѣлась, дрожа отъ волненія при мысли снова увидѣть дорогой свой домъ.

Былъ ясный, солнечный день и развеселившаяся лошадь принималась иногда скакать. Пріѣхавъ въ Этувань, Жанна задыхалась, такъ сильно билось ея сердце; замѣтивъ же кирпичные столбики рѣшетки, она помимо своей воли произнесла нѣсколько разъ шепотомъ: „О! о! о!" — какъ будто видъ этотъ раздиралъ ея душу.

Лошадь распрягли у Кульяровъ. Розалія съ сыномъ отправились по своимъ дѣламъ, и фермеры предложили Жаннѣ сходить въ замокъ, такъ какъ хозяевъ не было дома.

Взявъ ключи, она пошла одна и, приблизившись къ старому дому со стороны моря, остановилась, чтобъ осмотрѣть его. Снаружи онъ совсѣмъ не измѣнился. На выцвѣтшихъ стѣнахъ обширнаго сѣраго зданія въ этотъ день играло солнце. Всѣ ставни были закрыты.

Небольшой кусокъ сухой вѣтки свалился на ея платье; поднявъ глаза, она увидала платанъ. Приблизившись къ толстому дереву съ блѣдною, гладкою корой, она поласкала его рукой, какъ животное. Идя дальше, она споткнулась о кусокъ гнилого дерева; это былъ остатокъ скамейки, на которой они такъ часто сидѣли всѣ вмѣстѣ и которую поставили въ день перваго визита Жюльена.

Она подошла къ двойной двери прихожей и съ трудомъ отворила ее. Заржавленный ключъ долго не отпиралъ замка; наконецъ пружина заскрипѣла и замокъ поддался. Она толкнула ее и дверь распахнулась.

Жанна тотчасъ же, почти бѣгомъ, отправилась въ свою комнату. Оклеенная свѣтлыми обоями, она показалась ей неузнаваемой; но, открывъ окно, она была тронута до глубины души при видѣ своего любимаго горизонта, рощи, вязовъ, долины и наконецъ моря, усѣяннаго темными парусами, которые издали казались неподвижными.

Тогда она начала бродить по огромному пустому дому. Она разсматривала на стѣнахъ знакомыя ей пятна, остановилась передъ маленькимъ углубленіемъ въ штукатуркѣ, продѣланномъ барономъ, который, вспоминая молодость, часто проходя мимо, забавлялся тѣмъ, что фехтовалъ своею тростью со стѣной.

Въ комнатѣ мамы она нашла воткнутую за дверью, въ темномъ углу, у кровати, тоненькую булавку съ золотою головкой, которую она здѣсь когда-то воткнула (теперь она вспомнила это) и которую потомъ нѣсколько лѣтъ не могла

найти. И никому она не попалась. Жанна взяла ее какъ святыню и поцѣловала.

Она всюду ходила, искала, узнавала почти незамѣтные слѣды на тѣхъ же обояхъ, отыскивала тѣ странныя фигуры, которыя воображеніе часто создаетъ изъ рисунковъ тканей, мрамора, изъ пятенъ на потолкахъ, загрязненныхъ отъ времени.

Совершенно одинокая, она проходила тихими шагами по обширному, безмолвному замку, какъ по кладбищу. Вся ея жизнь была похоронена въ немъ.

Она сошла въ гостиную. Ставни были закрыты, такъ что ей пришлось простоять нѣсколько минутъ въ темнотѣ, ничего не различая; потомъ глазъ ея привыкъ къ мраку и она начала узнавать мало-по-малу высокіе обои съ разгуливающими птицами. Два кресла остались у камина, какъ будто на нихъ сейчасъ только сидѣли; и даже своеобразный запахъ этой комнаты, всегда присущій ей, какъ и живымъ существамъ, неопредѣленный, но легко узнаваемый и пріятный запахъ старыхъ помѣщеній, внезапно охватилъ Жанну.

Она стояла, вдыхая эту атмосферу прошлаго и устремивъ глаза на два кресла; вдругъ, по внезапной галлюцинаціи, порожденной ея неотвязными мыслями, ей показалось, что она видитъ,—да, видитъ, какъ часто видѣла въ дѣйствительности,—отца и мать, грѣющихъ ноги у камина.

Она отшатнулась, обезумѣвшая отъ страха, ударилась спиной о косякъ двери, удержалась за него, чтобы не упасть, и все время не спускала глазъ съ креселъ.

Видѣніе исчезло.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она не могла придти въ себя, но потомъ мало-по-малу овладѣла собой и хотѣла бѣжать, боясь сойти съ ума; но взглядъ ея упалъ нечаянно

на косякъ, о который она опиралась, и она замѣтила лѣстницу Пулэ.

Маленькія черточки съ неравными промежутками и цифры, начертанныя противъ нихъ перочиннымъ ножемъ, означали годы, мѣсяцы и ростъ ея сына. Тутъ былъ и крупный почеркъ барона, мелкій ея почеркъ и неровный почеркъ тетки Лизонъ. И ей показалось, что сынъ ея, каковъ онъ былъ въ то время, находится теперь тутъ, около нея, и его бѣлокурая головка прислонилась къ стѣнѣ, въ ожиданіи, когда отмѣтятъ его ростъ.

Баронъ кричалъ:

— Жанна, онъ выросъ на одинъ сантиметръ за шесть недѣль.

И она со страстью начала цѣловать этотъ косякъ.

Но ее звали со двора. Это былъ голосъ Розаліи:

— Мадамъ Жанна, мадамъ Жанна, васъ ждутъ завтракать.

Она вышла, голова ея кружилась и она рѣшительно ничего не понимала, что ей говорили. Она ѣла все, что ей предлагали, не понимала, что кругомъ ея говорили, вѣроятно и сама разговаривала съ фермерами, освѣдомлявшимися о ея здоровьѣ, позволяла себя цѣловать и сама цѣловала подставляемыя щеки, и наконецъ собралась уѣзжать.

Когда высокая крыша замка скрылась у нея изъ виду за деревьями, она почувствовала страшную тоску. Сердце сказало ей, что она уже никогда больше не увидитъ своего дома.

Они вернулись въ Батвиль.

Отворивъ дверь своего новаго жилища, она замѣтила на полу что-то бѣлое. Это было письмо, которое почталіонъ просунулъ туда въ ея отсутствіе. Она тотчасъ же узнала почеркъ Поля и со страхомъ вскрыла конвертъ. Онъ писалъ:

„Дорогая мама, я не написалъ тебѣ раньше, потому что мнѣ не хотѣлось, чтобы ты напрасно ѣздила въ Парижъ, такъ какъ я самъ со дня на день собирался къ тебѣ. Въ настоящее время мнѣ грозитъ страшное горе и я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Три дня тому назадъ жена моя родила дѣвочку; теперь она при смерти, а у меня нѣтъ ни копѣйки. Не знаю, что дѣлать съ ребенкомъ. Жена нашего швейцара кормитъ его, какъ умѣетъ, съ рожка, но я ужасно боюсь потерять его. Не можешь ли ты взять его на свое попеченіе? Я не имѣю средствъ нанять кормилицу и положительно не знаю что дѣлать. Отвѣчай тотчасъ же.

Любящій тебя сынъ.

Поль".

Жанна опустилась на стулъ и у нея едва хватило силъ, чтобы позвать Розалію. Когда та пришла, она опять перечитала письмо и потомъ долго сидѣли молча другъ противъ друга.

Розалія заговорила наконецъ:

— Я поѣду за малюткой, сударыня. Нельзя же ее такъ оставить.

Жанна отвѣчала:

— Поѣзжай, милая.

Онѣ опять замолкли, потомъ служанка продолжала:

— Надѣньте шляпу, сударыня, и пойдемте въ Годервиль къ нотаріусу. Если та умираетъ, нужно, чтобъ онъ успѣлъ обвѣнчаться ради дѣвочки.

И Жанна, не сказавъ ни слова, надѣла шляпу. Глубокая, сокровенная радость наполняла ея сердце,—грѣховная радость, которую она старалась скрыть во что бы то ни стало, одна изъ тѣхъ отвратительныхъ радостей, которыхъ стыдятся, но которыми въ то же время страстно упиваются въ скрытыхъ тайникахъ души. Любовница ея сына умирала.

Нотаріусъ далъ служанкѣ подробныя наставленія, которыя она заставила повторить себѣ нѣсколько разъ, и, только убѣдившись, что не перепутаетъ, объявила: „Не бойтесь ничего, теперь я смѣло берусь за дѣло".

Въ ту же ночь она отправилась въ Парижъ.

Жанна провела два дня въ такомъ тревожномъ состояніи, что не могла ничего обдумать. На третье утро она получила отъ Розаліи коротенькое извѣщеніе о ея пріѣздѣ съ вечернимъ поѣздомъ, и ничего больше.

Около трехъ часовъ одинъ изъ сосѣдей заложилъ тележку и отвезъ ее на станцію Безевиль, гдѣ она намѣревалась дождаться пріѣзда служанки.

Она стояла на платформѣ, не спуская глазъ съ прямой линіи рельсовъ, которые уносились, сближаясь тамъ, на самомъ горизонтѣ. По временамъ она посматривала на часы. Осталось десять минутъ, пять минутъ, двѣ минуты. Ну, теперь пора. Но ничего не показывалось вдали.

Потомъ вдругъ она замѣтила бѣлое пятно, дымокъ, черную точку подъ нимъ, которая все увеличивалась и увеличивалась, приближаясь съ неимовѣрною быстротой. Наконецъ тяжелая машина, замедляя свой ходъ, прошла пыхтя мимо Жанны, жадно карауливщей дверцы. Многіе изъ нихъ открылись; стали выходить пассажиры: крестьяне въ блузахъ, фермерши съ корзинами, мелкіе буржуа въ войлочныхъ шляпахъ. Наконецъ она увидала Розалію, несшую въ рукахъ нѣчто вродѣ свертка съ бѣльемъ.

Она хотѣла-было идти ей на встрѣчу, но боялась упасть,— ноги ея такъ и подкашивались. Розалія, увидя ее, подошла и съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ сказала: — Здравствуйте, сударыня, вотъ и я; все устроила, слава Богу!

Жанна прошептала:

— Ну какъ?

— Да такъ; она умерла сегодня ночью. Они повѣнчаны, вотъ малютка.—И она протянула ребенка, укутаннаго въ одѣялахъ.

Жанна машинально приняла его, онѣ вышли со станціи и отправились домой.

Розалія сказала:

— Поль пріѣдетъ послѣ похоронъ. Завтра, вѣроятно, съ этимъ же поѣздомъ.

Жанна прошептала:

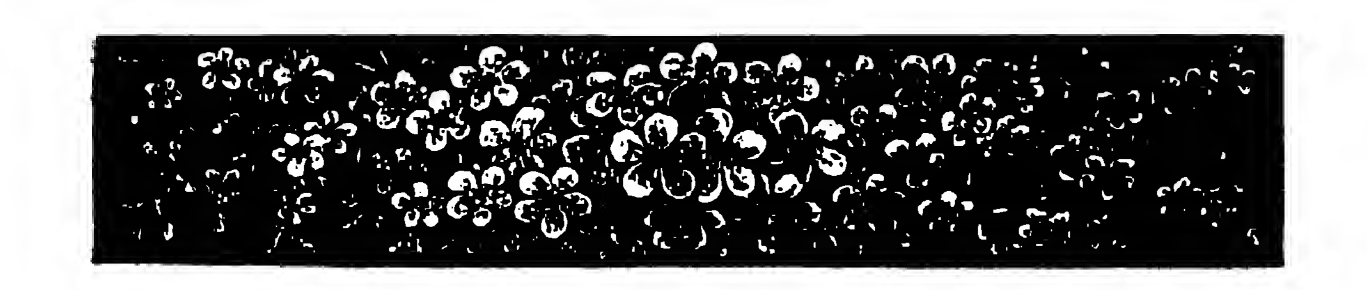
— Поль... и больше ничего не сказала.

Солнце склонялось къ горизонту, заливая своимъ блескомъ зеленыя долины, мѣстами испещренныя золотистою сурѣпой и ярко-краснымъ полевымъ макомъ. Безконечная тишина царила надъ спокойною землей, полной жизненныхъ силъ. Лошадка бѣжала рысью, побуждаемая прищелкиваніемъ возницы.

И Жанна смотрѣла вверхъ, на небо, на полетъ ласточекъ, пересѣкавшихъ воздухъ какъ ракеты. Вдругъ какая-то нѣжная теплота, живая теплота, сообщилась ея ногамъ и проникла въ ея тѣло. Это была теплота спавшаго на ея рукахъ младенца. Тогда ею овладѣло безконечное волненіе. Она быстро открыла ребенка, котораго еще не видала,—дочь своего сына. И только-что слабенькое существо начало щурить отъ яркаго свѣта свои голубые глазки и зашевелила губками, Жанна начала страстно обнимать ее, поднимая на руки и душа ее поцѣлуями.

Наружно суровая, но довольная Розалія остановила ее:

— Ну, ну, довольно, сударыня. А то опять раскричится.— Потомъ прибавила, отвѣчая очевидно на свою собственную мысль:—Жизнь, видите, не такъ хороша и не такъ дурна, какъ думаютъ.

ОЛИВКОВОЕ ПОЛЕ.

Когда жители гавани Гаранду, маленькой провансальской гавани въ глубинѣ бухты Писки, между Марселемъ и Тулономъ, замѣтили лодку аббата Вильбуа, возвращавшагося съ рыбной ловли, они спустились къ берегу, чтобы помочь ему вытащить ее на землю.

Аббатъ былъ одинъ въ лодкѣ и гребъ съ замѣчательною силой, какъ истый морякъ, несмотря на то, что ему было пятьдесятъ восемь лѣтъ. Засученные рукава обнажали мускулистыя руки; ряса, приподнятая и сжатая между колѣнъ, была полуразстегнута на груди; на головѣ у него былъ парусинный колпакъ, а треугольная шляпа лежала возлѣ, на скамейкѣ. Вообще онъ имѣлъ видъ сильнаго и своеобразнаго человѣка жаркихъ странъ, созданнаго больше для жизни полной приключеній, чѣмъ для служенія обѣденъ.

По временамъ онъ оборачивался назадъ, чтобы точнѣе опредѣлить мѣсто причала, затѣмъ снова начиналъ грести размѣренно, сильно, равномѣрно, чтобы еще лишній разъ показать этимъ неловкимъ южанамъ, какъ плаваютъ жители сѣвера.

Лодка, пущенная во весь ходъ, коснулась земли, скольз-

нула по песку, какъ бы собираясь взобраться на берегъ, врѣзалась килемъ въ песокъ и остановилась какъ вкопанная. Пятеро матросовъ, поджидавшихъ священника, подошли съ веселымъ, довольнымъ, ласковымъ видомъ.

— Ну, какъ? — сказалъ одинъ изъ нихъ съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ. — Удачна ли ловля, господинъ кюре?

Аббатъ Вильбуа положилъ весла, замѣнилъ парусинный колпакъ треуголкой, опустилъ рукава, застегнулъ рясу и, принявъ величавую священническую осанку, съ гордостью отвѣчалъ:

— Да, да, очень удачна; три зубчатки, двѣ мурены и нѣсколько губановъ.

Пятеро рыбаковъ приблизились къ лодкѣ и, перевѣсившись черезъ ея край, съ видомъ знатоковъ, принялись разсматривать уснувшую рыбу. Тутъ были жирныя зубчатки, плоскоголовыя мурены—отвратительные морскіе змѣи—и фіолетовые губаны, испещреные зигзагами золотистыхъ полосокъ, цвѣта апельсинныхъ корокъ.

Одинъ изъ рыбаковъ сказалъ:

— Я отнесу ихъ на вашу дачу, господинъ кюре.

— Спасибо, любезный.

Пожавъ всѣмъ руки, священникъ съ рыбакомъ отправился въ путь, оставивъ лодку на попеченіе остальныхъ.

Онъ шелъ большими шагами, не торопясь, и вся фигура его дышала силой и достоинствомъ. Такъ какъ ему было еще жарко послѣ усиленной работы веслами, онъ изрѣдка снималъ треуголку, проходя подъ тѣнью маслинъ, чтобы вечернимъ воздухомъ, еще раскаленнымъ, но уже нѣсколько смягченнымъ легкимъ морскимъ вѣтеркомъ, освѣжить свой широкій лобъ, покрытый сѣдыми короткими и прямыми волосами,—лобъ, болѣе свойственный офицерамъ, чѣмъ свя-

щенникамъ. На пригоркѣ показалась деревня, расположенная на широкой долинѣ, спускающейся къ морю.

Былъ іюльскій вечеръ. Фигура священника подъ лучами ослѣпительнаго солнца, готоваго коснуться зубчатаго гребня отдаленныхъ холмовъ, отбрасывала на бѣлую, пыльную дорогу длиннѣйшую тѣнь, а непомѣрная треуголка въ видѣ громаднаго темнаго пятна перебѣгала по сосѣднимъ полямъ, игриво забираясь на каждый стволъ попадавшихся маслинъ, падая затѣмъ на землю и пробираясь между деревьевъ.

Подъ ногами аббата Вильбуа поднималось облако той мелкой пыли, которая лѣтомъ покрываетъ обыкновенно проселочныя дороги; она вздымалась вокругъ его рясы и густымъ сѣрымъ слоемъ осѣдала на ея подолъ. Освѣженный, онъ шелъ теперь медленною, твердою походкой горца, привычнаго къ высокимъ подъемамъ. Спокойные глаза его остановились на деревнѣ,—на его деревнѣ, въ которой онъ прослужилъ двадцать лѣтъ, которую самъ выбралъ и получилъ какъ большую милость, и гдѣ разсчитывалъ умереть. Церковь—его церковь—вѣнчала широкій конусъ группировавшихся вокругъ нея домовъ своими неровными башнями изъ коричневаго камня. Очертанія ихъ на этой чудной горной долинѣ напоминали скорѣй крѣпостныя укрѣпленія, чѣмъ церковныя колокольни.

Аббатъ былъ доволенъ. Ему удалось поймать три зубчатки, двѣ мурены и нѣсколько губановъ.

Эта удача доставитъ ему новое торжество надъ его прихожанами, уважавшими его главнымъ образомъ за то, что можетъ быть онъ, несмотря на свои годы, былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ въ странѣ. Удовлетвореніе этого маленькаго, невиннаго тщеславія было одной изъ его большихъ радостей. Онъ стрѣлялъ изъ пистолета такъ, что срѣзалъ пулей стебель цвѣтка, фехтовалъ съ сосѣднимъ табачнымъ тор-

говцемъ, бывшимъ полковымъ фейхтмейстеромъ, и считался самымъ лучшимъ плавцомъ окрестности.

А между тѣмъ онъ когда-то былъ очень извѣстнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, утонченнымъ барономъ де-Вильбуа, сдѣлавшимся въ тридцать два года священникомъ, вслѣдствіе несчастной любви. Онъ происходилъ изъ старинной роялистической пикардійской семьи, очень религіозной, сыновья которой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служили въ арміи, въ магистратѣ и церкви. Сначала, по совѣту матери, онъ мечталъ вступить въ военную службу, затѣмъ, по настоянію отца, рѣшилъ просто поѣхать въ Парижъ, прослушать курсъ юридическихъ наукъ и добиваться какой-нибудь важной должности въ палатѣ.

Но пока онъ кончалъ курсъ, отецъ его умеръ отъ воспаленія легкихъ, простудившись на охотѣ по болотамъ, а вскорѣ и мать съ горя послѣдовала за мужемъ. Очутившись наслѣдникомъ большого состоянія, онъ отказался отъ намѣренія поступить на какую-либо службу и удовольствовался жизнью богатаго человѣка.

Красивый юноша, съ недюжиннымъ умомъ, хотя и ограниченными вѣрованіями, традиціями и принципами, унаслѣдованными имъ вмѣстѣ съ его мускулами отъ пикардійскаго дворянства,—онъ нравился, имѣлъ успѣхъ въ образованномъ обществѣ и наслаждался жизнью, какъ человѣкъ молодой, богатый и всѣми уважаемый.

Но у пріятеля онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ молодую актрису; совсѣмъ молоденькую ученицу консерваторіи, дебютировавшую съ блескомъ въ Одеонѣ, и влюбился въ нее, влюбился со всею силой, со всею страстью человѣка, рожденнаго для вѣры въ абсолютныя идеи.

Онъ влюбился въ нее, увидавъ ее въ первый разъ, когда она съ большимъ успѣхомъ появилась передъ публикой.

Она была красива, безнравственна по природѣ, но съ тѣмъ видомъ наивнаго ребенка, который онъ называлъ ангельскимъ выраженіемъ. Она съумѣла всецѣло покорить его и сдѣлать изъ него одного изъ дошедшихъ до бреда буйныхъ сумасшедшихъ, одного изъ тѣхъ восторженныхъ безумцевъ, которые всегда готовы сгорѣть на кострѣ смертныхъ страстей изъ-за взгляда или юбки. Онъ сошелся съ ней, заставилъ ее покинуть сцену и въ продолженіе четырехъ лѣтъ любилъ все съ возрастающею страстью.

Конечно, несмотря на свое имя и семейныя традиціи, онъ въ концѣ концовъ женился бы на ней, еслибы не открылъ, что она давно уже обманываетъ его съ тѣмъ самымъ другомъ, у котораго онъ съ нею познакомился.

Драма вышла тѣмъ ужаснѣе, что она была беременна и онъ только ожидалъ рожденія ребенка, чтобы рѣшиться обвѣнчаться съ ней.

Заручившись доказательствами, въ видѣ писемъ, найденныхъ въ ящикѣ, онъ сталъ упрекать ее въ невѣрности, въ вѣроломствѣ, въ позорѣ, сталъ упрекать ее со всей грубостью полудикаря, какимъ онъ и былъ.

Она же—дитя парижскихъ тротуаровъ, наглая настолько же, насколько и безстыдная, увѣренная въ томъ любовникѣ, какъ и въ этомъ, къ тому же смѣлая, какъ дочери простолюдиновъ, бросающіяся на баррикады изъ удальства, раздразнила и оскорбила его; когда же онъ поднялъ на нее руку, она указала ему на свой животъ.

Онъ остановился, блѣднѣя при мысли, что въ этомъ оскверненномъ, гадкомъ тѣлѣ, въ этомъ поганомъ существѣ находится его ребенокъ! Тогда онъ бросился на нее, чтобы раздавить ихъ обоихъ, уничтожить этотъ двойной позоръ.

Чувствуя свою погибель, она испугалась. Изгибаясь подъ

его кулакомъ, видя, что онъ сію минуту ударитъ ногой по ея вздутому животу, въ которомъ жилъ уже зародышъ человѣка, она вскрикнула, отстраняя руками удары:

— Не убивай меня. Онъ не твой, а его.

Онъ отскочилъ назадъ, до того пораженный и ошеломленный, что въ одно и то же время остылъ его гнѣвъ и остановилась поднятая надъ ней нога.

— Что, что ты... говоришь?—пробормоталъ онъ.

Она, обезумѣвшая отъ страха передъ лицомъ смерти, которую какъ бы читала въ глазахъ и въ угрожающемъ жестѣ этого человѣка, повторила:

— Онъ не твой, а его.

Стиснувъ зубы, уничтоженный, онъ пролепеталъ:

— Ребенокъ?

— Да.

— Ты лжешь.

И онъ опять сдѣлалъ жестъ ногой, какъ бы намѣреваясь раздавить ее, между тѣмъ какъ его любовница, стоя на колѣнахъ и пытаясь отстранить отъ себя ударъ, продолжала увѣрять:

— Говорю же тебѣ, что онъ его. Еслибъ онъ былъ твой, почему же раньше у меня дѣтей не было?

Этотъ аргументъ поразилъ его своимъ правдоподобіемъ. Въ такія минуты просвѣтлѣнія мысли все становится ясно, точно, неопровержимо, неотразимо, и онъ сразу убѣдился, онъ увѣрился въ томъ, что не былъ отцомъ постыднаго ребенка, котораго носила въ себѣ эта развратница. Облегченный, успокоенный, вдругъ смягченный, онъ рѣшилъ не уничтожать этого гнуснаго существа. И болѣе спокойнымъ голосомъ онъ сказалъ ей:

— Встань, уходи и больше никогда не показывайся мнѣ на глаза.

Она ушла, послушная и побѣжденная, и онъ никогда больше не видалъ ее.

Уѣхалъ и онъ въ свою очередь. Направляясь на югъ къ солнцу, онъ остановился въ деревнѣ, расположенной въ долинѣ, на берегу Средиземнаго моря. Ему понравилась гостиница, выходившая окнами на море; онъ занялъ въ ней комнату, въ которой и остался. Онъ прожилъ въ ней полтора года въ тоскѣ, въ отчаяніи, въ полнѣйшемъ одиночествѣ, съ мучительными воспоминаніями о вѣроломной женщинѣ, объ ея обаяніи, красотѣ, о ея несознаваемомъ очарованіи, сожалѣя объ отсутствіи ея и ея ласкъ.

Онъ блуждалъ по окрестнымъ долинамъ, скрывая отъ просвѣчивающаго сквозь сѣроватые листья маслинъ солнца свою бѣдную, больную голову, одержимую неотступною мыслью.

И вотъ его прежніе религіозные взгляды и нѣсколько остывшій жаръ прежней вѣры незамѣтно вернулись въ его сердце въ этомъ печальномъ уединеніи. Религія, казавшаяся ему когда-то убѣжищемъ въ невѣдомой еще жизни, являлась теперь убѣжищемъ въ жизни обманчивой, мучительной. У него сохранилась привычка молитвы. Къ ней-то онъ и прибѣгнулъ въ своемъ горѣ, и часто въ сумерки преклонялъ колѣни въ полутемной церкви, гдѣ только въ глубинѣ хоровъ свѣтился огонекъ лампады — священный хранитель храма, символъ присутствія Божества.

Онъ ввѣрилъ свое горе Богу, своему Богу и повѣдалъ Ему всю свою муку. Онъ просилъ Его совѣта, состраданія, помощи, покровительства, утѣшенія, и молитва его становилась съ каждымъ днемъ усерднѣе и сердечнѣе.

Его разбитое сердце, измученное любовью къ женщинѣ, еще все оставалось открытымъ, трепещущимъ, жаждущимъ ласки, привязанности, и мало-по-малу, благодаря молитвѣ и отшельнической жизни, все возраставшей набожности и

тайному общенію со Спасителемъ, который призываетъ и утѣшаетъ несчастныхъ, въ душѣ его зарождалась мистическая любовь къ Богу, которая побѣждала любовь плотскую.

Онъ вернулся къ своему прежнему намѣренію и рѣшился посвятить церкви свою разбитую жизнь, которую едва не отдалъ ей дѣвственной.

Итакъ, онъ сдѣлался священникомъ. При помощи родственныхъ и другихъ связей его назначили исправляющимъ должность священника того провансальскаго села, куда привелъ его случай. Пожертвовавъ на богоугодныя дѣла большую часть своего состоянія и оставивъ себѣ только то, что было необходимо, чтобы до конца жизни имѣть возможность помогать и быть полезнымъ бѣднымъ, онъ уединился для тихой, набожной жизни и скромной дѣятельности на пользу ближнихъ.

Онъ былъ добрымъ священникомъ, хотя и съ узкими взглядами, нѣчто вродѣ религіознаго вождя со свойствами солдата, пастыремъ церкви, насильно толкающимъ на истинный путь заблудшее человѣчество,—человѣчество слѣпое, растерянное въ этомъ жизненномъ лѣсу, гдѣ всѣ наши инстинкты, вкусы, желанія представляютъ собой тропинки, ведущія къ соблазнамъ. Но многое въ немъ осталось отъ прежняго. Онъ продолжалъ любить воинственныя упражненія, благородный спортъ, фехтованіе; но ненавидѣлъ женщинъ, всѣхъ до одной, со страхомъ ребенка передъ таинственною опасностью.

II.

Матросъ, провожавшій священника, чувствовалъ свойственную южанамъ потребность поболтать, но не рѣшался изъ уваженія, которое внушалъ аббатъ своей паствѣ. Наконецъ онъ осмѣлился:

— А что,—спросилъ онъ,—хорошо вамъ здѣсь на дачѣ, г-нъ кюре?

Дача эта была однимъ изъ тѣхъ микроскопическихъ домиковъ, гдѣ городскіе и сельскіе провансальцы ютятся лѣтомъ, чтобы пользоваться воздухомъ. Аббатъ нанялъ эту хижину въ полѣ, въ пяти минутахъ ходьбы отъ своего священническаго дома, слишкомъ маленькаго для него, стоящаго какъ плѣнникъ въ центрѣ прихода, противъ церкви.

Но онъ даже лѣтомъ не переѣзжалъ на эту дачу, а заходилъ туда иногда на нѣсколько дней, чтобы вполнѣ насладиться природой и пострѣлять изъ пистолета.

— Да, мой другъ,—сказалъ священникъ,—мнѣ тутъ очень хорошо.

Изъ-за деревьевъ показалось низкое розоватое строеніе, окруженное маслинами, росшими на открытомъ полѣ, среди которыхъ оно походило на провансальскій грибъ.

У входа виднѣлась рослая женщина, накрывавшая небольшой обѣденный столъ, на которомъ она поочередно аккуратно и медленно размѣщала приборъ: сначала тарелку, потомъ салфетку, наконецъ хлѣбъ и стаканъ. На головѣ ея былъ маленькій конусообразный мѣстный чепчикъ, на черной шелковой или бархатной верхушкѣ котораго красовались бѣлые шампиньоны.

Подойдя поближе, аббатъ окликнулъ ее:

— Эй, Маргарита!

Она остановилась, обернулась и, узнавъ своего хозяина, сказала:

— А, это вы, г-нъ кюре?

— Да. Я принесъ тебѣ отличную рыбу, и ты изжаришь мнѣ сейчасъ зубчатку въ маслѣ, въ одномъ маслѣ, безо всего, понимаешь?

Служанка, подойдя къ нимъ съ видомъ знатока, принялась разсматривать принесенную матросомъ рыбу.

— Но у насъ есть уже курица съ рисомъ,—сказала она.

— Такъ что же, вчерашняя рыба хуже свѣжей. Я сегодня полакомлюсь на славу; это не часто со мной случается, да къ тому же не великъ и грѣхъ.

Женщина выбрала зубчатку и уходя обернулась и сказала:

— Да! Къ вамъ приходилъ три раза какой-то человѣкъ, г-нъ кюре.

Онъ равнодушно спросилъ:

— Человѣкъ? Какого рода человѣкъ?

— Да неважный.

— Нищій, можетъ быть?

— Да кто его знаетъ, можетъ-быть и нищій. А больше похожъ на бродягу.

Аббатъ Вильбуа расхохотался. Онъ зналъ, какою трусихой была Маргарита. Она не могла жить на дачѣ безъ того, чтобы по цѣлымъ днямъ, а въ особенности по ночамъ, не воображать себѣ, что ихъ непремѣнно зарѣжутъ.

Онъ далъ нѣсколько су матросу, который затѣмъ ушелъ; самъ же кюре, по сохранившейся привычкѣ свѣтскаго человѣка, крикнулъ Маргаритѣ: „я пойду немного помоюсь", но въ это время Маргарита, скоблившая зубчатку, отъ которой слегка окровавленная чешуя отлетала, подобно крошечнымъ серебрянымъ монетамъ, закричала ему изъ кухни:

— Да вонъ онъ!

Аббатъ обернулся на дорогу и дѣйствительно увидалъ человѣка, медленно приближавшагося къ дому. Издали онъ показался ему очень плохо одѣтымъ. Священникъ сталъ поджидать его и, все еще улыбаясь страху служанки, подумалъ: „А вѣдь она права, пожалуй, у него дѣйствительно видъ бродяги".

Незнакомецъ шелъ не спѣша, заложивъ руки въ карманы и устремивъ глаза на священника. Онъ былъ молодъ, съ бѣлокурою курчавою бородой; нѣсколько прядей вьющихся волосъ выбивались изъ-подъ поярковой шляпы, до того грязной и измятой, что никто не могъ бы опредѣлить ни ея первоначальнаго цвѣта, ни формы. На немъ былъ длинный коричневый сюртукъ, изодранные вокругъ щиколодки штаны, обутъ онъ былъ въ чуни, благодаря которымъ его походка была легка, не слышна и напоминала шаги бродяги.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ священника, онъ нѣсколько театрально снялъ отрепье, покрывавшее его голову, и обнажилъ увядшую, отвратительную, хотя и красивую голову, оголенную на макушкѣ, — признакъ преждевременнаго переутомленія или распутства, потому что на видъ этому человѣку нельзя было дать больше двадцати пяти лѣтъ.

Священникъ тоже не замедлилъ обнажить свою голову, догадываясь, что передъ нимъ не заурядный бродяга, не ремесленникъ безъ мѣста и не арестантъ, только-что выпущенный изъ одной тюрьмы, чтобы попасть въ другую, и говорящій только на таинственномъ языкѣ каторжниковъ.

— Здравствуйте, г-нъ кюре, — сказалъ незнакомецъ.

Священникъ отвѣтилъ просто „здравствуйте", не желая называть „господиномъ" этого подозрительнаго оборванца. Они пристально глядѣли другъ на друга, и аббатъ Вильбуа, подъ взглядомъ этого бродяги, испытывалъ тревогу и смущеніе, какъ бы при видѣ неизвѣстнаго врага, чувствовалъ странное безпокойство, вызывающее дрожь въ тѣлѣ и трепетъ въ крови.

Незнакомецъ проговорилъ:

— Ну что-жъ, узнаете вы меня?

Удивленный священникъ отвѣчалъ:

— Я? Нѣтъ, я васъ не знаю.

— А! Вы меня не знаете? Всмотритесь-ка хорошенько.

— Я и такъ всматриваюсь, но никогда не видалъ васъ.

— Это правда,—насмѣшливо замѣтилъ незнакомецъ,—но я сейчасъ покажу вамъ болѣе знакомую личность.

Онъ опять надѣлъ шляпу и, растегнувъ сюртукъ, обнажилъ грудь и красный поясъ, поддерживавшій штаны на его тощемъ животѣ. Онъ досталъ изъ кармана конвертъ, одинъ изъ тѣхъ до невозможности грязныхъ конвертовъ,— въ которыхъ нищіе бродяги хранятъ обыкновенно гдѣ-нибудь за подкладкой свои бумаги, настоящія или фальшивыя, краденныя или собственныя, но драгоцѣнные защитники свободы отъ встрѣчающихся имъ жандармовъ.

Онъ вынулъ изъ конверта фотографическую карточку въ почтовый листъ, какіе часто дѣлались встарину, пожелтѣвшую, измятую, истрепанную, постоянно согрѣваемую тѣломъ этого человѣка и полинявшую отъ его пота.

Затѣмъ, поднося ее къ лицу священника, онъ спросилъ:

— Ну, а этого вы знаете?

Аббатъ приблизился на нѣсколько шаговъ, чтобы лучше разглядѣть фотографію, и замеръ, блѣдный и пораженный, потому что это былъ его собственный портретъ, снятый для „нея" въ давнее время ихъ любви.

Ничего не понимая, онъ молчалъ.

Бродяга повторилъ свой вопросъ:

— А этого вы узнаете?

Священникъ пробормоталъ:

— Конечно.

— Кто же это?

— Я.

— Такъ это вы?

— Ну да.

— Теперь посмотрите на насъ обоихъ: на меня и на вашъ портретъ.

Несчастный, онъ видѣлъ уже, что существо, изображенное на карточкѣ, и человѣкъ, посмѣивавшійся передъ нимъ, похожи другъ на друга, какъ два брата, но онъ все еще ничего, ничего не понималъ и пробормоталъ:

— Что же вамъ, наконецъ, отъ меня нужно?

Тогда бродяга злобно сказалъ:

— Что мнѣ нужно!... Да мнѣ прежде всего нужно, чтобы вы меня узнали.

— Такъ кто же вы?

— Кто я? Спросите объ этомъ перваго встрѣчнаго на улицѣ, спросите у вашей служанки; если желаете, спросимъ у мера, показавъ ему портретъ, и онъ вдоволь посмѣется, увѣряю васъ... А, вы не хотите признать во мнѣ вашего сына, папа кюре?

Тогда старикъ, въ порывѣ отчаянья, приподнявъ библейскимъ жестомъ руки къ небу, простоналъ:

— Это неправда.

Молодой человѣкъ подошелъ къ нему и сталъ передъ нимъ лицомъ къ лицу.

— А, это неправда! Нѣтъ, аббатъ, бросьте эту ложь. Слышите?

Онъ проговорилъ эти слова съ угрожающимъ видомъ, съ сжатыми кулаками и съ такою увѣренностью, что священникъ, отступая отъ него, задавалъ себѣ вопросъ, кто изъ нихъ двухъ ошибается въ эту минуту.

Но онъ еще разъ подтвердилъ:

— У меня никогда не было дѣтей.

— Можетъ быть не было и любовницы?

Старикъ рѣшительно произнесъ только одно слово гордаго признанія: „Да“.

— И эта любовница не была беременна, когда вы ее прогнали?

Вдругъ вся прежняя злоба, подавленная двадцать пять лѣтъ тому назадъ,—не подавленная, но замуравленная въ глубинѣ души любовника,—пробила крѣпость вѣры, покорности Провидѣнію, самоотреченія, воздвигнутаго на ней, и внѣ себя онъ воскликнулъ:

— Я прогналъ ее, потому что она меня обманула и была беременна отъ другого; не будь послѣдняго обстоятельства, я убилъ бы ее и васъ вмѣстѣ съ ней.

Молодой человѣкъ, въ свою очередь смущенный искреннимъ порывомъ аббата, возразилъ нѣсколько сдержаннѣе:

— Кто же вамъ сказалъ, что ребенокъ былъ отъ другого?

— Да сама же она; она сказала мнѣ это, издѣваясь надо мной.

Тогда бродяга, не оспаривая этого заявленія, замѣтилъ самымъ равнодушнымъ видомъ негодяя:

— Такъ что же? Маменька ошиблась, дразня васъ, вотъ и все.

Послѣ бурнаго порыва ярости, аббатъ, овладѣвъ нѣсколько собой, спросилъ въ свою очередь:

— А кто вамъ сказалъ, что вы мой сынъ?

— Она, г-нъ кюре, умирая... А затѣмъ вотъ это.—И онъ протянулъ аббату маленькую фотографію.

Старикъ взялъ ее и медленно, долго, съ горечью въ сердцѣ сравнивалъ этого неизвѣстнаго прохожаго съ своимъ прежнимъ изображеніемъ; всякія сомнѣнія исчезли; да, это былъ его сынъ.

Скорбь, страшно мучительная, какъ угрызеніе совѣсти за давнее преступленіе, охватила его душу. Кое-что онъ понималъ, остальное угадывалъ, и ему ясно рисовалась звѣр-

ская сцена разлуки. Чтобы спасти свою жизнь отъ руки оскорбленнаго человѣка, эта женщина, эта вѣроломная обманщица, прокричала ему тогда эту ложь. И ложь удалась. У него родился сынъ; онъ выросъ и сдѣлался тѣмъ гнуснымъ бродягой, отъ котораго разило порокомъ.

Онъ тихо прошепталъ:

— Не хотите ли немного пройтись, чтобы намъ получше объясниться?

— О конечно!—сказалъ тотъ, посмѣиваясь.—Для этого-то я и пришелъ.

И они пошли вмѣстѣ, рядомъ, по оливковому полю. Солнце сѣло. Свѣжесть южныхъ сумерокъ набросила на всю окрестность свой сумрачный холодный покровъ. Аббатъ дрожалъ и, поднявъ глаза къ небу, съ привычнымъ видомъ священнослужителя, онъ замѣтилъ всюду вокругъ себя дрожащіе сѣроватые листья священнаго дерева, нѣкогда пріютившаго подъ своею слабою тѣнью величайшее страданіе, подъ бременемъ котораго единственный разъ изнемогъ Христосъ. Краткая и безнадежная молитва возникла въ немъ, выраженная этимъ внутреннимъ голосомъ, не переходящимъ въ звуки, которою вѣрующіе умоляютъ Спасителя: „Боже, помоги мнѣ". Затѣмъ, обращаясь къ сыну, спросилъ:

— Такъ ваша мать умерла?

Произнося слова: „ваша мать умерла", новое горе пробудилась въ немъ, сердце его сжималось отъ непонятной боли человѣческой плоти, никогда не забывающей жестокое эхо отъ перенесенныхъ страданій, усилившихся можетъ-быть благодаря тому, что она умерла и отъ воспоминаній объ очаровательномъ, мимолетномъ счастьи молодости, отъ котораго теперь осталась только жгучая язва воспоминаній.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ:

— Да, господинъ кюрэ, моя мать умерла.

— Давно ли?

— Уже три года.

У священника явилось новое сомнѣніе.

— Почему же вы раньше не пришли ко мнѣ?

Человѣкъ колебался.

— Я не могъ. Были задержки. Вы меня извините, если я прерву свои признанія, которыя окончу впослѣдствіи со всѣми желательными для васъ подробностями, но дѣло въ томъ, что я ничего не ѣлъ со вчерашняго утра.

Старикъ, полный жалости, сказалъ, протягивая обѣ руки:

— О, бѣдное дитя мое!

Молодой человѣкъ взялъ эти большія протянутыя ему руки, прикрывшія его болѣе тонкіе, теплые, лихорадочные пальцы, и сказалъ шутливымъ, насмѣшливымъ голосомъ, который все время не покидалъ его:

— Вотъ и отлично! Я право начинаю думать, что мы все-таки сойдемся.

Аббатъ пошелъ впередъ.

— Пойдемте обѣдать,—сказалъ онъ.

И тутъ онъ вспомнилъ съ безсознательнымъ застѣнчивымъ и страннымъ удовольствіемъ о пойманной имъ превосходной рыбѣ, которая вмѣстѣ съ курицей подъ рисомъ составитъ отличный обѣдъ для этого несчастнаго существа.

Служанка, безпокойная и ворчливая, уже дожидалась у дверей входа.

— Маргарита,—крикнулъ аббатъ,—возьми поскорѣе столъ, отнеси его въ залу и поставь два прибора; да только поскорѣе, пожалуйста.

Служанка стояла, пораженная мыслью, что ея хозяинъ будетъ обѣдать съ этимъ бродягой.

Тогда аббатъ принялся самъ собирать и переносить при-

готовленный для него приборъ въ единственную комнату нижняго этажа.

Черезъ пять минутъ онъ уже сидѣлъ противъ бродяги передъ миской съ супомъ, отъ котораго паръ легкимъ облакомъ носился между ними.

III.

Когда тарелки были наполнены, странникъ съ жадностью и поспѣшностью принялся за супъ. Аббатъ не чувствовалъ уже голода и медленно глоталъ душистый бульонъ, не дотрогиваясь до хлѣба.

Вдругъ онъ спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Бродяга засмѣялся. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что голодъ его былъ утоленъ.

— Незнакомый отецъ,—сказалъ онъ,—у меня нѣтъ другой фамиліи, кромѣ материнской, которую вы еще вѣроятно не забыли. За то у меня есть два имени, которыя, кстати сказать, мнѣ совсѣмъ не къ лицу. Зовутъ меня Филиппъ-Августъ.

Аббатъ поблѣднѣлъ и спросилъ, едва переводя духъ:

— Почему же вамъ дали эти имена?

Бродяга пожалъ плечами.

— Вамъ слѣдовало бы самимъ объ этомъ догадаться. Покинувъ васъ, маменька пожелала увѣрить вашего соперника, что я отъ него, и онъ вѣрилъ этому приблизительно до тѣхъ поръ, пока мнѣ не минуло пятнадцать лѣтъ. Тутъ я сталъ очень похожъ на васъ и онъ, каналья, отвергъ меня. Вотъ почему мнѣ цали двойное имя Филиппъ-Августъ—ваше и его; а еслибы, на счастье, я не былъ похожъ ни на васъ, ни на него, или былъ бы просто сыномъ какого-ни-

будь третьяго неизвѣстнаго вора, не заявившаго о себѣ, я назывался бы теперь виконтомъ Филиппомъ-Августомъ де-Превалонъ, нѣсколько поздно признаннымъ сыномъ графа того же имени и сенатора. А теперь я назвалъ себя „Неудачникомъ“.

— Какъ вы все это знаете?

— Знаю потому, что на моихъ глазахъ происходили объясненія, — жестокія, чортъ возьми, объясненія. Да, это научаетъ жизни.

Теперь священника мучило нѣчто болѣе тяжелое и давящее, чѣмъ все, что онъ переиспыталъ и перестрадалъ за послѣдніе полчаса. Его душило, душило все сильнѣе, до смертельной боли, не то, что онъ видѣлъ и слышалъ, а тонъ, которымъ это было сказано, и лицо проходимца, подчеркивающаго свои слова. Между этимъ человѣкомъ и собою, между сыномъ и собой, онъ начиналъ чувствовать эту яму нравственной грязи, которая для нѣкоторыхъ душъ бываетъ смертельнымъ ядомъ. Неужели это его сынъ? Онъ все еще какъ-то не вѣрилъ. Онъ жаждалъ доказательствъ, ясныхъ доказательствъ; ему хотѣлось все узнать, все услышать, все перестрадать. Онъ снова вспомнилъ о маслинахъ, окружавшихъ его домикъ, и во второй разъ прошепталъ: „Боже, помоги мнѣ!“

Филиппъ-Августъ кончилъ ѣсть супъ и спросилъ:

— Что же, или наѣлся, аббатъ?

Такъ какъ кухня находилась внѣ дома, въ отдѣльномъ помѣщеніи, и Маргарита не могла слышать голоса кюре, то онъ звалъ ее всегда нѣсколькими ударами въ китайскій гонгъ, висѣвшій на стѣнѣ, позади его.

Итакъ, онъ взялъ кожанный молотокъ и ударилъ нѣсколько разъ по круглой металлической доскѣ. Раздался звукъ сначала слабый, потомъ все болѣе сильный, опредѣ-

ленный, перешедшій наконецъ въ дрожащій, пронзительный, раздирающій, страшный вопль ударяемой мѣди.

Служанка появилась. Лицо ея было встревоженное, она бросала свирѣпые взгляды на бродягу, какъ бы предчувствуя своимъ инстинктомъ вѣрной собаки бѣду, нависшую надъ ея хозяиномъ. Въ рукахъ ея была жареная рыба, распространявшая вкусный запахъ распущеннаго масла. Аббатъ разрѣзалъ ложкой рыбу пополамъ и предложилъ кусокъ отъ спины своему сыну.

— Я самъ поймалъ сегодня эту рыбу,—сказалъ онъ съ слабымъ оттѣнкомъ гордости, всплывшей надъ его горемъ.

Маргарита не уходила.

— Принеси вина, хорошаго, бѣлаго корсиканскаго,—сказалъ ей аббатъ.

Она выслушала это приказаніе съ негодованіемъ и ему пришлось повторить его строгимъ голосомъ: „Иди, принеси двѣ бутылки“. Онъ угощалъ виномъ въ рѣдкихъ случаяхъ, но при этомъ приказывалъ всегда приносить бутылку и на свою долю.

Филиппъ-Августъ, сіяя отъ удовольствія, воскликнулъ:

— Отличная мысль! Я давно такъ хорошо не ѣлъ.

Служанка вернулась черезъ двѣ минуты, но аббату онѣ показались вѣчностью,—до такой степени потребность все узнать адскимъ огнемъ жгла его кровь.

Бутылки были откупорены, но служанка не уходила и не сводила глазъ съ незнакомца.

— Оставь насъ,—сказалъ кюре.

Она какъ будто не слышала.

— Я приказываю тебѣ оставить насъ однихъ!—сказалъ онъ почти строго.

Тогда она вышла.

Филиппъ-Августъ жадно и поспѣшно глоталъ рыбу, а

отецъ смотрѣлъ на него, все болѣе поражаясь всѣми тѣми низкими чертами, которыя онъ находилъ въ этомъ лицѣ, столь похожемъ на него самого. Небольшіе кусочки, которые аббатъ клалъ себѣ въ ротъ, такъ и оставались тамъ,— горло все сильнѣе сжималось и не пропускало ихъ. Онъ долго жевалъ, отыскивая между вопросами, тѣснившимися въ его головѣ,—тотъ, на который онъ желалъ бы получить поскорѣе отвѣтъ. Наконецъ онъ спросилъ:

— Отчего она умерла?

— Отъ грудной болѣзни.

— И долго была больна?

— Года полтора, или около того.

— Отчего она заболѣла?

— Неизвѣстно.

Они умолкли. Аббатъ думалъ. Въ головѣ его толпилось такъ много вопросовъ, на которые онъ желалъ получить немедленный отвѣтъ, потому что со дня разрыва,—съ того самаго дня, когда онъ чуть не убилъ ее,—онъ ничего не зналъ о ней. Конечно, тогда онъ и не хотѣлъ знать, потому что твердо рѣшилъ бросить и ее, и дни своего счастія въ пучину забвенія, но вотъ теперь, когда она умерла, въ немъ родилось страстное, ревнивое желаніе, почти желаніе любовника, узнать о ней все рѣшительно.

— Она была не одна, конечно?—спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ, она постоянно жила съ нимъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу старика.

— Съ нимъ? Съ Провалономъ?

— Ну да.

И обманутый нѣкогда человѣкъ расчелъ, что женщина, обманувшая его, жила болѣе тридцати лѣтъ съ его соперникомъ.

— И они были счастливы?—почти безотчетно спросилъ онъ.

— Ну да,—насмѣшливо отвѣчалъ молодой человѣкъ,—конечно, со всяченкой. Безъ меня все шло бы отлично, но я всегда все портилъ.

— Какъ и почему?—спросилъ священникъ.

— Я уже говорилъ вамъ объ этомъ. Лѣтъ до пятнадцати приблизительно онъ думалъ, что я его сынъ. Но онъ былъ не глупъ, старина, замѣтилъ сходство и тогда начались сцены. Я подслушивалъ у дверей. Онъ обвинялъ мать въ томъ, что она его обманула. Она оправдывалась: „Развѣ я виновата? Ты зналъ отлично, сходясь со мной, что я была любовницей другого. Другой этотъ—были вы.

— Значитъ они иногда говорили обо мнѣ?

— Да, но они никогда не называли васъ при мнѣ; развѣ только подъ самый конецъ, въ послѣдніе дни, когда мать уже почувствовала, что умираетъ; но и тогда они все-таки остерегались меня.

— А вы, вы рано узнали, что ваша мать находится въ неправильномъ положеніи?

— Чортъ возьми! Я не наивенъ, да и не былъ такимъ никогда. Объ этихъ вещахъ начинаешь тотчасъ же догадываться, какъ только малость узнаешь свѣтъ.

Филиппъ-Августъ все подливалъ и подливалъ себѣ вина. Глаза его блестѣли и онъ быстро опьянѣлъ, вслѣдствіе долгой голодовки.

Священникъ замѣтилъ это; онъ хотѣлъ было остановить его, но потомъ у него явилась мысль, что пьяный онъ будетъ менѣе сдержанъ, болѣе болтливъ, а потому, взявъ бутылку, снова наполнилъ стаканъ молодого человѣка.

Маргарита принесла курицу подъ рисомъ, поставила ее на столъ и, снова устремивъ глаза на бродягу, съ негодованіемъ сказала хозяину:

— Да посмотрите какъ онъ пьянъ, г-нъ кюре!

— Оставь насъ въ покоѣ,—сказалъ священникъ,—и уходи.

Она вышла, хлопнувъ дверью.

— Что же говорила обо мнѣ ваша мать?—спросилъ онъ.

— Да все, что обыкновенно говорятъ о человѣкѣ въ отставкѣ: что вы неудобны, несносны для женщины, и что вы отравляли ей жизнь вашими идеями.

— Часто она говорила это?

— Да, иногда обинякомъ, чтобъ я не понималъ, но я догадывался обо всемъ.

— А съ вами какъ обращались въ этомъ домѣ?

— Со мной? Сначала очень хорошо, а потомъ очень дурно. Когда мать увидала, что я порчу ей дѣло, она выгнала меня вонъ.

— Какимъ образомъ?

— Да очень просто. Лѣтъ шестнадцати я сдѣлалъ коекакія шалости; тогда эти негодяи, чтобъ избавиться отъ меня, отдали меня въ исправительное заведеніе. — Онъ облокотился на столъ, подперъ лицо руками, совершенно пьяный и охваченный непреодолимымъ желаніемъ говорить о себѣ.

При этомъ онъ мило улыбнулся съ женскою граціей губъ,— развратною граціей, знакомой священнику. Да, аббатъ не только узналъ, но и почувствовалъ эту ненавистную, ласкающую грацію, которая когда-то побѣдила и погубила его. Теперь сынъ походилъ больше всего на мать не столько чертами лица, не столько взглядомъ, плѣнительнымъ и фальшивымъ, соблазнительностью лукавой улыбки, открывавшей, казалось, двери рта для всѣхъ гнусностей, находившихся внутри ея.

Филиппъ-Августъ принялся говорить:

— Да, да, и испыталъ-таки я жизнь со времени исправи-

тельнаго дома, занятную жизнь, за которую дорого заплатилъ бы иной великій романистъ. Даже Дюма-отецъ съ своимъ Монте-Кристо не придумалъ такихъ приключеній, какія выпали на мою долю.

Онъ помолчалъ съ философскою важностью размышляющаго пьянаго человѣка и затѣмъ медленно продолжалъ:

— Если хотятъ исправить мальчика, не слѣдуетъ посылать его въ исправительный домъ и въ тамошнюю компанію. Я свелъ тамъ хорошее знакомство, да окончилось оно дурно. Разъ, часовъ въ девять вечера, я шатался съ тремя товарищами по большой дорогѣ около Фалокскаго брода. Всѣ мы были малость выпивши. И вотъ намъ встрѣтилась карета, въ которой спалъ кондукторъ съ своею семьей. Они ѣхали изъ Мартинона, возвращаясь съ обѣда. Я взялъ лошадь подъ уздцы, спустилъ экипажъ на паромъ и отпихнулъ его на средину рѣки. Отъ шума возница проснулся и спросонья принялся погонять. Лошади рванулись и съ экипажемъ бухнули въ рѣку. Всѣ потонули. Товарищи выдали меня. Когда я продѣлывалъ эту шутку, они только смѣялись. Правда, мы и не думали, что все такъ дурно кончится. Мы полагали, что они выкупаются и все ограничится только потѣхой. Съ этихъ поръ я сталъ продѣлывать и не такія штуки, чтобъ отомстить за первое незаслуженное наказаніе, право слово. Но о нихъ не стоитъ говорить. Я разскажу вамъ только послѣднюю и увѣренъ, что она васъ потѣшитъ. Я отомстилъ за васъ, папенька.

Аббатъ пересталъ ѣсть и смотрѣлъ на сына глазами, полными ужаса.

Филиппъ-Августъ собирался продолжать.

— Нѣтъ,—остановилъ его священникъ,—не теперь, подождите немного.

Онъ обернулся и ударилъ молоткомъ, причемъ раздался пронзительный звукъ китайскаго цимбала

Маргарита мгновенно появилась и, выслушавъ строгое приказаніе аббата, испуганная и покорная, опустила голову:

— Принеси лампу и все, что у тебя тамъ еще есть, а затѣмъ не являйся, пока я не ударю въ гонгъ.

Она вышла, вернулась, поставила на скатерть бѣлую фарфоровую лампу съ зеленнымъ абажуромъ, большой кусокъ сыра, фрукты, и удалилась.

Тогда аббатъ рѣшительно сказалъ:

— Теперь я слушаю васъ.

Филиппъ-Августъ спокойно наполнилъ свою тарелку дессертомъ, а стаканъ—виномъ. Вторая бутылка была уже почти опорожнена, хотя аббатъ не дотрогивался до нея.

Молодой человѣкъ, набивъ полонъ ротъ пищей и виномъ, началъ заикаясь:

— Вотъ вамъ послѣдняя штучка, и лихая. Я вернулся домой... и оставался тамъ вопреки ихъ желанію, но они меня боялись... боялись меня. А меня нельзя дразнить,—я способенъ на все, когда мнѣ надоѣдаютъ... Вы знаете, они жили вмѣстѣ и не вмѣстѣ. У него было двѣ квартиры: одна квартира сенатора, другая — любовника. Но онъ жилъ у маменьки чаще, чѣмъ у себя, потому что не могъ жить безъ нея. Да... тонкая и ловкая особа была моя маменька... она умѣла держать въ рукахъ человѣка. Она завладѣла и душой, и тѣломъ этого господина и не выпустила его до конца. И глупы же мужчины! Итакъ, я вернулся и держалъ ихъ подъ страхомъ. Когда мнѣ нужно, я умѣю распутать любое дѣло, и насчетъ хитрости, ловкости и силы ни чуточки никого не боюсь. Маменька заболѣла и онъ помѣстилъ ее близъ Мелана, въ прекрасномъ помѣстьѣ, окру-

женномъ огромнымъ паркомъ. Это продолжалось, какъ я вамъ уже говорилъ, полтора года. Потомъ мы почувствовали приближеніе конца. Онъ пріѣзжалъ каждый день изъ Парижа и былъ очень огорченъ, искренно огорченъ, по правдѣ сказать. Вотъ какъ-то разъ, утромъ, они съ часъ тараторили промежъ себя, и когда я раздумывалъ, о чемъ бы они могли такъ долго чесать языкъ, меня позвали.

Тутъ маменька сказала мнѣ:

— Я при смерти и мнѣ нужно нѣчто открыть тебѣ вопреки совѣту графа. Говоря о немъ, она всегда называла его графомъ. Я могу сказать тебѣ имя твоего отца, который еще живъ.

Я спрашивалъ у нея сотни разъ... сотни разъ... имя моего отца—сотни разъ... и она никогда не соглашалась назвать его мнѣ. Кажется, я даже разъ надавалъ ей оплеухъ, чтобы заставить ее проговориться, но и это не помогло. Наконецъ, чтобъ отвязаться отъ меня, она объявила, что вы умерли безъ гроша, что вы были не важная птица, что это заблужденіе ея молодости, дѣвичья ошибка, и чортъ знаетъ чего не нагородила. Она такъ хорошо расписала все это, что я попался и повѣрилъ въ вашу смерть. Ну-съ, а тутъ она сказала:

— Я хочу открыть тебѣ имя твоего отца.

Графъ, сидя въ креслѣ, трижды замѣтилъ:

— Напрасно, напрасно, напрасно, Розета.

Маменька присѣла на кровати. Я какъ теперь помню ея пылающія щеки и блестящіе глаза; она все-таки очень меня любила и потому сказала ему:

— Такъ сдѣлай что-нибудь для него, Филиппъ!

Говоря съ нимъ, она называла его Филиппомъ, а меня Августомъ.

Онъ закричалъ какъ сумасшедшій:

— Для этой гадины, для этого бездѣльника, каторжника, этого, этого... этого...

И столько онъ нашелъ для меня ругательныхъ названій, что, казалось, будто всю жизнь онъ только и подъискивалъ ихъ.

Я было разсердился, но маменька остановила меня и сказала ему:

— Вы хотите, чтобъ онъ умеръ съ голоду, потому что у меня ничего нѣтъ.

— Розета, я вамъ давалъ тридцать пять тысячъ въ годъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, что составитъ болѣе милліона. Благодаря мнѣ, вы жили какъ женщина богатая, любимая и, смѣю надѣяться, счастливая. Я ничего не долженъ этому нищему, испортившему наши послѣдніе годы, и ничего не дамъ ему. Настаивать безполезно. Назовите ему того другого, если хотите, я сожалѣю о немъ, но умываю себѣ руки.

Тогда маменька обернулась ко мнѣ, а при этомъ я подумалъ про себя:—Ну вотъ и у меня, значитъ, есть и настоящій отецъ... Если у него есть жирный кусокъ... я спасенъ.

Она продолжала:

— Твой отецъ, баронъ де-Вильбуа, въ настоящее время—аббатъ Вильбуа, кюре въ Горанду, близъ Тулона. Онъ былъ моимъ любовникомъ, когда я оставила его для этого.

И вотъ она разсказала мнѣ все, только скрыла, что обманула васъ относительно своей беременности. Но отъ женщинъ,—сами знаете,—никогда не добьешься правды.

Безпечно посмѣиваясь, онъ совершенно свободно изливалъ всю свою грязь.

Выпивъ еще, онъ продолжалъ съ веселымъ видомъ:

— Маменька умерла два дня спустя. Мы провожали ея

гробъ до кладбища, онъ и я... смѣшно сказать... подумайте, онъ и я... и три лакея, больше никого. Онъ ревѣлъ какъ корова... Мы шли рядомъ, словно папенька съ сынкомъ. Потомъ мы возвратились домой и остались вдвоемъ.

Я думалъ: „Видно надо удирать безъ гроша". У меня было ровно пятьдесятъ франковъ. Что же могъ я придумать, чтобъ отомстить за себя?

Онъ дотронулся до моей руки и сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Я послѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ. Онъ сѣлъ за столъ и, всхлипывая, сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ быть такимъ злымъ, какъ обѣщалъ матери. Просилъ меня не надоѣдать вамъ...—и чтобъ все осталось тайной между имъ и мною... Онъ предложилъ мнѣ билетъ въ тысячу... тысячу... тысячу франковъ. Но что же могъ сдѣлать съ тысячью франками такой человѣкъ какъ я?

Я замѣтилъ у него въ столѣ цѣлую кучу билетовъ. При видѣ этихъ бумажекъ у меня явилось желаніе поживиться ими. Я протянулъ руку, чтобы получить предлагаемое, но вмѣсто того, чтобы взять его подачку, я прыгнулъ на него, повалилъ на землю и сжалъ горло такъ, что онъ выпучилъ глаза; видя, что онъ кончается, я раздѣлъ его, связалъ, заткнулъ ему пасть, перевернулъ его и потомъ... ха, ха, ха!... ну потомъ самымъ потѣшнымъ образомъ отомстилъ за васъ.

Филиппъ-Августъ кашлялъ, задыхался отъ удовольствія, и опять въ складкѣ его приподнятой губы, въ этомъ веселомъ и жестокомъ выраженіи, аббатъ узналъ прежнюю улыбку женщины, отъ которой онъ обезумѣлъ.

— Потомъ?—сказалъ онъ.

— Потомъ... ха... ха... ха... Въ каминѣ пылалъ огонь...

былъ декабрь... когда она умерла... огонь въ каминѣ... Я взялъ кочергу, раскалилъ ее и понадѣлалъ ему крестовъ на спинѣ: восемь, десять, не знаю сколько! Потомъ повернулъ его и сдѣлалъ столько же на животѣ. Вотъ потѣха-то, не правда ли, папенька? Встарину такъ клеймили каторжниковъ. Онъ извивался какъ угорь, но я хорошо законопатилъ ему ротъ и кричать онъ не могъ. Я взялъ билеты — двѣнадцать, а съ моимъ всего тринадцать, но они не пошли мнѣ въ прокъ. Я ушелъ, сказавъ лакеямъ, чтобъ они не безпокоили графа до обѣда, такъ какъ онъ спитъ. Я былъ увѣренъ, что онъ будетъ молчать, какъ сенаторъ, опасаясь скандала. Но я ошибся. Черезъ четыре дня я былъ арестованъ въ одномъ трактирѣ, въ Парижѣ, и просидѣлъ три года въ тюрьмѣ. Вотъ потому-то я и не могъ придти къ вамъ раньше.

Онъ выпилъ еще и, путаясь въ словахъ, бормоталъ:

— Теперь... папенька... папенька кюре! Какъ смѣшно имѣть папашей кюре!... ха, ха! нужно быть милымъ, очень милымъ съ малюткой, потому что малютка не изъ обыкновенныхъ... вѣдь онъ сдѣлалъ хорошую... не правда ли... хорошую штуку со старикомъ?

Ярость, которая нѣкогда поднялась въ аббатѣ Вильбуа противъ измѣнившей ему любовницы, поднялась теперь въ немъ при видѣ этого ужаснаго человѣка.

Онъ, прощавшій во имя Бога столько низостей, шепотомъ повѣряемыхъ ему на исповѣди, чувствовалъ себя теперь безжалостнымъ, немилосерднымъ и не призывалъ уже на помощь милосердіе Божіе, потому что понималъ, что никакое заступничество—ни небесное, ни земное—не въ силахъ спасти тѣхъ людей, на кого обрушиваются такія несчастія.

Весь пылъ его страстнаго сердца и горячей крови, укро-

щенный священничествомъ, пробудился въ немъ съ неодолимою силой противъ этого несчастнаго собственнаго сына, противъ его сходства съ собою и въ то же время съ матерью, родственной ему по натурѣ, противъ судьбы, сковывавшей съ нимъ этого бродягу, какъ кандалы каторжника.

Онъ видѣлъ, онъ все предвидѣлъ съ удивительною ясностью мысли, пробужденной этимъ толчкомъ отъ своего двадцатипяти-лѣтняго благочестиваго и спокойнаго сна.

Убѣжденный въ томъ, что для того, чтобы заставить этого негодяя бояться, надо рѣшительно говорить съ нимъ и сразу поразить его, онъ съ сжатыми отъ ярости зубами, не обращая вниманія на его опьяненіе, сказалъ ему:

— Теперь вы разсказали мнѣ все, такъ выслушайте же меня. Завтра утромъ вы уйдете отсюда. Вы будете жить въ странѣ, которую я вамъ укажу, и не покините ее безъ моего разрѣшенія. Я буду выдавать вамъ пенсію, достаточную для жизни, но не большую, потому что у меня нѣтъ денегъ. При первомъ же вашемъ ослушаніи выдача пенсіи прекратится и вы будете имѣть дѣло со мной.

Хотя и одурѣвшій отъ вина, Филиппъ-Августъ понялъ угрозу и преступникъ мгновенно проснулся въ немъ. Онъ изрыгнулъ съ иканіемъ слѣдующія слова:

— А, если такъ, папаша, такъ слушай. Ты кюре, и ты у меня въ рукахъ, и ты будешь мнѣ покоренъ, какъ и другіе.

Аббатъ привскочилъ и въ его мускулахъ стараго богатыря явилась непобѣдимая потребность схватить это чудовище, согнуть его въ дугу и доказать, что ему придется покориться.

Толкнувъ его въ грудь столомъ, онъ закричалъ:

— Берегитесь, берегитесь! я никого не боюсь!.. я...

Пьяница, теряя равновѣсіе, покачнулся на стулъ. Чувствуя, что онъ падаетъ и находится во власти священника, онъ со взглядомъ убійцы протянулъ руку къ ножамъ, которые валялись на столѣ. Аббатъ Вильбуа замѣтилъ его движеніе и толкнулъ столъ съ такою силой, что сынъ его полетѣлъ кубаремъ и растянулся на полу. Лампа скатилась и погасла.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ въ темнотѣ слышалось легкое позвякиванье падающихъ стакановъ, затѣмъ ударъ мягкаго тѣла объ полъ и наконецъ все смолкло.

Съ паденіемъ лампы ихъ внезапно охватила тьма,—до такой степени неожиданная и глубокая, что они оба остолбенѣли, какъ будто съ ними случилось нѣчто ужасное. Пьяница, прижатый къ стѣнѣ, не шевелился, а священникъ оставался на стулѣ, погруженный въ темноту, поглощавшую его гнѣвъ. Это темное покрывало, накинутое на нихъ, удержало его отъ порыва злобы, смирило жестокость его души и въ немъ поднялись другія мысли—грустныя и мрачныя, какъ этотъ мракъ.

Наступило молчаніе, глубокое молчаніе закрытой могилы, безъ признаковъ жизни и дыханія. Извнѣ не долетало ни звука: не слышно было ни стука колесъ, ни лая собаки, ни легкаго дуновенія вѣтра.

Это продолжалось долго, очень долго, можетъ-быть съ часъ. Потомъ вдругъ раздался звукъ гонга. Онъ прозвучалъ отъ жесткаго, сильнаго удара, за которымъ послѣдовалъ странный шумъ опрокинутаго стула.

Маргарита, бывшая настороже, прибѣжала, но отворивъ дверь, попятилась назадъ, устрашенная непроницаемою тьмой.

Дрожащая, съ бьющимся сердцемъ, глухимъ и тихимъ голосомъ она окликнула:

— Г-нъ кюре, г-нъ кюре!

Никто не отвѣтилъ, ничто не двинулось.

— Боже мой, Господи,—думала она,—что они сдѣлали, что случилось?

Она не рѣшалась итти впередъ, не рѣшалась вернуться за свѣчей; ее охватило безумное желаніе скрыться, убѣжать, закричать, между тѣмъ какъ ноги ея подкашивались.

Она повторила:

— Г-нъ кюре, г-нъ кюре, это я, Маргарита!

Но вдругъ, несмотря на страхъ, по инстиктивному желанію спасти хозяина и по свойственной женщинамъ отвагѣ, которая возвышаетъ ихъ иногда до героизма, она побѣжала въ кухню и принесла свою лампу. У дверей въ залу она остановилась. Прежде всего она увидала бродягу, растянувшагося у стѣны, спящаго, или казавшагося спящимъ, затѣмъ разбитую лампу, потомъ подъ столомъ двѣ черныя ступни и ноги въ черныхъ чулкахъ аббата Вильбуа, который должно быть свалился на спину, ударившись головой о гонгъ.

Трясясь отъ ужаса, съ дрожью въ рукахъ, она повторила:

— Боже, Боже, что же это такое!

Подвигаясь медленно маленькими шажками, она поскользнулась на что-то жирное и едва не упала.

Тогда, нагнувшись, она замѣтила, что по краснымъ плитамъ пола текла красная же жидкость, огибая ея ноги и быстро стремясь къ двери. Она догадалась, что это была кровь.

Обезумѣвшая, она убѣжала, бросивъ лампу, чтобы ничего не видать, и устремилась въ поле, къ деревнѣ. Она шла, натыкаясь на деревья и кричала, не сводя глазъ съ отдаленныхъ огоньковъ.

Ея пронзительный голосъ раздавался въ темнотѣ, какъ

страшный крикъ совы, и непрестанно повторялъ: „Бродяга, бродяга, бродяга!“

Когда она добѣжала до первыхъ домовъ, встревоженные люди вышли и окружили ее; но она совсѣмъ обезумѣла и не могла ничего опредѣленнаго сказать.

Наконецъ поняли, что какое-то несчастье случилось на дачѣ аббата, и народъ, вооружившись, поспѣшилъ къ нему на помощь.

Маленькая розовая хижина среди маслинъ была незамѣтна и черна въ эту глубокую, безмолвную ночь. Съ тѣхъ поръ, какъ единственный огонекъ, свѣтившійся въ окнѣ, потухъ, словно закрывшійся глазъ, она потонула во тьмѣ, потерялась во мракѣ, и розыскать ее могъ только человѣкъ хорошо знакомый съ мѣстностью.

Вскорѣ между деревьевъ забѣгали огоньки по направленію къ дачѣ. По выжженной травѣ скользили большія блестящія пятна, и подъ ихъ блуждающимъ свѣтомъ искривленные стволы маслинъ казались иногда какими-то чудовищами, какими-то извивающимися адскими змѣями. Вдругъ вдали заблистало что-то бѣлое, неопредѣленное, превратившееся вскорѣ при приближеніи фонарей въ низкое розовое четыреугольное зданіе.

Крестьяне несли фонари, сопровождая двухъ вооруженныхъ жандармовъ, сельскаго сторожа, мера и обезсиленную Маргариту, которую поддерживали подъ руки. Передъ открытою страшной дверью произошло минутное колебаніе, но бригадиръ, схвативъ факелъ, вошелъ, а за нимъ послѣдовали и остальные.

Служанка не солгала. Сгустившаяся теперь кровь покрывала полъ какъ коверъ; она дотекла до бродяги, смачивая его одну изъ ногъ и руку.

Отецъ и сынъ спали, одинъ съ перерѣзаннымъ горломъ

спалъ вѣчнымъ сномъ, другой—сномъ пьяницы. Оба жандарма бросились на второго, и не успѣлъ онъ проснуться, какъ очутился въ кандалахъ. Онъ протиралъ глаза, остолбенѣвъ и одурѣвъ отъ вина; при видѣ же трупа священника въ глазахъ его появился ужасъ и полнѣйшее недоумѣніе.

— Почему онъ не убѣжалъ?—сказалъ меръ.

— Да онъ слишкомъ пьянъ,—возразилъ бригадиръ.

И всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ. Никому и въ голову не пришло, что аббатъ Вильбуа могъ самъ лишить себя жизни.

Исповѣдь.

Весь городъ Везье-ле-Ретель присутствовалъ на похоронахъ Бадонъ-Леременсэ, и у многихъ въ ушахъ звучали заключительныя слова представителя префектуры: „Еще однимъ честнымъ человѣкомъ меньше“.

Да, во всѣхъ извѣстныхъ поступкахъ его жизни, въ его словахъ, поведеніи, фигурѣ, позѣ, походкѣ, даже въ манерѣ стричь бороду и носить шляпу, виденъ былъ честный человѣкъ. Въ каждомъ его словѣ заключалось поученіе, каждая поданная имъ милостыня сопровождалась добрымъ совѣтомъ, каждое движеніе руки казалось чѣмъ-то вродѣ благословенія.

Онъ оставилъ послѣ себя сына и дочь. Сынъ былъ членомъ совѣта, дочь замужемъ за Пуарель-де-ла-Вутъ, нотаріусомъ, пользовавшимся всеобщимъ почетомъ въ Везье.

Они были неутѣшны въ смерти отца, котораго искренно любили.

Сынъ, дочь и зять немедленно послѣ похоронъ вернулись въ домъ умершаго и, запершись, открыли завѣщаніе, которое могло быть распечатано только ими и только послѣ того, какъ тѣло покойнаго будетъ опущено въ могилу. Такъ гласила приписка на обложкѣ завѣщанія.

Завѣщаніе вскрылъ Пуарель де-ла-Вутъ, привычный, какъ нотаріусъ, къ подобнымъ операціямъ, и, приладивъ на носъ очки, началъ своимъ мертвымъ голосомъ, созданнымъ для чтенія контрактовъ:

„Дѣти, милыя, дорогія дѣти! Я не буду мирно спать вѣчнымъ сномъ, если изъ-подъ гробовой доски не признаюсь вамъ въ преступленіи, которое терзало и отравляло мнѣ всю жизнь. Да, я совершилъ преступленіе ужасное, отвратительное.

Мнѣ было тогда двадцать шесть лѣтъ. Я служилъ въ судѣ и жилъ въ Парижѣ, какъ и всѣ молодые люди, вырвавшіеся изъ провинціи: безъ знакомыхъ, безъ друзей, безъ родныхъ.

Я завелъ себѣ любовницу. Многіе приходятъ въ негодованіе при этомъ словѣ: „любовница“, а однакожъ есть люди, которые не могутъ жить одни. Я изъ ихъ числа. Я испытываю ужасную тоску въ одинокой квартирѣ, у камина, по вечерамъ. Мнѣ тогда кажется, что я одинъ въ цѣломъ мірѣ, страшно одинокъ, окруженъ опасностями неопредѣленными и тѣмъ не менѣе ужасными; даже сосѣдъ, незнакомый сосѣдъ, отдѣленный отъ меня только перегородкой, кажется мнѣ такъ же далекъ, какъ тѣ звѣзды, на которыя я смотрю въ окно. Я испытываю нѣчто вродѣ лихорадки, лихорадки нетерпѣнія и страха, и безмолвіе стѣнъ пугаетъ меня. О, какъ глубока и печальна тишина комнаты, въ которой живешь одинъ. Безмолвіе окружаетъ не только ваше тѣло, но и вашу душу, и каждый трескъ мебели заставляетъ васъ содрогнуться, потому вы не ожидаете никакого шума въ вашемъ мрачномъ жилищѣ.

Сколько разъ я, съ разстроенными нервами, напуганный этимъ безмолвіемъ, принимался говорить вслухъ, произносить первыя попавшіяся слова, безъ смысла и послѣдо-

вательности, только для того, чтобы произвести какой-нибудь шумъ. Но голосъ мой казался мнѣ такимъ страннымъ, что я страшился и его. Что можетъ быть ужаснѣе разговора съ самимъ собой въ пустомъ домѣ? Голосъ кажется чужимъ, незнакомымъ, безсмысленнымъ, не обращеннымъ ни къ кому, въ пустое пространство; нѣтъ ушей, которыя бы слышали его, потому что сами вы знаете заранѣе слова, которыя сорвутся съ вашихъ устъ въ этой одинокой комнатѣ. И когда они печально раздадутся въ тишинѣ, то кажутся какимъ-то эхомъ,—страннымъ эхомъ тѣхъ словъ, которыя вы беззвучно, тихо произносили вашею мыслью.

Я завелъ любовницу, молодую дѣвушку, ничѣмъ не отличавшуюся отъ другихъ парижскихъ дѣвушекъ, живущихъ ремесломъ, недостаточнымъ для ихъ пропитанія. Она была кротка, добра, проста; родители ея жили въ Пуасси, куда и она отправлялась иногда на нѣсколько дней.

Цѣлый годъ я прожилъ съ ней спокойно, твердо рѣшивъ бросить ее, какъ только появится молодая особа, которая мнѣ будетъ нравиться настолько, что я пожелаю жениться на ней. Я дамъ ей небольшую пенсію, потому что въ нашемъ обществѣ принято оплачивать любовь женщины деньгами—если она бѣдна, подарками—если богата.

Но вотъ, въ одно прекрасное утро, она объявила мнѣ, что беременна. Я былъ пораженъ, и мнѣ живо представился весь ужасъ моего положенія. Вотъ цѣпь, которую я буду влачить всю жизнь, всюду, въ моей будущей семьѣ, въ старости, всегда: цѣпь женщины, связанной со мной ребенкомъ, и цѣпь ребенка, котораго нужно воспитывать, обучать, охранять, скрываясь отъ него и скрывая его отъ свѣта. Я не могъ придти въ себя отъ этого извѣстія, и тутъ-то появилось въ глубинѣ моей души смутное желаніе,

которое я еще не выражалъ, но только чувствовалъ въ своемъ сердцѣ,—преступное желаніе, скрывающееся до времени, какъ тѣ люди, которые прячутся за дверями, ожидая, что ихъ вызовутъ. Вѣдь можетъ же что-нибудь случиться? Эти маленькія существа такъ часто умираютъ еще до рожденія!

О! я совсѣмъ не желалъ смерти моей любовницы. Бѣдняжка, я очень любилъ ее! Но можетъ быть я желалъ смерти того, другого, еще не видавъ его?

Онъ родился. Въ моей маленькой холостой квартирѣ завелась семья съ ребенкомъ. О, это ужасно! Онъ былъ такой же, какъ и всѣ дѣти. Я нисколько не любилъ его. Отцы, видите ли, начинаютъ любить позднѣе. Имъ незнакома инстинктивная и самоотверженная нѣжность матерей; ихъ чувство развивается мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ крѣпнутъ узы, соединяющія двухъ существъ, живущихъ вмѣстѣ.

Прошелъ еще годъ. Я убѣгалъ теперь изъ своей маленькой квартиры, въ которой валялось бѣлье, пеленки, чулочки величиною съ перчатку, словомъ—тысяча всевозможныхъ вещей, оставленныхъ на диванѣ, на ручкѣ кресла, всюду. Главнымъ же образомъ я убѣгалъ отъ его крика, потому что онъ кричалъ постоянно: когда дотрогивались до него, когда его переодѣвали, когда мыли, когда укладывали спать, когда подымали со сна, и т. д.

Я завелъ нѣкоторыя знакомства, и въ одной изъ гостиныхъ встрѣтился съ вашею будущею матерью. Я влюбился въ нее, сталъ ухаживать, сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе.

И тутъ я очутился какъ въ силкахъ. Мнѣ предстояло или жениться, имѣя ребенка, на этой молодой дѣвушкѣ, которую я обожалъ, или открыть истину и отказаться

отъ нея, отъ счастья, отъ будущности, отъ всего. Родители ея, люди строгіе и щепетильные, зная всю правду, не отдали бы ее за меня.

Я пережилъ ужасный мѣсяцъ отчаянья, нравственныхъ пытокъ; и въ этомъ-то мѣсяцѣ, когда тысячи мучительныхъ мыслей не покидали меня, я почувствовалъ, какъ начинала рости во мнѣ ненависть къ моему сыну, къ этому живому и кричащему куску мяса, который заслонялъ мнѣ дорогу, подсѣкалъ мою жизнь, осуждалъ меня на существованіе безъ будущности, безъ тѣхъ смутныхъ надеждъ, которыя составляютъ всю прелесть молодости.

Но вотъ мать моей подруги заболѣла и я остался одинъ съ ребенкомъ.

Это было въ декабрѣ. Морозы стояли ужасные.

Какая ночь! Моя подруга только-что ушла.

Я поужиналъ одинъ въ узенькомъ зальцѣ и тихонько вошелъ въ комнату, гдѣ спалъ ребенокъ.

Я сѣлъ въ кресло у огня. Дулъ сильный, сухой ледяной вѣтеръ, ударяя въ стекла, и я замѣтилъ черезъ окно тотъ рѣзкій блескъ звѣздъ, который бываетъ только въ очень морозныя ночи.

Тогда наважденіе, не покидавшее меня цѣлый мѣсяцъ, вошло опять въ мое сердце. Какъ только я оставался неподвижнымъ, оно сходило на меня, входило внутрь и грызло, грызло какъ грызутъ неотступныя идеи, какъ ракъ разъѣдаетъ тѣло. Оно было тутъ, въ моей головѣ, въ моемъ сердцѣ, во всемъ моемъ тѣлѣ, и оно пожирало меня какъ дикій звѣрь. Я хотѣлъ выгнать его, оттолкнуть, открыть мою мысль для другихъ впечатлѣній, для новыхъ надеждъ, какъ открываютъ окно, чтобы свѣжій утренній вѣтеръ вытѣснилъ зараженный ночной воздухъ; но я ни на минуту не могъ отъ него отдѣлаться. Я не знаю, какъ вы-

разить эту муку. Она грызла мнѣ душу, и я мучительно чувствовалъ дѣйствительную боль физическую и нравственную, чувствовалъ, какъ она грызла меня.

Моя жизнь кончилась! Какъ выйду я изъ этого положенія? Какъ отказаться и какъ объяснить причину отказа? А между тѣмъ я любилъ вашу будущую мать безумною страстью, которую еще сильнѣе разжигало непреодолимое препятствіе. .

Я пришелъ въ ярость, сжимавшую мнѣ горло, въ ярость, похожую на безуміе... на безуміе! Да, я былъ сумасшедшій въ эту ночь!

Ребенокъ спалъ. Я всталъ и посмотрѣлъ на него. Это онъ, — этотъ выкидышъ, эта личинка, это ничтожество, — осуждалъ меня на непоправимое несчастье.

Онъ спалъ съ открытымъ ртомъ, покрытый одѣяломъ, въ колыбели, рядомъ съ моей постелью, на которой я не въ силахъ буду заснуть.

Какимъ образомъ я совершилъ это ужасное дѣло? Не знаю. Какая сила толкнула меня, какая злая воля овладѣла мной? О, искушеніе преступленія внезапно нахлынуло на меня. Я помню только, что сердце мое страшно билось. Я слышалъ его біеніе, какъ слышатъ удары молотка за перегородкой. Я помню только это. Сердце мое билось! Въ головѣ моей былъ странный хаосъ, смятеніе, полное отсутствіе сознанія и самообладанія. Я былъ въ томъ состояніи смущенія, галлюцинаціи, когда человѣкъ не сознаетъ ни своихъ поступковъ, ни направленія своей воли.

Я тихонько приподнялъ одѣяльце, покрывавшее моего ребенка, и отбросилъ его на край колыбели. Тогда я увидѣлъ малютку голенькимъ. Онъ не проснулся. И я тихонько, тихонько прошелъ къ окну и распахнулъ его.

Порывъ ледяного вѣтра ворвался какъ убійца. Онъ былъ

такъ холоденъ, что я невольно отшатнулся, и пламя двухъ свѣчей заколебалось. Я стоялъ у окна, не смѣя обернуться, чтобъ не видать, что дѣлается позади, и чувствовалъ постоянно на лбу, на щекахъ, на рукахъ прикосновеніе этого смертоноснаго воздуха, который все входилъ и входилъ. Это тянулось долго. Я ничего не думалъ, ни о чемъ не размышлялъ. Вдругъ легкій кашель вызвалъ дрожь во всемъ моемъ тѣлѣ, страшную дрожь, которую я и теперь еще чувствую у корней волосъ. Бѣшенымъ движеніемъ я захлопнулъ обѣ половинки окна и, повернувшись, побѣжалъ къ колыбели.

Онъ все еще спалъ съ открытымъ ротикомъ, голый. Я пощупалъ его ножки, они были страшно холодны и я закрылъ ихъ.

Сердце мое вдругъ смягчилось, переломилось и наполнилось состраданія, нѣжности и любви къ этому невинному существу, которое я хотѣлъ убить. Я долго цѣловалъ его въ нѣжные волосики, потомъ усѣлся у огня.

Я думалъ съ ужасомъ о своемъ поступкѣ, допытываясь, гдѣ источникъ этихъ душевныхъ бурь, во время которыхъ человѣкъ теряетъ всякое понятіе о вещахъ, всякое самообладаніе, и, дѣйствуя какъ бы въ опьяненіи, самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, куда идетъ, какъ не знаетъ этого лодка во время урагана.

Ребенокъ кашлянулъ еще разъ и я почувствовалъ, что сердце мое разрывается. Что если онъ умретъ! Боже! Боже! Что будетъ со мной?

Я всталъ, чтобы посмотрѣть на него, и со свѣчей въ рукахъ нагнулся къ нему. Слыша его ровное спокойное дыханіе, я успокоился; но онъ закашлялся въ третій разъ. Я почувствовалъ такой ударъ, что быстро отшатнулся назадъ, будто какое-то страшное видѣніе испугало меня. Я уронилъ свѣчу.

Оправившись и поднявъ ее, я замѣтилъ, что виски мои покрыты потомъ,—тѣмъ горячимъ и ледянымъ потомъ, который появляется при душевныхъ мукахъ, какъ будто частицы ужасныхъ нравственныхъ страданій, этихъ невыразимыхъ терзаній, жгучихъ какъ огонь и холодныхъ какъ ледъ, просачиваются чрезъ кости и кожу черепа.

И я простоялъ до утра надъ сыномъ, успокоиваясь, когда онъ долго лежалъ смирно, и приходя въ отчаянье, когда онъ начиналъ тихонько покашливать.

Онъ проснулся больной, съ раскраснѣвшими глазами и съ затрудненнымъ дыханіемъ.

Когда вернулась мать, я тотчасъ же послалъ за докторомъ. Онъ пріѣхалъ черезъ часъ и, осмотрѣвъ ребенка, спросилъ:

— Не простудили ли его?

Я задрожалъ, какъ дрожатъ дряхлые старики, и пробормоталъ:

— Да нѣтъ, кажется.

Потомъ спросилъ:

— Что съ нимъ? Опасно ли это?

Онъ отвѣчалъ:

— Пока не знаю. Я заѣду вечеромъ.

Вечеромъ онъ пріѣхалъ. Ребенокъ провелъ весь день въ дремотѣ, изрѣдка покашливая

Къ ночи появилось воспаленіе легкихъ.

Онъ проболѣлъ десять дней. Не могу выразить, что я перечувствовалъ въ эти нескончаемые часы, отдѣляющіе утро отъ вечера и вечеръ отъ утра.

Онъ умеръ . . . .

И съ тѣхъ поръ... съ той минуты не проходило часа, чтобъ это ужасное, жгучее воспоминаніе не грызло, не терзало мой мозгъ, какъ дикій звѣрь, запертый въ глубинѣ моей души.

О! еслибы возможно было сойти съума".

. . . .

Г. Пуарель де-ла-Вутъ, окончивъ чтеніе исповѣди, привычнымъ движеніемъ приподнялъ очки, и всѣ трое наслѣдниковъ молча переглянулись, блѣдные, неподвижные.

Черезъ минуту нотаріусъ сказалъ:

— Надо это уничтожить.

Остальные въ знакъ согласія склонили головы.

Онъ зажегъ свѣчу, тщательно отдѣлилъ листочки исповѣди отъ страницъ завѣщанія, поднесъ ихъ къ огню и бросилъ въ каминъ.

И всѣ трое слѣдили за тѣмъ, какъ бѣлые листки сгорали. Вскорѣ изъ нихъ образовалась только небольшая черная кучка. Но такъ какъ на ней виднѣлись еще бѣловатыя буквы, то дочь кончикомъ ноги растерла легкій пепелъ сгорѣвшей бумаги и смѣшала его со старою золой.

И они еще нѣсколько минутъ продолжали глядѣть на эту золу, какъ бы боясь, чтобы сгорѣвшая тайна не вылетѣла изъ камина.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ПЕРЛЬ.

Странная, право, мысль пришла мнѣ сегодня въ голову—выбрать въ королевы мадемуазель Перль.

Я ежегодно ѣзжу на Крещенье къ моему старому другу Шанталю. Отецъ мой, его близкій товарищъ, возилъ меня къ нему еще ребенкомъ. Я продолжалъ и буду продолжать, вѣроятно, до конца жизни ѣздить туда, пока останется въ живыхъ кто-нибудь изъ Шанталей.

Шантали, къ тому же, ведутъ странную жизнь; они живутъ въ Парижѣ, какъ въ какомъ нибудь Гроссѣ, Ивето или Понтъ-а-Муссонъ.

У нихъ близъ Обсерваторіи свой домъ, окруженный садикомъ. Тутъ они живутъ какъ въ провинціи. О Парижѣ, настоящемъ Парижѣ, они ничего не знаютъ, ничего не подозрѣваютъ,—онъ такъ далекъ, такъ далекъ! Иногда, впрочемъ, они совершаютъ туда путешествіе, длинное путешествіе. Мадамъ Шанталь отправляется дѣлать генеральныя закупки,—такъ говорятъ въ семьѣ. Вотъ какъ предпринимается эта поѣздка. М-ль Перль, завѣдующая ключами отъ кухонныхъ шкаповъ (комоды для бѣлья находятся на рукахъ самой хозяйки), м-ль Перль предупреждаетъ, что сахаръ на исходѣ, консервовъ нѣтъ и въ кофейницѣ остается немного кофе.

Предупрежденная такимъ образомъ о наступленіи голода мадамъ Шанталь переходитъ къ ревизіи остальныхъ хозяйственныхъ вещей, отмѣчая все въ своей записной книжкѣ. Исписавъ цѣлые ряды цифръ, она предается длиннымъ вычисленіямъ, а затѣмъ долгимъ переговорамъ съ м-ль Перль, которые кончаются соглашеніемъ, и тогда опредѣляется количество запасовъ, необходимыхъ на три мѣсяца: сахару, риса, чернослива, кофе, варенья, горошка, фасоли, омаровъ, соленой и копченой рыбы и т. д.

Послѣ этого назначается день отъѣзда, и онѣ отправляются въ особенномъ фіакрѣ, съ помѣщеніемъ для укладки провизіи, въ значительный бакалейной магазинъ, находящійся въ „городѣ".

Мадамъ Шанталь и м-ль Перль таинственно совершаютъ это путешествіе вмѣстѣ и возвращаются къ обѣду усталыя, хотя и взволнованныя еще и разбитыя тряской экипажа, верхъ котораго, нагруженный свертками и мѣшками, придаетъ ему видъ экипажа для перевозки пожитковъ съ квартиры на квартиру.

Шанталямъ вся часть Парижа по ту сторону Сены представляется „городомъ" съ страннымъ населеніемъ, шумнымъ, безпечнымъ, проводящимъ дни и ночи въ развлеченіяхъ, бросающимъ деньги за окно. Иногда, впрочемъ, дѣвицы вывозятся въ театръ, въ оперу или „французскій театръ", если пьеса одобрена журналомъ, который читаетъ м-сье Шанталь.

Одной дѣвицѣ въ настоящее время девятнадцать, а другой семнадцать лѣтъ, онѣ — красивыя дѣвушки, высокія и свѣжія, прекрасно воспитанныя, слишкомъ хорошо воспитанныя, до того хорошо воспитанныя, что онѣ не замѣтны, какъ будто обѣ онѣ хорошенькія куклы. Мнѣ никогда бы не пришло на умъ обратить вниманіе или ухаживать за дѣ-

вицами Шанталь; съ ними едва дерзаешь говорить: до такой степени онѣ безпорочны! Боишься даже быть невѣжливымъ, кланяясь имъ.

Отецъ — прелестнѣйшій человѣкъ, очень образованный, прямой, добродушный, но больше всего любящій тишину и покой. Онъ сильно содѣйствовалъ превращенію членовъ своей семьи въ мумiи, желая устроить жизнь по своему вкусу, жизнь стоячей неподвижности. Онъ много читаетъ, охотно разговариваетъ и легко умиляется. Благодаря отсутствiю общенія, столкновеній и толчковъ, нравственная эпидерма его сдѣлалась очень чувствительной. При малѣйшемъ поводѣ онъ приходитъ въ сильное возбужденіе, волнуется и страдаетъ.

Впрочемъ, у Шанталей есть кругъ знакомства, но очень ограниченный, строго избранный изъ числа ближайшихъ сосѣдей. Два или три раза въ годъ они обмѣниваются визитами съ родственниками, живущими далеко. Я же являюсь къ нимъ обѣдать 15 августа и на Крещенье. Это для меня такая же обязанность, какъ для католика причастіе на Святой.

На 15-е августа приглашаются нѣкоторые пріятели, но на Крещенье изъ постороннихъ бываю только я одинъ.

II.

Итакъ, я, по примѣру прежнихъ лѣтъ, явился въ Крещенье обѣдать къ Шанталямъ.

Я, какъ всегда, поцѣловался съ Шанталемъ, съ мадамъ Шанталь и съ мадемуазель Перль и низко поклонился дѣвицамъ Луизѣ и Полинѣ. Меня засыпали вопросами о городскихъ новостяхъ, о политикѣ, о томъ, какъ относится публика къ Тонкинскимъ дѣламъ и о нашихъ представи-

теляхъ. Мадамъ Шанталь, толстая дама, мысли которой всегда представлялись мнѣ четыреугольными, на подобіе тесаныхъ камней, неизмѣнно заканчивала каждый разговоръ о политикѣ обычною фразой: „Все это плохія сѣмена для будущаго“. Почему мнѣ всегда приходило въ голову, что мысли мадамъ Шанталь четыреугольны — не понимаю; но только все, что она говоритъ, представляется мнѣ въ формѣ четыреугольника, толстаго четыреугольника съ симетричными углами. Мысли нѣкоторыхъ людей кажутся мнѣ круглыми, катящимися какъ обручъ. Ихъ фраза съ самаго начала движется, катится, изливается десятью, двадцатью, пятидесятью круглыми мыслями, большими и малыми, бѣгущими одна за другой до самаго края горизонта. Есть люди, у которыхъ идеи остроконечны. Но это не относится къ дѣлу.

Мы сѣли по обыкновенію за столъ и обѣдъ прошелъ безъ интересныхъ разговоровъ. Къ дессерту подали пирогъ съ бобомъ. Каждый годъ роль короля выпадала на долю Шанталь. Было ли это дѣло случая или семейнаго соглашенія— не знаю, но бобъ неизмѣнно находился въ его кускѣ пирожнаго, и онъ провозглашалъ королевой мадамъ Шанталь. На этотъ разъ я былъ очень удивленъ, когда, откусивъ кусокъ пирога, почувствовалъ во рту что-то очень твердое, которое чуть не сломало мнѣ зубъ. Я осторожно вынулъ его и увидѣлъ маленькую фарфоровую куколку, величиною не больше боба. „А!“ воскликнулъ я невольно. Всѣ оглянулись на меня и Шанталь закричалъ, хлопая въ ладоши:—На этотъ разъ королемъ Гастонъ! Гастонъ! Да здравствуетъ король. Ура!

Всѣ вторили хоромъ: „Да здравствуетъ король“.

А я покраснѣлъ до ушей, какъ краснѣютъ, часто безпричинно, очутившись въ нѣсколько глупомъ положеніи. Я

сидѣлъ съ опущенными глазами и держалъ между двухъ пальцевъ это фарфоровое зерно, стараясь улыбаться и рѣшительно не зная, что мнѣ дѣлать, что говорить. Тогда Шанталь сказалъ: „Теперь вамъ нужно выбрать королеву“.

Я смутился. Мгновенно тысячи мыслей, тысячи предположеній пронеслись въ моемъ умѣ. Не хотятъ ли они, чтобъ я выбралъ одну изъ дѣвицъ Шанталь? Можетъ быть этимъ путемъ они думаютъ заставить меня высказать, которую изъ нихъ я пред очитаю. Возможно также, что это просто легкое, деликатное, нечувствительное понужденіе родителей къ возможному браку? Мысль о бракѣ во всевозможныхъ формахъ, оборотахъ и ухищреніяхъ бродитъ постоянно во всѣхъ семьяхъ, гдѣ есть взрослыя дочери. Мною овладѣла страшная боязнь скомрометировать себя и невыразимая робость передъ упорно-приличными и сдержанными дѣвицами Луизой и Полиной. Предпочесть одну другой мнѣ казалось такъ же трудно, какъ опредѣлить, напримѣръ, которая изъ двухъ капель воды лучше, и потомъ страхъ предпринять такое дѣло, которое повлечетъ меня къ браку противъ моей воли, пріемами столь же скромными и незамѣтными, какъ это ничего не значущее королевство, страшно смущало меня.

Но вдругъ на меня нашло вдохновеніе и я протянулъ м-ль Перль символическую куклу. Сначала всѣ удивились, потомъ, оцѣнивъ вѣроятно мою скромность и деликатность, всѣ стали неистово аплодировать и кричать: „Да здравствуетъ королева! да здравствуетъ королева!“

А она, бѣдная старая дѣва, совсѣмъ растерялась: дрожала, краснѣла, смущалась и бормотала: „Нѣтъ, нѣтъ... не меня... пожалуйста не меня... пожалуйста“...

Тогда я въ первый разъ въ жизни взглянулъ на м-ль Перль и задалъ себѣ вопросъ о томъ, что она такое?

Я привыкъ видѣть ее въ этомъ домѣ, какъ привыкаютъ къ старымъ кресламъ, на которыхъ сидятъ съ дѣтства, не обращая на нихъ никакого вниманія. Но случается, что вдругъ почему-нибудь, благодаря, напримѣръ упавшему на нихъ лучу свѣта, мы вдругъ замѣчаетъ: „А вѣдь это очень интересная мебель,“ и тогда впервые видимъ, что дерево работано артистомъ и матерія замѣчательна. Повторяю: я никогда прежде не обращалъ вниманія на м-ль Перль.

Она составляла часть семьи Шанталя — вотъ и все; но какъ? Въ качествѣ кого? Она была высокая, худая особа, которая старалась быть незамѣтной, но не была ничтожна. Къ ней относились дружелюбно, лучше чѣмъ къ прислугѣ, но хуже чѣмъ къ родственницѣ. Я улавливалъ теперь множество оттѣнковъ, прежде не замѣчаемыхъ мною. Мадамъ Шанталь называла ее „Перль“, дѣвицы — „мадемуазель Перль“, а Шанталь звалъ ее просто мадемуазель, но очень почтительнымъ тономъ Я сталъ разсматривать ее. Сколько ей было лѣтъ? Лѣтъ сорокъ? Да, сорокъ лѣтъ. Она была не стара, но умышленно старила себѣ. Меня поразило это открытіе. Она причесывалась, одѣвалась, наряжалась смѣшно, а между тѣмъ не была смѣшной,—до такой степени въ ней было много врожденной граціи, простой и натуральной граціи, тщательно скрываемой. Что за странное существо, право! Какъ я не замѣтилъ ея прежде? Она причесывалась курьезно, съ маленькими старушечьими завитками, и подъ этою прической старой дѣвы виденъ былъ большой спокойный лобъ, перерѣзанный двумя глубокими морщинами, и голубые глаза, большіе и кроткіе, робкіе и преданные, прекрасные глаза, сохранившіе дѣвичью наивность, полные чувства молодости и горя, смягчившаго, но не возмутившаго ихъ покоя.

Лицо было нѣжно и скромно, изъ числа лицъ увядшихъ,

но не истасканныхъ и безъ отпечатка усталости и жизненныхъ треволненій.

Какой красивый ротъ и какіе прекрасные зубы! Но она какъ будто не смѣла улыбаться.

И вдругъ я сравнилъ ее съ мадамъ Шанталь. Конечно, м-ль Перль была лучше во сто разъ, тоньше, благороднѣе, достойнѣе. Я былъ пораженъ моими наблюденіями. Намъ наливали шампанское. Я протянулъ свой стаканъ къ королевѣ и въ изысканныхъ привѣтственныхъ выраженіяхъ пожелалъ ей здоровья. Она готова была спрятать лицо въ салфетку; когда же она обмокнула губы въ свѣтлое вино, всѣ закричали: „Королева пьетъ! королева пьетъ!“ Она покраснѣла и поперхнулась. Всѣ смѣялись, и я замѣтилъ, что ее очень любили въ этомъ домѣ.

III.

Послѣ обѣда Шанталь взялъ меня подъ руку. Настало время, когда онъ, какъ бы священнодѣйствуя, выкуривалъ свою сигару. Если онъ былъ одинъ, то выходилъ курить на улицу, а при гостяхъ отправлялся въ билліардную и тамъ курилъ, играя. Въ этотъ вечеръ въ билліардной былъ даже разведенъ огонь по случаю праздника; мой старый пріятель взялъ кій, заботливо натеръ его мѣломъ и сказалъ:

— Тебѣ начинать, дружокъ!

Несмотря на мои двадцать пять лѣтъ, онъ говорилъ мнѣ ты, такъ какъ зналъ меня съ дѣтства.

Я началъ партію, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ и неудачныхъ карамболей, но такъ какъ мысль о м-ль Перль бродила у меня въ головѣ, я вдругъ спросилъ его:

— Скажите пожалуйста, м-сье Шанталь, м-ль Перль ваша родственница?

Онъ прервалъ игру и удивленно взглянулъ на меня.

— Какъ, ты не знаешь, не знаешь исторіи м-ль Перль?

— Нѣтъ.

— Развѣ твой отецъ ничего не разсказывалъ тебѣ?

— Ничего.

— Странно, право странно. Да тутъ цѣлая исторія.

Онъ умолкъ и затѣмъ продолжалъ:

— Еслибы ты зналъ, какъ удивительно, что ты именно сегодня, въ день Крещенья, задалъ мнѣ этотъ вопросъ.

— Почему?

— Вотъ почему. Слушай. Сорокъ одинъ годъ тому назадъ; да, сегодня какъ разъ минуло сорокъ одинъ.

— Мы жили тогда въ Розои-ле-Фонъ, на валу; но предварительно нужно объяснить тебѣ устройство нашего дома, иначе это будетъ непонятно. Розои построенъ на косогорѣ или, лучше сказать, на холмѣ, господствующимъ надъ обширною долиной. Тутъ находился и нашъ домъ съ прекраснымъ садомъ, разведеннымъ на насыпи старыхъ стѣнъ укрѣпленія. Итакъ, домъ былъ въ городѣ, выходилъ на улицу, а садъ на долину. Изъ этого сада была также выходная дверь въ поле, въ концѣ потайной лѣстницы, спускавшейся въ глубинѣ стѣнъ, какъ это встрѣчается въ романахъ. У двери былъ колоколъ и передъ ней проходила дорога, потому что крестьяне, чтобы не дѣлать обхода, проносили тутъ свою провизію.

— Ты хорошо представляешь себѣ мѣстность, не правда ли?

— Итакъ, въ этомъ году цѣлую недѣлю передъ Крещеньемъ шелъ снѣгъ. Казалось, настало свѣтопреставленіе. Когда мы выходили на валъ взглянуть на окрестность, нашу душу леденилъ видъ этой обширной бѣлой долины, совершенно бѣлой, застывшей, блестящей какъ лакъ. Каза-

лось, что Господь Богъ упаковалъ именно для отсылки ее на чердакъ старыхъ міровъ. Видъ, право, былъ очень грустный. Мы жили въ это время семьей, и семьей очень многочисленной: мой отецъ, мать, дядя и тетка, два моихъ брата и четыре кузины, хорошенькія дѣвочки. На младшей изъ нихъ я женился. Отъ всего этого общества остались въ живыхъ только моя жена, я и моя невѣстка, живущая въ Марсели. Господи, какъ разсыпаются семьи. Я дрожу при мысли объ этомъ! Тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, потому что теперь мнѣ уже пятьдесятъ шесть. Итакъ, мы собирались праздновать Крещенье и были очень, очень веселы! Все общество собралось уже въ столовой въ ожиданіи обѣда, когда старшій братъ мой, Жакъ, сказалъ:—„Въ долинѣ уже минутъ десять воетъ какая-то собака; должно-быть бѣдняжка заблудилась".

Онъ не докончилъ фразы, какъ раздался звонъ садоваго колокола, густой звукъ какъ бы церковнаго колокола, вызывавшаго мысль о покойникѣ. Всѣ содрогнулись. Отецъ позвалъ лакея и послалъ его узнать. Мы всѣ молча ожидали, думая о снѣгѣ, покрывавшемъ землю. Вернувшійся лакей объявилъ, что ничего не видно. Собака продолжала выть и голосъ ея раздавался съ одной и той же стороны. Мы сѣли за столъ всѣ нѣсколько взволнованные, въ особенности молодежь. Все шло благополучно до жаркого, но тутъ снова раздался звонъ колокола, три удара подрядъ, три сильныхъ, протяжныхъ удара. Мы были страшно потрясены, у насъ буквально захватывало дыханіе. Всѣ смотрѣли другъ на друга съ поднятыми вилками, прислушиваясь въ необычайномъ страхѣ.

Наконецъ мать моя заговорила: — „Странно, что кто-то опять вернулся, вѣдь прошло уже не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый ударъ. Не ходите одинъ, Бап-

тистъ, пусть кто-нибудь изъ этихъ господъ проводитъ васъ".

Дядя Франсуа всталъ. Это былъ геркулесъ, гордившійся своею силой и не боявшійся ничего на свѣтѣ. Мой отецъ сказалъ ему:—„Возьми ружье; кто знаетъ что тамъ"?

Но дядя взялъ только палку и вышелъ тотчасъ вмѣстѣ съ лакеемъ. Мы же остались, дрожа отъ страха, переставши ѣсть и не говоря ни слова. Отецъ пробовалъ было успокоить насъ.—„Вотъ увидите,—сказалъ онъ,—что это какой-нибудь нищій или прохожій, сбившійся съ дороги. Позвонивъ въ первый разъ и видя, что не тотчасъ же отпираютъ, онъ попытался самъ отыскать дорогу, но, сбившись, снова вернулся къ нашей двери".

Намъ показалось, что отсутствіе дяди продолжается цѣлый часъ. Наконецъ онъ вернулся раздраженный, съ ругательствами:

— Ничего, клянусь, это какой-нибудь шутникъ. Только вотъ проклятая собака все воетъ метрахъ во ста отъ вала. Еслибы со мной было ружье, я бы заставилъ ее замолчать.

Мы сѣли за прерванный обѣдъ, но всѣ были въ тревогѣ; чувствовалось, что это не конецъ, что случится еще что-нибудь, что колоколъ прозвучитъ опять.

И дѣйствительно, звонъ раздался какъ разъ въ ту минуту, когда разрѣзали крещенскій пирогъ. Всѣ мужчины разомъ встали. Дядя Франсуа, подъ вліяніемъ шампанскаго, съ такою яростью утверждалъ: „я убью его", что мать и тетка сочли нужнымъ кинуться и удержать дядю. Мой отецъ, несмотря на свое спокойствіе и небольшое увѣчье (онъ волочилъ ногу съ тѣхъ поръ, какъ сломалъ ее, упавъ съ лошади), заявилъ, что онъ желаетъ знать, что все это значитъ, и потому тоже пойдетъ. Братья мои, во-

семнадцати и двадцати лѣтъ, побѣжали за ружьями; а такъ какъ на меня никто не обращалъ вниманія, то и я, схвативъ садовый корабинъ, приготовился слѣдовать за экспедиціей.

Мы тронулись въ путь немедленно. Отецъ и дядя шли впереди вмѣстѣ съ Баптистомъ, который несъ фонарь. Братья мои, Жакъ и Поль, слѣдовали за ними, а позади всѣхъ шагалъ я, несмотря на уговоры матери, оставшейся съ сестрой и кузинами на порогѣ дома.

Снѣгъ опять пошелъ уже съ часъ тому назадъ и покрылъ деревья. Сосны сгибались подъ тяжестью мокрой одежды и казались бѣлыми пирамидами, огромными головами сахару; болѣе легкіе кусты стояли блѣдные въ тѣни, едва замѣтные сквозь сѣрую занавѣсъ мелкихъ и частыхъ хлопьевъ. Шелъ такой густой снѣгъ, что ничего не было видно на десять шаговъ, но фонарь ярко освѣщалъ пространство впереди насъ. Когда мы опустились на витую лѣстницу, продѣланную въ стѣнѣ, мнѣ дѣйствительно стало страшно. Мнѣ все казалось, что сзади меня кто-то идетъ, что меня сейчасъ схватятъ за плечи и унесутъ. Я охотно вернулся бы, но боялся возвращаться садомъ.

Я слышалъ, какъ отворили дверь и какъ дядя началъ браниться:—„Опять ушелъ! Если я замѣчу хоть тѣнь его, то клянусь—я не промахнусь въ этого“... Страшно было видѣть или скорѣе чувствовать долину потому, что на самомъ дѣлѣ ее не было видно. Видна была только завѣса безконечнаго снѣга и вверху, и внизу, и прямо, и справа, и слѣва, словомъ—всюду.

Дядя продолжалъ:—„Слышите, собака воетъ опять, я покажу ей какъ стрѣляютъ и по крайней мѣрѣ это будетъ сдѣлано“. Мой отецъ, по добродушію своему, возразилъ:— „Лучше сходить за ней; несчастное животное голодно, оно

лаетъ о помощи и зоветъ насъ какъ человѣкъ въ отчаяньи. Пойдемте къ ней". И всѣ пустились въ путь чрезъ эту пелену, густую, непрерывную, сквозь этотъ мохъ, наполняющій ночной воздухъ, двигающійся, падающій и при таяніи леденящій кожу до обжога, до боли.

Мы погружались по колѣни въ это мягкое, холодное тѣсто и намъ приходилось высоко подымать ноги. По мѣрѣ нашего приближенія голосъ собаки слышался явственнѣе, громче. Дядя кричалъ: — „Вотъ она!" Наконецъ всѣ остановились, чтобы разсмотрѣть ее, какъ и слѣдовало поступить съ непріятелемъ, встрѣченнымъ ночью.

Я ничего не видалъ и, только догнавъ другихъ, замѣтилъ ее.

Страшенъ и фантастиченъ былъ видъ этой огромной черной собаки овчарки съ длинною шерстью и головой волка, растянувшейся во всю длину какъ разъ на концѣ длинной полосы свѣта, бросаемой на снѣгъ фонаремъ. Она умолкла и, не двигаясь, смотрѣла на насъ.

Дядя сказалъ:—„Удивительно, что она не приближается и не удаляется. Я съ большимъ удовольствіемъ пустилъ бы ей пулю въ лобъ".

Отецъ твердымъ голосомъ возразилъ:—„Нѣтъ, надо взять ее". Тогда братъ Жакъ прибавилъ:—„Но она не одна; около нея есть что-то".

Дѣйствительно, позади собаки было что-то сѣрое, но что именно—мы не могли различить, а потому осторожно двинулись дальше.

При нашемъ приближеніи собака сѣла. Видъ ея былъ не злой; напротивъ, казалось, она была рада, что привлекла людей.

Отецъ подошелъ прямо къ ней и погладилъ ее. Собака стала лизать ему руки, и тутъ только мы замѣтили, что

она была привязана къ колесу маленькой, почти игрушечной коляски, завернутой кругомъ въ три или четыре шерстяныхъ одѣяла. Покрышку осторожно сняли и когда Баптистъ поднесъ фонарь къ отверстію этой телѣжки, похожей на гнѣздо, поставленное на колеса, въ ней оказался спящій ребенокъ.

Мы были такъ поражены, что не могли выговорить ни слова. Отецъ первый пришелъ въ себя, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ великодушный и восторженный, то, положивъ руку на верхъ коляски, сказалъ:—„Бѣдный подкидышъ, ты будешь нашъ“,—и приказалъ брату моему Жаку идти впереди всѣхъ и везти нашу находку.

Думая вслухъ, отецъ проговорилъ:—„Это дитя любви, и бѣдная мать пришла къ моей двери въ этотъ крещенскій вечеръ, въ память Младенца-Христа“.

Онъ снова остановился и изо всей силы прокричалъ четыре раза на всѣ четыре стороны: „Мы его взяли“! Потомъ, положивъ руку на плечо своего брата, онъ тихо проговорилъ:—„Ну, Франсуа, что бы было, еслибы ты выстрѣлилъ въ собаку?“

Дядя ничего не отвѣчалъ, но во мракѣ осѣнилъ себя крестомъ, потому что былъ очень религіозенъ, несмотря на свои хвастовскія замашки.

Собаку отвязали и она послѣдовала за нами.

Но всего милѣе было возвращеніе домой.

Сначала намъ стоило большого труда ввезти коляску по лѣстницѣ, но наконецъ мы преодолѣли всѣ препятствія и докатили ее до самыхъ сѣней.

До чего смѣшна была мать, довольная и смущенная! А четыре маленькія кузины мои (младшей было шесть лѣтъ) напоминали четырехъ куръ вокругъ гнѣзда. Наконецъ ребенка, все еще спящаго, вынули изъ коляски. Это была дѣ-

вочка приблизительно шести недѣль. Въ бѣльѣ ея нашли десять тысячъ франковъ золотомъ; да, десять тысячъ, которыя отецъ положилъ въ банкъ, какъ ея приданое. Родители ребенка очевидно были не бѣдные люди, но... можетъ быть... отецъ ея какой-нибудь дворянинъ, мать изъ мелкой городской буржуазіи, или... Мы дѣлали тысячи предположеній и ничего не узнали... никогда ничего... рѣшительно ничего. Даже собаку никто не узналъ, она тоже была не здѣшняя. Во всякомъ случаѣ звонившій или звонившая три раза у нашей двери знала хорошо моихъ родителей, иначе не выбрали бы именно ихъ.

Вотъ какимъ образомъ м-ль Перль шестинедѣльная вошла въ домъ Шанталей.

„М-ль Перль“ она стала уже позднѣе; при крещеніи же ее назвали: Мари-Симона-Клэръ. Послѣднее имя должно было служить ей фамиліей.

Пресмѣшное вышло возвращеніе въ столовую съ этою проснувшеюся малюткой, озиравшейся на людей и на свѣтъ своими голубыми мутными глазами.

Мы сѣли опять за столъ и принялись за пирогъ. Я былъ королемъ и выбралъ королевой м-ль Перль, какъ и вы сегодня. Тогда она и не подозрѣвала объ оказываемой ей чести.

Итакъ, ребенокъ былъ принятъ и воспитанъ въ нашей семьѣ. Дѣвочка росла, годы шли. Она была мила, кротка, послушна. Всѣ ее любили и, навѣрное, страшно бы испортили, еслибы этому не помѣшала моя мать.

Мать моя, женщина, строго державшаяся порядка и іерархіи, охотно относилась къ маленькой Клэръ какъ къ своимъ сыновьямъ, но тѣмъ не менѣе настаивала, чтобы разстояніе, отдѣляющее насъ, было строго установлено и положеніе ея разъ навсегда опредѣлено.

Потому, какъ только дѣвочка была въ состояніи понять, она разсказала ей ея исторію и осторожно, даже съ нѣжностью, внушила малюткѣ, что она была пріемная дочь у Шанталей, получившая у нихъ пріютъ, но въ сущности имъ чужая.

Клэръ относилась къ своему положенію съ необыкновенною вдумчивостью и поразительнымъ тактомъ; она съумѣла занять и сохранить указанное ей мѣсто съ такою скромностью и граціей, что отецъ мой былъ тронутъ ею до слезъ.

Даже на мою мать такъ сильно подѣйствовала страстная признательность и нѣсколько робкая преданность этого нѣжнаго, маленькаго существа, что она стала называть ее дочерью.

Иногда, послѣ какого-нибудь добраго, милаго поступка этой дѣвочки, мать поднимала очки на лобъ, что всегда у ней было признакомъ волненія, и повторяла: „Да, это перлъ, эта дѣвочка настоящій перлъ“! Названіе это такъ привилось къ маленькой Клэръ, что она сдѣлалась и осталась для насъ мадемуазель Перль.

IV.

М-сье Шанталь умолкъ. Онъ сидѣлъ на билліардѣ, болтая ногами, лѣвою рукой подбрасывалъ шаръ, а правою теребилъ тряпку, которою стирали записи на доскѣ и потому называли „мѣловою тряпкой“.

Слегка раскраснѣвшись, онъ заговорилъ глухимъ голосомъ, какъ бы про себя, уносясь въ воспоминаніе и медленно перебирая въ памяти все проснувшееся, пережитое, какъ медленно разсматриваютъ все въ старомъ, фамильномъ саду, гдѣ каждое дерево, каждая дорожка, каждое растеніе—остролисты, пахучіе лавры и тисы съ ихъ красными, жирными зернами,—словомъ все на каждомъ шагу вызываетъ

воспоминаніе о какомъ-нибудь незначительномъ случаѣ изъ нашего прошлаго. А эти мелкія, ничтожныя, но очаровательныя событія составляютъ самую суть, основу жизни.

Я стоялъ противъ него, прислонясь къ стѣнѣ и облокотясь на безполезный уже кій.

Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:—„Боже, какъ она была хороша въ восемнадцать лѣтъ... граціозна... и восхитительна. О, эта хорошенькая... хорошенькая... добрая... и умная... и прелестная дѣвушка!... Ея глаза... глаза голубые... прозрачные... свѣтлые... какихъ я никогда не видалъ... никогда!“

Онъ опять замолчалъ. Я спросилъ: „Почему она не вышла замужъ?“

Онъ отвѣчалъ, но не мнѣ, а его поразило слово „замужъ“.

— Почему? Почему? Она не хотѣла... не хотѣла... У ней было, однако, тридцать тысячъ приданаго и много жениховъ; но она не пожелала выйти замужъ. Она сильно грустила въ ту пору своей жизни. Я тогда женился на моей кузинѣ, маленькой Шарлотѣ, моей женѣ, съ которой былъ помолвленъ лѣтъ шесть до свадьбы.

Я смотрѣлъ на м-сье Шанталя и мнѣ казалось, что я проникалъ въ его душу, что я понялъ вдругъ одну изъ тѣхъ скромныхъ, но жестокихъ драмъ сердецъ честныхъ, прямыхъ, безупречныхъ, скрывающихъ свою тайну даже отъ тѣхъ, которые были ихъ нѣмыми, безропотными жертвами.

И вдругъ смѣлое любопытство охватило меня и я сказалъ:

— Вамъ бы на ней жениться, м-сье Шанталь.

Онъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Мнѣ? На комъ?

— На м-ль Перль.

— Почему?

— Потому что вы любили ее больше своей кузины.

Онъ посмотрѣлъ на меня странными, круглыми, испуганными глазами и пробормоталъ:

— Я любилъ ее... я?... какъ? Кто тебѣ сказалъ это?...

— Да вѣдь это видно. Изъ-за чего же вы такъ долго не рѣшались жениться на кузинѣ, ждавшей васъ шесть лѣтъ.

Онъ выпустилъ изъ правой руки шаръ, схватилъ обѣими руками тряпку и, закрывъ ею лицо, зарыдалъ. Онъ плакалъ отчаянно и смѣшно, какъ сдавленная губка, и глазами, и носомъ, и ртомъ въ одно и то же время. Онъ кашлялъ, плевалъ, сморкался въ тряпку, вытиралъ глаза, чихалъ, а затѣмъ снова лились потоки изъ всѣхъ отверстій лица, сопровождаемые такими звуками горла, которые испускаютъ люди, когда полощутъ его.

Мнѣ стало страшно стыдно, неловко, я готовъ былъ бѣжать и рѣшительно не зналъ что сказать, что сдѣлать, съ чего начать.

Вдругъ на лѣстницѣ раздался голосъ мадамъ Шанталь:

— Скоро ли кончите вы тамъ курить?

Я отворилъ дверь и крикнулъ: „Да, мы сейчасъ идемъ“.

Потомъ я бросился къ ея мужу и, схвативъ его за локти, сказалъ:

— М-сье Шанталь, другъ мой Шанталь, послушайте: ваша жена зоветъ васъ, успокойтесь пожалуйста, успокойтесь поскорѣе, нужно идти внизъ, успокойтесь же!

Онъ пробормоталъ: „Да... да... я иду... бѣдная дѣвушка... я иду... скажите ей, что я иду“.

И онъ началъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ вытирать лицо тряпкой, два или три года стиравшей записи на доскѣ, и предсталъ наконецъ на половину бѣлый, на половину красный. Лобъ, носъ, щеки и подбородокъ его были испачканы мѣломъ, а распухшіе глаза были еще полны слезъ.

Я взялъ его за руки и увлекъ въ его комнату, говоря: „Простите меня пожалуйста, простите, м-сье Шанталь, я такъ огорчилъ васъ, но я не зналъ... понимаете... не зналъ“.

Онъ сжалъ мнѣ руку: „Да, да... бываютъ тяжелыя минуты“.

Затѣмъ онъ умылся, но все еще казался мнѣ не вполнѣ презентабельнымъ. Тогда я придумалъ маленькую хитрость. Такъ какъ онъ сильно безпокоился, разсматривая себя въ зеркало, то я сказалъ ему:

— Достаточно сказать, что соринка попала вамъ въ глазъ и вы можете плакать передъ всѣми сколько душѣ угодно.

Онъ сошелъ внизъ и дѣйствительно теръ лицо платкомъ. Всѣ безпокоились, каждый старался найти невидимую соринку, и по этому поводу припоминали нѣсколько случаевъ, когда потребовалась даже медицинская помощь.

Я же подошелъ къ м-ль Перль и принялся глядѣть на нее, мучимый любопытствомъ, почти болѣзненнымъ. Дѣйствительно, она должно быть была очень хороша съ своими кроткими глазами, большими, спокойными и такими широкими, что, казалось, она никогда не закрывала ихъ, какъ другіе смертные. Костюмъ ея былъ нѣсколько смѣшонъ, настоящій костюмъ старой дѣвы, не нарядный, но и не безобразившій ее.

Казалось, я читалъ въ ея душѣ, какъ сейчасъ только читалъ въ душѣ м-сье Шанталя, и понималъ съ начала до конца всю ея скромную, простую и преданную жизнь; но во мнѣ кипѣла жгучая потребность спросить, узнать, любила ли и она его такъ же, страдаетъ ли тайно и она, какъ онъ, тѣмъ долгимъ, затаеннымъ, острымъ страданіемъ, котораго никто не видитъ, не знаетъ и не угадываетъ и которое изливается только въ мрачной, ночной тишинѣ одинокой комнаты. Я смотрѣлъ на нее, видѣлъ, какъ бьется

подъ корсажемъ сердце и задавалъ себѣ вопросъ: прятала ли она это нѣжное лицо по вечерамъ въ мягкую подушку, содрогаясь всѣмъ тѣломъ и стараясь заглушить судорожныя рыданія. И я, какъ маленькій ребенокъ, ломающій игрушку, чтобы посмотрѣть, что находится внутри ея, сказалъ ей тихо:

— Еслибы вы видѣли какъ плакалъ сейчасъ м-сье Шанталь, вамъ стало бы жаль его.

Она содрогнулась:—Какъ? онъ плакалъ?

— Да, да, онъ плакалъ.

— О чемъ?

Она казалась сильно взволнованной. Я отвѣчалъ:

— Вы были причиной его слезъ.

— Я?

— Да. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ онъ васъ любилъ, и какъ тяжело ему было жениться на кузинѣ, а не на васъ.

Ея блѣдное лицо словно нѣсколько вытянулось; ея всегда открытые, спокойные глаза вдругъ закрылись такъ быстро, что мнѣ казалось, будто они никогда уже не откроются. Она спустилась со стула на полъ медленно и тихо, какъ падающій шарфъ.

Я закричалъ: — „Идите, идите, м-ль Перль дурно". На зовъ мой прибѣжала мадамъ Шанталь съ дочерьми, и такъ какъ началась суматоха въ поискахъ за водой, салфеткой и уксусомъ, то я взялъ шляпу и удалился.

Я шелъ быстрыми шагами. Сердце мое сжималось; раскаянье и сожалѣніе наполняли душу. Порой однако я былъ доволенъ; мнѣ думалось, что я сдѣлалъ нѣчто необходимое, нѣчто похвальное.

Я спрашивалъ себя: „Былъ ли я правъ или неправъ?" Эта тайна лежала у нихъ на душѣ, какъ пуля въ закрывшейся ранѣ. Не будутъ ли они счастливѣе теперь? Было

уже слишкомъ поздно, чтобы воскресить прежнія мученія, и достаточно рано, чтобы вызвать нѣжныя воспоминанія.

И, можетъ быть, какъ-нибудь вечеромъ, весной, взволнованные лучемъ луны, пробившимся чрезъ вѣтви на землю къ ихъ ногамъ, они вдругъ спохватятся и пожмутъ другъ другу руку въ воспоминаніе ихъ подавленнаго, жестокаго страданія, и при этомъ краткомъ пожатіи по ихъ жиламъ пробѣжитъ еще неизвѣданный ими трепетъ, и они, эти мгновенно воскресшіе мертвецы, испытаютъ дивное, мощное ощущеніе того опьяненія, того безумства, одинъ мигъ котораго даетъ влюбленнымъ больше счастья, чѣмъ иная долгая жизнь.

Калѣка.

Это было въ 1882 году.

Я только-что помѣстился въ углу пустого вагона и заперъ дверь, надѣясь, что останусь одинъ, какъ вдругъ она быстро растворилась и я услышалъ голосъ:

— Осторожнѣй, сударь, тутъ какъ разъ скрещиваются двѣ линіи. Подножка очень высока.

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Не безпокойся, Лоранъ, я возьмусь за ручки.

Потомъ показалась голова въ круглой шляпѣ и двѣ руки, придерживаясь за висѣвшіе у двери ремни, медленно подняли массивное тѣло, ноги котораго стучали о подножку, какъ палки о полъ.

За туловищемъ появился конецъ черной деревянной ноги въ панталонахъ изъ тонкой шерстяной матеріи, а потомъ и другая такая же деревяшка.

Изъ-за спины путешественника показалась голова и спросила:

— Удобно ли вамъ, сударь?

— Да, дружокъ.

— Такъ вотъ ваши вещи и костыли.

И слуга, съ виду старый солдатъ, вошелъ, неся въ рукахъ кучу вещей, аккуратно завязанныхъ въ черную и желтую бумагу, и помѣстилъ ихъ одну за другой въ сѣткѣ надъ головой господина. Потомъ онъ сказалъ:

— Вотъ все, сударь,—пять свертковъ: конфекты, кукла, барабанъ, ружье и паштетъ.

— Хорошо, дружокъ.

— Счастливаго пути, сударь.

— Спасибо, Лоранъ, будь здоровъ.

Слуга удалился, затворивъ дверь, и я взглянулъ на сосѣда. Это былъ человѣкъ съ виду лѣтъ тридцати пяти, хотя и совсѣмъ сѣдой, съ сѣдыми усами, толстый, съ орденомъ Почетнаго Легіона и съ тою характерною, удушливою тучностью, которой подвергаются сильные и дѣятельные люди, прикованные къ мѣсту какимъ-либо увѣчіемъ.

Онъ вытеръ себѣ лобъ, вздохнулъ и пристально взглянулъ на меня.

— Дымъ вамъ не мѣшаетъ?

— Нѣтъ, нисколько.

Этотъ взглядъ, этотъ голосъ, это лицо были мнѣ знакомы. Но гдѣ и когда я видѣлъ его? Несомнѣнно, я встрѣчалъ этого человѣка, разговаривалъ съ нимъ, пожималъ ему руку. Это было давно, очень давно, и это прошлое скрылось въ томъ туманѣ, гдѣ умъ ощупью ищетъ воспоминаній и преслѣдуетъ ихъ, какъ убѣгающихъ призраковъ, не имѣя возможности ухватить ихъ. Онъ также упорно и пристально смотрѣлъ на меня, какъ человѣкъ, смутно что-то припоминающій.

Стѣсняясь этимъ упорнымъ разглядываніемъ другъ друга, мы отвернулись, но черезъ нѣсколько секундъ, подъ вліяніемъ безсознательно работавшей памяти, взоры наши снова встрѣтились, и я сказалъ:

— Да не лучше ли, чѣмъ втихомолку разсматривать другъ друга, постараться намъ вмѣстѣ припомнить, гдѣ мы встрѣчались.

— Вы совершенно правы,—любезно отвѣтилъ мой сосѣдъ.

Я назвалъ себя:

— Мое имя Генри Бонклеръ,—судья.

Онъ колебался нѣсколько мгновеній; потомъ, съ нерѣшительностью во взглядѣ и голосѣ, обычной при усиліяхъ памяти, воскликнулъ:

— Теперь знаю,—я васъ встрѣчалъ нѣкогда у Пуанселей, до войны, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

— Да, да,—вы лейтенантъ Револьеръ.

— Да. Я былъ даже капитаномъ Револьеръ до того дня, когда лишился ногъ... обѣихъ ногъ, оторванныхъ ядромъ.

И теперь мы, уже какъ знакомые, взглянули другъ на друга.

Да, я совершенно ясно припомнилъ, что видѣлъ этого красиваго, стройнаго юношу, ловко, граціозно и горячо распоряжавшагося котильономъ и прозваннаго, кажется, „Ураганомъ“. Но изъ-за этой картины, ясно возсозданной воображеніемъ, мелькало что-то неуловимое, какая-то знакомая, забытая исторія, одно изъ событій, на которое обращаешь коротко добродушное вниманіе, но которое оставляетъ едва замѣтный слѣдъ въ памяти.

Тутъ была любовь. Я нашелъ въ своей памяти ощущеніе подобное тому, которое оставляетъ слѣдъ дичи въ чутьѣ собаки, но не болѣе того. Затѣмъ тѣни мало-по-малу разсѣялись и передъ моими глазами предстала фигура молодой дѣвушки. Потомъ, какъ яркая ракета, блеснуло въ головѣ ея имя: мадемуазель де-Мандаль. Теперь я все вспомнилъ,—тутъ, дѣйствительно, была любовная исторія, но самая обыкновенная. Эта молодая дѣвушка любила этого молодо-

го человѣка, когда я встрѣтился съ нимъ, и поговаривали даже о скорой ихъ свадьбѣ. Онъ казался очень влюбленнымъ и очень счастливымъ.

Я поднялъ глаза на сѣтку, въ которой отъ толчковъ поѣзда тряслись свертки, принесенные слугою моего сосѣда, и мнѣ представился голосъ лакея, какъ будто только-что сказавшаго:

— Вотъ, сударь, тутъ все — пять свертковъ: конфекты, кукла, барабанъ, ружье и паштетъ.

Въ головѣ моей тотчасъ же составился и развернулся романъ, походившій на всѣ читанные мною, гдѣ то молодой человѣкъ женится на своей невѣстѣ, то молодая дѣвушка, выходитъ замужъ за своего жениха послѣ какой-нибудь катастрофы, финансовой или тѣлесной. Итакъ, этотъ изувѣченный на войнѣ офицеръ вернулся послѣ кампаніи къ своей невѣстѣ, и она, вѣрная своему обѣщанію, отдалась ему.

Мнѣ это казалось прекрасно, но просто, какъ всегда кажутся всѣ развязки и всѣ жертвы въ книгахъ и на сценѣ. Читая или слушая ихъ въ этихъ школахъ великодушія, такъ и кажется, что и самъ пожертвовалъ бы собою съ восторженнымъ удовольствіемъ и съ великолѣпнымъ порывомъ, но на слѣдующій день, когда бѣдный пріятель проситъ взаймы немного денегъ, чувствуешь себя очень не въ духѣ.

Потомъ первое предположеніе быстро смѣнилось другимъ, менѣе поэтичнымъ, но болѣе реальнымъ. Можетъ быть онъ женился до войны, до того ужаснаго случая, когда ядро оторвало ему ноги, и ей, огорченной и покорной судьбѣ, пришлось принять, беречь, утѣшать и поддерживать этого мужа, уѣхавшаго отъ нея сильнымъ и красивымъ и вернувшагося къ ней съ подкошенными ногами, жалкою раз-

валиной, обреченной на неподвижность, на безсильныя вспышки гнѣва и неизбѣжную тучность.

Счастливъ ли онъ или страдаетъ? У меня явилось желаніе, сперва слабое, все болѣе и болѣе возраставшее и, наконецъ, непреодолимое желаніе, узнать его біографію хотя бы только въ главныхъ чертахъ, чтобы догадками дополнить недосказанное.

Мечтая объ этомъ, я заговорилъ съ нимъ. Мы обмѣнялись нѣсколькими банальными фразами, и я, взглянувъ на сѣтку, подумалъ: „У него стало-быть трое дѣтей. Конфекты для жены, кукла для дочки, барабанъ и ружье для сыновей, а паштетъ для себя“.

Вдругъ я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы семьянинъ?

— Нѣтъ.

Я почувствовалъ неловкость, какъ будто сдѣлалъ какую-то грубую непристойность, и сказалъ:

— Извините пожалуйста. Я предположилъ это потому что слышалъ какъ вашъ лакей говорилъ объ игрушкахъ. Волей-неволей приходится слышать и дѣлать свои выводы.

Онъ улыбнулся и проборматалъ:

— Нѣтъ, я даже не женатъ; я остался при приготовленіяхъ къ женитьбѣ.

Я сдѣлалъ видъ, что я вдругъ припомнилъ.

— Да, правда, вы были женихомъ, когда я васъ зналъ, женихомъ мадемуазель де-Мандаль, кажется?

— Да, это вѣрно; у васъ превосходная память.

На меня напала удивительная смѣлость и я прибавилъ:

— Я припоминаю, будто слышалъ, что мадемуазель де-Мандель вышла замужъ за... за..?

Онъ тихо произнесъ:

— За де-Флереля.

— Такъ, такъ. Помнится также, что по этому поводу я слышалъ и о вашей ранѣ.

Я смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Онъ покраснѣлъ.

Краска еще сильнѣе сгустилось отъ прилива крови на его полномъ, одутловатомъ лицѣ, такъ что оно стало пурпуровымъ.

Онъ отвѣчалъ съ жаромъ, съ живостью человѣка, защищающаго дѣло, заранѣе проигранное въ его умѣ и сердцѣ, но которое онъ хочетъ отстоять передъ общественнымъ мнѣніемъ:

— Напрасно соединяютъ мое имя съ именемъ г-жи де-Флерель. Когда я вернулся калѣкою съ войны, я ни за что, ни за что не согласился бы, чтобъ она стала моею женой. Возможно ли это? Женятся не для того, чтобы щеголять великодушіемъ, а чтобы жить съ человѣкомъ ежедневно, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно, а если выходятъ замужъ за человѣка искалѣченнаго, какъ я, то осуждаютъ себя на страданіе до гробовой доски. О, я понимаю и восхищаюсь всѣми жертвами, всѣми самоотверженіями, но въ извѣстныхъ границахъ, и не признаю для женщины отреченія отъ жизни, отъ счастья, отъ всѣхъ радостей и упованій ради аплодисментовъ райка. Когда по полу стучатъ мои деревяшки и мои костыли, этотъ мельничный шумъ, производимый мною на каждомъ шагу, до того раздражаетъ меня, что я готовъ задушить моего слугу. Неужели вы думаете, что мыслимо допустить, чтобы женщина терпѣла то, что я самъ не переношу? Притомъ, вообразите, какъ прекрасны эти обрубки ногъ!

Онъ замолчалъ. Что мнѣ сказать ему? Я находилъ, что онъ правъ. Могъ ли я порицать ее, презирать, даже находить ее виноватой? Нѣтъ. Однако? Эта развязка, обыден-

ная, справедливая, правдоподобная, не удовлетворяла моему поэтическому чувству. Эти геройскіе обрубки требовали прекрасной жертвы; но такой не доставало и потому я чувствовалъ неудовлетворенность.

Я спросилъ его вдругъ: —Есть-ли дѣти у госпожи де-Флерель!

— Да, дѣвочка и два мальчика. Для нихъ-то я и везу игрушки. Ея мужъ и она были очень добры ко мнѣ.

Поѣздъ поднимался на Сан-Жерменскую покатость, прошелъ черезъ туннели и, дойдя до станціи, остановился.

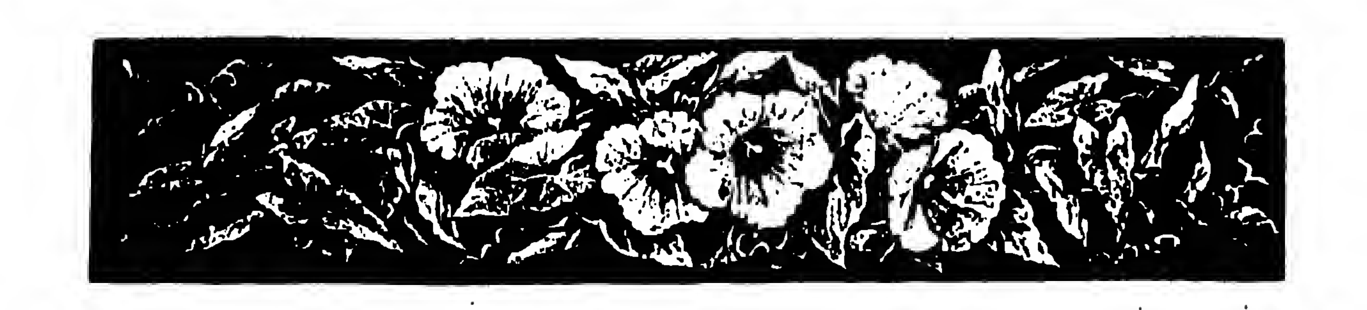
Я уже собирался предложить свою помощь искалѣченному офицеру, какъ вдругъ двѣ руки протянулись къ нему въ открытую дверь.

— Здравствуй, дорогой Ревалъеръ.

— Здравствуй, Флерель.

Сзади мужчины улыбалась женщина, сіяющая, еще красивая, посылая привѣтствіе рукой, обтянутой перчаткой. Около нея прыгала отъ радости маленькая дѣвочка, а два мальчугана жадно смотрѣли на барабанъ и ружье, переходившіе изъ сѣтки вагона въ руки ихъ отца.

Когда инвалидъ вышелъ на платформу, всѣ дѣти расцѣловали его. Потомъ они отправились въ путь, и дѣвочка дружелюбно держала въ своей ручонкѣ полированную перекладину костыля, какъ бы большой палецъ своего взрослаго друга.

Маска.

Въ Элизе-Монтмартръ былъ костюмированный балъ. Праздновалось окончаніе половины поста и публика, словно вода, спущенная черезъ шлюзъ, приливала въ освѣщенный корридоръ, ведущій въ танцовальную залу. Могучій призывъ оркестра, какъ музыкальная гроза, прорывался сквозь стѣны и черезъ крышу, разстилаясь по кварталу и возбуждая и на улицѣ, и въ сосѣднихъ домахъ непреодолимое, дремлющее въ человѣческомъ животномъ желаніе прыгать, потѣть и веселиться.

И вотъ со всѣхъ концовъ Парижа стекались сюда обычные посѣтители, люди всѣхъ классовъ, любители шумнаго удовольствія, немножно грязнаго, съ оттѣнкомъ разврата: чиновники, покровители подозрительныхъ домовъ, дѣвицы, дѣвицы всѣхъ сортовъ, начиная съ простого ситца до тончайшаго батиста, дѣвицы богатыя, старыя и украшенныя бриллiантами, и бѣдныя—шестнадцатилѣтнія, полныя желанія праздновать, сближаться съ мужчинами и расходовать деньги. Мужчины въ изящныхъ черныхъ фракахъ, въ поискахъ за свѣжимъ тѣломъ или за растлѣнной уже, но привлекательной новинкой, бродили въ этой разгоряченной толпѣ, ища,

какъ бы чутьемъ, между тѣмъ какъ маски, казалось, жаждали только веселья. Уже нѣсколько извѣстныхъ кадрилей собрали своимъ прыганіемъ вокругъ себя густой вѣнокъ зрителей. Волнующаяся стѣна движущагося тѣста мужчинъ и женщинъ, окружавшая двѣ танцующія пары, извивалась какъ змѣя, то приближаясь, то удаляясь, смотря по движеніямъ артистовъ. Двѣ женщины, у которыхъ ляжки соединялись съ тѣломъ какъ-бы каучуковыми рессорами, выдѣлывали ногами поразительныя движенія. Онѣ вскидывали ихъ на воздухъ съ такою силою, что, казалось, ноги готовы были улетѣть подъ облака, потомъ вдругъ широко раздвигались одна впередъ, другая назадъ, дотрогивались до земли быстрымъ движеніемъ, отвратительнымъ и смѣшнымъ. Ихъ кавалеры прыгали, семенили ногами, суетились, размахивали руками, какъ обрубками крыльевъ, лишенныхъ перевьевъ, и подъ масками замѣтно было ихъ тяжелое дыханіе.

Одинъ изъ танцоровъ въ наиболѣе выдающейся кадрили, замѣняя отсутствующую знаменитость, продѣлывалъ очень смѣшныя па и приводилъ публику въ восторгъ.

Онъ былъ худъ, одѣтъ въ трико и лицо его скрывалось подъ хорошенькою лакированною маской съ бѣлокурыми завитыми усами и парикомъ.

Онъ напоминалъ собою восковую фигуру изъ музея Гревена, странную, фантастическую каррикатуру прелестнаго юноши модной картинки. Танцовалъ онъ съ убѣжденнымъ, но неловкимъ усиліемъ, съ комическимъ увлеченіемъ, стараясь кружиться около другихъ, подражая ихъ скачкамъ, и казался увѣчнымъ, заржавленнымъ, тяжелымъ, какъ шавка, играющая съ борзыми. Насмѣшливыя браво поощряли его. И онъ, опьяненный своимъ рвеніемъ, съ такимъ бѣшенствомъ топоталъ ногами, что вдругъ въ одномъ отчаян-

номъ порывѣ стукнулся о живую стѣну, которая было разступилась, чтобы пропустить его, но потомъ снова сомкнулась вокругъ неподвижнаго тѣла танцора, растянувшагося на животѣ.

Его подняли и унесли. Послышались крики: „доктора!“ Явился молодой человѣкъ, очень изящный, въ черномъ платьѣ, съ крупными жемчужинами на рубашкѣ.

— Я профессоръ медицинскаго факультета, — скромно заявилъ онъ. Его пропустили и онъ прошелъ въ маленькую комнатку, наполненную картонами, словно бюро какого-нибудь должностнаго лица, и нашелъ тамъ все еще безчувственнаго танцора, котораго укладывали на стульяхъ.

Докторъ, прежде всего, пожелалъ снять маску, но увидалъ, что она была очень сложно пришпилена множествомъ кусочковъ тонкой проволоки и, соединяясь съ краями парика, составляла, такимъ образомъ, покрышку вокругъ всей головы, которую трудно было снять, не зная секрета этого устройства. Даже шея была обтянута фальшивою кожей, служившей продолженіемъ подбородка, и эта перчаточная кожа, окрашенная въ тѣлесный цвѣтъ, прикрѣплялась къ воротнику рубашки.

Нужно было разрѣзать все это крѣпкими ножницами, и когда докторъ, среди этого удивительнаго приспособленія, сдѣлалъ разрѣзъ отъ плеча до виска и снялъ этотъ второй черепъ, онъ увидѣлъ старое, худое, изнуренное, блѣдное и морщинистое лицо. Впечатлѣніе на людей, принесшихъ эту молодую завитую маску, было такъ сильно, что никто изъ нихъ не усмѣхнулся, никто не проронилъ ни единаго слова. Всѣ смотрѣли на лежащее на соломенныхъ стульяхъ грустное лицо съ закрытыми глазами, съ перепутанными прядями сѣдыхъ волосъ, то длинныхъ, падающихъ со лба на лицо, то короткихъ, пробивающихся на щекахъ и

подбородкѣ, и на покоившуюся рядомъ съ этою бѣдною головой хорошенькую лакированную свѣжую маску, которая не переставая улыбалась.

Послѣ продолжительнаго обморока человѣкъ пришелъ въ себя, но казался еще такимъ слабымъ, такимъ больнымъ, что докторъ опасался осложненій.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ онъ.

Старый танцоръ старался припомнить, наконецъ вспомнилъ и назвалъ никому неизвѣстную улицу. Пришлось разспросить подробности о кварталѣ. Онъ говорилъ съ страшнымъ усиліемъ, медленно и нерѣшительно, что ясно указывало на слабость его мысли.

Докторъ сказалъ:—Я самъ провожу васъ.

Имъ овладѣло любопытство узнать кто этотъ странный плясунъ и увидѣть, гдѣ онъ жилъ.

Фіакръ вскорѣ доставилъ ихъ на противоположную сторону Монтмартра.

Домъ, у котораго они остановились, высокій, печальный, со скользкою лѣстницей, съ множествомъ оконъ, съ грязными нишами, торчалъ между двумя пустырями и былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, вѣчно недостроенныхъ, въ которыхъ ютится толпа оборванныхъ и несчастныхъ людей.

Докторъ, цѣпляясь за перила,—круглыя деревянныя палки, къ которымъ прилипала рука,—поддерживая, ввелъ на четвертый этажъ ошеломленнаго старика, который начиналъ уже приходить въ себя.

Дверь, въ которую они постучались, открыла женщина, тоже старая, опрятно одѣтая, въ ночномъ, бѣлоснѣжномъ чепчикѣ, обрамлявшемъ угловатую, костлявую голову,—одну изъ тѣхъ большихъ, добрыхъ и грубыхъ головъ, которыя попадаются у трудолюбивыхъ и вѣрныхъ женъ рабочихъ.

— Боже мой! что съ нимъ?—воскликнула она.

Когда, въ двадцати словахъ, докторъ передалъ ей въ чемъ дѣло, она успокоилась и даже успокоила доктора, сообщивъ ему, что подобныя происшествія случались и прежде.

— Надо его уложить, сударь, больше ничего. Онъ уснетъ и завтра встанетъ здоровымъ.

— Но вѣдь онъ насилу говоритъ,—сказалъ докторъ.

— О, это пустяки: онъ немножко выпилъ, вотъ и все. Онъ не обѣдалъ, чтобы быть гибче, а потомъ для возбужденія выпилъ двѣ зелененькихъ. Абсентъ, видите ли, подбадриваетъ ему ноги, но за то лишаетъ способности думать и говорить. Въ его годы нельзя уже плясать такъ, какъ онъ хочетъ. Но, видно, онъ никогда этого не пойметъ.

Удивленный докторъ принялся разспрашивать:

— Зачѣмъ же онъ, въ его возрастѣ, такъ танцуетъ?

Она пожала плечами, краснѣя отъ постепенно возраставшаго въ ней гнѣва.

— Ахъ! да—зачѣмъ? Затѣмъ, видите ли, чтобы подъ этою маской казаться молодымъ; чтобы женщины считали его за волокиту и шептали ему на ухо всякія сальности; чтобы тереться объ ихъ грязную кожу съ ихъ духами, пудрами и помадами. То-то свинство. Ну, ужъ житье мнѣ было! Видите ли, сударь, я знаю его не первый годъ,—вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ это продолжается... Но надо сперва его уложить, чтобъ ему не сдѣлалось хуже. Вамъ не составитъ труда помочь мнѣ? Когда онъ въ такомъ видѣ, я одна не въ состояніи съ нимъ справиться.

Старикъ съ пьянымъ видомъ сидѣлъ на своей кровати; длинные сѣдые волосы падали на лицо.

Подруга его глядѣла на него глазами и злобными, и умиленными, и затѣмъ сказала:

— Не правда ли, что у него голова красива для его

возраста? И надо же ему искажать ее такъ шутовски для того только, чтобъ его считали молодымъ. Развѣ это не жалость? Неправда ли, что у него красивая голова, сударь? Подождите, — прежде, чѣмъ его уложить, я вамъ его покажу.

Она подошла къ столу, на которомъ находились умывальникъ, мыло, гребенка и щетка, и, взявъ щетку, вернулась къ кровати. Приподнявъ перепутанные волосы старика, она въ нѣсколько минутъ придала ему видъ модели для художника, съ длинными кудрями, падающими на шею, и отступила, чтобы лучше его разсмотрѣть:

— Вѣдь правда, что онъ очень хорошъ для своихъ лѣтъ?

— Очень хорошъ,—подтвердилъ докторъ, котораго все это начинало забавлять.

— А еслибы вы его знали,—продолжала старуха,—когда ему было двадцать пять лѣтъ! Но надо его уложить въ постель, безъ этого абсентъ перевернетъ ему всѣ внутренности. Пожалуйста, сударь, потяните его рукавъ, выше... вотъ такъ... отлично... теперь штаны... погодите, я разую его... хорошо... Теперь приподнимите его, чтобъ я могла открыть постель... вотъ такъ... уложимъ его. Если вы думаете, что онъ побезпокоится, чтобы дать мнѣ мѣсто— вы жестоко ошибаетесь. Я должна отъискать себѣ уголокъ, все равно гдѣ. Это его не тревожитъ. Ахъ ты кутила этакій!

Почувствовалъ себя въ постели, старикъ закрылъ глаза, раскрылъ ихъ на мгновеніе и снова закрылъ, причемъ на довольномъ лицѣ его выражалась энергическая рѣшимость уснуть.

Докторъ, съ все возрастающимъ интересомъ разглядывая его, спросилъ:

— Значитъ, онъ разъигрываетъ роль молодого человѣка на костюмированныхъ балахъ?

— На всѣхъ, сударь, и возвращается ко мнѣ по утру въ очень непривлекательномъ видѣ. Видите ли, сожалѣніе о прошломъ манитъ его туда и заставляетъ напяливать на себя картонное лицо. Да, сожалѣніе, что онъ уже не тотъ и что прежнія побѣды для него невозможны.

Онъ спалъ теперь и начиналъ храпѣть. Она посмотрѣла на него съ состраданіемъ и прибавила:

— Ахъ! и пользовался же успѣхомъ этотъ человѣкъ! Больше чѣмъ можно повѣрить, больше любыхъ свѣтскихъ красавцевъ, всѣхъ теноровъ и всѣхъ генераловъ.

— Вотъ какъ! Чѣмъ же онъ занимался?

— О! Васъ это удивитъ, такъ-какъ вы не знавали его въ лучшіе дни. Я съ нимъ повстрѣчалась также на балѣ,— онъ всегда посѣщалъ ихъ.

Какъ я увидала его, такъ я и попалась—попалась какъ рыба на удочку.

— Онъ былъ хорошъ, сударь, хорошъ до того, что можно было заплакать, глядя на него: волосы черные, какъ вороново крыло, и завитой, и глаза — тоже черные, огромные, какъ окна. Ахъ, да! это былъ красавецъ. Онъ меня увезъ въ тотъ вечеръ съ собою и съ тѣхъ поръ я его больше не покидала, никогда, ни на одинъ день, несмотря на все! О! сколько онъ заставилъ меня пережить?...

Докторъ спросилъ:

— Вы обвѣнчаны?

Она просто отвѣчала:

— Да, сударь, безъ этого онъ меня прогналъ бы, какъ и другихъ. Я была его женою, его нянькою, всѣмъ, чѣмъ хотите... А онъ меня заставлялъ плакать... слезами, кото-

рыя я отъ него скрывала! Потому что онъ разсказывалъ мнѣ свои похожденія, разсказывалъ мнѣ... сударь, мнѣ, не понимая, какъ больно мнѣ было выслушивать ихъ...

— Да наконецъ, чѣмъ же онъ занимался?

— Ахъ, да! я и забыла вамъ сказать. Онъ былъ первымъ мастеромъ у Мартеля, но первымъ, какихъ никогда не бывало... артистъ, получавшій въ среднемъ по десяти франковъ въ часъ.

— Мартель? Но кто такой этотъ Мартель?

— Парикмахеръ, сударь, извѣстный оперный парикмахеръ, у котораго причесывались всѣ актрисы. Да, всѣ знаменитѣйшія актрисы изъ театра причесывались у Амбруазъ и платили ему такъ щедро, что онъ составилъ себѣ большое состояніе. Ахъ, сударь, всѣ женщины таковы: если мужчина имъ нравится,—онѣ ему отдаются. Это такъ легко... но такъ мучительно было выслушивать. А онъ разсказывалъ вѣдь мнѣ все... онъ не могъ молчать... нѣтъ, не могъ. Это доставляетъ столько удовольствія мужчинамъ! Говорить объ этомъ имъ пріятнѣе, чѣмъ можетъ быть даже дѣлать.

Когда я, бывало, увижу его, возвращающагося вечеромъ блѣднаго, съ довольнымъ видомъ, съ блестящими глазами, я говорила себѣ: — „Еще одна. Я твердо знала, что у него было дѣло еще съ одной“. Тогда у меня загоралось желаніе его разспросить, — желаніе, сжигавшее мое сердце, а рядомъ и другое желаніе — ничего не узнавать, помѣшать ему разсказать, если онъ даже начнетъ. И мы такъ смотрѣли другъ на друга.

Я знала навѣрно, что онъ не смолчитъ, что дѣло все-таки кончится тѣмъ, что онъ все разскажетъ; я чувствовала это по его виду, по его усмѣшкѣ: — „А мнѣ, Маделена, сегодня перепала одна хорошенькая штучка“. Я притворя-

лась, будто ничего не вижу, ни о чемъ не догадываюсь; я подавала ему приборъ, приносила ужинъ и садилась противъ него.

Въ эти минуты мнѣ казалось словно кто-то придавливалъ во мнѣ мою любовь къ нему тяжелымъ камнемъ. Это страшно больно, сударь, жестоко больно. Но онъ ничего не нонималъ, ничего не чувствовалъ; у него была потребность все разсказать кому-нибудь, похвастаться, показать какъ его любятъ... Вы понимаете... ему некому было больше разсказывать, кромѣ меня. Да, мнѣ приходилось внимательно все выслушивать, пить по каплѣ, какъ отраву.

Онъ начиналъ свой ужинъ и говорилъ при этомъ:

— Еще одна, Маделена.

Я же думала: „Такъ и есть! Боже мой, что это за человѣкъ. Надо же было мнѣ съ нимъ повстрѣчаться“.

И тогда онъ начиналъ болтать: „Еще одна, и при томъ пресмѣшная...“ И это оказывалась какая-нибудь изъ театра Водевиль или изъ Варьетэ, а то и важная, знаменитость изъ числа этихъ театральныхъ дамъ. Онъ мнѣ говорилъ ихъ имена, описывалъ ихъ обстановку, и все, все, да, все, сударь, такія подробности, что сердце разрывалось. А онъ повторялъ ихъ съ такимъ удовольствіемъ, что я притворялась, что смѣюсь, чтобы только не разсердить его.

Можетъ быть все это было и не вполнѣ вѣрно! Онъ такъ любилъ хвастаться такими вещами, что былъ способенъ и придумывать ихъ. А можетъ быть это и была правда. Въ эти вечера онъ старался казаться очень утомленнымъ и желалъ лечь спать сразу послѣ ужина. Мы ужинали въ одиннадцать часовъ, сударь, потому что онъ никогда не возвращался раньше—приходилось причесывать на вечера. Окончивъ разсказъ о своемъ похожденіи, онъ курилъ сигарет-

ку, прогуливаясь по комнатѣ, и былъ при этомъ такимъ красавцемъ, со своими усами и завитыми волосами, что я думала: „Да, все вѣрно, что онъ разсказалъ. Если я люблю его, этого человѣка, то отчего же и съ другими не было бы то же“. Когда я прибирала столъ, а онъ все курилъ, у меня являлось желаніе плакать, кричать, бѣжать отъ него, броситься въ окно. Онъ зѣвалъ, широко раскрывая ротъ, чтобы показать мнѣ, какъ онъ усталъ, и, прежде чѣмъ лечь въ постель, повторялъ два или три раза: „Ну, ужъ засну я нынѣшнюю ночь!“ Я не сержусь на него, потому что онъ не зналъ, какъ мучилъ меня. Нѣтъ, онъ не могъ этого знать! Онъ любилъ хвастаться побѣдами надъ женщинами также, какъ павлинъ своимъ хвостомъ! Да онъ и вѣрилъ, что всѣ на него заглядываются.

Тяжело было, пока онъ не состарился.

О, сударь когда я увидала у него первый сѣдой волосъ, у меня сжалась грудь, а потомъ явилась радость,— скверная радость, но сильная, сильная радость! Я повторяла: „Теперь конецъ... теперь конецъ“... Мнѣ казалось, будто меня выпускаютъ изъ тюрьмы. Теперь ужъ онъ весь мой, потому что другія не захотятъ больше его. Это было какъ-то утромъ, въ постели. Онъ еще спалъ, а я наклонилась надъ нимъ, чтобы, обнявъ, разбудить его, и замѣтила въ его кудряхъ, на вискѣ, маленькій волосокъ, блестѣвшій какъ серебро. Какая неожиданность! Мнѣ не вѣрилось. Сначала я хотѣла вырвать волосокъ, чтобъ онъ его и не замѣтилъ, но, разглядывая, увидѣла еще другой, повыше. Сѣдые волосы! У меня забилось сердце, и даже меня бросило въ потъ, однако въ глубинѣ сердца я была довольна.

Скверно такъ думать, но въ это утро я управилась по

хозяйству съ легкимъ сердцемъ и не будила его, а когда онъ проснулся, сказала:

— Знаешь ли, что я открыла, пока ты спалъ?

— Нѣтъ.

— Я открыла, что у тебя есть сѣдые волосы.

Онъ вздрогнулъ отъ досады и сѣлъ на постели, какъ будто я пощекотала его, и онъ съ злымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Ты врешь!

— Нѣтъ, не вру. Посмотри на лѣвомъ вискѣ, — ихъ цѣлыхъ четыре.

Онъ вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ зеркалу, но не нашелъ ихъ. Тогда я ему показала первый, нижній маленькій, вьющійся и сказала:

— Это не удивительно при той жизни, какую ты ведешь. Еще годика два—и всему для тебя конецъ.

Ну-съ, сударь, я предсказала вѣрно: два года спустя онъ сталъ неузнаваемъ. Какъ человѣкъ измѣняется отъ этого! Онъ все еще оставался красавцемъ, но уже потерялъ свою прежнюю свѣжесть, и женщины не заглядывались больше на него. Ахъ! тяжелые дни настали тогда для меня. Да! онъ былъ со мною страшно жестокъ! Ничто ему не нравилось, рѣшительно ничто. Онъ бросилъ свое ремесло и сталъ торговать шляпами, на что ушло не мало денегъ. Потомъ онъ захотѣлъ быть актеромъ, но безъуспѣшно, и наконецъ принялся посѣщать публичные балы. Впрочемъ, у него хватило здраваго смысла сберечь немного денегъ, на которыя мы теперь и живемъ. Намъ хватаетъ, но этого немного. Вѣдь подумайте только, что было время, когда онъ могъ считаться богатымъ!

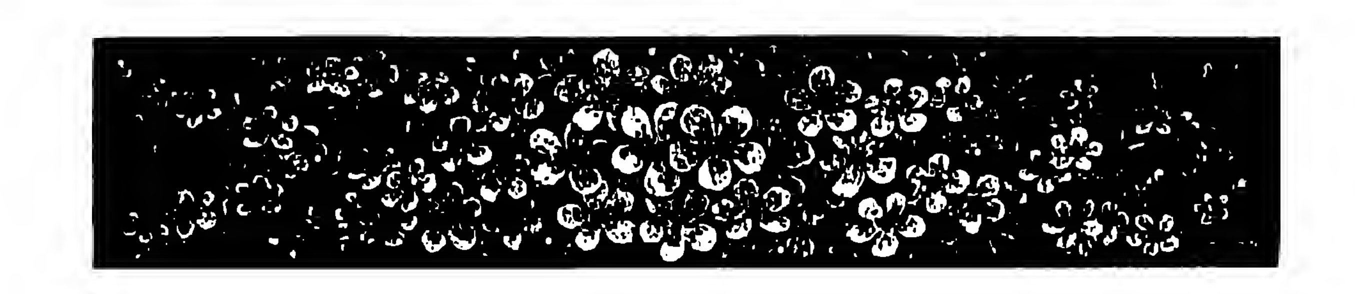
Вы видите, чѣмъ онъ занимается теперь. Его какъ будто охватило какое-то безуміе Ему непремѣнно надо

быть молодымъ, танцовать съ женщинами, отъ которыхъ пахнетъ духами и помадой. Да, бѣдный, милый мой старичекъ.

Она глядѣла, разнѣженная, готовая плакать, на своего стараго храпѣвшаго мужа. Потомъ, подойдя къ нему легкими шагами, поцѣловала его въ волосы. Докторъ приподнялся, чтобы уйти; онъ не находилъ ничего сказать этой странной парѣ.

А когда онъ выходилъ, она спросила:

— Дайте мнѣ, однако, вашъ адресъ. Если ему будетъ хуже, я приду за вами.

ГАВАНЬ.

Третьяго мая 1882 года изъ Гавра отплылъ въ китайскія моря трехъ-мачтовый корабль „Богородица Вѣтровъ“. Онъ сдалъ свой грузъ въ Китаѣ, взялъ тамъ новый грузъ, отвезъ его въ Буэносъ-Айресъ и оттуда повезъ товары въ Бразилію.

Переѣзды, поврежденія, починки, затишья по нѣскольку мѣсяцевъ, вѣтры, сгонявшіе корабль далеко съ дороги, морскія приключенія и несчастія задерживали его такъ, что онъ четыре года проплавалъ по чужимъ морямъ, и только 8-го мая 1886 года присталъ къ Марселю съ грузомъ жестяныхъ ящиковъ съ американскими консервами.

Когда корабль вышелъ изъ Гавра, на немъ были капитанъ, его помощникъ и 14 матросовъ; восемь нормандцевъ и шесть бретонцевъ. Во время путешествія одинъ изъ бретонцевъ умеръ, четыре нормандца пропали при разныхъ приключеніяхъ, и только девять воротились во Францію. Вмѣсто выбывшихъ матросовъ на кораблѣ наняли двухъ американцевъ, одного негра и одного шведа, котораго нашли въ одномъ кабачкѣ въ Сингапурѣ.

На кораблѣ подобрали паруса и завязали на мачтѣ крестъ-на-крестъ снасти. Подошелъ буксирный пароходъ и, пыхтя,

потащилъ его на линію кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остатокъ волненія. Корабль вошелъ въ линію, гдѣ стояли вдоль набережной бокъ о бокъ корабли изъ всѣхъ странъ свѣта, и большіе и малые, всякихъ размѣровъ, формъ и оснастокъ. „Богородица Вѣтровъ“ стояла между итальянскимъ бригомъ и англійской галеттой, которые потѣснились, чтобы дать мѣсто новому товарищу.

Какъ только капитанъ раздѣлался съ таможенными и портовыми чиновниками, онъ отпустилъ двѣ трети матросовъ на всю ночь на берегъ.

Ночь была теплая, лѣтняя. Марсель былъ весь освѣщенъ, на улицахъ пахло ѣдой изъ кухонъ, со всѣхъ сторонъ слышался говоръ, грохотъ колесъ и веселые крики.

Матросы съ корабля „Богородица Вѣтровъ“ мѣсяца четыре не были на сушѣ и теперь, сойдя на берегъ, робко, по-двое, другъ за другомъ, шли по городу, какъ чужіе, отвыкшіе отъ города, люди. Они, покачиваясь, осматривались, обнюхивая улицы, выходившія на пристань, испытывая въ тѣлѣ лихорадку похоти, усилившуюся въ нихъ въ продолженіе послѣднихъ 66 дней, проведенныхъ въ морѣ... Нормандцы шли впереди, руководимые Селестиномъ Дюкло, здоровеннымъ парнемъ, сильнымъ и ловкимъ, который всегда водилъ другихъ, когда они сходили на берегъ. Онъ умѣлъ находить хорошія мѣста, умѣлъ и отдѣлаться, когда надо было, и не ввязывался въ драки, что частенько бываетъ съ матросами, когда они сходятъ на берегъ; но если драка завязывалась, то онъ не отставалъ отъ товарищей и умѣлъ постоять за себя.

Долго матросы толкались по темнымъ улицамъ, которыя, какъ стоки, всѣ спускались къ морю и изъ которыхъ несло тяжелымъ запахомъ дыханія вертеповъ. Наконецъ, Селестинъ выбралъ одинъ узкій переулокъ, въ которомъ горѣли надъ

дверями выступающіе фонари съ огромными нумерами на своихъ матовыхъ и цвѣтныхъ стеклахъ, и вошелъ въ него. Матросы, зубоскаля и напѣвая, шли за нимъ. Подъ низкими потолками дверей сидѣли на соломенныхъ стульяхъ женщины, похожія на горничныхъ, въ фартукахъ; онѣ выскакивали при видѣ матросовъ и, выбѣгая на средину улицы, загораживали имъ дорогу и заманивали каждая въ свой притонъ.

Иной разъ въ глубинѣ сѣней нечаянно распахивалась дверь. Изъ нея показывалась полураздѣтая женщина въ грубыхъ бумажныхъ обтянутыхъ штанахъ, въ коротенькой юбкѣ и въ бархатномъ черномъ нагрудникѣ съ позолоченными позументами. „Эй, красавчики, заходите"!.. звала она еще издали, и иногда выбѣгала сама, цѣпляясь за кого-нибудь изъ матросовъ и тащила его изо всѣхъ силъ къ дверямъ. Она впивалась въ него какъ паукъ, когда онъ волочетъ муху больше себя. Матросъ упирался слабо, а остальные останавливались и смотрѣли что будетъ, желая въ одно и то же время сейчасъ же войти и продлить пріятную для нихъ прогулку; потомъ, когда женщина, послѣ страшныхъ усилій, уже привлекала матроса къ порогу своего жилья, въ которую уже была готова ввалиться вся компанія, Селестинъ Дюкло кричалъ: „Не здѣсь, не заходи. Дальше!" И матросъ слушался его голоса и силой вырывался у женщины. На шумъ вдоль всего переулка выскакивали другія, накидывались на нихъ и хриплыми голосами похваливали свой товаръ. Такъ они шли, все болѣе и болѣе возбуждаясь. Изрѣдка попадались имъ навстрѣчу то солдаты, стучавшіе шпорами, то по одиночкѣ мѣщанинъ или приказчикъ, пробиравшійся въ знакомое мѣсто. Въ другихъ переулкахъ свѣтились такіе же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая черезъ вонючую жижу, сочившуюся изъ подъ до-

мовъ. Но вотъ Дюкло остановился около одного дома получше другихъ, и повелъ туда свою компанію.

II.

Гульба вышла на славу. Она продолжалась четыре часа сряду. Прогуливая шестимѣсячное жалованье, матросы сидѣли въ большой залѣ трактира, какъ хозяева, недоброжелательно оглядывая привычныхъ посѣтителей, которые усаживались въ уголкахъ за маленькими столиками, и которымъ прислуживала, одѣтая какъ бэби, дѣвица, и, подавъ что имъ нужно было, присаживалась къ нимъ. Каждый изъ нихъ выбралъ себѣ подругу и ужъ не разставался съ нею весь вечеръ. Три стола были сдвинуты вмѣстѣ и матросы прежде всего выпили вмѣстѣ съ женщинами, потомъ они поднялись и пошли съ ними на верхъ. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ногъ по деревяннымъ ступенькамъ, пока они всѣ ввалились черезъ узкія двери и разбрелись по отдѣльнымъ комнатамъ. Потомъ опять сошли внизъ пить, опять вошли на верхъ, и опять спустились.

Теперь они всѣ были ужъ пьяны и съ налитыми кровью глазами, сидя каждый со своей подругой, несвязно кричали, сами не зная что. Кто пѣлъ, кто кричалъ, кто стучалъ кулакомъ по столу, кто лилъ себѣ въ глотку вино. Животное въ человѣкѣ было разнуздано. Селестинъ Дюкло сидѣлъ среди товарищей. Съ нимъ сидѣла крупная, толстая, краснощекая женщина, на которую онъ смотрѣлъ страстными глазами. Онъ выпилъ не меньше другихъ, но не былъ еще совсѣмъ пьянъ; у него въ головѣ бродили кое-какія мысли. Онъ разнѣжился и искалъ о чемъ бы заговорить съ своей подругой. Но мысли приходили ему и тотчасъ же уходили, и онъ никакъ не могъ поймать, вспомнить, высказать.

Онъ смѣялся и говорилъ:

— Такъ такъ-то... такъ-то... И давно ужъ ты здѣсь?

— Шесть мѣсяцевъ,—отвѣчала женщина. Онъ кивнулъ головой, какъ будто одобрялъ ее за это.

— Ну, что же, и хорошо тебѣ?

Она подумала.

— Привыкла,—сказала она.—Надо же какъ нибудь. Все же лучше, чѣмъ въ прислугахъ или прачкахъ.

Онъ одобрительно кивнулъ головой, какъ будто и за это онъ одобрилъ ее.

— И ты не здѣшняя?

Она покачала головой въ знакъ того, что не здѣшняя.

— Дальняя?

Она также одной головой отвѣтила: да.

— А откуда?

Она подумала, какъ будто припоминала.

— Изъ Перпиньяна я,—проговорила она.

Онъ опять какъ будто остался доволенъ и сказалъ:— такъ, такъ

— А ты, что же, морякъ?—спросила теперь она.

— Да, моряки мы.

— Чтожъ, далеко были?

— Да, не близко. Всего насмотрѣлись.

— Пожалуй и вокругъ свѣта ѣздили?

— Не то что разъ, чуть ли не два раза объѣхали.

Она какъ будто раздумывала, припоминая что-то.

— Я, чай, много встрѣчали кораблей?—сказала она другимъ, болѣе серьезнымъ тономъ.

— А то какъ же.

— Не попадалась вамъ „Богородица Вѣтровъ?“ Такой корабль есть.

Онъ сталъ посмѣиваться.

— Какъ же, на прошлой недѣлѣ встрѣтили.

— Правду, въ самомъ дѣлѣ?—спросила она и поблѣднѣла.

— Правду.

— Не врешь?

— Ей Богу,—побожился онъ.

— Ну, а не видалъ ты тамъ Селестина Дюкло? — спросила она.

— Селестина Дюкло?—повторилъ онъ и удивился, и испугался даже, но прежде чѣмъ отвѣчать, онъ хотѣлъ узнать больше.—Ты его знаешь?—спросилъ онъ.

Съ своей стороны и она стала недовѣрчива.

— Нѣтъ, не я, а женщина тутъ одна его знаетъ.

— Какая женщина? Изъ этого дома?

— Нѣтъ, тутъ по близости.

— На этой улицѣ?

— Нѣтъ, рядомъ.

— Кто же она такая?

— Да просто женщина, такая же, какъ я.

— А зачѣмъ же онъ ей нуженъ?

— Почемъ я знаю. Можетъ быть землячка.

Они пытливо смотрѣли въ глаза другъ другу, остерегаясь чего-то, предчувствуя, что что-то важное совершается между ними.

— А нельзя ли мнѣ повидать эту женщину?—сказалъ онъ.

— А зачѣмъ? Сказать что хочешь?

— Сказать...

— Что сказать?

— Сказать, что видѣлъ Селестина Дюкло!

— Здоровъ онъ?

— Какъ мы съ тобой. Вѣдь онъ молодчина.

Она замолчала, опять собираясь съ мыслями, и потомъ тихо сказала:

— А куда она шла, „Богородица Вѣтровъ“?

— Да въ Марсель.

Она не могла удержаться, вздрогнула.

— Правда!?

— Правда.

— И ты знаешь Дюкло?

— Да, знаю.

Она подумала.

— Такъ, такъ, это хорошо,—тихонько сказала она.

— Да зачѣмъ онъ тебѣ?

— А вотъ что: ты ему скажи... Нѣтъ, ничего.

Онъ все смотрѣлъ на нее, смущаясь все больше и больше. Наконецъ, онъ захотѣлъ узнать.

— Да ты знаешь его?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ зачѣмъ же онъ тебѣ?

Она не отвѣчала, вдругъ вскочила, побѣжала къ конторкѣ, за которой сидѣла хозяйка, схватила лимонъ, разрѣзала его, надавила соку въ стаканъ, потомъ налила туда воды и подала Селестину.

— На, выпей это,—сказала она, и сѣла, какъ и прежде сидѣла, ему на колѣни.

— Это зачѣмъ?—спросилъ онъ, взявъ отъ нея стаканъ.

— Чтобы хмѣль прошелъ. Потомъ скажу. Пей.

Онъ выпилъ и утеръ рукавомъ губы.

— Ну, говори, я слушаю.

— Да ты не скажешь ему, что меня видѣлъ, не скажешь, отъ кого слышалъ, что скажу?

— Ну, хорошо, не скажу.

— Побожись!

Онъ побожился.

— Ей Богу?

— Ей Богу.

— Такъ ты ему скажи, что его отецъ умеръ, и мать померла, братъ тоже померъ. Горячка была. Въ одинъ мѣсяцъ всѣ трое померли. Въ январѣ 1883 года, вотъ уже три года съ половиной.

Дюкло почувствовалъ, что вся кровь его стѣснилась у сердца. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ молча, не зная, что сказать, потомъ выговорилъ:

— И ты вѣрно знаешь?

— Вѣрно.

— Кто же тебѣ сказалъ?

Она положила руки ему на плечи и посмотрѣла прямо въ глаза.

— Побожись, что не разболтаешь.

— Ну, побожился. Ей Богу.

— Я сестра ему.

Онъ противъ своей воли вскрикнулъ:—Франсуаза?!

Она опять пристально посмотрѣла на него и, вся потрясенная безумнымъ ужасомъ, глубокимъ отвращеніемъ, она тихо, тихо пошевелила губами, почти не выпуская словъ.

— О Боже, это ты, Селестинъ!!

Они не шевелились, замерли, какъ были, смотря въ глаза другъ другу.

А вокругъ нихъ остальные орали пьяными голосами. Звонъ стакановъ, стукъ ладонями и кулаками и пронзительный визгъ женщинъ перемѣшивались съ гамомъ пѣсенъ. Онъ чувствовалъ на себѣ, прижавшуюся къ нему, трепещущую отъ ужаса, свою сестру.

И тогда, самымъ тихимъ шепотомъ, боясь, чтобы никто не услыхалъ, такъ тихо, что даже она едва, едва разбирала его слова, онъ проговорилъ:—Господи, что же мы надѣлали!

Глаза ея вдругъ налились слезами и она прошептала:

— Развѣ я виновата?

— Такъ померли? — спросилъ онъ.

— Померли.

— И отецъ, и мать, и братъ?

— Всѣ трое въ одинъ мѣсяцъ, — вѣдь я сказала тебѣ. — Что же мнѣ было дѣлать. Осталась я одна. Въ аптеку, да доктору, да похороны троихъ... Продала что было вещей, расплатилась и осталась въ чемъ была. Поступила въ прислуги къ барину Кашо, помнишь, хромой такой? Мнѣ только что 15 лѣтъ минуло, мнѣ вѣдь и 14 еще не было, когда ты-то уѣхалъ. Съ нимъ согрѣшила... Молода, глупа была. Потомъ въ служанки поступила къ нотаріусу, онъ тоже. Сначала взялъ на содержаніе, жила въ квартирѣ. Да не долго. Бросилъ онъ меня, я три дня не ѣвши жила, не нашла работы и поступила вотъ сюда, какъ и прочія. И насмотрѣлась же я всего! Гдѣ не побывала! Руанъ, Эвре, Лилль, Бордо, Перпиніанъ, Ницца и вотъ въ Марсель. Она говорила и слезы ручьемъ текли у ней изъ глазъ, изъ носа, мочили щеки и вливались въ ротъ.

— Я думала и ты тоже умеръ, — сказала она сквозь слезы.

— Я бы тебя ни за что не узналъ. Ты была такая маленькая тогда, а теперь вонъ ты какая толстая. Ты-то какъ не узнала?

Она съ отчаяніемъ махнула рукой.

— Ахъ! Я ихъ столько, этихъ мужчинъ, вижу, что они мнѣ всѣ на одно лицо.

Онъ все смотрѣлъ ей въ глаза и смутное чувство сжимало его сердце съ такою силой, что ему хотѣлось кричать и ревѣть, какъ маленькому мальчику, когда его бьютъ. Онъ еще обнималъ ее, держа на своихъ колѣняхъ, и все глядѣлъ на нее и вдругъ узналъ ту оставленную дома сестренку со всѣми тѣми которые умерли на ея глазахъ въ то время, какъ онъ плавалъ вокругъ свѣта.

Тогда онъ вдругъ обхватилъ своими толстыми матросскими лапами ея голову, сталъ цѣловать ее, какъ братъ цѣлуетъ сестру. Потомъ рыданія, тяжелыя рыданія мужчины, похожія на икоту пьяницы, поднялись въ его горлѣ и онъ шепталъ: — Такъ ты вотъ она, Франсуаза, маленькая моя Франсуаза.—Онъ вдругъ всталъ, началъ страшнымъ голосомъ ругаться и ударилъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы опрокинулись и разлетѣлись въ дребезги. Потомъ онъ сдѣлалъ три шага, пошатнулся и, разставивъ руки, упалъ на землю. Онъ началъ кататься по полу, колотясь объ него и руками и ногами, хрипя, какъ умирающій. Всѣ товарищи, смѣясь, смотрѣли на него.

— Выпивши немного,—сказалъ одинъ.

— Надо его уложить спать, — сказалъ другой, — а то какъ бы не попалъ въ полицію.

И такъ какъ у него были деньги въ карманахъ, хозяйка предложила постель, и тогда товарищи, хотя и сами пьяные такъ, что едва могли стоять, подняли Селестина и втащили по узкой лѣстницѣ на верхъ, въ комнату той женщины, у которой онъ только что былъ, и которая просидѣла всю ночь на стулѣ подлѣ постели, плача такъ же горько, какъ и онъ, надъ тѣмъ грѣхомъ, который они совершили.

СУМАСШЕДШІЙ.

Онъ умеръ предсѣдателемъ высшаго суда, безукоризненнымъ судьею, и его безупречная жизнь выставлялась во всѣхъ судахъ Франціи образцомъ, достойнымъ подражанія. Адвокаты, молодые чиновники, судьи, въ знакъ особаго уваженія, низко наклоняли головы при видѣ его худой сѣдой фигуры съ двумя блестящими глубокими глазами.

Онъ провелъ всю жизнь въ преслѣдованіи преступниковъ и покровительствѣ слабыхъ. Мошенники и убійцы не имѣли болѣе опаснаго врага, потому что, казалось, онъ читалъ все, что происходило въ глубинѣ ихъ души, всѣ тайныя ихъ мысли, и съ одного взгляда угадывалъ всѣ скрытыя ихъ намѣренія.

И вотъ онъ умеръ восьмидесяти двухъ лѣтъ, окруженный всеобщимъ почетомъ, сопровождаемый общимъ сожалѣніемъ. Солдаты въ красныхъ штанахъ окружали его гробъ, а люди въ бѣлыхъ галстухахъ произнесли надъ его могилой не мало прочувствованныхъ рѣчей и пролили непритворныя, повидимому, слезы.

А вотъ какую странную бумагу удивленный нотаріусъ на-

шелъ у него въ томъ самомъ бюро, куда онъ обыкновенно пряталъ дѣла о важныхъ преступникахъ.

Бумага была озаглавлена:

Зачѣмъ?

20 іюня 1851.—Я выхожу изъ суда. Я заставилъ приговорить Блонделя къ смерти! Зачѣмъ этотъ человѣкъ убилъ своихъ пятерыхъ дѣтей? Зачѣмъ?—Часто встрѣчаются люди, уничтожающіе жизнь съ какимъ-то сладострастіемъ. Да, да! должно-быть съ сладострастіемъ; можетъ-быть даже съ величайшимъ сладострастіемъ, потому что ничто такъ не походитъ на творчество, какъ убійство. Создавать и разрушать: въ этихъ двухъ словахъ исторія міровъ, вся исторія міровъ, вся, рѣшительно вся! Почему же убійство такъ опьяняетъ?

25 іюня. Подумайте только—вотъ существо; оно живетъ, ходитъ, бѣгаетъ... Существо? Что такое существо?—Одушевленный предметъ, который носитъ въ себѣ начало движенія и волю, управляющую этимъ движеніемъ. Существо свободно. Оно не прикрѣплено къ почвѣ. Это—крупинка, движущаяся по землѣ, и эту крупинку жизни, явившуюся неизвѣстно откуда, можно уничтожить по своему произволу, и отъ нея не останется ничего, ничего. Она сгніетъ, и кончено.

26 іюня. Почему же убійство—преступленіе? Да, почему?—Нѣтъ, убійство скорѣе законъ природы. Убійство—задача всѣхъ людей: они убиваютъ, чтобы жить; убиваютъ, чтобъ убивать. Убійство—въ нашей натурѣ,—нужно убивать! Животное убиваетъ постоянно, въ любой моментъ своего существованія.—Человѣкъ безпрестанно убиваетъ, чтобъ питаться, но такъ какъ ему нужно убивать тоже и изъ сладострастія, то онъ изобрѣлъ охоту! Ребенокъ убиваетъ насѣкомыхъ и маленькія существа, попадающіяся ему подъ

руку. Но это не удовлетворяетъ нашей непреодолимой потребности убійства; намъ мало убивать животныхъ,—намъ нужно убивать и человѣка. Прежде эта потребность удовлетворялась человѣческими жертвами. Въ настоящее же время, вслѣдствіе необходимости жить обществами, изъ убійства сдѣлали преступленіе. Убійцъ осуждаютъ и наказываютъ! Но такъ какъ мы не можемъ жить, не удовлетворяя этого естественнаго и всевластнаго инстинкта разрушенія, то, отъ времени до времени, мы утѣшаемъ себя войнами, во время которыхъ одинъ народъ рѣжетъ другой. Это оргія крови,—оргія, въ которой безумствуютъ цѣлыя арміи, и которыми опьяняются даже не военные, мужчины, женщины и дѣти, читающіе по вечерамъ подъ лампой восторженные отчеты объ этихъ побоищахъ. Казалось, слѣдовало бы презирать тѣхъ, которымъ предназначено совершать эти побоища? О, нѣтъ. Ихъ осыпаютъ почестями! Ихъ одѣваютъ въ золото и яркія сукна; они носятъ на головѣ перья, на груди украшенія; имъ даютъ кресты, награды и всевозможные громкіе титулы. Они гордятся, ихъ уважаютъ, женщины любятъ, толпа привѣтствуетъ единственно за то, что ихъ задача заключается въ пролитіи человѣческой крови. Они влачатъ по улицамъ свои орудія смерти, на которыя съ завистью заглядываются статскіе. И все это потому, что убійство—великій законъ, вложенный природою въ сердце каждаго существа. Нѣтъ ничего прекраснѣе и почетнѣе убійства!

30 іюня. Убійство—законъ, потому что природа любитъ вѣчную молодость. Во всемъ какъ бы звучитъ ея призывъ: Скорѣй! Скорѣй! Скорѣй! Чѣмъ болѣе она разрушаетъ, тѣмъ быстрѣе она возобновляетъ.

2 іюля. Существо—что такое существо?—Все и ничего. По мысли—оно отраженіе всего. По памяти и по знанію—оно малый міръ, вмѣщающій въ себѣ исторію всего міра.

Отражая въ себѣ всѣ вещи и явленія, каждое человѣческое существо становится маленькимъ міромъ въ большомъ.

Но начните путешествовать: смотрите, какъ копошатся расы—и человѣкъ уже ничто, ничто, рѣшительно ничто! Сядьте въ лодку, удалитесь отъ берега, усыпаннаго толпою народа, и вскорѣ вы будете видѣть только берегъ. Незамѣтное существо исчезаетъ,—до такой степени оно мало, незначительно. Поѣзжайте по Европѣ со скорымъ поѣздомъ и глядите въ окна. Люди, люди, все люди, безчисленные, неизвѣстные, они кишатъ на поляхъ, на улицахъ; глупые крестьяне, умѣющіе только переворачивать землю, отвратительныя женщины, знающія только какъ варить супъ самцу и рожать. Отправляйтесь въ Индію, въ Китай, и вы увидите все тѣ же движущіеся милліарды существъ: они родятся, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ такой же ничтожный слѣдъ, какъ и муравей, раздавленный на дорогѣ. Отправляйтесь къ чернымъ неграмъ, живущимъ въ лачугахъ, слѣпленныхъ изъ грязи, къ бѣлымъ арабамъ, укрывающимся въ темной палаткѣ, развѣвающейся отъ вѣтра,—и вы поймете, что существо изолированное, ограниченное—ничто, рѣшительно ничто!

Раса—все. Что такое существо, единичное любое существо бродячаго племени? И люди, эти мудрецы, они и не заботятся о смерти. Человѣкъ считается у нихъ за ничто, они убиваютъ врага: и это—война. Такъ дѣлалось встарину между замками и провинціями.

Да, проѣзжайте по всему земиому шару и смотрите, какъ кишатъ эти челевѣческія существа, безчисленныя, неизвѣстныя. Неизвѣстныя? Да, вотъ въ чемъ разгадка! Убивать—преступленіе, потому что мы перенумеровали всѣ существа. Когда они родятся, ихъ записываютъ, крестятъ, даютъ опредѣленное имя. Законъ беретъ ихъ подъ свою охрану.

Вотъ въ чемъ дѣло! Существо не занумерованное не идетъ въ счетъ; убейте его въ степи или въ пустынѣ, въ горахъ или равнинахъ,—никому нѣтъ до этого никакого дѣла! Природа любитъ смерть; она не караетъ,—нѣтъ! Священенъ только гражданскій строй. Онъ защищаетъ человѣка. Существо священно потому, что оно вписано въ гражданскіе списки. Итакъ, будемте уважать гражданскій строй бога закона. Преклоняйтесь передъ нимъ.

Государство можетъ убивать, потому что оно имѣетъ право измѣнять гражданскій строй. Когда оно заставляетъ убивать на войнѣ двѣсти тысячъ человѣкъ, оно вычеркиваетъ ихъ изъ своихъ гражданскихъ списковъ. Оно упраздняетъ ихъ однимъ почеркомъ пера своихъ чиновниковъ. И тогда съ ними покончено. Но мы, не имѣя ни права, ни возможности измѣнять списки мэрій, мы должны уважать жизнь. Гражданскій строй, преславное божество, царящее въ храмахъ муниципалитетовъ,—привѣтствую тебя! Ты могущественнѣе самой природы.

3 іюля. Убійство должно доставлять страшное, пріятное удовольствіе. Взять существо живое, мыслящее, проткнуть въ немъ дырочку, только небольшую дырочку, изъ которой польется красная жидкость, называемая кровью, это — душа жизни, и передъ тобой останется только куча мяса, мягкаго, холоднаго, безжизненнаго и безсмысленнаго.

5 августа. Я, который всю жизнь судилъ, осуждалъ, убивалъ своими рѣчами, убивалъ гильотиною людей, убивавшихъ ножомъ, что еслибъ я поступилъ теперь такъ же, какъ тѣ убійцы, которыхъ я осудилъ? Да, еслибъ я, я — такъ же поступилъ? Вѣдь никто бы не узналъ.

10 августа. Кто бы узналъ это? Стали ли бы подозрѣвать меня? Меня? Въ особенности еслибъ я выбралъ суще-

ство, уничтоженіе котораго не имѣло бы для меня никакого интереса?

15 августа. О, искушеніе! Искушеніе проникло въ меня, какъ ползучій червь. Оно ползетъ, бродитъ, растетъ во всемъ моемъ организмѣ: въ мозгу, только и думающемъ о томъ, чтобъ убить; въ глазахъ, которымъ необходимо видѣть трупъ, видѣть смерть; въ ушахъ, гдѣ безпрестанно звучатъ какіе-то странные, ужасные, раздирающіе, безумные звуки, какъ бы послѣдній крикъ умирающаго существа; въ ногахъ, трепещущихъ отъ желанія идти,—идти туда, гдѣ это произойдетъ; и въ моихъ рукахъ, содрагающихся отъ желанія совершить убійство. Какъ это должно быть хорошо, необыкновенно хорошо, достойно свободнаго человѣка, парящаго выше толпы, умѣющаго управлять своими чувсвами и предаваться изысканнымъ наслажденіямъ.

22 августа. Я не въ силахъ былъ дольше устоять: для начала, для опыта я убилъ маленькое животное.

У Ивана, моего лакея, на окнѣ прихожей, висѣлъ въ клѣткѣ щегленокъ. Я отослалъ лакея, а маленькую птичку взялъ въ руку и чувствовалъ, какъ въ моей рукѣ билось ея сердце. Ей было жарко. Я поднялся въ свою комнату. Время отъ времени я давилъ ее и сердце ея билось сильнѣе; это гадко, а вмѣстѣ съ тѣмъ восхитительно. Я едва не задушилъ ее, но тогда я не увидѣлъ бы крови.

Я взялъ короткія, ногтевыя ножницы и потихоньку, въ три удара, перерѣзалъ ей горло. Она раскрывала клювъ, старалась вырваться, но я держалъ ее, о, да! я держалъ ее такъ крѣпко, что, кажется, не выпустилъ бы и бѣшеной собаки; и я видѣлъ, какъ потекла кровь. Какъ она красива, красна, блестяща, прозрачна, эта кровь! Мнѣ хотѣлось пить ее! Я лизнулъ кончикомъ языка. Хорошо! Но у нея, у этой бѣдной птички, было такъ мало крови. Мнѣ

не было времени насладиться этимъ зрѣлищемъ, какъ бы хотѣлось. Восхитительно должно-быть видѣть, когда льется кровь изъ быка!

Затѣмъ я поступилъ какъ убійца, какъ настоящій убійца. Я вымылъ ножницы, вымылъ руки, вылилъ воду и снесъ ея тѣло, ея трупъ, въ садъ и тамъ схоронилъ. Я зарылъ ее подъ кустомъ земляники. Ее никогда не найдутъ. Я каждый день буду ѣсть по ягодѣ съ этого куста. Право, какъ при умѣньи можно наслаждаться жизнью.

Мой лакей плакалъ: онъ думалъ, что его птица улетѣла. Развѣ онъ можетъ заподозрить меня?—Нѣтъ! Нѣтъ!

25 августа. Нужно убить человѣка! Нужно!

30 августа. Кончено. И какъ все это просто.

Я отправился гулять въ лѣсъ. Я ни о чемъ не думалъ, рѣшительно ни о чемъ.

Но вотъ встрѣчается мнѣ на дорогѣ маленькій мальчикъ, онъ ѣстъ ломоть хлѣба съ масломъ.

При видѣ меня онъ останавливается и говоритъ:

— Съ добрымъ утромъ, господинъ предсѣдатель!

И вдругъ у меня мелькаетъ мысль:

„А что еслибъ его убить?“

— Ты одинъ, мальчикъ?—спрашиваю я.

— Да, сударь.

— Одинъ въ этомъ лѣсу?

— Да, сударь.

Желаніе убить его, какъ вино, опьяняло меня. Я тихо, тихо подхожу къ нему въ увѣренности, что онъ пустится бѣжать, подкрадываюсь и схватываю его за горло. Я душу, душу его изо всѣхъ силъ. Онъ страшными глазами глядитъ на меня. Что за глаза! Совсѣмъ круглые, глубокіе, ясные, ужасные! Я никогда не испытывалъ такого животнаго ощущенія... но какъ мимолетно! Онъ хватается рученками за

мои руки, и тѣло его корчится, какъ перо надъ огнемъ. Потомъ онъ пересталъ шевелиться. Сердце билось въ моей груди, какъ сердце той птички! Я кинулъ тѣло въ канаву и забросалъ травой.

Я вернулся домой и хорошо пообѣдалъ. Какъ это неважно! Вечеромъ я былъ очень веселъ, чувствовалъ себя легко и какъ бы помолодѣвшимъ; я провелъ вечеръ у префекта. Меня находили очень остроумнымъ.

Но я не видѣлъ крови... Я спокоенъ.

30-го августа. Нашли трупъ. Ищутъ убійцу.

1-го сентября. Задержали двухъ бродягъ. Недостаетъ уликъ.

2-го сентября. Родители его приходили ко мнѣ. Они плакали! Да, да!

6-го октября. Ничего не открыли. Предполагаютъ, что это дѣло какого-нибудь бродяги. Да, да! Еслибъ я видѣлъ, какъ текла кровь, кажется, я былъ бы теперь спокоенъ!

10-го октября. Потребность убійства пронизываетъ меня до мозга костей, это похоже на тѣ страстные призывы любви, которые терзаютъ васъ въ двадцать лѣтъ.

20-го октября. Еще одного. Я шелъ вдоль рѣки, послѣ завтрака. И вотъ я увидалъ подъ ивой уснувшаго рыбака Заступъ, какъ будто нарочно, торчалъ тутъ же рядомъ на полѣ, засаженномъ картофелемъ.

Я взялъ заступъ и подошелъ; я размахнулся имъ, какъ топоромъ, и однимъ ударомъ острія раскроилъ ему голову.

О, у этого лилась кровь, розовая, смѣшанная съ мозгомъ. Она текла медленно въ воду. А я важнымъ шагомъ удалился. Что, еслибы меня увидѣли? Я былъ бы великолѣпнымъ убійцей.

25-го октября. Дѣло объ убійствѣ рыбака вызываетъ много толковъ. Обвиняютъ его племянника: онъ ловилъ вмѣстѣ съ нимъ рыбу.

26-го октября. Судебный слѣдователь утверждаетъ, что племянникъ виновенъ; и всѣ въ городѣ вѣрятъ этому. Да, да!

27-го октября. Племянникъ защищается очень плохо. Онъ утверждаетъ, что пошелъ въ деревню купить хлѣба и сыру. Онъ клянется, что дядю убили въ его отсутствіе. Но кто ему повѣритъ?

28-го октября. Племянникъ едва не признался,—такъ его запутали. Охъ, охъ! эта юстиція!

25-го ноября. Противъ племянника имѣются удручающія улики. Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ дяди. Я буду предсѣдательствовать на судѣ.

25-го января. Приговоренъ! Приговоренъ! Приговоренъ.. Я настоялъ, чтобъ его приговорили къ смерти. Прокуроръ говорилъ какъ ангелъ. Да! Еще одинъ. Я пойду смотрѣть на его казнь.

10-го марта. Кончено. Его казнили сегодня утромъ. Онъ умеръ отлично! Отлично! Это доставило мнѣ большое удовольствіе. Великолѣпно видѣть, какъ отрубаютъ голову человѣку. Кровь лилась словно ручей, словно ручей! О, еслибъ я могъ выкупаться въ ней.

Какое наслажденіе лечь, чтобъ она лилась по волосамъ, по лицу, и встать краснымъ, совсѣмъ краснымъ отъ крови О, еслибы знали!

Теперь я буду ждать, я могу ждать. Такъ мало нужно чтобъ уличить меня въ преступленіи.

. . . .

Въ рукописи было еще нѣсколько страницъ, но не упоминалось о новомъ преступленіи.

Психіатры, которымъ она была передана, утверждаютъ, что на свѣтѣ много неизвѣстныхъ сумасшедшихъ, и что они такъ же ловки и ужасны, какъ и этотъ чудовищный безумецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна **1** р. **25** к. безъ пересылки,
съ пер. **1** р. **50** к.

Печатается вторая книга сочиненій Мопассана избранныхъ Л. Н. Толстымъ.

Складъ изданій: въ типографіи Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К** въ Москвѣ, Пименовская улица, собст. домъ.